

МОГУЩЕСТВО ПАМЯТИ: ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ И ЕЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Сборник статей и сообщений

**Казань
2022**

Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт международных отношений

Омский государственный университет
имени Ф.М. Достоевского

Российская академия наук
Институт всеобщей истории

Российское историческое общество
Отделение в Республике Татарстан

Российское общество интеллектуальной истории
Казанское отделение

Российская ассоциация антиковедов

МОГУЩЕСТВО ПАМЯТИ: ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ И ЕЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Сборник статей и сообщений

КАЗАНЬ
2022

УДК 930
ББК 63.3
М 74

*Печатается по рекомендации
кафедры археологии и всеобщей истории Института международных
отношений Казанского федерального университета*

Редакционная коллегия:

**Н.Ю. Бикеева, Р.М. Валеев, В.П. Корзун, С.Б. Крих, Т.Н. Иванова,
Г.П. Мягков (сост., отв. ред.), Л.П. Репина (сост., отв. ред.),
Э.В. Рунг, Р.Р. Хайрутдинов**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **О.В. Синицын** (Казань);
доктор исторических наук, профессор **Т.А. Сидорова** (Сочи)

М74

Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи [Электронный ресурс]: сборник статей и сообщений / сост. и отв. ред. Л.П. Репина, Г.П. Мягков. – Электрон. текстовые дан. (1 файл: 6 Мб). – Казань: Издательство Казанского университета, 2022. – 384 с. – Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/173279>. – Режим доступа: электронный архив Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-00130-641-2

В сборник включены материалы Международной научно-образовательной конференции «Могущество памяти: всемирная история и ее исследователи» (Казань, 18–20 ноября 2021 г.), посвященной 55-летию научного семинара «Античный понедельник». Статьи представлены учеными вузов и академических институтов Российской Федерации, Беларуси, Украины, Швеции.

Книга адресована научным работникам, преподавателям вузов, учителям, аспирантам, магистрантам и студентам, всем тем, кто интересуется проблемами теории и методологии исторического познания, истории исторической науки.

**УДК 930
ББК 63.3**

ISBN 978-5-00130-641-2

© Издательство Казанского университета, 2022

Вместо предисловия

Динамика развития историознания относится к числу тех проблем науковедения, которые всегда находятся в центре внимания научного сообщества, но в то же время требуют постоянного решения в новых исторических условиях. Принимая за вполне доказанное, что этапы / эпохи в истории науки в первую очередь определяются доминирующими теориями, утвердившимся парадигмальным строем науки, меняющимся в процессе научных революций, тем не менее в числе *переменных*, порождающих новое качество историознания, исследователи все чаще называют смену поколений.

Научное сообщество не может не волновать то, что в условиях развертывания процессов глобализации, информатизации, роста социальной мобильности, освобождения от идеологизированности и т.п. взаимодействие разных поколений ученых приобрело новые черты, создались новые условия формирования исследователей. Особую печать на процесс смены поколений гуманитариев и обществоведов в России наложил развернувшийся в 2000-е годы Болонский процесс. Появившиеся возможности работать на международном уровне результативались не только в интернализации сообщества ученых, но и в усилении оттока молодежи за границу. Дававший возможность выжить в условиях социальной нестабильности и раскрыть свой научный потенциал, этот процесс явно ослаблял нашу национальную науку. Остро воспринимаются и такие последствия глобализации, как изменение статуса научных школ, публикационной политики, формирование новых критериев оценки эффективности научной деятельности как ученых, так и целых научных коллективов.

Новым глобальным фактором развития мира с 2020 года стала пандемия коронавируса. Отныне одной из задач науки становится

определение путей своего собственного развития в постковидном мире. Пандемия обострила и проблему смены поколений. Наука, как и все общество, понесла невосполнимые потери: из жизни ушли в расцвете творческих сил многие ученые.

Иными словами, в современных условиях как никогда важно понимать, как происходит смена поколений, изучать поколенческую ситуацию и с ее учетом определять пути развития науки и образования вообще, социальных и гуманитарных наук в частности.

Представляемый сборник статей и сообщений подготовлен по материалам Международной научно-образовательной конференции «Могущество памяти: всемирная история и её исследователи», проходившей с 18 по 20 ноября 2021 года на базе Института международных отношений Казанского федерального университета. Соучередителями этой конференции выступили Казанский федеральный университет, Омский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Российское общество интеллектуальной истории, Российское историческое общество, Российское общество антиковедов. С докладами выступили ученые из более чем 16 вузов и 5 научных учреждений РФ, а также исследователи из Белоруссии, Украины, Казахстана, Словакии, Швеции.

Непосредственным поводом для организации конференции явилось то, что в 2021 году исполнилось 55 лет со дня возникновения в Казанском университете научного семинара «Античный понедельник». История семинара, созданного проф. А.С. Шофманом в 1966 г., отражает процесс смены поколений. Данная конференция посвящается памяти его руководителей – профессоров А.С. Шофмана (1913–1993), В.Д. Жигунина (1943–2001) и Е.А. Чиглинцева (1955–2021). Публикуемые статьи дали возможность их авторам поделиться воспоминаниями о жизни и творчестве, вкладе в науку, в подготовку научных кадров, тем самым воздать дань памяти своим учителям, коллегам, чья жизнь и научная деятельность составили не только неотъемлемые страницы истории своих вузов, городов, но и всей отечественной науки.

Г.П. Мяжков, Л.П. Репина

Раздел 1

In memoriam

УДК 930:94(3)''19''

Шофман А.С.

Проблемы смены поколений в отечественном антиковедении XX века¹

Античный мир – колыбель европейской цивилизации. Он внес существенный вклад в формирование принципов, на которые опирается система демократических ценностей, личных и политических свобод и прав человека на всем земном шаре. Изучение античности дает возможность раскрыть без субъективных изъятий и партийных пристрастий основные институты общества: происхождение классов и государства, возникновение собственности, развитие различных форм демократии, культуры, науки, литературы и искусства; показать, как на поступательных перевалах истории все это перерабатывается, видоизменяется и переходит в последующую европейскую цивилизацию как её составная часть. Именно поэтому изучение греко-римского мира всегда было современно и актуально.

С античной проблематикой Россия познакомилась со времен Византии и до XX в. осваивала все отрасли антиковедения; собраны различные античные источники, на основании которых началась разработка социально-экономической истории античности. Русская историография в это время стала частью мировой историографии. В России появились крупные ученые, которые встали на уровень мировой науки. Это прежде всего первый русский антиковед М.С. Куторга, затем М.Н. Никольский, Р.Ю. Виппер, В.П. Бузескул, В.И. Модестов, С.А. Жебелев, М.И. Ростовцев,

¹ Опубликовано: **Шофман А.С.** Проблемы смены поколений в отечественном антиковедении XX века // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. I. Историография всеобщей истории / ред. коллегия М.И. Шарифжанов, Г.П. Мягков, В.Д. Жигунин. Казань, 1993. С. 85-88.

Ф.Г. Мищенко, М.М. Хвостов, А.И. Тюменев и др. К концу XIX в. Россия выдвинула из Академии наук, столичных и провинциальных университетов: Казанского, Харьковского, Киевского и Новороссийского – большой отряд ученых, который не уступал ни одной другой национальной историографии Западной Европы. Вместе с тем конец XIX – начало XX вв. характеризуется кризисом исторической науки, сменой парадигм, что не могло не отразиться на исторической работе. Когда грянул мятежный XX век, век больших потрясений и катаклизмов, начался поиск конструктивных решений.

Кружок «Античный понедельник», весна 1986 г.

Первый ряд (слева направо): А.П. Норден, Е.А. Чиглицев, М.Г. Юнусова, А.С. Шофман, В.Д. Жигунин, И.Ю. Артемьева; второй ряд: Ф.Н. Ахмадиев, А.Н. Хашов, В.В. Халдеев, ..., ..., Г.Б. Липартеллиани, И.Х. Гарипзанов, Л.Т. Гайфуллин, О.Л. Габелко, И.И. Яруллин

Целое поколение прошло здесь свой отрезок собственного пути, познало порывы, муки и заблуждения, искало новых и свежих передовых идей для развития своей отрасли. Эти поиски определяли настроения и чувства большинства ученых той бурной эпохи. В это время родилось первое поколение послеоктябрьских советских антиковедов. Оно продолжало трудиться и творить в условиях роста жесточайшего режима тоталитаризма. В тяжелой обстановке тогдашней действительности историки начали искать новую тео-

рию исторического процесса, которая могла бы объяснить закономерности развития общественных форм в сторону прогресса. Путь к такой истине был сложен, ибо ни одна старая теория не умирает сама собой, не может быть уничтожена волевым усилием; её побеждает более прогрессивная, более аргументированная теория. Новая научная методология возникает на новой научной основе, многие ученые в многочисленных дискуссиях конца 20-х – начала 30-х гг. стали искать эту более прогрессивную и более аргументированную теорию и нашли её в марксизме, который после Октября 1917 г. был объявлен единственно верной концепцией познания действительности. Соответственно, вся буржуазная наука объявлялась ложной и зачастую полностью отрицалась. Многие историки в новых подходах и поисках старались вообще отказаться от достижений своих предшественников, от их методологии, её категориального аппарата. В действительности же требовалось придерживаться золотой середины, осваивая опыт мировой науки.

В марксизме представителей первого поколения антиковедов привлекал прежде всего его метод, историзм, поскольку он давал возможность объяснить все явления общественной жизни из внутренних противоречий самого общества. Он позволял проследить преемственность исторических эпох, показать, что из чего вышло, каким оно стало и во что превратилось. Марксисты всегда говорили, что их теория не догма, она нуждается в постоянном развитии, однако в эпоху тоталитарного режима она превратилась именно в непререкаемую догму. С тех пор она стала не одним из течений человеческой мысли, какой она была на самом деле, но якобы единственно правильной наукой, которой должны следовать все ученые мира. Такой подход нанес величайший вред самому марксизму и всем исследователям, которые взяли его на вооружение. Творческие и жизненные пути последних были разные. Многим из них пришлось незаслуженно испытать все превратности судьбы в эпоху культа и горьких разочарований (А.Ф. Лосев, О.О. Крюгер, С.И. Ковалев и др.). Они были разные и по их жизненному пути, и по творческому почерку. Но все они были едины в одном: в душе своей они несли божественный огонь Прометея и передавали его следующему за ними поколению, чтобы никогда не прерывалась связь времен на пути к добру и счастью.

Приблизительно к середине нашего века поколение первых отечественных антиковедов постепенно начало сходить с исторической сцены, уступая место последующему, второму поколению, к которому, с полным правом, я отношу и себя. Уходящие были нашими учителями. Мы зажгли свои свечи от их творческого огня. Стали возникать областные очаги антиковедческой науки: в Воро-

неже, Минске, Казани и др. В этом смысле нам было легче, чем нашим учителям. Но и наш путь в науку не был усеян розами. Мы приняли эстафету от своих учителей тоже в нелегкое время. Стремления уничтожить культ, сохранив систему его породившую, не давали должного результата. Нас спасала именно забота плеяды блестящих наших учителей, которые не только помогали нам выстоять в трудной обстановке экстремальных ситуаций, но и передали нам свой жизненный и профессиональный опыт. Это нас закалило и многому научило. Прежде всего они нас научили трудолюбию, упорно и воодушевленно вести свою борозду, забирая её все глубже и глубже. Нам было с кого брать пример и что передать своим ученикам.

На наших глазах формируется третье поколение антиковедов, которое начало свой творческий путь в трудные дни, когда идеалы, в которые свято верили их предшественники, померкли, а их кумиры были сброшены со своих пьедесталов, когда в условиях нестабильности и разрухи идут трудные поиски новых теорий исторического процесса. Если марксистская теория видела в истории «процесс развития человечества» и ставила своей задачей «открытие законов движения этого процесса», то современный историк до сих пор не знает, куда идет, какое общество строит, на чем стоит. Это период исторического безвременья. Требуется огромный прорыв в теории, чтобы она могла стать серьезной силой в обществе, альтернативой марксизму. Пока это не происходит. В этих условиях новому поколению необходимо как можно быстрее научиться жить в обстановке плюрализма мнений в сфере истории и в её методологии, отказаться от односторонней ориентации, искать новые подходы и альтернативные концепции и интерпретации истории, отказаться от идеологических схем и одномерных трактовок, вместе с тем не отказываясь от того, что уже достигнуто, работает и проверено практикой.

Смена поколений и парадигм в истории, в свою очередь, вызывает ряд проблем, среди которых особое значение имеют следующие: смена поколений как процесс, становление нового поколения и новых парадигм в историографии, поколение как связующее звено во времени, взаимоотношение учителя и ученика и другие.

Библиография

1. Шофман А.С. Проблемы смены поколений в отечественном антиковедении XX века // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. I. Историография всеобщей истории / ред. коллегия И.И. Шарифжанов, Г.П. Мягков, В.Д. Жигунин. Казань, 1993. С. 85-88.

Жигунин В.Д.

Шофман Аркадий Семенович (1913–1993)¹

Все, кто помнит времена шестидесятых годов, которые некоторым кажутся «золотым веком» по сравнению с нынешней кризисной эпохой, знают, как зарождались традиции современного исторического факультета, его ныне существующих кафедр. Эти традиции создавали люди того времени – ученые, преподаватели. Личности. Люди, воспринявшие в меру возможностей, данных им историей, наследие российской научной и философской культуры и постаравшиеся донести это наследие до нас, «обитателей» рубежа XX и XXI столетий.

Аркадий Семенович Шофман, несомненно, принадлежал к этим сподвижникам научной идеи, он видел свое главное призвание в том, чтобы соединить науку и учительство, движение вперед и преемственность. И это ему удалось, как немногим. Доказательство того – сложившаяся под его руководством научная школа, объединяющая десятки специалистов в области истории и историографии античности, продолжающая успешно работать в изменившихся условиях и преодолевающая преграды, которые ставит науке наше непростое время. Уроки «выживания» – и не только «выживания», но и развития – были бы невозможны без того опыта, который накопили ученики Шофмана, и у истоков этого опыта, безусловно, стоит личность Учителя.

Шофман родился 15 ноября 1913 года в Белоруссии. Еще в юности он ощутил призвание к изучению античности и стал студентом Ленинградского университета по специальности классическая филология. Его учителями были известные ученые-антиковеды: И.М. Тронский, С.И. Ковалев, С.А. Жебелев, А.В. Мишулин. Благодаря последнему, Шофман избрал себе тему научных разработок, которая явилась его «жизненной темой», как он любил говорить. Этой темой стало изучение истории античной Македонии и эллинизма. Разработки этой проблематики в советской науке 40–50-х годов только начинались. Аркадий Семенович, который по окончании Ленинградского университета уехал преподавать

¹ Опубликовано: **Жигунин В.Д.** Шофман Аркадий Семенович (1913 – 1993) // Жизнь историй: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Казань: Изд-во «Хэтер», 1999. С. 154–158.

древнюю историю в Ашхабад, с увлечением отдавался исследованиям в области истории Македонии и Греции IV в. до н.э., защитил на эту тему кандидатскую диссертацию, а затем подготовил для защиты текст докторской диссертации.

Судьба, однако, распорядилась жизнью Аркадия Семеновича весьма сурово. В 1948 году в Ашхабаде происходит страшное землетрясение, и Шофман вынужден был покинуть столицу Туркмении, переехав в Казань, где он становится заведующим кафедрой всеобщей истории. Конечно, Казанский университет тем самым получил в свои ряды талантливого ученого, прекрасного администратора и любимую всеми студентами преподавателя.

Но несомненно и то, что на первых порах переселение в Казань осложнило для Аркадия Семеновича работу по подготовке к защите докторской диссертации. К несчастью, в это время умер научный консультант и близкий друг Аркадия Семеновича профессор А.В. Мишулин. Затем последовали новые сложности, уже чисто политического порядка. Была опубликована работа И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Диссертацию пришлось переделывать «в свете» этой работы. Потом И.В. Сталин умер, и идеи его статьи были подвергнуты критике. Шофман был вынужден проделать новую работу по изменению текста диссертации. Может быть, кому-то из молодых читателей этого очерка усилия Аркадия Семеновича покажутся излишне компромиссными: почему бы не встать «в позу» и не заявить о своем антисталинизме? Но хорошо ставить такой вопрос в условиях нынешней демократии и свободы слова. В 50-е годы подобная попытка, разумеется, окончилась бы совершенно трагически. Труднее всего было бы в такой обстановке оставаться честным и строгим ученым. И Аркадий Семенович сумел сохранить в себе волю и мужество, чтобы не отступить, продолжать работу над научной темой, невзирая на всевозможные идеологические флуктуации.

В начале 60-х годов один за другим вышли два тома капитальной монографии Шофмана «История Античной Македонии», а затем последовала блестящая защита докторской диссертации по этой книге в Ученом Совете Московского государственного университета. К середине 60-х годов начался новый период в жизни и творчестве Аркадия Семеновича Шофмана, который можно смело назвать периодом расцвета.

В 1966 году по инициативе Шофмана возник «Античный понедельник» – сообщество учеников Аркадия Семеновича, посвятивших себя антиковедческим штудиям и еженедельно собиравшихся для совместного творческого обсуждения проблем древней истории. Впрочем, не только древней. «Античный понедельник» фор-

мировался как исследовательский центр в таких областях, как историография античности, методология истории, т.е. его проблематика прямо выходила на современность. Участники кружка живо интересовались научными дискуссиями, которые проходили тогда в Москве, Ленинграде и других научных центрах. Споры об азиатском способе производства, генезисе феодализма и т.д. не стихали на заседаниях «Античного понедельника». Критика исторических концепций западных ученых, которую сделали темой своих диссертаций «понедельниковцы», никогда не была огульной, хотя неизбежно проходила в русле тогдашней идеологической борьбы.

Найти нужный тон в такой критике, дать направление размышлениям в сфере теории исторического процесса Аркадий Семенович умел как никто. И в этом смысле лучшего научного руководителя студенты и аспиранты едва ли могли себе найти. Он никогда не стеснял творческую свободу молодых исследователей, не «давил» авторитетом, не устраивал разносов. А если и ругал за недисциплинированность (такое, конечно, случалось), то у него это получалось как-то необидно, неунизительно, хотя и вполне внушительно. Он любил говорить, что учит своих учеников личным примером. И в самом деле, каждый из нас мог чуть не ежедневно видеть Аркадия Семеновича в своем кабинете, буквально с утра до ночи работающего: пишущего статьи, доклады, главы в своих книгах, а одновременно принимающего многочисленных посетителей – членов кафедры, студентов, аспирантов, да и любителей «представителей обществности».

Конечно, эти посещения, короткие и длинные разговоры отрывали его от аналитической работы, требующей тишины и спокойствия, но Аркадий Семенович не только не жаловался на эти «помехи», а наоборот, всячески поощрял визиты в свой кабинет, особенно его учеников и коллег. Здесь во время этих встреч, «походя» решались и кафедральные проблемы, и глобальные вопросы научных дискуссий, обсуждались политические новости и незаметно шла шлифовка «мысли и духа» учеников.

Аркадий Семенович обладал редкой работоспособностью. В 70–80-е годы он опубликовал несколько крупных монографий, по достоинству оцененных как важнейшие явления в отечественном антиковедении («Восточная политика Александра Македонского», «Распад империи Александра Македонского», «Михаил Михайлович Хвостов», «Федор Герасимович Мищенко» и другие). Он является автором приблизительно 200 статей и рецензий в российских и зарубежных изданиях. И все это он написал, совмещая научную работу с кропотливым «выращиванием» плеяды учеников и с руководством кафедрой.

Кафедра в 60–70-х годах испытала быстрое развитие: многие ее члены, ранее не имевшие ученой степени, защитили кандидатские диссертации: П.Б. Уманский, Н.А. Бурмистров, А.Д. Константинова, А.В. Сергеев, Н.А. Мазитова, Л.И. Шайдуллина, В.Д. Жигунин. Большим авторитетом пользовались на кафедре В.И. Адо, А.З. Ханина, М.М. Базина. В рядах кафедры работали и специалисты по классической филологии (преподаватели латинского языка) – М.Д. Блохина, М.А. Галеева.

В конце 70-х – 80-е годы происходило «омоложение» состава кафедры: здесь начали работать М.Г. Юнусова, Р.Н. Имангалиев, Я.Я. Гришин, Е.А. Чиглинец, Ф.Н. Ахмадиев и др. Но общее направление работы кафедры не изменилось. Оно в основном оформилось под эгидой Шофмана в середине 60-х годов и было связано с углубленным изучением историографии всеобщей истории, методологии исторического познания. Аркадий Семенович приложил немало сил, чтобы не только «остепенить» кафедру, но и развить реальные разработки той научной проблематики, которая фигурировала в научных планах. Почти ежегодно кафедра издавала сборники своих научных трудов. Сначала они назывались «Вопросы историографии всеобщей истории», затем «Критика буржуазных концепций всеобщей истории», потом имели и другие названия. Аркадий Семенович был неизменным научным редактором этих сборников, и благодаря его настойчивости и требовательности удалось сохранить тот образ кафедры, который она обрела в российской науке.

Определенным итогом научных исследований на кафедре стала коллективная монография «Периодизация всемирной истории» (1984 г.). Аркадий Семенович был одним из авторов и редактором этой во многом дискуссионной монографии. В ней стремление разобраться в проблемах методологии истории, которые только еще прорастали на горизонте отечественной науки, уже готовой порвать с закоренелым догматизмом прошлых времен. Нужно было немалое мужество, чтобы решиться высказаться по этим проблемам. Но у Шофмана не было и тени сомнений, что это надо сделать. Он был человеком осторожным, но никогда не был приспособленцем и «перевертышем», каких стало немало в перестроечные и постперестроечные годы. Он до конца своих дней оставался марксистом по убеждениям, хотя требовал творческого подхода к марксистской теории. Его теоретические установки были цельными и последовательными, и они ясно видны в его трудах. Были, конечно, у него и высказывания с «эзоповским подтекстом», но это все-таки случалось сравни-

тельно нечасто. Аркадий Семенович был человеком цельным, и этому он учил своих учеников.

Трудно представить образ Аркадия Семеновича, не вспоминая одновременно о его теплой и долгой дружбе со светилами советского антиковедения: А.Г. Бокщаниным, Н.Н. Пикусом, С.Л. Утченко, В.И. Кузициным, А.М. Ременниковым и многими другими. Большинство из них побывали в Казани то для чтения лекций, то для участия в конференциях, то для оппонирования диссертаций. Сам Аркадий Семенович любил бывать в Москве, Минске, Томске и других городах нашей страны. Немало друзей было у Шофмана и за границами Советского Союза – в Болгарии, Югославии, Польше. Он был человеком всемирного масштаба, но вместе с тем и горячим патриотом своей страны, тяжело переживавшим беды Родины.

Тем не менее даже и тогда, осенью 1993 года, памятной трагической осенью, Аркадий Семенович продолжал работать. За неделю до его кончины я побывал у него дома, и мы обсуждали планы на ближайшие дни: как начать работу «Античного понедельника», как подготовиться к очередному заседанию кафедры, как готовить 80-летний юбилей самого Аркадия Семеновича (юбилей должен был состояться в середине ноября 1993 г.). 7 ноября 1993 г. Аркадия Семеновича не стало. Он не дожил до своего юбилея всего сорок дней.

...Его провожали в последний путь сотни людей: ученики, коллеги, друзья, просто знакомые, знавшие его как доброго, веселого и общительного человека. «Все остается людям» – эти слова целиком отношу к герою этого очерка – одному из лучших людей своего поколения, так много сделавшего для России. Может быть, только люди будущего столетия поймут по-настоящему, как это много.

Библиография

1. Жигунин В.Д. Шофман Аркадий Семенович (1913 – 1993) // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Казань: Изд-во «Хэтер», 1999. С. 154-158.

Чиглинцев Е.А.

**Антиковедение в Казанском университете:
традиции и перспективы¹**

Стремление исторической науки к углубленному самоанализу, самопознанию – важнейшая черта современного ее состояния. Отраднo, что поводов для такого «самокопания» становится с каждым годом все больше и больше. В этом отношении год прошедший для антиковедов Казанского университета, безусловно, стал вехой. Дело в том, что 2003 г. – год целого ряда юбилеев, связанных с нашими учителями. В ноябре исполнилось 90 лет со дня рождения А.С. Шофмана, 60 лет со дня рождения В.Д. Жигунина и 55 лет с того момента, как А.С. Шофман возглавил кафедру всеобщей истории КГУ, давшую позже жизнь кафедре истории древнего мира и средних веков. Именно благодаря огромной научной и организаторской деятельности А.С. Шофмана антиковедение в Казанском университете стало одним из приоритетных направлений научной и учебной работы во второй половине XX века. Такое возрождение антиковедения невозможно было без опоры на традиции, сложившиеся в Казанском университете в XIX – начале XX вв. Это прекрасно понимал и А.С. Шофман, и принявший от него эстафету В.Д. Жигунин.

Наиболее важными по заявленной проблематике являются для нас труды А.С. Шофмана. В своей небольшой, но глубокой по содержанию работе «Изучение античной истории в Казанском университете» [11]² на данных архивных материалов он показал развитие антиковедческих исследований и преподавания античной истории в Казанском университете в XIX веке. А.С. Шофман дал периодизацию развития университетского антиковедения. В качестве хронологических вех им ставились общероссийские революционные и общественно-политические события. Основное внима-

¹ Опубликовано: **Чиглинцев Е.А.** Антиковедение в Казанском университете: традиции и перспективы // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Сб. научных статей и сообщений / Составители и отв. редакторы С.И. Ионенко и Г.П. Мягков. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. С. 152-160.

² В основу статьи «Из истории античной науки в Казанском университете» (ВДИ. 1968. № 1. С. 199-204, см.: [10]) положены такие же подходы: в сжатой форме в ней изложено развитие антиковедения с 50-х годов XIX века до 60-х годов XX века.

ние А.С. Шофман уделил развитию античности на кафедре всеобщей истории КГУ. В 60–80-х XX века А.С. Шофман и его ученики занялись рассмотрением истории науки об античности в разных странах. Российской науке и казанскому антиковедению, в частности, было также уделено внимание¹. Для самого А.С. Шофмана результаты исследований воплотились в две фундаментальные монографии о выдающихся антиковедах Казанского университета Ф.Г. Мищенко [13] и М.М. Хвостове [12]. А.С. Шофман не обошел стороной и тот примечательный для нашего сегодняшнего форума факт, что каждый из его героев в разные годы активно работал в Обществе археологии, истории и этнографии, и даже избирался его председателем (Мищенко – в 1896 г., а Хвостов – в 1914 г.) [13, с. 11-12; 12, с. 11-12].

В последние годы в связи с юбилеем факультета и предстоящим 200-летием университета в поисках истоков традиции к истории казанского антиковедения обращался и В.Д. Жигунин [3; 4]. Наконец, специальному исследованию антиковедения как комплексной дисциплины в Казанском университете обратилась И.А. Дружинина, защитившая недавно кандидатскую диссертацию [2].

В самом общем виде развитие антиковедения в Казани выглядит так. Казанский университет сформировался на базе гимназии и долгое время (почти десять лет) был с ней одним целым. Лекции по античности или греческим и римским «древностям» читались на латинском языке. Первоначально уровень подготовки как студентов, так и преподавателей был по сравнению с немецкими и французскими университетами невысоким. Не спасало и приглашение иностранных профессоров, у которых были явные сложности в общении со студентами из-за языкового барьера с обеих сторон. В первые десятилетия казанские преподаватели старательно воспроизводили содержание известных зарубежных пособий. Но уже с середины XIX века стали проводиться довольно активно разнообразные научные исследования по истории Греции и Рима методами классической филологии в комплексе с методами других гуманитарных наук. Антиковедение в Казани рубежа XIX – XX веков переживало подъём, который совпал с подъёмом как российского, так и мирового антиковедения. События, связанные с революцией и гражданской войной, нарушили систему классического образования: исторические факультеты как основные лаборатории научных антиковедческих исследований были расформированы.

¹ См., например, диссертацию И.Н. Матвеевой [7], посвященную М.М. Хвостову; значительная часть диссертационного исследования В.А. Летяева по российской романистике посвящена научным взглядам на раннюю историю Италии и Рима В.И. Модестова, который тоже был филологом-классиком. См.: [5].

Только с середины XX века в Казанском университете стали возрождаться традиции антиковедческих исследований [4, с. 33].

Хочется обратить внимание на историю формирования и развития традиций, которые могут быть восприняты и развиты сегодня.

Прежде всего, с точки зрения традиций, важен анализ тематики исследований. Оформление антиковедения во второй половине XIX – начале XX вв. как серьезного научного направления в Казанском университете базировалось на восприятии лучших образцов западноевропейского (прежде всего немецкого) и отечественного антиковедения. Это проявилось в том, что в Казань приезжали специалисты уже сложившиеся, со своей исследовательской тематикой, прошедшие стажировки в зарубежных научных центрах. Это касается и Мищенко, и Модестова, и Хвостова. Это породило одну особенность состояния научных исследований, а именно, отсутствие единой коренной казанской антиковедческой школы с единой проблематикой¹. Эти ученые обеспечивали высокий, мировой уровень исследований и преподавания, но работали в Казани не очень длительное время. По-разному у наших антиковедов складывалась научно-педагогическая карьера: кто-то по возрасту завершил работу, кто-то уезжал в другой университет, чья-то деятельность обрывалась в достаточно раннем возрасте из-за трагических политических событий (как у 48-летнего профессора Хвостова), а потому говорить об их учениках и последователях мы можем

¹ Одна из особенностей развития антиковедения в Казанском университете во второй половине XIX – начале XX вв. – это достаточно частая смена профессоров. Следствием этого становится довольно широкая тематика конкретно-исторических исследований. В основе их лежит большое внимание к источниковедческим исследованиям в научном творчестве А.О. Угянского (Фукидид), А.Д. Иноземцева (греческие лирики, Гомер), С.П. Шестакова (Гомер). На стыке источниковедения и истории античного искусства находятся работы, посвященные анализу творчества выдающихся драматургов Эллады и истории античного театра, которые принадлежат перу Д.Ф. Беляева (Еврипид), Д.П. Шестакова (Аристофан), Б.В. Варнеке (Менандр, история античного театра в целом). Специально-искусствоведческий характер носят исследования греческой скульптуры (В.К. Мальмберг, А.М. Миронов) и римской архитектуры (Д.И. Нагуевский). Однако очень часто искусствоведческое или историко-литературное исследование расширялось до историко-культурного, а значит, сопрягалось с изучением социальной, религиозной и научной жизни. Так выглядят работы П.П. Гвоздева и С.Ф. Опацкого о литературных нравах и быте римского общества эпохи Плиния Младшего, сочинения М.Я. Красина об Августине Блаженном и взаимосвязи античного духовного наследия и современности, а также труд А.О. Маковельского о греческой философии. Д.И. Нагуевский занимался исследованием истории римской литературы и даже выпустил в конце творческой жизни крупный обобщающий труд по этой тематике. Ф.Г. Мищенко интересен как историк духовного наследия античной Эллады и греческого федерализма. М.М. Хвостов отразил одну из тенденций в антиковедении начала XX в. – внимание к рассмотрению вопросов не только духовной, но и экономической жизни древности.

с известной долей осторожности. Хотя некоторая линия интереса к эллинистической, говоря в самом общем виде, проблематике и идет от Мищенко к Хвостову [13, с. 72-94; 12, с. 77-103].

Зато другая традиция – великолепное владение классическими языками и использование их в научной и преподавательской работе по античной истории – была общей для всех, независимо от корней и научных интересов. Таким образом, антиковедение в Казанском университете действительно существовало как комплексная дисциплина, на что обратил внимание А.С. Шофман в одной из последних своих историографических публикаций, посвященных Казанскому университету [9, с. 44]. На мой взгляд, именно это, в значительной степени, помогло, например, профессору С.П. Шестакову не потерять себя в условиях разгрома исторического образования в 20-х гг. XX века. Он остался в университете и стал преподавать древние и современные языки.

Третья традиция, на которую хотелось бы обратить внимание относительно рубежа XIX – XX вв., – это достаточно широкие зарубежные научные связи. Они выразились не только в уже упомянутых стажировках и командировках перечисленных антиковедов в немецкие и французские университеты, но и в активной переписке, в рецензировании работ известных антиковедов. За рубежом также появлялись рецензии на работы наших профессоров. Наконец, участие в международном конгрессе историков в Берлине в 1908 г. принесло европейскую известность М.М. Хвостову, труды которого по истории эллинистического Египта уже были известны, а позже стали классическими в мировом антиковедении.

Нужно отметить и характерные для конца XIX – начала XX вв. постоянные традиционные связи казанских антиковедов со своими российскими коллегами. Авторитет, известность среди соотечественников каждый из них завоевал своими научными изысканиями. С приездом в Казань Ф.Г. Мищенко в университете начинает формироваться круг известных специалистов-антиковедов, которые, получив образование в других российских университетах, уже на долгое время остаются на преподавательской работе в Казанском университете. И хотя их научные интересы различны, можно говорить об оформлении профессиональной корпорации казанских антиковедов. Среди принципов, на которых строилось взаимодействие коллег, – требование высокого уровня научных исследований при исключительно доброжелательном отношении к творчеству друг друга, корпоративная солидарность часто при несправедливой, недоброжелательной внешней критике, четкая нацеленность на преподавание, подготовку студентов к самостоятельным научным изысканиям.

Однако традиции антиковедения практически были прерваны в Казанском университете Октябрьской революцией и гражданской войной. О судьбе профессора С.П. Шестакова я уже упомянул. М.М. Хвостов, светило Казанского университета, в сентябре 1918 г. оказался в Самаре в связи с нестабильностью военно-политической обстановки, и затем, не сумев вернуться в Казань, отправился для работы в Томский университет, где и скончался 11 февраля 1920 г. от сыпного тифа.

С восстановлением в 1939 г. истфака, вскоре преобразованного в истфилфак, преподавание античной истории возобновилось. В 40-х гг. XX в. было восстановлено отделение классической филологии, которое возглавил Н.П. Шкляев. Однако о возрождении научных традиций говорить было еще рано. Заслуга такой титанической работы принадлежит, безусловно, А.С. Шофману, который, приехав в Казань в 1948 г. после знаменитого Ашхабадского землетрясения, унесшего жизнь его жены, отнявшего у него кров и работу, возглавил здесь кафедру всеобщей истории и оставался ее заведующим без малого 40 лет.

Именно А.С. Шофман сумел свести воедино те традиции, которые были в Казанском университете на рубеже XIX – XX вв., хотя он и не был учеником кого-либо из казанских антиковедов. И роль эта досталась А.С. Шофману не случайно. Во-первых, проблематика, которой он стал активно заниматься в Казани, была прямо связана с той самой линией исследования эллинизма, которую ранее обозначили своим творчеством Ф.Г. Мищенко и М.М. Хвостов; во-вторых, неожиданно сложилась очень благоприятная ситуация с классическими языками: с одной стороны, сам А.С. Шофман окончил классическое отделение Ленинградского университета, преподавал языки, с другой – в Казани он обнаружил благоприятную почву, т.е. круг преподавателей и студентов, знающих и специально изучающих классические языки, поскольку в годы Великой Отечественной войны здесь находился один из его питерских учителей – И.И. Толстой, который, правда, умер еще до приезда А.С. Шофмана в Казань, но успел приложить усилия для возрождения в Казани отделения классической филологии; в-третьих, глубочайшая эрудиция и великолепная коммуникативность А.С. Шофмана позволяли ему поддерживать широкие научные связи со специалистами в различных научных и учебных заведениях страны.

Деятельность А.С. Шофмана придала новый импульс развитию антиковедения в Казани, помогла возродить имевшиеся традиции. Однако, как мы все прекрасно знаем, отношение к традиции – это своеобразный показатель цивилизованности общества.

Социальная философия трактует традицию не просто как трансисторическую связь поколений общественного субъекта, но и как «способ передачи опыта поколений», характерный для всей общественно-исторической практики [1, с. 152]. И сегодня мы имеем дело уже с особым типом отношения к традиции – традицией модернизированной или рационализированной [2, с. 154]. Традиция, таким образом, не просто воспроизводит опыт, но и занимается содержательной интерпретацией унаследованного.

Ситуация 60–80-х гг. XX в. настоятельно требовала корреляции известных традиций антиковедения. Классическое отделение уже было закрыто, что затрудняло филологическую подготовку антиковедов, а значит, и работу с источниками. Это подтолкнуло А.С. Шофмана к поиску такой тематики, которая была бы обеспечена хотя бы минимумом источникового материала при возможности его научной интерпретации. Так появилось направление исследования истории эллинистических государств и международных отношений эпохи эллинизма. Тематика эта была очень актуальной в мировой науке. Чтобы соответствовать требованиям времени, необходимо было освоить зарубежную историографию. Сам А.С. Шофман и его ученики начинают активно исследовать концептуальные построения английских, американских, французских, немецких специалистов по истории эллинизма, что начинает формировать историографическое направление в казанском антиковедении, которое, по признанию самого А.С. Шофмана, становится ведущим в 70–80-е гг. прошлого века. При этом речь идет уже не просто об историографии эллинизма, а об изучении национальных историографий античности [9, с. 45-46].

В те же 70–80-е гг. развивается другой тематический и проблемный пласт – изучение международных отношений эпохи эллинизма. Монографии А.С. Шофмана «Восточная политика Александра Македонского», «Распад империи Александра Македонского», книга В.Д. Жигунина и его докторская диссертация по международным отношениям эллинистических государств в III в. до н.э., кандидатские диссертации их учеников по сходной проблематике внесли серьезный вклад в отечественное антиковедение.

Наконец, в указанные годы в исследованиях казанских антиковедов настойчиво присутствует тематика истории религии и культуры.

В последнее десятилетие XX в. и первые годы века XXI происходит следующая трансформация этой традиционной тематики. Сегодня историографическое направление, принесшее довольно ощутимые результаты, развивается в сторону углубления теоретических изысканий. И главным здесь становится не позитивистское

описание истории науки об античности в той или иной стране, а освоение новых методологических подходов, возможность их критического осмысления и применения в исследованиях по античности. Все чаще от исследования историографии как истории исторической науки мы обращаемся к изучению исторического сознания и места в нем представлений об античности. Изучение нами рецепции античного наследия в XIX – XX вв. стало новым поворотом традиции, выводящим нас на межпредметные связи в системе гуманитарного знания. По сути, при таком повороте тематики изучение античной культуры и религии становится составной частью трансформирующегося историографического направления. С другой стороны, развивается собственно направление истории религии и культуры древности. Три года назад при кафедре был открыт учебный, научный и просветительский Центр истории и культуры еврейского народа, а с 2001 г. по решению Совета факультета началась специализация по иудаике. Ее открытие также отражает тенденцию, которая восходит к традициям и XIX, и XX веков – расширение научных связей антиковедов с коллегами из других университетов и научных учреждений страны. Дело в том, что в рамках этой специализации для чтения отдельных общих и специальных курсов приезжают представители московских институтов и университетов. В содружестве с коллегами из Москвы мы ведем подготовку кадров для преподавания на этой специализации. В этом году мы сделали второй набор на специализацию, что говорит о перспективах ее развития в будущем.

Именно расширение связей с отечественными и зарубежными специалистами позволили развить и другую традиционную тему исследований казанских антиковедов. История международных отношений античности, начатая с изучения эллинизма, нашла всеобъемлющее по охвату материала воплощение в коллективном исследовании «Межгосударственные отношения в античном мире» с участием российских, английских и немецких коллег. Это исследование вышло в Казани в 2-х томах в виде учебно-методического комплекса в 2000–2001 гг. Во главе авторского коллектива стояли В.Д. Жигунин и О.Л. Габелко. Отзывы на это издание, которые мы получили, только положительные. Таким образом, следуя традициям XIX в., Казанский университет доказывает свой приоритет как одного из центров Российского антиковедения. За последние годы мы провели две всероссийские конференции, два региональных совещания антиковедов по проблемам преподавания и по сотрудничеству в рамках регионального профессионального сообщества. Опубликованные в последние годы сборники стали действительно общероссийскими, с привлечением и зарубежных авторов.

Перспектива, вытекающая из этого опыта, – завершающаяся подготовка совместно с Саратовским и Нижегородским университетами к изданию первого выпуска Поволжского антиковедческого альманаха – первого подобного регионального периодического издания по античности в стране¹.

Завершая, хочу вновь обратить внимание на возможность соединения традиций и перспектив развития антиковедения в университете. К сожалению, одна из главнейших традиций антиковедения в Казани – высокий уровень знания и преподавания классических языков – никак не может возродиться. Слишком глубокий разрыв произошел между XIX в. и нашим временем. И даже краткосрочная попытка возрождения классической филологии в университете на рубеже 40–50-х гг. XX в. не дала отдаленного эффекта в наши дни. Отрадно, что в последние четыре года мы получили возможность начать преподавание греческого языка наряду с латынью, но пока это довольно «куцый» курс (70 часов для греческого – очень мало). В общем, настоятельно необходимо возрождение в Казанском университете отделения классической филологии. Только в этом случае антиковедение может действительно подняться на иной уровень. Это очень сложно, но необходимо. Необходимо открытие в Казани классической гимназии, где бы преподавались древние языки.

Традиции, о которых мы сегодня вспоминаем, и проекты, которые удалось осуществить в последние годы, внушают оптимизм и веру в будущее антиковедения в Казанском университете.

Библиография

1. Власова В.Б. Исторические типы отношения общества к традиции // Философские науки. 1984. № 5.
2. Дружинина И.А. Изучение античности в Казанском университете (XIX – 20-е годы XX вв.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2001.
3. Жигунин В.Д. Антиковедение в Казани: специфика и основные тенденции развития // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции. Казань, 1996. С. 82–84.
4. Жигунин В.Д. Кафедра истории древнего мира и средних веков // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Сб. статей. Казань, 1999. С. 33–41.
5. Летяев В.А. Российская историография об античном Риме. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989.
6. Махлаюк А.В., Габелко О.Л., Рунг Э.В. IV авторско-читательская международная научно-образовательная конференция Поволжского антиковедческого журнала "Antiquitas aeterna" (Казань, 18–19 мая 2017 г.) // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 1. С. 145–151.

¹ В 2005–2015 гг. вышло 4 выпуска журнала «Antiquitas aeterna». См.: [6], а также: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=40071 – *Ред.*

7. Матвеева И.Н. М.М. Хвостов как историк античности. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 1970.

8. Чиглинцев Е.А. Антиковедение в Казанском университете: традиции и перспективы // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Сб. научных статей и сообщений / Составители и отв. ред. С.И. Ионенко и Г.П. Мягков. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. С. 152-160.

9. Шофман А.С. Антиковедение в Казанском университете: итоги и перспективы // Античная история и современная историография. Материалы межвузовской научной конференции. Казань, 1991.

10. Шофман А.С. Из истории античной науки в Казанском университете // ВДИ. 1968. № 1. С. 199-204.

11. Шофман А.С. Изучение античной истории в Казанском университете. Казань, 1956.

12. Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1979.

13. Шофман А.С. Фёдор Герасимович Мищенко. Казань, 1974.

УДК 93(092)“19”

Чиглинцев Е.А.

**А.С. Шофман и история кафедры:
векторы научного поиска¹**

А.С. Шофман приехал в Казань уже сложившимся исследователем с хорошей школой ленинградского антиковедения и опытом преподавания древней истории в высшей школе. Все это, безусловно, помогло ему адаптироваться в новых условиях, даже при том что появился он в Казанском университете в разгар учебного года. Кафедра, которую он возглавил, переживала не самые лучшие дни, поскольку была образована только что, в годы войны, и процесс ее становления еще был в самом начале. Возможно, именно это и позволило новому заведующему начать структурирование и строительство своего подразделения, выделить генеральное направление развития научных исследований и поддерживать, и развивать его на протяжении сорока лет, оставив преемникам великолепную возможность продолжить движение по определенным за это время векторам научного поиска.

¹ Опубликовано: **Чиглинцев Е.А.** А.С. Шофман и казанское антиковедение: векторы научного поиска // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 34-37.

Осознанно или неосознанно, но А.С. Шофман выбрал абсолютно беспроязвительную стратегию вхождения в университетскую корпорацию. В конце 40-х – начале 50-х гг. прошлого века он погружается в изучение истории Казанского университета. Результатом стала публикация в университетской газете «Ленинец» в 1951–1952 гг. почти трех десятков статей на эту тему. Конечно, это были популяризаторские материалы, но именно заинтересованность в постижении истории теперь уже своего университета, поиск и осмысление архивных материалов, навык доступного изложения итогов изучения – все это стало залогом формирования в научной деятельности А.С. Шофмана специального вектора – история Казанского университета, позволило ему активно участвовать в подготовке и пропаганде 150-летнего юбилея КГУ в 1954 г. Именно эта тематика переросла затем в серию статей и монографий, посвященных истории антиковедения и востоковедения в Казанском университете, а позже вылилась в историографическое научное направление кафедры.

Параллельно продолжают и конкретно-исторические изыскания ученого в области македоноведения, начатые еще в Ашхабаде. Результаты этих исследований хорошо известны, но в данном случае важно подчеркнуть плодотворность этих трудов для становления еще одного определяющего вектора в научном развитии кафедры – история эллинизма. Вклад и самого А.С. Шофмана и его учеников и последователей в исследование эллинизма широко известен и по достоинству оценен научной общественностью. Между тем, помимо собственно эллинистической проблематики, исследованиями которой в продолжение традиции А.С. Шофмана занялись В.Д. Жигунин, В.И. Кашеев, О.Л. Габелко, постепенно сформировались и новые ответвления. Так, В.Д. Жигунин наряду с А.С. Шофманом был идеологом и активнейшим соавтором коллективной монографии «Периодизация всемирной истории» (1984), в которой зафиксирован отказ от однозначных, социологизированных и вульгаризированных марксистских представлений о всемирно-историческом процессе, а позже он создал оригинальную синтезную теорию всемирной истории (2000), концепцию, которая и сегодня вызывает пристальный интерес специалистов.

Другое ответвление связано с популярной дихотомией Запад – Восток, которую изучают сегодня все гуманитарные науки. Однако первые такие взаимодействия появились именно в древности. Поэтому вполне закономерно, что последователи А.С. Шофмана в различных вариантах обратились к этой проблематике уже в 70-е гг. XX в. (античный Кипр, первоначальное христианство), а сегодня – и греко-персидские отношения в Архаическую и классическую

эпохи (Э.В. Рунг), и иудейская община в имперском городе Риме (М.В. Григер), христианско-мусульманский диалог на юго-западных и восточных фронтах Европы (Н.А. Шадрина, М.Г. Юнусова). Сегодня эта тематика является востребованной в мире, а потому для кафедры это реальные перспективы и для внутреннего развития, и для международного сотрудничества.

Возвращаясь к обозначившемуся в середине 50-х гг. прошлого века вектору историографических исследований, подчеркну, что в 60–70-х гг. это выразилось в обращении к отечественному антиковедению самого А.С. Шофмана (статьи и монографии о Ф. Мищенко и М. Хвостове), А.Д. Константиновой (статьи и кандидатская диссертация о М. Курторге), в 80-х гг. – Ф.Н. Ахмадиева (предложенный А.С. Шофманом оригинальный конструкт «историография историографии»). А с конца 60-х гг. XX в., с появлением научного семинара «Античность и современность», в просторечии именуемого «Античный понедельник», главной целью историографических исследований казанских антиковедов стало создание национальных историографий античности. Огромный пласт материала был собран и обработан в десятках кандидатских диссертаций, но до создания обобщающего труда дело не дошло. Были учебные пособия и коллективные монографии, были сборники научных статей, посвященные «проблемам» и «критике» зарубежной историографии, было участие А.С. Шофмана в качестве соавтора в известном учебном пособии по историографии античной истории под редакцией В.И. Кузицина. Может быть, именно последний опыт и показал все сложности исполнения задуманного проекта. Кстати, именно эти многочисленные публикации об отдельных исследователях и их концепциях вводили в научный оборот, пусть и под знаменем критики, все новые и новые материалы, ранее не известные советской науке. Более того, именно из этого направления вышло целых три блока в современных научных исследованиях кафедры.

Во-первых, схолярная проблематика (Г.П. Мягков), которая, появившись в качестве периферийной для антиковедения, оказалась весьма перспективной и значимой, в том числе и с точки зрения разработки теоретических основ выделения и существования научных сообществ в исторической науке. И здесь приоритет ученика А.С. Шофмана никогда и никем не подвергался сомнению. Во-вторых, на стыке историографии, схолярной тематики и биографистики сформировалось такое направление, как *Personalia*. А.С. Шофман в своих трудах о выдающихся представителях русской историографии античности придерживался определенных принципов, например, непременно использование архивных материалов, а не только опубликованных работ историка, обязатель-

ное стремление к воссозданию полного жизнеописания, а не только профессиональной биографии героя. Это придавало уже тогда работам А.С. Шофмана то антропологическое содержание, о котором мы заговорили лишь в последние два десятка лет. Сегодня в таком ключе продолжает работать «научная внучка» нашего юбиляра – Н.С. Алмазова. В-третьих, обозначенная в названии семинара связь античности и современности породила непреодолимый интерес к явлениям, появившимся в античности, а затем ставшим неотъемлемой частью европейской и мировой культуры. А.С. Шофман никогда не обозначал историю античной культуры в качестве отдельной темы своих исследований. Некоторые сюжеты возникали в больших работах по мере надобности, но больше о культуре он писал в научно-популярных очерках. Однако это не закрыло для его учеников и учеников его учеников возможность историко-культурных исследований. Одним из таких пластов стала история христианства на переломе от античности к средневековью (диссертацию об историографии христианизации Британии защитила под руководством Г.П. Мягкова А.Г. Суприянович, женской агиографией занялась Н.Ю. Бикеева, житийной литературой и христианским миссионерством на северо-западе Руси в эпоху средневековья занимается сейчас в университете Осло И.Х. Гарипзанов). Наконец, активное исследование проблематики рецепции (Е.А. Чиглинцев), которое нацелено на изучение явлений, характерных для обращения к наследию античности не-историков, и на поиск путей формирования адекватных представлений об античности в массовом сознании.

Таким образом, найденные в былые годы А.С. Шофманом векторы научных исследований нисколько не утратили своей актуальности, развиваются и обогащаются новыми методами и новыми темами. Наверное, это лучший памятник замечательному человеку и Учителю.

Библиография

1. Чиглинцев Е.А. А.С. Шофман и казанское антиковедение: векторы научного поиска // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 34-37.

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ работ, посвященных научному семинару «Античный понедельник», жизни и творчеству его руководителей и участников

1. Воспоминания

- Адо В.И. Вспоминая о прошлом... записки русского интеллигента XX века // Казань. 2000. № 7–10.
- Валеев Р.К. Наш Данилыч // Мvñµα. Сборник научных трудов, посвященный памяти Владимира Даниловича Жигунина [редакционная коллегия: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец, О.Л. Габелко (ответственный редактор)]. Казань: Ритор, 2002. С. 18-21.
- Гурин И.Г. Воспоминания об Аркадии Семеновиче Шофмане и Владимире Даниловиче Жигунине // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 17-18.
- Замов Н.К. Владимир Данилович Жигунин // Мvñµα. Сборник научных трудов, посвященный памяти Владимира Даниловича Жигунина [редакционная коллегия: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец, О.Л. Габелко (ответственный редактор)]. Казань: Ритор, 2002. С. 16-17.
- Кабытов П.С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. Самара: Самарский университет, 2008. 352 с. –
- Кутявин В.В. «Пять лекций в Самаре» В.Д. Жигунина // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 19-22.
- Могиляницкий Б.Г. А.С. Шофман и Томский университет // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 7-8.
- Мягков Г.П. «Мы зажгли свои свечи от их творческого огня»: историк А.С. Шофман в череде поколений // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 2009. С. 72-98.
- Мягков Г.П. Слово о друге // Мvñµα. Сборник научных трудов, посвященных памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань: Изд. дом «Ритор», 2003. С. 4-10.

- Несмелов О.В. А.С. Шофман: первые шаги на казанской земле // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 5-7.
- Петрова Э.Б. Вспоминая с радостью и грустью... // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 9-12.
- Петрова Э.Б. О кафедре всеобщей истории и о моих Учителях // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: материалы II Международной научно-образовательной конференции: в 2 т., Казань, 14–16 ноября 2019 года. Казань: Казанский федеральный университет, 2020. Т. 1. С. 251-256.
- Ротермель Л.Р. Вспоминая Учителя... // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 12-17.
- Семёнов Л.Е. У истоков «Античного понедельника» (Из воспоминаний студенческой поры) // Мv̄µα. Сборник научных трудов, посвященный памяти Владимира Даниловича Жигунина [редакционная коллегия: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев, О.Л. Габелко (ответственный редактор)]. Казань: Ритор, 2002. С. 11-15.
- Сыченкова Л.А. Вспоминая Аркадия Шофмана // Вечерняя Казань. 2013. 15 ноября. – URL: <https://www.evening-kazan.ru/calendar/2013-11-15>
- Сыченкова Л.А. «Опрокидон с пирамидоном», или Неофициальный портрет Аркадия Шофмана // Республика Татарстан. 2013. 8 ноября. – URL: <http://rt-online.ru/p-rubr-nau-10107599>
- Сыченкова Л.А. Картинки в памяти: неофициальный портрет Аркадия Семеновича Шофмана // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений. Т. 2 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань, 2020. Т. 1. С. 142-147.
- Шофман А.С. Не угаснет огонь Прометея (Истории советского антиковедения) / Подготовка текста, вводящая статья и комментарии Г.П. Мягкова // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. С. 369-410.
- Щелкунов М.Д. Невосполнимая потеря [О Владимире Даниловиче Жигунине] // Мv̄µα. Сборник научных трудов, посвященный памяти Владимира Даниловича Жигунина [редакционная коллегия: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев, О.Л. Габелко (ответственный редактор)]. Казань: Ритор, 2002. С. 22-23.

2. Сборники материалов конференций

- Античная история и современная историография: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 25-летию «Античного по-

- недельник», 21–23 октября 1991 г. / отв. ред. Е.А. Чиглинецв. Казань, 1991. 116 с.
- Античность: события и исследователи / Под ред. В.Д. Жигунина и др. Межвузовский сборник. Казань: Изд-во «Экоцентр», 1999. 166 с. [к 85-летнему юбилею проф. А.С. Шофмана]
- Античность в современном измерении / Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань, 14–16 ноября 2001 г. Казань: «Новое знание», 2001. 178 с.
- Мv̄ѣцa. Сборник научных трудов, посвященный памяти Владимира Даниловича Жигунина [редакционная коллегия: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинецв, О.Л. Габелко (ответственный редактор)]. Казань: Ритор, 2002. 542 с.
- Историки в поисках новых смыслов: Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина / под ред. Г.П. Мягкова и Е.А. Чиглинцева. Казань: ЗАО «Новое знание», 2003. 412 с.
- Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана, Казань, 13–15 ноября 2013 года / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинецв. Казань: Изд-во «Яз», 2013. 408 с.
- Античное наследие в последующие эпохи: рецепция или трансформация?: Российско-германский международный научно-образовательный симпозиум (Казань, 18–20 октября 2018 г.) / составители и отв. ред. Э.В. Рунг, Е.А. Чиглинецв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 180 с. [105-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 75-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина посвящается].

3. Статьи, обзоры, рецензии, некрологи

- Алмазова Н.С. «Настоящая лаборатория научной работы»: казанский семинар «Античный понедельник» в контексте понятия научной школы // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2(4). Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг. М., 2016. С. 131-160.
- Алмазова Н.С., Ладынин И.А. А.С. Шофман, В.Д. Жигунин и вопросы периодизации всемирной и древней истории // Диалог со временем. 2020. № 72. М.: Аквилон, 2020. С. 321-334. <https://roii.ru/r/1/72.23>
- Алмазова Н.С., Ладынин И.А. [рец.:] С.Б. Крих. Другая история: "Периферийная" советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с. // Вестник древней истории. 2021. Т. 81. № 2. С. 509-519.
- А.С. Шофман. Некролог // Вестник древней истории. 1994. № 1. С. 237.
- Безгубенко А.А. К 80-летию А.С. Шофмана // Античный вестник: Сб. науч. тр. / Омский гос. ун-т и др.; Редкол.: А.А. Елагина (отв. ред.) и др. Вып. 1. Омск: ОмГУ, 1993. С. 171-173.

- Бурмистрова Л.П. Галеева Асия Адгамовна // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 2. С. 276.
- Бурмистрова Л.П. Кашеев Владимир Иванович // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 2. С. 555.
- Бурмистрова Л.П. Мягков Герман Пантелеймонович // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 2. С. 798.
- Бурмистрова Л.П. Норден Александр Петрович // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 3. С. 62.
- Бурмистрова Л.П. Сергеев Николай Александрович // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 3. С. 280–281.
- Бурмистрова Л.П. Сергеев Сергей Алексеевич // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 3. С. 280.
- Бурмистрова Л.П. Сыченкова Лидия Алексеевна // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 3. С. 364–365.
- Бурмистрова Л.П. Чиглинцев Евгений Александрович // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 3. С. 570–571.
- Бурмистрова Л.П. Юнусова (Рамеева) Махаббат Гумеровна // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 3. С. 665–666.
- Бурмистрова Л.П., Шишкин В.И. Шофман Аркадий Семенович // Профессора исторического факультета Казанского университета (1939–1999): Биобиблиографический словарь. Казань, 1999. С. 77.
- Бухараев В.М., Мягков Г.П., Чиглинцев Е.А. Вехи научного поиска. 1993–2003 // Историки в поиске новых смыслов: Сб. научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина. Казань: ЗАО «Новое знание», 2003. С. 3–6.
- Габелко О.Л. Владимир Данилович Жигунин – историк эллинизма // Историки в поисках новых смыслов: Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина / под ред. Г.П. Мягкова и Е.А. Чиглинцева. Казань: ЗАО «Новое знание», 2003. С. 27–36.
- Габелко О.Л. Международная конференция "Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире" (Казань, 9–11 декабря 2009 г.) // Вестник древней истории. 2010. № 3 (274). С. 225–228.
- Габелко О.Л., Рунг Э.В. Международная научная конференция "Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимо-

- действие двух цивилизаций" (Казань, 14–16 сентября 2011 Г.) // Вестник древней истории. 2012. № 4 (283). С. 202-207.
- Габелко О.Л., Чиглинцев О.Л. Античное наследие в междисциплинарном контексте современного гуманитарного знания (Казань, 5–7 октября 2006 г.) // Вестник древней истории. 2008. № 2 (265). С. 206-211.
- Гарипзанов И.Г., Жигунин В.Д., Чиглинцев Е.А. «Античный понедельник»: традиции и поиски новых путей // Античность: Миры и образы. Сборник статей / Под ред. В.Д. Жигунина и др. Казань: Изд-во «Менеджмент», 1997. С. 3-7.
- Георгиев П.В. А.С. Шофман об античной и современной демократии (из неизданного) // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 42-45.
- Дружинина И.А. Творческие судьбы ученых-античников в Казанском университете на переломе эпох // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции 5–7 октября 2006 г. / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2006. С. 422-426.
- Дружинина И.А., Чиглинцев Е.А. Наследие антиковедов Казанского университета в интеллектуальном и социальном контексте современности // Античность: общество и идеи / Под ред. В.Д. Жигунина и др. Сб. статей. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 226-241.
- Елагина А.А. Аркадий Семенович Шофман в моей жизни // Античный вестник: Сб. науч. тр. / Омский гос. ун-т и др.; Редкол.: А.А. Елагина (отв. ред.) и др. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 1993. С. 173-174.
- Ермаченко И.О. Школа Лукиянова (вспоминая Учителя) // СОФИЯ: Альманах: Вып. 2: П.А. Флоренский и А.Ф. Лосев: род, миф, история. Уфа: Здравоохранение Башкортостана, 2007. С. 289-294.
- Жигунин В.Д. «Счастье моё – работа...» // Ленинец. 1983. 28 нояб.
- Жигунин В.Д. А.С. Шофман – ученый, учитель, человек // Античность: События и исследователи / Под ред. В.Д. Жигунина и др. Межвузовский сборник. Казань: Изд-во «Экоцентр», 1999. С. 7-8.
- Жигунин В.Д. А.С. Шофман как историк-антиковед // Античный вестник: Сб. науч. тр. / Омский гос. ун-т и др.; Редкол.: А.А. Елагина (отв. ред.) и К 60-летию А.С. Шофмана // Вестник Древней Истории. 1974. № 2. С. 229-230.
- Жигунин В.Д. Антиковедение в Казани: специфика и основные тенденции развития // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции: Материалы межвуз. науч. конф. Казань: «Форт Диалог», 1996. С. 82-84.
- Жигунин В.Д. Кафедра истории древнего мира и средних веков // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Сб. статей. Казань: Изд-во «Хэтер», 1999. С. 33-41.
- Жигунин В.Д. Преемственность в изучении античной истории в Казанском университете // Социально-историческое знание в Татарстане: Иссле-

- довательские традиции и современность / Тез. докл. Республ. научн. конф. Казань: Kazan-Казань, 1995. С. 103-106.
- Жигунин В.Д. Проблемы методологии и философии истории в университетских курсах истории древнего мира и средних веков // Диалоги о прошлом: Материалы семинара-совещания преподавателей истории древнего мира и средних веков. Казань, 8–10 октября 2001 г. Казань: ЗАО «Новое знание», 2002. С. 11-19.
- Жигунин В.Д. Шофман Аркадий Семенович (1913 – 1993) // Жить историей: 60 лет историческому факультету Казанского университета. Казань: Изд-во «Хэтер», 1999. С. 154-158.
- Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Антиковедение // Татарская энциклопедия. Т. 1. Казань: Ин-т татарской энциклопедии, 2002. С. 157.
- Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Античная история в Казанском университете: два столетия поиска // Античность в современном измерении / Тез. докл. Всерос. науч. конф., посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань, 14–16 ноября 2001 г. Казань: «Новое знание», 2001. С. 3-9.
- Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Надежда Степановна Талашова: Путь историка // Талашова Н.С. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Проблемы истории и историографии античности. Иваново: Изд. центр «Юнона», 2001. С. 5-12.
- Кащеев В.И., Семенов Л.Е. II Всесоюзная студенческая конференция по проблемам античности и историографии в Казанском государственном университете им. В.И. Ленина (19-21 октября 1981 г.) // Вестник древней истории. 1983. № 3. С. 205-206.
- Кащеев В.И. Аркадий Семенович Шофман как исследователь античной Македонии // Историки в поисках новых смыслов: Сборник научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина. Казань, 7-9 октября 2003 г. Казань: ЗАО «Новое знание», 2003. С. 7-26.
- Кащеев В.И. Аркадиј Семјонович Шофман како истражувач на Античка Македонија (крај на 1930-тите – почеток на 1960-тите години) // Историја. Скопје, 2004. Год. 40. Број 1-2. С. 45-60 (на макед. яз.)
- Кащеев В.И. Антиковедение в Казанском университете как предмет исследований А.С. Шофмана // Известия Саратов. ун-та. Сер. История. Право. Международ. отношения. Саратов, 2005. Т. 5. Вып. 1/2. С. 82-92.
- Кащеев В.И. Научный историко-филологический семинар как форма становления творческой личности: Прошлое. Настоящее. Перспективы // Кащеев В.И., Нагрибельная И.А., Валуева И.В., Коптяева М.А. и др. Инновационные подходы к развитию личности: монография. Ч. 2. Одесса: Куприенко С.В., 2019. С.60-78.
- Кащеев В.И., Синицын А.А. Colloquium classicum – II: Проблемы античной истории и классической филологии. К XX-летию научного семинара «Collegium classicum» // Античный мир и археология. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2010. Вып. 14. С. 418-431.
- Кащеев В.И. Memento mori – memento vivere: Воспоминания А.С. Шофмана об университетских учителях // Историк в историческом и исто-

- риографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 23–27.
- Кащеев Владимир Иванович // Who is Who в России / Отв. ред. изд. R. Hübner. 5-е изд. Zug, Schweiz: Hübners Who is Who; Verlag für Personenzyklopädien AG, 2011. С. 1025-1026.
- Кащеев Владимир Иванович // Известные учёные (учёные России). Т. XVI: юбилейный выпуск к 25-летию Российской Академии Естествознания / [под ред. М.Ю. Ледванова, Н.Ю. Стуковой]. М.: ИД «Академия Естествознания», 2020. С. 293-295.
- Климов О.Ю., Синицын А.А. LXV-летию профессора Владимира Ивановича Кащеева // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2021. Вып. 21. № 1–2. С. 250-254.
- Козлова М.И., Филимонов В.А. Ценное исследование о рецепции античности в массовой культуре конца XIX – начала XXI в. // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 3-2. С. 247-255.
- Константинова А.Д., Жигунин В.Д. Развитие антиковедения на кафедре всеобщей истории Казанского государственного университета в послевоенный период // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. 3. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974. Вып. III. С. 3-19.
- Крашенинникова Т.П. Адресант А.С. Шофмана: Евгений Васильевич Грачев // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 59-61.
- Крих С.Б. Изучение рецепции античности и Средневековья в современной российской историографии // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 354-360.
- Крих С.Б. Другая история: "Периферийная" советская наука о древности. М.: Редакция журнала "Новое литературное обозрение", 2020. 320 с.
- Крих С.Б., Метель О.В. Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М.: Ленанд, 2014. 256 с.
- Крих С.Б., Метель О.В. Советская историография древности: структуры, люди, идеи: Путеводитель по советской науке о древней истории. М.: Ленанд, 2019. 200 с.
- К 60-летию А.С. Шофмана // ВДИ. М., 1974. №2. С. 229-230.
- Лексина Ю.А. Жигунин Владимир Данилович // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 2. С. 433.
- Лексина Ю.А. Матвеева Ирина Николаевна // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 2. С. 731.
- Лексина Ю.А. Семёнов Лев Ефимович // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Казань, 2004. Т. 3. С. 276.
- Махлаук А.В., Габелко О.Л., Рунг Э.В. IV авторско-читательская международная научно-образовательная конференция Поволжского антико-

- ведческого журнала "Antiquitas aeterna" (Казань, 18-19 мая 2017 г.) // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 1. С. 145-151.
- Мартынов Д.Е. Китай в концепции всемирной истории В.Д. Жигунина // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 49-52.
- Мельникова И.А. Аркадий Семенович Шофман // Античный вестник: Сб. науч. тр. / Омский гос. ун-т и др.; Редкол.: А.А. Елагина (отв. ред.) и др. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 1993. С. 174-175.
- Мухин В.И. Религиозная политика Александра Македонского в советской историографии // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии: Материалы IV Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Омск, 27–28 октября 2016 года. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2016. С. 66-70.
- Мягков Г.П. О книге А.С. Шофмана «Не угаснет огонь Прометея» // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 5. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 369-370.
- Мягков Г.П. Первый из «гетайров» профессора Шофмана: Геннадий Атласов о Школе «Анналов» // Античное наследие в последующие эпохи: рецепция или трансформация? Российско-германский международный научно-образовательный симпозиум (Казань, 18–20 октября 2018 г.) / составители и отв. ред. Э.В. Рунг, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 38-44.
- Мягков Г.П. Развитие традиций науки всеобщей истории в Казанском университете (наукovedческий аспект) // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 28-33.
- Мягков Г.П., Чиглинцев Е.А. Единство в многообразии: изучение рецепции античности в университетах Поволжья // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения): сб. статей / редкол.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, И.А. Липатова, М.Н. Краснова. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 171-177.
- Мягков Г.П., Филимонов В.А. Жигунин Владимир Данилович // Историки России. XX век / Биобиблиографический словарь. Т. 1. А–Л / Автор-составитель А.А. Чернобаев. Саратов: Саратовский соц.-эконом. ун-т, 2005. С. 324-325.
- Памяти Аркадия Семеновича Шофмана (1913–1993) // Античный вестник: Сб. науч. тр. / Омский гос. ун-т и др.; Редкол.: А.А. Елагина (отв. ред.) и др. Вып. 2. Омск: Изд-во ОмГУ, 1994. С. 176.
- Памяти Владимира Даниловича Жигунина // Вестник древней истории. 2002. № 2. С. 233-235.

- Попова А.А. Две беседы об А.С. Шофмане // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. С. 445-469: [Интервью с Е.А. Чиглинцевым (С. 446-449); «Все начинается с учителя». Интервью с Г.П. Мягковым (С. 449-469)].
- Ременников А.М., Слонимский М.М. [рец.:] А.С. Шофман. Восточная политика Александра Македонского // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 180-182.
- Репина Л.П. Идея культурного синтеза и «эскиз картины всемирной истории» В.Д. Жигунина // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана, Казань, 13–15 ноября 2013 года / Составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 45-49.
- Ротермель Л.Р. А.С. Шофман как исследователь раннего эллинизма // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 37-42.
- Рунг Э.В., Чиглинцев Е.А. Международная научно-образовательная конференция "Древность и современность: история и интерпретации" (Казань, 5–7 декабря 2016 г.) // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 1. С. 138-144.
- Рунг Э.В., Чиглинцев Е.А., Мустафина Г.М., Сеницын О.В. К 100-летию со дня рождения профессора А.М. Ременникова // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 4. С. 1076-1078.
- Салимгареев М.В. Стоицизм как проблематика в творчестве профессора В.Д. Жигунина // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство: Сборник научных статей и сообщений. Казань: Издательский центр Казанского университета, 2005. С. 298-301.
- Сергеев С.А. Учёный, учитель [о А.С. Шофмане] // Вечерняя Казань. 1984. 6 янв.
- Сидорова Т.А. [Рец.:] Чиглинцев Е.А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. Казань: Изд-во КазГУ, 2009. 289 с. // *Studia historica*. Вып. IX. Москва, 2009. С. 219-221.
- Сеницын А.А., Кузьмин Ю.Н. Юбилей Олега Габелко // *Studia historica*. Вып. XVI. М., 2018. С. 248-250.
- Сеницын А.А. Памяти Евгения Александровича Чиглинцева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22. № 1. С. 394-396.
- Сеницын А.А., Светлов Р.В. Отчет о двенадцатом заседании семинара "боги, люди и миры в прошлом и настоящем" // *Terra Aestheticae*. 2021. № 1 (7). С. 270-298. [Памяти российского антиковеда, профессора Казанского федерального университета Евгения Александровича Чиглинцева (1955–2021)].
- Сеницын А.А., Светлов Р.В. Антиковедческие концепции и рецепции античности. Научный семинар памяти профессора Е.А. Чиглинцева (Санкт-Петербург, 29 мая 2021 г.) // Вестник древней истории. 2022. Т. 82. № 2. С. 498-501.

- "Советская древность": люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР / А.В. Ашаева, А.А. Вигасин, С.Г. Карпюк [и др.]. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2021. 494 с.
- Суриков И.Е. Добрые традиции казанского антиковедения // Проблемы истории, филологии, культуры. VIII, МаГУ, 2000. Вып. 8. С. 84-88.
- Талашова Н.С., Ременников А.М. // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 135-137 [Рец на кн.: Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань: Изд-во КГУ, 1984. 224 с.]. *Перепеч.*: Талашова Н.С. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Проблемы истории и историографии античности. Иваново: Изд. центр «Юнона», 2001. С. 393-397.
- Терещенко Н.А., Шатунова Т.М. Рецепция как единство культурно-исторической памяти, забвения и работы воображения // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 4-5. С. 255-265.
- Червяцов Е.В. Заметки на полях «истории»: о профессиональной этике взаимоотношений историков А.С. Шофмана и В.И. Адо // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2009. 2009. с. 117-211
- Чиглинцев Е.А. Антиковедение в Казанском университете на рубеже XX – XXI веков // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 05 марта 2020 года. Том 1. Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. С. 12-19.
- Чиглинцев Е.А. «Vestigia semper adōra»: Казанский университет и европейская сеть центров по исследованию рецепции античности // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2014. С. 145-150.
- Чиглинцев Е.А. А.С. Шофман и казанское антиковедение: векторы научного поиска // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 34-37.
- Чиглинцев Е.А. Антиковедение в Казанском университете: традиции и перспективы // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Сб. научных статей и сообщений / Составители и отв. ред. С.И. Ионенко и Г.П. Мягков. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. С. 152-160.
- Чиглинцев Е.А., Рунг Э.В., Шадрин Н.А. Российско-германский международный научно-образовательный симпозиум "Античное наследие в последующие эпохи: рецепция или трансформация?" (Казань, 18–20 октября 2018 г.) // Вестник древней истории. 2019. Т. 79. № 2. С. 465-470.
- Юбилей Е.А. Чиглинцева // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2016. № 2 (10). С. 207-208.
- Шишкина Н.Г., Туркевич А.Л. Начало творческого пути: Надежда Степановна Талашова в Ижевске (1967–1974) // Историк в историческом

и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 55-58.

- Шофман А.С. Антиковедение в Казанском университете: итоги и перспективы // Античная история и современная историография: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 25-летию «Античного понедельника», 21–23 октября 1991 г. / отв. ред. Е.А. Чиглинцев. Казань, 1991. С. 44-46.
- Шофман А.С. Из истории античной науки в Казанском университете // Вестник древней истории. 1968. № 1. С. 199-204.
- Шофман А.С. Изучение античной истории в Казанском университете. Казань, 1956. 30 с.
- Шофман А.С. Изучение и преподавание историографии всеобщей истории в Казанском университете // Новая и новейшая история. 1973. № 5. С. 210-212.
- Шофман А.С. Проблемы смены поколений в отечественном антиковедении XX века // Историческая наука в меняющемся мире / под ред. В.Д. Жигунина, Г.П. Мягкова, И.И. Шарифжанова. Вып. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. С. 85-88.

* * *

- Библиография трудов Н.С. Талашовой // Талашова Н.С. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Проблемы истории и историографии античности / Сост. В.Д. Жигунина, Г.П. Мягков, Н.О. Талашов. Иваново: Изд. центр «Юнона», 2001. С. 398-408.
- Список научных трудов Аркадия Семеновича Шофмана // Античность: события и исследования / Под ред. В.Д. Жигунина и др. Казань: Экоцентр, 1998. С. 9-17.
- Список научных трудов доктора исторических наук, профессора Владимира Даниловича Жигунина [составитель З.Р. Жигунина] // Мv̇ṁa. Сборник научных трудов, посвященный памяти Владимира Даниловича Жигунина [редакционная коллегия: Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев, О.Л. Габелко (ответственный редактор)]. Казань, 2002. С. 133-142.

Составители Г.П. Мягков, В.И. Кащеев, Л.А. Сыченкова

Раздел 2

Личность историка: ответы на вызовы времени

УДК 930.1

Чеканцева З.А.

Вызовы XXI века, историки и будущее истории

В XXI веке образ истории, сложившийся в эпоху модерности, стал проблемой как в интеллектуальной культуре, так и в повседневной жизни. Происходящие перемены обсуждаются давно. Но сегодня в трансдисциплинарном пространстве наряду с критикой устоявшихся протоколов исторического исследования идет поиск другой исторической оптики, формируется новый этос истории. При этом проблематика возможностей и пределов дисциплинарной истории, а также ее будущего соотносится с состоянием знания в широком смысле. На основе текстов историков, философов, социологов и антропологов в статье обсуждается три аспекта этой обширной темы: статус истории в современном мире и ее отношения с прошлым; соотношение дисциплинарного и трансдисциплинарного знания; новый этос истории и идентичность историка.

Ключевые слова: история, историческое время, трансдисциплинарность, этос истории, антропоцен

Поводом для создания этого текста стал вопрос, прозвучавший недавно на одном из научных мероприятий Москвы: «Зачем нужны историки?». Ответ на него предполагает обсуждение современного состояния истории как дисциплинарного знания. XIX век верил в историю и в будущее, которое можно планировать. Это была оптимистическая вера в продуктивную силу истории, возведенная в ранг новой религии. В наши дни, по словам Алейды Ассман, история – «это символ веры, утративший верующих» [4]. Вместе с Франсуа Артогом можно сказать, что история сегодня нуждается не столько в оправдании, сколько в защите [10].

В новом тысячелетии глобальной рамой для осмысления происходящих перемен становится Антропоцен. Вопросник, связанный с этой эпохой очень широк. Сюда входят запутанный мир человека и природы, экологические гуманитарные науки, нейронауки, многовидовые подходы в антропологии и археологии, дискуссии о биотехнологиях, транс- или постгуманизме, искусственном

интеллекте, цифровые технологии и проч. Единственная сфера познания, способная объединить все это – история науки. Общие метаморфозы истории и потребность в новой исторической оптике в истории науки проявляются отчетливо. Тем не менее и здесь все очень непросто [2, с. 17]. Лоррейн Дастон, известный авторитет в этой области, предлагает заменить историю науки историей знания [1, с. 63-69].

Ситуация осложняется тем, что на смену междисциплинарности приходит трансдисциплинарность как ключевая исследовательская практика, необходимая для понимания времени и мира, в котором мы живем. Это влияет на экологическое, историческое, политическое мышление и требует радикального обновления словаря и инструментария философии и науки. Кроме того, в последние тридцать лет происходит фундаментальный сдвиг в организации научной деятельности. Наряду с дисциплинами все большее значение приобретают различные *studies: gender studies, cultural studies, memory studies, area studies, diaspora studies, technoscience studies, time studies...* Список можно продолжать долго. Все они предполагают изучение проблем, которые невозможно разрабатывать в рамках одной дисциплины [13]. До сих пор не очень ясно, как все это устроено. Историки присутствуют в этих исследовательских образованиях. Однако, как работает историк в рамках *studies*? Что значит «взаимодействовать с историей» в трансдисциплинарном исследовании? Как история воспринимается и используется в различных полидисциплинарных проектах? Как трансдисциплинарные подходы влияют на историческую дисциплину? Некоторые историки науки, например, Питер Галисон, соавтор знаменитой книги об объективности [6], отмечают сильное противодействие историзму и даже «бегство от истории» [9, с. 111-124]. Речь идет главным образом об историцистском варианте истории, но именно такой тип до сих пор преобладает во многих областях исторического знания. О «недостаточности современного исторического мышления» и необходимости обновления режимов историзации размышляют и философы [20].

Историки науки и теоретики истории, акцентирующие роль профессиональных норм в историческом творчестве, не учитывают новые глобальные проблемы, требующие изменения конвенциональных оснований исторического исследования. Разумеется, это трудно: максима «история слишком серьезное дело, чтобы доверять его только историкам» широко известна. Но в нашей дисциплине накопилось такое количество условностей и «вечных вопросов», что историкам уже просто не верят. Пришло время подумать, как перестроить организацию производства исторического таким

образом, чтобы это не влияло на авторитет профессии. Известно, что во многих случаях историческое знание способно разбираться в сложнейших ситуациях лучше, чем любое другое. Историографические шедевры, созданные историками в разное время и до сих пор сохраняющие свою историчность, убедительное тому свидетельство. И все же, я согласна в теми, кто обосновывает необходимость перенастройки теории и практики исторического познания [7; 18].

Несмотря на известную многозначность слова история в мире повседневности, да и в мире науки она чаще всего понимается как синоним прошлого или как «совокупность событий прошлого». Возможно, это связано с образованием, где история преподается главным образом как наука о прошлом. Однако, что такое прошлое? Если речь идет о том, что было – это одно. Если о прошлом как об одном из модусов времени в западной темпоральной традиции – другое. В любом случае историк имеет дело с очень сложными и зыбкими явлениями: реальностью и временем. В XIX веке история, утверждая свою научность, отделила прошлое от настоящего и сделала его своим предметом. Но так понимаемая предметность исторической дисциплины давно проблематизирована [3; 14, р. 813-868]. Кроме того, возможно разное восприятие прошлого. Есть прошлое вообще, есть историческое прошлое традиционной дисциплинарной историографии, есть «практическое прошлое», которому посвятил свою последнюю книгу Хейден Уайт [22], существует также «полезное» или актуальное прошлое, которое активно используется. Одним из самых серьезных вызовов для историков стало то, что прошлое теряет статус самодостаточной ценности, поскольку становится частью настоящего [16, р. 1-29; 17, р. 403-433]. В начале нового тысячелетия в научный оборот активно входит понятие «присутствия» (presence), которое меняет привычное представление об историческом исследовании. Речь идет о том, что прошлое – это не только то, «что было до нас, но и то, что стало с нами» (E. Runia). Поэтому ученые настаивают на необходимости учиться видеть множественность времен во всех модусах времени.

В последнее десятилетие в международной науке появились манифесты, по-разному обосновывающие мысль, что в современной интеллектуальной ситуации наши усилия, направленные главным образом на выяснение того, что там действительно было в прошедшем связаны с риском получить окостеневшее прошлое, способное в принципе отлучить людей от истории как специализированного научного знания. Мы не можем больше уходить от признания того, что такие базовые компоненты традиционной дисциплинарной истории как историческая правда, объективность, бес-

пристрастие исследователя, причинно-следственные связи, историческое время, хронология, контекст и другие воспринимаются сегодня в междисциплинарном пространстве, да и в обыденной жизни совсем не так, как предписывают стандарты ремесла историка. В современной теории истории они приобрели статус «эпистемических добродетелей», которые, как и все добродетели изменчивы.

Слишком «узким» представляется сегодня определение истории, предложенное Марком Блоком: «наука о людях во времени». В междисциплинарном режиме анализируются антропоцентристские предубеждения ученых и подчеркивается необходимость разработки альтернатив. Жак Ле Гофф писал, что дефиниция истории, предложенная М. Блоком «не идеальна» еще в середине 1980-х годов. Прежде всего, потому что «история не совсем наука, но скорее дисциплина, обладающая научным характером». Кроме того, «историки изучают людей в обществах и это важно». Наконец, «категория времени слишком абстрактна». Ле Гофф предлагал другую формулу: история – «научное изучение человеческих сообществ в их темпоральной эволюции» [12, р. 34-35]. В то же время Ж. Ле Гофф, так же как и М. Блок, считал историю наукой об изменении и настаивал на том, что историки нуждаются в более тонкой теории исторического времени.

В последние годы становится все яснее, что связанное с прогрессом историческое время, в структуре которого прошлое навсегда остается в прошедшем, а будущее всегда лучше настоящего, устарело. Философы и ученые все чаще обращаются к теме времени, написаны блестящие исследования о времени историческом, но время и темпоральности все еще изучаются в рамках абсолютного и естественного времени, просто обозначая прошлое, последовательность или историю. В историографии линейность и таксономия сохраняются в качестве основы [21]. Мы продолжаем писать историю в хронологическом порядке и, по сути, работаем в рамках науки XIX и XX веков, хотя множество сомнений по этому поводу было высказано более века назад. Между тем вызовы антропоцена оправдывают масштабную ревизию темпоральной проблематики, направленную на модернизацию научных исследований и выживание человечества [15].

Признание наличия разных опытов времени и множества режимов темпоральностей актуализирует проблему присутствия в настоящем не только прошлого, но и будущего. Стало ясно, что современная концепция истории в определенной степени должна соответствовать видению будущего, которое реально влияет на то, как люди воспринимают мир. Не удивительно, что тема будущего

приобретает все более важное значение в исследованиях ученых, в том числе историков [8; 5].

Переосмысление базовых протоколов истории и других форм знания, имеющих интерес к прошлому, теперь объединяется тем, что называют этико-политическим поворотом. С ним связывают формирующийся в трансдисциплинарном режиме новый этос истории, понимаемый как «характер» и авторитет исторического способа знания [11]. Стержень такого поворота – признание необходимости активнее участвовать в обсуждении проблем современного мира, его настоящего и будущего, возможностей и перспектив с помощью истории. Проекты ревизии устоявшихся отношений между модусами времени, прежде всего между прошлым и настоящим безусловно политически ангажированы. Но и традиционная история не без оснований представляется как средство сохранения идентичности и приручения новизны будущего [19, р. 494-516].

Историцистские установки направлены прежде всего на стандартизацию и контроль на основе универалистского проекта в рамках дисциплинарного знания, предполагающего использование истории, в том числе в политических целях. Стержень новой этики составляет понимание, что история, которая пишется историками, по большому счету виртуальна и ее цель объяснять различия, а не контролировать их. В социальной функции истории все большее место занимает задача развития творческого начала, в том числе воображения в жизни каждого конкретного человека и активизации деятельного политического участия в построении общего порядка. Соответственно меняется представление о социальной роли историка. Он становится активным актором современности, в идеале независимым от внешнего принуждения при реализации своих профессиональных задач.

Библиография

1. Дастон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. Т. 3, N 1. С 63-89.
2. Писарев А., Гавриленко С. В поисках ускользающего объекта: наука и ее история // Логос. 2020. Т. 30. N 1. С. 1-28.
3. Полтавцева Н. Исторична ли история? // Новое литературное обозрение, 1997. 3 (22). – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/1997/3/istorichna-li-istoriya.html>
4. Assman A. Conclusion: A Creed That Has Lost its Believers? Reconfiguring the Concepts of Time and History // Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism. Edited by Tamm M. and Olivier L. Bloomsbury academic. 2019.
5. Baschet J. Défaire la tyrannie du présent. Temporalités émergentes et futurs inédits. La Découverte. Paris, 2018.
6. Daston, L. Galison, P. Objectivity. New York: Zone Books, 2007.
7. Domanska E. Unbinding from Humanity: Nandipha Mntambo's Europa and the Limits of History and Identity // Journal of the Philosophy of History. 2020. 14. P. 310-336.
8. Duclert V. L'avenir de l'histoire. Paris: Armand Colin, 2010.

9. Galison P. 10 Problems in History and Philosophy of Science // *Isis*. 2008. Vol. 99. № 1. P. 111-124.
10. Hartog F. *Croire en l'histoire*. Flammarion. Paris, 2013.
11. Helgesson St., Svenungsson J. (eds.). *The Ethos of History: Time and Responsibility*. New York: Berghahn Books, 2018.
12. Le Goff J. Le changement dans la continuité // *Espaces Temps*. 1986. 34-35.
13. Monteil L., Romerio A. From disciplines to "Studies". Knowledge, trajectories, policies S.A.C. // *Revue d'anthropologie des connaissances*. 2017. Vol. 11, №3.
14. Morsel J. Traces? Quelles traces? Réflexions pour une histoire non passéiste // *Revue historique*. 2016/4. n°680. P. 813-868.
15. *Rethinking Historical Time. New Approaches to Presentism*. Edited by Tamm M. and Olivier L. Bloomsbury academic, 2019.
16. Runia E. "Presence," *History and Theory*. 2006. 45 (1). P. 1-9.
17. Runia, Eelco and Marek Tamm (2019), "The Past is Not a Foreign Country: A Conversation" // *Rethinking History*, 23 (3). P. 403-433.
18. Simon Z. B. *History in Times of Unprecedented Change: A Theory for the 21st Century*. London: Bloomsbury, 2019.
19. Simon Z.B. Domesticating the future through history // *Time & Society*. 2021. Vol. 30 (4). P. 494-516.
20. Simon Z.B. The role of history in an anthropocenic knowledge regime // *Public History Weekly*. – 2021. – Feb. 11. – URL: <https://public-history-weekly.degruyter.com/9-2021-1/anthropocene-knowledge-regime/>, свободный.
21. Tanaka S. *History without Chronology*. Lever Press, 2019.
22. White H. *The Practical Past*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2014.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия; achekantzev@mail.ru

The Challenges of the 21st Century, Historians and the Future of History

In the 21st century, the image of history developed during the era of modernity has become a problem both in intellectual culture and in everyday life. Scientists have been discussing the ongoing changes for a long time. However, today, in the transdisciplinary space, along with criticism of the established protocols of historical research, a search for other historical optics is making, a new ethos of history is forming. At the same time, problems of the possibilities and limits of disciplinary history, as well as its future, correlate with the state of knowledge as a whole. Based on the texts of historians, philosophers, sociologists, and anthropologists, the article discusses three aspects of this vast topic: the status of history in the presentist world and its relationship with the past; the ratio of disciplinary and transdisciplinary knowledge; the new ethos of history and the historian's identity.

Keywords: history, historical time, historicity, transdisciplinarity, ethos of history, historian's identity, anthropocene

Chekantseva Zinaida Alekseevna, Doctor of History, Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; zinaidachekantseva@gmail.com

Крих С.Б.

А.В. Свешников: путь историографа

В работе обрисован вклад А.В. Свешникова в развитие истории исторической науки в отечественной традиции в постсоветский период. А.В. Свешников смог сформулировать наиболее решительную версию антропологического подхода, но после его первого полноценного изменения не продолжил его разработку, обращаясь к другим темам или выстраивая свои работы на своей блестящей научной интуиции.

Ключевые слова: А.В. Свешников, историография, антропологический подход, история исторической науки

Если бы мы составляли интеллектуальную карту России, то по одному типу обозначений она наверняка оказалась бы среди мировых лидеров – вся её заселённая территория густо покрыта сетью мемориальных конференций. Как это произошло – наверное, тема для специального исследования, а сейчас останавливаться на этом вопросе неуместно, но имеет смысл сказать, что лучший путь сделать такого рода мероприятия частью полезного, а не ритуального мышления – это положить в их основу попытку рациональной оценки вклада и особенностей тех учёных, чьей памяти каждая из них посвящена.

Обращаясь к оценке деятельности А.В. Свешникова (1968–2021), важно найти нужную точку отсчёта, а именно: увидеть, в каком состоянии находилась отечественная история исторической науки во время вхождения нашего героя в научную деятельность. Это были пронзаемые молниями надежд и разочарований сумерки советской историографии, в которых она спешно переодевалась в модернизированную российскую. Марксизм был опознан как идеологизированное учение, а новый мир предполагался свободным от идеологии (и в этом была его идеология). Если ранее этого времени правильная историческая работа должна была опираться на учение о формациях, то теперь, к началу 2000-х гг., на дуализм формации и цивилизации (что, конечно, было само по себе ранним постсоветским интеллектуальным мифом, впрочем, вполне влиятельным и по сей день).

Как же в этих условиях следовало писать правильную историографическую работу? Ответ в нашей традиции тоже лежит на поверхности: нужно рассказать об историке через его время и через его концепцию. В этом простом рецепте важную легитимирующую роль играет теоретическое введение, которое в прежние времена было индоктринировано марксизмом, а в начале постсоветского

времени его место заняли вариации методологических обобщений И.Д. Ковальченко [1], дополненные признанием (нередко формальным) полифонии теоретических подходов. В этих условиях недобранный интерес к личности историка в соединении с тем фактом, что личность, казалось, легче изучать в условиях фактического (не номинального!) отсутствия теории, сработал с особой силой. Антропоцентризм отечественной историографии родился не столько как очередное заимствование (хотя у него достаточно прообразов в зарубежной науке), сколько как результат её внутренних условий и её немного наивных чаяний через рассказ о великих историках прошлого вернуть себе и родной культуре ощущение важности исторического ремесла.

В ситуации, когда старые методы познания работали нестабильно (в то время как их стабильное применение именно по отношению к «истории историка» не давало фактически ничего), а новые было непонятно, как применять, важно было развивать те умения, которые могут поддержать любого учёного в эпоху теоретического рассеяния – здравый смысл и научную интуицию. Антон Вадимович обладал этими качествами в полной мере. Можно предположить, что они не только привели его к темам его работ, связанным в те годы с изучением конфликтов между учёными (поколенческих в том числе) – а это всегда сюжетно удачный ход, потому что драма и для науки ценнее простого описания, – но они же привели его к осознанию необходимости некоей теоретической рамки, внутри которой все эти конфликты можно было поместить так, как размещает художник фигуры в эскизах будущей картины, когда уже приблизительно представляет размер полотна. Легко сказать, что такой теоретической рамкой была выбрана им схолярная тематика, но это будет неверно – понятие школы, конечно, играет важнейшую конституирующую роль в докторской диссертации Свешникова (на её основе выйдут две версии главной монографии его жизни), но истинный теоретический посыл его работы заключается, по сути, в одной фразе: «мы будем изучать конкретное племя учёных-историков» [4, с. 31], в версии 2016 г.: «мы будем исследовать “племя” учёных-историков» [2, с. 35]. То есть сообщество историков в базовых своих характеристиках должно изучаться по той же логике, что сообщество оленеводов, например, – это и есть самая краткая, концентрированная аксиома антропологического подхода.

Тем самым А.В. Свешников гораздо решительнее многих пошёл к идее, что историки подобны пресловутым собакам, которые лают не всегда на караван истории, а часто друг на друга. И понимание этого позволяет историографию увидеть логику в тех

явлениях, которые он прежде вынужден был объяснять исключительно социальным происхождением историка или политическими событиями, которые тот застал. Нельзя сказать, что Свешников был единственным или даже абсолютно первым, кто это сделал в нашей науке, но чётко сформулировать что-либо иногда почти равносильно тому, чтобы это открыть.

Итак, этот тезис был заявлен десять лет назад, и впереди автору было отпущено ещё почти десятилетие творчества – время, за которое будет опубликовано больше половины его трудов (приблизительно шестьдесят из более чем ста десяти). Но в это же время наступили творческие сложности, природа которых понятна мне только отчасти. Прежде всего, на мой взгляд, сказалось недоверие к «метатеории»: несмотря на то, что сформулированный антропологический подход, по сути, и был метатеорией, сам автор формулировки о племени историков не был готов её далее развивать, поскольку найдена она была интуитивно, как необходимое обрамление прежде уже выписанных фигур. Эта проблема очень хорошо проявилась почти сразу после выхода первого варианта книги. В коллективной монографии о советской исторической науке в послевоенное десятилетие Антон Вадимович написал параграф, посвящённый А.Д. Удальцову [5, с. 373-401]. Параграф этот примечателен тем, что в нём сначала заявлены характеристики Удальцова, обрисован некий идеальный тип учёного-администратора, а потом эти характеристики проиллюстрированы подобранным под них материалом. То есть текст выстроен таким образом, что теоретическая рамка параграфа не обоснована как логическое следствие работы с материалом, не заявлена как возможная пробная структура, а поставлена как ограничитель для историографических фактов. Интуитивизм дрейфует к априоризму.

Вторая проблема, которую, на мой взгляд, сыграла свою роль, заключается в том, что импульс интуиции не вечен, особенно если активно заниматься различными темами (Свешников занимался наукой и XIX, и XX вв., успел поработать с историей диссидентского движения и с особенностями движения реконструкторов, был одним из составителей словаря культуры Омска – причём не описательного, а проблемного, аналитического), то рано или поздно отдельные интуитивные находки начинают накладываться друг на друга – далеко не всегда непротиворечиво. Если мы для примера обратимся к одной из последних работ Антона Вадимовича – небольшим тезисам о конце советской историографии [3], то увидим, что их содержание таково: поставлен действительно интересный вопрос (интуитивно интересный), а далее делаются попытки то ли дать на него ответ, то ли не давать какого-либо определённого от-

вета. При этом сложно понять, то ли дело в том, что перед читателем разложены эклектично подобранные критерии, фокусировка на каждом из которых даёт обратные результаты, то ли раскрытие принципа подбора этих критериев и было главной задачей этих тезисов, но задача эта не была выполнена, поскольку в заявке критериев снова победил априоризм. Следовательно, перед неожиданным завершением своего жизненного пути А.В. Свешников находился в состоянии творческого кризиса, который, думаю, мог привести его в итоге к новым открытиям.

Но не будем обманываться, сводя оценку сложной жизни к сухим банальностям. Сколько видели мы аспирантов или даже вполне состоявшихся учёных, прекрасно овладевших теоретическим инструментарием и создающих шаблонные, непротиворечивые и в общем скучные научные поделки – настоящий приговор гуманитаристике?! Здравый смысл и интуиция – феномены, которые нельзя усвоить механически, но отточенное умение пользоваться ими служит единственной защитой от скатывания в самоповтор. Пусть это и не абсолютная защита, но она очень помогала А.В. Свешникову.

Итак, чему может научить нас пример его научного пути? Тому, что здравый смысл и интуиция – источники научной работы, которые при этом сами далеко не полностью относятся к сфере науки (и потому не могут быть полностью формализованы). Тому, что целостная и самостоятельно проверенная научная теория – не важно, заимствованная изначально или выстраданная с нуля – продуктивнее, чем пустотная междисциплинарность (хотя бы потому, что поддаётся процедуре фальсификации по Попперу). И тому, что наши поиски иногда могут заводить нас в тупик, но оценивать наши деяния следует, по завету одного итальянского историографа, по их лучшим, а не худшим проявлениям.

Библиография

1. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
2. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.
3. Свешников А.В. Когда закончился советский период в истории отечественной исторической науки? // Омские научные чтения – 2020. Материалы Четвёртой Всероссийской научной конференции. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. С. 2228-2235.
4. Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 408 с.
5. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / ред. В.П. Корзун. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск; krikh@rambler.ru

The Path of Historiographer: Anton Sveshnikov

The paper is dedicated to the contribution of Anton Sveshnikov in the development of the history of historical scholarship in the national tradition in the post-Soviet period. Sveshnikov was able to formulate the most decisive version of the anthropological approach in historiography, but after his first full-fledged change he did not continue his work, turning to other topics or building his work on his brilliant scientific intuition.

Key words: Anton Sveshnikov, historiography, anthropological approach, history of historical scholarship

Krikh Sergey Borisovitch, Doctor of History, Professor of the Department of General History. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia; krikh@rambler.ru

УДК 930.1

Таньшина Н.П.

Больше, чем Учитель.

**Памяти Ирины Аркадьевны Никитиной
и Роберта Григорьевича Ланды**

Статья посвящена памяти известных историков и педагогов д.и.н., профессора И.А. Никитиной и д.и.н., профессора Р.Г. Ланды. В статье освещаются основные вехи научной и педагогической биографии ученых, их научные школы. Основное внимание уделяется воссозданию психологических качеств И.А. Никитиной и Р.Г. Ланды и раскрытию личностных свойств ученых.

Ключевые слова: И.А. Никитина, Р.Г. Ланда, историческая наука, высшее образование, учителя, исторические школы

В моей жизни было несколько учителей, повлиявших на становление меня, как историка. Сначала – это школьный учитель истории в старших классах, Татьяна Александровна Ярова, затем – мой преподаватель новой истории в Коломенском педагогическом институте к.и.н., доцент Маргарита Анатольевна Толстая, которая буквально за руку привела меня в квартиру на улице Тимура Фрунзе в Москве, где жила д.и.н., профессор Ирина Аркадьевна Никитина, которая стала руководителем моей кандидатской диссертации.

Уверена, для каждого из нас, учеников И.А. Никитиной, она была не просто научным руководителем или научным консультантом, а Учителем. И не просто мудрым наставником в постижении наук, а учителем жизни, просветителем, гуманистом, интеллектуалом. Эти эпитеты употребляются, как правило, по отношению к представите-

лям сильного пола, и тем более поразительно, что все они применимы к этой яркой, талантливой, необыкновенно заботливой и предельно внимательной женщине с удивительно красивыми руками пианистки и огромным сердцем, в котором хватало места и душевного тепла для всех ее учеников. Обо всех своих учениках Ирина Аркадьевна отзывалась с неизменной теплотой, переживала и печалилась, как о своих детях, а ее самым горячим желанием было собрать всех за большим обеденным столом. Конечно, мы, ее ученики, не всегда были лично знакомы друг с другом, но она так искренне переживала за всех нас, старалась всем помочь, что создавалось впечатление, будто мы прекрасно знаем друг друга, составляем нечто целое, и объединяет нас, конечно, наш Учитель.

Напомню основные вехи биографии И.А. Никитиной. В 1934 г. сразу после открытия исторического факультета 20-летняя Ирина поступила в МГУ, где ее учителями были корифеи отечественной исторической науки – С.Д. Сказкин, Е.А. Косминский, Н.А. Машкина, М.В. Нечкина, С.Б. Канн, Е.В. Тарле, В.М. Хвостов. У Е.В. Тарле И.А. Никитина занималась в спецсеминаре по истории Французской революции и потом вспоминала, как они, студенты, буквально по дням изучали события революции, составляли хронологические таблицы на уже ушедших в историю листах ватмана.

После окончания университета в 1940–1941 гг. Ирина Аркадьевна работала учителем истории в московской школе № 41, а в 1943 г. поступила в аспирантуру МГПИ им. В.И. Ленина на кафедру новой и новейшей истории. Спустя два года она уже преподавала в этом университете, в разное время читая основной курс по новой истории западноевропейских стран, многочисленные страноведческие курсы на профильных факультетах, проводила спецсеминары по актуальным проблемам всеобщей истории. В 1946 г. И.А. Никитина защитила кандидатскую диссертацию «Вильям Коббет и проблемы аграрного развития Англии в конце XVIII – начале XIX в.». Ее докторская диссертация была посвящена изучению проблем колониальной истории Великобритании («Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.)» [1; 2; 3; 4]. Под руководством И.А. Никитиной было подготовлено 40 докторов и кандидатов наук, среди которых С.Б. Семенов, Т.А. Павлова, М.Ю. Золотухин, А.Б. Соколов, Н.В. Ростиславлева, В.В. Есипов, В.Л. Пархимович, О.И. Галкина, Д.А. Ростиславлев, М.В. Жолудов.

Когда в июне 1996 г. я впервые увиделась с Ириной Аркадьевной, я еще не знала, что она уже почти не видела и в первые минуты разговора кивала в знак согласия, пока М.А. Толстая не поправила меня. И при этом Ирина Аркадьевна полностью себя обслуживала, готовила обед, угощала своей фирменной курицей с рисом,

просила приготовить бутерброд «а-ля Дмитрий Александрович» (имеется в виду Д.А. Ростиславлев) с маслом и яйцом. При этом никогда не забуду историю про «кожаные подметки», как их называла Ирина Аркадьевна, которыми кормили в столовой во время Великой Отечественной войны, и ее рассказы о родственниках из блокадного Ленинграда, когда вся семья, в том числе и ее глава, директор хлебозавода, погибла от голода.

Порой, спеша на занятия в университет, я вспоминаю ее рассказы о том, как она выходила из дома за два часа до начала рабочего дня с тем расчетом, чтобы успеть на службу, если не будет ходить транспорт. И проделывала этот путь ни с кем иным, как с «Мишей Баргом» и «Фимой Черняком»! Для меня, вчерашней студентки, обучавшейся по работам М.А. Барга и Е.Б. Черняка, это было чем-то невероятным, сравнимым разве что с обедом у английской королевы! А потом оказалось, что и с окружением королевы Ирина Аркадьевна заочно, можно сказать, знакома. На ее статью, посвященную англо-бурской войне, пришел ответ из английской Палаты лордов! Якобы, в статье содержались сведения, порочившие политику Ее королевского Величества. До международного конфликта дело, к счастью, не дошло, поскольку источниковой базой для написания статьи явились материалы ООН, с которыми было вынуждено считаться правительство Ее Величества.

А чего стоит ее рассказ о молодом преподавателе, аспиранте педагогического института, которого с «волчьим билетом» выгнали из «Храма наук» без права защиты диссертации и преподавания только из-за того, что он в ответ на поступивший из аудитории вопрос о его отношении к роману Бориса Пастернака «Доктор Живаго» честно признался, что роман не читал и поэтому суждения вынести не мог. Уже буквально через несколько часов об этом антипедагогичном поступке стало известно в горкоме партии! Или история с защитой докторской диссертации Е.И. Поповой, о которой уже через полчаса сообщили по «вражескому» радио! К счастью для Евгении Ивановны, ничего «проамериканского» и «антисоветского» в ее выступлении обнаружено не было. Или рассказы о том, как, работая в Большой советской энциклопедии, Ирина Аркадьевна с коллегами проверяла тексты: по горизонтали, вертикали, диагонали, справа налево, дабы никакая крамола не проникла. Но кроме крамолы, вычитывались и сами тексты, и Ирина Аркадьевна была блестящим редактором и стилистом. Это все живая история, история нашей страны, история XX века, а для Ирины Аркадьевны это была просто ее жизнь.

Я вспоминаю ее рассказы о детских годах, о том, что она, совсем как Лев Толстой, помнила некоторые моменты своего мла-

денчества. А каждый из учеников, я думаю, вспомнит слова Ирины Аркадьевны: «Лев Толстой переписывал “Анну Каренину” пятнадцать раз, и при этом он был гением!». Снова и снова читала я Ирине Аркадьевне свой текст, а она должна была воспринимать его на слух, постоянно внося свои коррективы, совершая пространные экскурсы в историю изучаемой страны или вспоминая истории из своей жизни. Конечно, это было очень увлекательно, хотя работа продвигалась медленно, но таких вычитанных текстов у меня, наверное, не было, да и не будет.

Еще я вспоминаю рассказы Ирины Аркадьевны о гувернантках, обучавших ее в детстве языкам, о том, что первую половину дня она могла думать на английском, вторую – на французском языке и при этом проигрывать в голове, по памяти, сложнейшие музыкальные произведения. Ведь она была превосходной пианисткой и поступила в Московскую консерваторию, но началась война, однако любовь к музыке и дружба с выдающимися музыкантами, например, Иваном Козловским, сохранилась на долгие годы. И люди искусства всегда тянулись к Ирине Аркадьевне, а сама она историю как науку не мыслила без литературы и много лет преподавала спецкурс по истории мировой литературы. Как известно, В.И. Герье, выдающийся историк, судьба которого была связана с МПГУ, писал о родстве между занятием исторической наукой и искусством, и для Ирины Аркадьевны эта связь также была очевидной.

Еще я помню рассказы о легендарном дедушке Ирины Аркадьевны, который, будучи ребенком, сидя на высоком дереве, слушал императорский указ об отмене крепостного права! А когда я, занимаясь изучением жизни и деятельности известного французского историка и политика Франсуа Гизо, упомянула в разговоре совсем не знакомое мне на тот момент имя княгини Ливен, оказалось, что у Ирины Аркадьевны дома хранится икона из московского дома Ливен. Обменяли на что-то в годы войны. Спустя много лет Дарья Христофоровна Ливен стала героиней моей книги.

И самое главное, что всегда со мной, это девиз Ирины Аркадьевны, которым она каждый раз напутствовала нас, своих учеников: «Вперед и выше!». Это как пароль, как пропуск в круг тех, кому довелось иметь такого Учителя, как И.А. Никитину.

К Роберту Григорьевичу Ланде я попала при печальных обстоятельствах. Я поступила в докторантуру к И.А. Никитиной, которая, собственно, на этом и настояла, считая, что не нужно откладывать. Однако через несколько месяцев Ирины Аркадьевны не стало, и меня передали д.и.н., профессору Р.Г. Ланде, ученому с миро-

вым именем в области изучения истории Алжира, Магриба и ислама [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

В 1953 г. Роберт Григорьевич окончил арабское отделение Московского института востоковедения. В 1958 г. защитил кандидатскую («Национально-освободительное движение в Алжире после второй мировой войны (1945–1954 гг.)»), а в 1973 г. – докторскую диссертацию («Этапы алжирской революции»). С 1957 г. работал в Институте востоковедения РАН, 17 лет возглавлял там отдел сравнительно-теоретических исследований. Кроме того, Р.Г. Ланда читал лекционные курсы на историческом факультете МПГУ и в Восточном университете, в 1970-е гг. преподавал в ИСАА при МГУ. Является автором более 20 монографий и 600 научных статей на русском, английском, немецком, французском и арабском языках. Под его руководством было защищено более 40 кандидатских и докторских диссертаций и сейчас ученики Роберта Григорьевича – уже состоявшиеся исследователи и педагоги: С.Ю. Рафалюк, А.В. Воеводский, С.Ю. Серегичев, Ф.О. Плещунов.

Работа с Робертом Григорьевичем – это уже совершенно иной опыт. Если Ирине Аркадьевне я каждую неделю приносила текст, который читала, то Роберту Григорьевичу я приносила большие блоки и получала его замечания и дополнения. И как же мне было безумно интересно читать его заметки на полях или на оборотах текста! И мне всегда казалось, что самое важное – это замечания, наблюдения и выводы, сделанные Робертом Григорьевичем.

А как он «ловил блох»! Это выражение я и узнала от Роберта Григорьевича. И сейчас всегда вспоминаю, когда «ловлю» уже своих «блох», а они всегда от меня ускользают! С Робертом Григорьевичем мы часто пересекались на ходу, в метро, где я ему передавала свои толстенные тома, а там его ждали уже другие ученики. На обсуждении моей диссертации на кафедре Роберт Григорьевич, выступая как мой научный консультант, сказал буквально следующее: «Как-то мы встречались с Наталией Петровной в метро, и там был мой аспирант. Когда мы с ней расстались, этот аспирант сказал: “Роберт Григорьевич, у Вас такая красивая докторантка!”. Больше о моей работе Роберт Григорьевич особо не стал распространяться (конечно, в отзыве все было написано). А для меня, наверное, эти слова так и остались самым памятным и ярким комплиментом. И Роберт Григорьевич именно таким и был: утонченным, изящным, галантным.

Как-то недавно, на международной конференции в Херсонесе, общаясь с коллегами из Института востоковедения РАН, я обмолвилась, что моим руководителем был Роберт Григорьевич... «Так вы у ЛАНДЫ учились?» – и столько в этом восклицании было ува-

жения к моему Учителю... *Chareau*, как сказали бы французы. Или, как писал на полях моей диссертации Роберт Григорьевич: «Когда мой отец учился в Сорбонне...».

Он был необыкновенно светлым и очень скромным человеком. Помню, на заседаниях кафедры новой и новейшей истории МПГУ присаживался всегда скромно, на стульчике, где-то с краешка. Но это как в случае с князем Талейраном: главное место там, где сидит он. В конце обсуждения заведующий кафедрой А.М. Родригес всегда обращался к Роберту Григорьевичу – его слово было самым важным и авторитетным.

И Роберт Григорьевич, будучи удивительно тактичным человеком, был предельно честен и тверд в том, что касается научных принципов. Как-то на заседании диссертационного совета ему пришлось выступить с объективной критикой в адрес своего же докторанта, и все видели, как ему тяжело было об этом говорить.

Блестящий интеллект, человек уникальных знаний и невероятного кругозора, с лучистыми глазами и потрясающей улыбкой, доброй, по-мальчишески задорной и хитрой, но и очень мудрой.

И.А. Никитина и Р.Г. Ланда были очень разными людьми, но многое сближало этих блестящих интеллектуалов и последних из могокан. Ирина Аркадьевна, несомненно, в большей степени раскрыла себя в своих учениках, создав целую школу по изучению общественно-политической мысли западных стран. Роберту Григорьевичу удалось сочетать в себе качества прекрасного педагога и ученого-арабиста с мировым именем.

Памяти моих Учителей я посвящаю свою статью, и я благодарна организаторам конференции за эту уникальную возможность.

Библиография

1. Никитина И.А. Франко-прусская война и крушение Второй империи: Лекция; Моск. гор. пед. ин-т им. В.П. Потемкина. М.: [б.и.], 1956. 24 с.
2. Никитина И.А. Захват бургских республик Англией. (1899–1902 гг.) / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. М.: Наука, 1970. 213 с.
3. Новая история, 1640–1870: [учебник для исторических факультетов педагогических институтов] / [А.Л. Нарочницкий, Н.Е. Застенкер, С.Б. Кан и др.]; под ред. А.Л. Нарочницкого. 4-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1986. 702 с.
4. Сборник документов по истории нового времени: буржуазные революции XVII–XVIII вв.: [учебное пособие для вузов по специальности "История"] / [сост. И.А. Никитина и др.]; под ред. В.Г. Сироткина. М.: Высшая школа, 1990. 301 с.
5. Ланда Р.Г. Национально-освободительное движение в Алжире. (1939–1962 гг.). М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1962. 290 с.
6. Ланда Р.Г. История алжирской революции, 1954–1962. М.: Наука, 1983. 286 с.
7. Ланда Р.Г. Страны Магриба: общество и традиции. М.: Знание, 1988. 63 с.
8. Ланда Р.Г. История Алжира в новое и новейшее время / [Р.Г. Ланда, Е.И. Миронова, Е.Л. Симонов, Н.Г. Хмелева; Ред. А.М. Васильев]. М.: Наука, 1992. 378 с.

9. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Изд. фирма "Вост. лит.", 1995. 311 с.
10. Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 308 с.
11. Ланда Р.Г. История арабских стран: учебник. М.: Вост. ун-т, 2005. 319 с.
12. Ланда Р.Г. Социология современного Востока: [учебник]. М.: Восточный ун-т, 2008. 414 с.
13. Ланда Р.Г. Россия и ислам: путь к взаимодействию; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук, Централизованная религиозная организация Духовное управление мусульман Российской Федерации. М.: Медина, 2016. 338 с.

Таньшина Наталия Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; nata.tanshina@mail.ru

More than a Teacher. In memory of I.A. Nikitina and R.G. Landa

The article is dedicated to the memory of famous historians and teachers, Doctor of History, Professor I.A. Nikitina and Doctor of History, Professor R.G. Landa. The article highlights the main milestones of the scientific and pedagogical biography of the scientists and their scientific schools. The main attention is paid to the reconstruction of the psychological traits of I.A. Nikitina and R.G. Landa and the disclosure of the inner world of scientists.

Keywords: I.A. Nikitina, R.G. Landa, historical science, higher education, teachers, historical schools.

Tanshina Nataliya Petrovna, Doctor of History, professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; nata.tanshina@mail.ru

УДК 93(092)"19"

Зипунникова Н.Н.

Учителя в историко-правовой науке: посвящение памяти профессора Тимура Петровича Евсеенко (1957–2020)

Историко-правовой науке в подготовке российских юридических кадров на протяжении трех столетий принадлежит отнюдь не последнее место. При этом проблемы роли учителя – историка права и схолярных связей видятся недостаточно осмысленными. В профессиональном научном формировании и личностном росте автора значимую роль сыграл Тимур Петрович Евсеенко (1957–2020) – профессор кафедры теории и истории государства и права Удмуртского госуниверситета, специалист по истории античной государственности, учитель и наставник многих практикующих юристов. В работе обозначаются проблемы, отдельные вопросы схолярной проблематики в историко-правовой науке, акцентируется внимание на роли

кафедры истории государства и права СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ в формировании личности Ученого и Наставника.

Ключевые слова: Учитель, наставник, схолярные связи, историко-правовая наука, Т.П. Евсеенко, А.В. Игнатенко, Свердловский юридический институт, Уральская государственная юридическая академия, память

Могущество памяти – важный и сильный тезис. Память об учителях, длящиеся интеллектуально-эмоциональные диалоги с наставниками, коллегами, в том числе ушедшими от нас, разнообразие практики их вспоминания являют собой органичную составляющую профессионального и личностного развития, бытия ученого, педагога, университетского человека. При этом обращение к проблематике схолярных связей и развития научных школ в юриспруденции, истории государства и права показывает, что названные вопросы в целом остаются сложными, соответствующий дискурс видится вялотекущим, а имеющиеся публикации носят эклектичный характер. В то же самое время усиление онлайн-компоненты в университетском образовании в последние годы принесло с собой особые, условно новые коммеморативные практики. В их числе – возможность широкой демонстрации портретов ученых-правоведов, историков права, университетских акторов (а также видеороликов, фильмов о них) в виртуальных аудиториях, подключение к занятиям музейных онлайн-экскурсий (к примеру, из мемориального музея С.С. Алексева – учителя многих поколений правоведов, одного из авторов действующей российской Конституции – «Восхождение к праву», более пяти лет функционирующего в Екатеринбурге) и т.п. Эти практики также требуют осмысления...

Осенью 2021 г. кафедра истории государства и права Уральского государственного юридического университета встретила свое 85-летие. Помимо рефлексии вокруг даты основания вузовской структуры (1918 vs. 1936) в рамках праздника в очередной раз поднимался вопрос об учителях и учениках в историко-правовой науке, о преемственности образовательно-научных институций и вырастании научных школ. В «одном из крупнейших синоптических изданий в сфере истории и теории права, вышедших в России» [8, с. 97] – 4-томном издании к предыдущему юбилею кафедры – «портретно-биографический» ряд справедливо открывается именем С.В. Юшкова, которого вузовская историография относит к основателям кафедры. Среди его учеников – И.Д. Мартысевич, в отношении научных занятий которого С.В. Юшков хлопотал в конце 1930-х гг., пытаясь добиться некоторого снижения его административной нагрузки в Свердловском юридическом институте и справедливо констатируя, что «т. Мартысевич является специа-

листом по истории государства и права нар. СССР. Почти все кафедры пустуют по этому предмету...» [2].

Схоларная проблематика сплетает целый ряд весьма непростых вопросов, в числе которых – условная научная «иерархия», когда говорят (или подразумевают это) об ученых «первого» и «второго» рядов. Скажем, имя выдающегося историка права, профессора университета Св. Владимира в Киеве М.Ф. Владимирского-Буданова (1838–1916), как думается, известно любому студенту, только познающему юридические (и историко-правовые) науки. А вот его учеников (И.А. Малиновского, М.Н. Ясинского и др.) и их небезытересные труды, равно как и их преподавательский опыт вспомнит, видимо, далеко не каждый специалист. Среди прочего важно еще раз обратиться к значимой проблеме сохранения учениками наследия учителя, популяризации его трудов. При всей каноничности самой ее постановки в практической плоскости обнаруживаются нуждающиеся в рефлексии нюансы и вопросы. В частности, отнюдь не безытересным видится кейс публикации С. Петровским в конце 1870-х гг. лекций по истории русского законодательства его учителя, профессора Московского университета И.Д. Беляева, который «при жизни своей не предназначал своего курса к печати, а потому он является здесь не с той тщательной отделкой в литературном и научном отношении, с какой бы он явился из рук самого автора» [11, с. 21]. Претензии к курсу лекций, в том числе со стороны М.Ф. Владимирского-Буданова, критику произведения вполне справедливо переадресуют «в большей степени к его ученикам, издавшим рукописи профессора» [1, с. 354].

Одним из главных моих учителей и первых наставников в *Alma mater* – Удмуртском университете – был Тимур Петрович Евсеенко, так рано ушедший от нас, но оставивший свой замечательный след и в историко-правовой науке, и, что мне видится особенно важным, в воспитании большого числа профессиональных юристов. Тимур Петрович родился 6 сентября 1957 г. в Ижевске. В 1975–1980 гг. учился в Удмуртском университете, с отличием закончив исторический факультет. Служил в рядах Советской Армии. В профессиональном становлении ученого и педагога особенное значение сыграла кафедра истории государства и права Свердловского юридического института (впоследствии – Уральской государственной юридической академии, ныне – университета). В 1985–1988 гг. он учился в аспирантуре СЮИ, после окончания которой защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Армия в древнеримской политической системе эпохи принципата». Его наставником и научным руководителем была доктор юридических наук профессор Аргири Валерьяновна Игна-

тенко (1927–2012), выпускница исторического факультета Московского государственного университета (1950 г.). В 2001–2004 гг. был докторантом и доцентом упомянутой кафедры; в 2005 г. при научном консультировании А.В. Игнатенко защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Эволюция формы государственного устройства в античном мире» [12, с. 224-225]. Официальными оппонентами в рамках защиты выступили доктор юридических наук профессора Д.И. Луковская, В.П. Прокопьев, А.С. Шабуров [4]. Помнится, как заведующий кафедрой А.С. Смыкалин подчеркивал тогда, что защитившихся именно по истории государства и права зарубежных стран докторов наук в стране можно «пересчитать по пальцам». После защиты Тимура Петровича приглашали остаться на кафедре в Екатеринбурге, но по ряду причин он вернулся в Ижевск и продолжил работу в Удмуртском университете.

Исключительно значимыми для Тимура Петровича были его добрые отношения с наставником – Аргирой Валерьяновной. Находясь в Ижевске, он не только звонил ей, но и регулярно писал письма. В свою очередь, дела Тимура Петровича, его научные успехи с большим участием обсуждались «на обедах» в семье профессоров Аргир Валерьяновны и Геннадия Владимировича Игнатенко, на которые имела честь быть приглашенной и я. Аргира Валерьяновна работала в СЮИ с 1961 г. Ее докторская диссертация на тему «Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи республики» была защищена в 1982 г. Важно, что именно А.В. Игнатенко стала на кафедре истории государства и права СЮИ первым доктором юридических наук по истории государства и права. Впоследствии она подготовила воспоминания, где осмысляла и свои студенческие годы, и влияние учителей (Р.Ю. Виппера, А.В. Мишулина, Н.А. Машкина, С.Л. Утченко) [12, с. 184-186].

Тимур Петрович, последовательно и увлеченно занимаясь античностью, подготовил в том числе небезытересную монографию, в которой писал: «...формы государственного устройства древности не должны и не могут в деталях совпадать с современными, и нелепо требовать, скажем, от федерации древнего мира, чтобы она копировала современную федерацию». «Никто не требует, – уточнял он, – тождества античной демократии современной, но при этом ни одной из них не отказывает в праве на имя “демократия”. Явления государственной жизни развиваются с течением времени и поэтому не могут не быть подвержены изменчивости. Однако эта изменчивость не меняет главного – существа этих явлений, и, следовательно, они могут быть объектом изучения с по-

мощью универсальных категорий правовой науки. Такое изучение тем более необходимо, что сами древние не всегда давали четкие определения явлениям, современным им. Например, термин «симмахия», который части употребляется в источниках и охотно используется современными гражданскими историками, означал просто оборонительно-наступательный военный союз, а значит, под этим названием может скрываться любая форма государственных соединений». Вывод исследователя: «выявить то, что в действительности стоит за этими неясностями, крайне необходимо» [3, с. 15-16].

Но Тимуру Петровичу интересны были и другие темы и проблемы, о чем свидетельствуют его разнообразные научные и учебно-методические публикации [«Римские правды» в «варварских королевствах» (предшественники рецепции римского права в раннесредневековой Европе)» (Ижевск, 2015), Сборник задач по отечественной истории государства и права (Ижевск, 2015; в соавторстве с И.В. Евдошенко) и др.].

В работе «Мысли о научном творчестве» (М., 1933) С.Ф. Ольденбург писал: «Я понял, что самые крупные ученые никогда не выявляют себя до конца в печатном слове, что знать ученого вполне можно лишь при личном общении, когда он высказывает многое, что не попадает ни в какие книги. Я понял, что крупнейшими учеными, теми, кто мощно двинули науку вперед, далеко не всегда являются те, кто написал больше книг или большие книги: иногда статья в несколько страниц дает больше для постановки большой и важной проблемы, чем толстая книга» [10, с. 471]. Какое яркое, плодотворное суждение! «Мой Тимур Петрович», «мой Учитель» – он именно такой! Он – больше, шире и важнее, чем его тексты. Более того, он для меня, его ученицы – «непохожий Человек, Универсант». Он – очень особенный, высоченный, всегда с улыбкой и никогда – просто равнодушный. Переживал за все и за всех. И за меня, называя «Наташенькой». Влияние Тимура Петровича на меня трудно переоценить. Здесь все: знакомство с такими культурными институциями, как библиотека (университетская, республиканская (ижевская «Ленинка»), архив (вуза, Центрального государственного архива Удмуртской Республики), с кафедрой истории государства и права СЮИ-УрГЮА и ее выдающимися представителями, в том числе, моим Наставником и Другом Татьяной Милославовой Баженовой, с самой историко-правовой наукой. Именно Тимур Петрович организовал мне «вход Домой» – на кафедру, где уже третий десяток лет, начиная с обучения в аспирантуре, после завершения удивительно интересной учебы в УдГУ, я имею счастье трудиться, развиваться лично и профессионально. Тимур Пет-

рович, через Аргиру Валерьяновну, познакомил меня с поразительно интересным историком права – Ириной Ардальоновной Емельяновой. Вот волшебный факт моей биографии: была с ней знакома, переписывалась, общалась. Ее работы – важная часть историко-правового наследия страны [5; 6 и др.]. И возможность общения с ней – заслуга моего дорогого Тимура Петровича.

Аргиру Валерьяновна Игнатенко называла меня своей «научной внучкой». Это очень почетно, ответственно. Замечу при этом, что в строгом смысле развития научной проблематики римского государства и права мне не довелось пока основательно высказаться. Именно поэтому нахожу важным еще раз подчеркнуть: проблематика формирования научных школ и схолярного влияния (личностного, научно-педагогического, научно-исследовательского) сохраняет, как видится, острую актуальность, даже злободневность и очевидно – неразрешенность. Моя последняя встреча с Учителем состоялась в рамках Международной научно-практической конференции «Коррупция: анатомия явления» (12–13 марта 2020 г.), организованной в УрГЮУ. Тимур Петрович как всегда эмоционально представлял пленарный доклад на тему «Коррупция: исторический подход»; выступая первым, по сути, открывая форум, мой Учитель высказался об укорененности проблемы коррупции, в том числе в античных практиках.

Вряд ли я могу сейчас в полной мере показать многослойное влияние на меня моего Учителя. Но что важно и точно подмечено коллегами: полученные от учителей личностные знания на интуитивном уровне позволяют не только опираться на их авторитет и искать в нем поддержку, но и, обращаясь к собственной памяти и сохраняющимся в ней чувственно-наглядным образам, формулировать императивы, которые конкретизируют общие нормы научного этоса [7, с. 34]. Педалируя тему памяти, обратим внимание на важный историко-литературный факт: В.В. Набоков, готовя в 1940-е гг. свою автобиографию, писал одному из значимых своих корреспондентов: «Я сейчас пишу две вещи: ... 2. Автобиографию нового типа, которая представляет собой научную попытку исследовать и распутать все хитросплетения человеческой личности». Могучий писатель придумал тогда для своего произведения «предварительное название “Подразумеваемый”» [9, с. 273-274]. Имея в виду русские и английские состоявшиеся версии названия набоковского произведения, в числе которых – «Память, говори», зафиксировав вслед за именитым исследователем: память охватывает многое, сложное, хитросплетенное, в том числе – подразумеваемое.

Тимур Петрович Евсеенко – мой Учитель – известный, выдающийся современный Ученый, чье научно-педагогическое насле-

дие еще предстоит в полной мере оценить в будущем. Но что уже сейчас важно констатировать: каждый юрист, в том числе только сейчас формирующийся, связанный с Удмуртским государственным университетом, Уральским государственным юридическим университетом (ранее – СЮИ, УрГЮА), будет сохранять, транслировать, творчески развивать память об Ученом и Педагоге – удивительном и непохожем на других Тимуре Петровиче Евсеенко.

Библиография

1. Ворошилова С.В. Историко-правовое наследие Ивана Дмитриевича Беляева // Правоприменение в публичном и частном праве [Эл. ресурс]: мат-лы Международной научной конференции / отв. ред. Г.Н. Обухова. Эл. текст. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2021.
2. Государственный архив Свердловской области. Ф. 2143-р. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 40 об.
3. Евсеенко Т.П. От общины к сложной государственности в античном Средиземноморье. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 266 с.
4. Евсеенко Т.П. Эволюция формы государственного устройства в античном мире. Автореф. дис. ...докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 59 с.
5. Емельянова И.А. «Всеобщая история права» в русском дореволюционном правоведении (XIX в.). Ч. 1. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. 159 с.
6. Емельянова И.А. Историко-правовая наука России XIX в. История русского права. Методологические и историографические очерки. Ч. II. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 156 с.
7. Кодан С.В. Учитель и ученик в преломлении этоса юридической науки // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 32-38.
8. Лонская С.В. Эволюция российского и зарубежного права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016): сб. научн. тр.: в 4 т. / под ред. А.С. Смыкалина. Екатеринбург: УрГЮУ, 2016 // Вестник БФУ им. И. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 97-100.
9. Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик. Дорогой Володя: Переписка. 1940–1971. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. 496 с.
10. Ольденбург С.Ф. О людях науки / сост. А.А. Вигасин. М.: РГГУ, 2012. 478 с.
11. Петровский С. Предисловие // Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб.: Изд-во «Лань», 1999. 640 с.
12. Эволюция российского и зарубежного права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Т. 1. Екатеринбург: УрГЮУ, 2016. 1023 с.

Зипунникова Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия; zipunnikova@yandex.ru

Teachers in historical and legal science: dedication to the memory of Professor Timur Petrovich Evseenko (1957–2020)

Historical and legal science in the training of Russian legal personnel for three centuries has by no means the last place. At the same time, the problems of the role of the teacher – the historian of law and scholar connections seem to be insufficiently meaningful. Timur Petrovich Evseenko (1957–2020) played a significant role in the professional scientific formation and personal growth of the author of the report.

The paper identifies the problems of individual issues of scholar issues in historical and legal science, focuses on the role of the Department of the History of State and Law of the SUI-UrGUA-UrGUU in the formation in the formation of the personality of the Scientist and Mentor.

Key words: Teacher, mentor, scholar connections, historical and legal science, T.P. Evseenko, A.V. Ignatenko, Sverdlovsk Law Institute, Ural State Law Academy, memory

Zipunnikova Natalja Nikolaevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department history of state and law Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia; zipunnikowa@yandex.ru

УДК 930

Герш К.В.

По ту сторону воспоминаний о Другом

В центре внимания воспоминания основоположника петербургской школы медиевистики Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) о близком друге, профессоре, ученом-правоведе Иосифе Алексеевиче Покровском (1868–1920). На примере этих воспоминаний делается попытка выявить авторское начало («авторский узор»), определить дискурсное пространство, способы построения собственного нарратива.

Ключевые слова: И.М. Гревс, И.А. Покровский, воспоминания, Санкт-Петербургский университет, дискурс

Интерес к личности в истории исторической науки – особая тема. Память об учителях, учениках, коллегах является насущной потребностью научного сообщества. Эта память может транслироваться разными способами – от поминальных речей и некрологов до воспоминаний и мемуаров [9; 16].

В центре нашего внимания неопубликованный текст историка-медиевиста И.М. Гревса, воспоминания о близком друге, ученом-цивилисте, Иосифе Алексеевиче Покровском (1868–1920) [7], жизнь и творчество которого еще не нашли должной оценки в современной науке [12; 17]. К воспоминаниям о Покровском в основном обращались историки при изучении жизни и творчества Гревса [1; 4; 11; 14]. На смерть Иосифа Алексеевича было написано и высказано не так много откликов. В основном они касались наследия ученого, его вклада в правовую науку [10; 13; 15]. На примере анализа воспоминаний Гревса о Покровском делается попытка выявить определить дискурсное пространство, способы построения собственного нарратива.

Воспоминания Гревса – это, во-первых, попытка показать Другого Покровского, нарисовать социально-психологический портрет на фоне исчезающей эпохи, во-вторых, возможность сконстру-

ировать пространство воспоминаний, в котором можно заново пережить прошлое, объяснить или оправдать свои поступки, а в-третьих, необходимость оценить сегодняшнее, найти связь прошлого с настоящим. Историка всегда привлекал биографический и автобиографический жанр [2; 3; 5; 6]. Все воспоминания Гревса – это попытка найти себя и свое место в создаваемом нарративе. Особенно это относится к воспоминаниям, которые историк писал «в стол» в 1920–1930-е гг.

Еще один фактор, который способствовал, обращению к воспоминаниям о прожитом – потеря близких людей. С одной стороны, эмиграция и разрыв всяких коммуникативных связей («духовная смерть»), а с другой – реальный уход из жизни дорогих людей. Это ощущение наступающего заката старого мира к началу 1920-х годов сменилось христианским смирением, даже вынужденным сотрудничеством с новой властью. Смена поколений в новых условиях до конца жизни воспринималась ученым болезненно. Особенно это касалось ухода более молодых товарищей и учеников (А.С. Лаппо-Данилевского, И.А. Покровского, позднее О.А. Добыаш-Рождественской и др.).

Биография Иосифа Алексеевича Покровского типична для ученого своего времени. Местом встречи и сближения Гревса и Покровского стал Санкт-Петербургский университет. Именно на волне активизации общественно-политического движения с осени 1904 г. и происходит постепенное сближение ученых, завязывается дружба.

К воспоминаниям о Покровском Гревс подходил несколько раз. Последний – летом 1923 г., в очень непростой период своей жизни – время увольнения из университета. Как признавался сам ученый, это часть его «Книги прошлого».

Воспоминания затрагивают различные аспекты: состояние общественно-политической и культурной жизни столиц, университетских будней и научной повседневности, коммуникативной культуры и др. Основные события, которые стали точками опоры для историка, – это события 1904–1920 гг.: борьба за университетскую автономию, работа «Академического союза», революции, деятельность партии кадетов, политика в отношении университетов, участие России в мировой войне, деятельность Временного правительства, политика большевиков.

Субъективность воспоминаний о Покровском, с одной стороны, присутствует в описании Другого через себя и собственный личный опыт, а с другой – в заданности режима этого описания, его конфигурации, а также его реализации в тексте через оценки и языковые средства. Текст воспоминаний представляет собой пере-

плетение нескольких дискурсных пространств, где явно или скрыто присутствует автор. Эти дискурсы одновременно участвуют в создании индивидуально-хронологического нарратива. Выделим их.

Позитивистский дискурс присутствует уже в мотивах написания воспоминаний – стремление «схватить истину», написать правду, убежденность в изображении «реальных черт»: «Дерзаю (ибо чую, что знаю правду о нем)»; «Я делаю это, не опасаясь обвинения в преувеличении и нагромождении. Все это – правда...» [7, л. 2, 2 об., 38 об.]. Историк старался найти причины, корни происходивших событий. Например, Гревс внимательно подходит к основным факторам формирования личности будущего ученого. На протяжении всего текста ищет причины раннего ухода Покровского, его «убийц»!

Воспоминания в самом широком смысле наполняют характерные для научных работ Гревса идеи развития, органицизма, преемственности и эволюции, индивидуализации. Данный дискурс содержит и специфическую научную терминологию: «духовный и культурный организм», «прогресс», «эволюция» и др. С одной стороны, этот дискурс отражает осознание Гревсом духовной близости с Покровским. В тексте постоянно присутствует «мы». Почти все рассуждения о деятельности кадетской партии, политической позиции, общественных взглядах идентифицировались как групповые [7, л. 11 об.]. С другой стороны, Гревс стремился рассматривать все происходившие процессы через цепь взаимосвязей. Это выражалось в идеи естественного единства русского и украинского народа, Великороссии и Малороссии, казачества и русской культуры. Любое насилие не принималось историком как при оценке прошлого, так и настоящего [7, л. 28].

Сам факт воспоминаний о Покровском – это уже явное свидетельство индивидуализации истории, которую Гревс видел, как «биографию человечества». Покровский – выразитель высших идеалов: человечности (*humanitas*) и гениальности. И в этом смысле он приближался к фигурам Данте и Роллана – самым высоким авторитетам для Гревса-медиевиста [7, л. 2-2 об.]. Еще одним важным методом в рамках романтической традиции был метод вчувствования, интуитивного понимания. Вживание позволяло прежде всего понять Другого через себя и как себя, поэтому в биографическом нарративе Покровский чувствует, переживает, любит, страдает «языком» Гревса. Так он, например, описывал семейную жизнь Покровских, необходимость летнего отдыха от интенсивной умственной деятельности [7, л. 16 об. – 17].

Важнейшим компонентом биографического нарратива о Покровском становится религиозный дискурс. В 1923 г., когда был

написан текст, Гревс – «воцерковленный» человек, который может жить и принимать тогдашнюю действительность только благодаря своей вере. Он еще долго будет жить по дореволюционному календарю, обозначая в письмах дату по старому стилю, указывать на переезд в новую квартиру, обязательно обращая внимание на церковь, которая будет видна из окна, колокольный звон, вспоминать события, привязывая их к православным праздникам. Закончив свои воспоминания, историк не просто поставил точную дату «15 августа ст. ст. 1923 г.», а естественным для него образом указал на церковный праздник «День Успения». День рождения Иосифа Алексеевича и именины его супруги совпали с праздником Рождества Богородицы, что конечно, найдет отражение в гревсовском нарративе. Последняя встреча Гревса с Покровским тоже была символической и пришлась на день перед Пасхой. Религиозно-христианский дискурс позволял историку выстраивать систему координат в автобиографическом и биографическом нарративе, оценивать прошедшие события, интерпретировать современные, смотреть с надеждой в будущее. Градус религиозности увеличивался с приближением октября 1917 г. [7, л. 1-1 об.].

С религиозным дискурсом тесно связан и дискурс философский. Сам И.М. Гревс никогда себя философом не считал, но указывал, что любой историк должен иметь философский взгляд на мир. Философия Гревса – религиозно-идеалистическая, но она присутствует по большей части как мировоззрение, а не философское учение. На страницах воспоминаний историк рассуждал о любви, дружбе, семье, смысле жизни, нравственном возрождении, божественности, духовности, цитируя античных и средневековых писателей, религиозных философов. Подходя к пониманию сути дружбы, он вновь ретроспективно обращался к определению Цицерона, приводил пространную цитату из первоисточника [7, л. 3 об.-4, 17 об.]. В научных, учебных и публицистических текстах мы по крупицам можем собрать то, что историк зафиксировал в биографическом нарративе. Личность и ее свобода – центральные понятия в исторической концепции историка-медиевиста, его жизненное кредо [7, л. 31 об.]. Именно поэтому «тирания партии», уничтожившая главные ценности, никогда не будет принята историком.

В описании Покровского мы вновь видим идеалы Гревса: «Он весь предан был исканию правды, высшей, незыблемой правды, борьбе за нее, труду открытия ее другим, – юношеству, друзьям, народу, – мыслью, словом, печатью, примером жизни своей» [7, л. 32]. Сам биографический нарратив в рамках идеализма предполагал создание некоего образа – образца, который служил бы

воспитательным целям. Истина победит благодаря разносторонней деятельности русской интеллигенции: «Истина восторжествует сама собою, трудом и подвигом...». Для Гревса и Покровского этот подвиг был в тихом служении науке и культуре.

В воспоминаниях Покровского разворачивается и политический дискурс, точнее либеральный. Биографический нарратив позволял историку постоянно выстраивать проекцию в настоящее, высказать наиболее, оценивать действия прошлых и нынешних властей, находиться в оппозиции, переосмысливать тогдашнюю действительность. Воспоминания о Покровском во многом позволяют реконструировать общественно-политическую деятельность историка в 1904–1918 гг.

Одним из способов конструирования политического дискурса была публицистичность. Гревс всегда был эмоциональным публицистом и данный текст – не исключение. В воспоминаниях постоянно присутствует настоящее: «Жутко вспомнить и теперь, – несмотря на то, что пришлось пережить потом многое, гораздо более ужасное, – в какой обстановке надобно было действовать тогда в университете, как все клокотало кругом и внутри» [7, л. 10, 16 об.].

Нарратив являлся своеобразной площадкой, где можно было переоценить свою роль в событиях общественно-политической жизни и даже в какой-то мере оправдать себя. В воспоминаниях (в отличие от публицистики 1905–1906 гг.) Гревс показывал себя недисциплинированным кадетом: он отстаивал «профессорскую свободу» от диктата партии, придерживался идеи «университет вне политики», не поддерживал лозунга войны до победного конца [7, л. 23, 25, 25 об.].

Политический дискурс наполнялся и резко негативным отношением ученого к советской власти и большевикам: «Большевики почувствовали какую-то опасность и готовились отбиваться кровавым насилием над безоружными» [7, л. 30]. Коммунизм Гревс характеризовал как «террористический», «милитаристский», «преступный», противоречивший либеральным ценностям. Крайне нетерпимые оценки он давал и видным большевистским общественно-политическим деятелям (например, А.В. Луначарскому, М.Н. Покровскому и др.), но оценок лидерам советской власти не оставил. Историк не мог обойти стороной своего участия в деятельности 2-го Академического союза в 1918 г., когда пришлось пойти на сотрудничество с советской властью. Тон Гревса здесь оправдательный: «...мы только настаивали, именно на свободе науки и автономии высшей школы, признавая право контроля высшего правительства и соглашаясь, по необходимости, лояльно работать с ни-

ми, как приходилось это делать, – для поддержания научного преемства, – и в старом режиме» [7, л. 30].

Таким образом, воспоминания о Покровском (впрочем, как и любые другие) И.М. Гревс использовал как определенный инструмент рефлексии и самооценки. Это своеобразная попытка удовлетворения нереализованной потребности ученого писать и обсуждать (с потенциальным читателем) волнующие вопросы и проблемы в «эпоху молчания». Желание написать о другом приводило к созданию нарратива о себе, именно поэтому воспоминания о Покровском получились избыточно автобиографичными. Биографический нарратив органично соединил в себе несколько дискурсов: методологический позитивистско-романтический, религиозный, философский, политический.

Библиография

1. Бамбизова К.В. Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса – основоположника Петербургской школы медиевистики. Дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2008. 261 с.
2. Бамбизова К.В. Место и значение автобиографий и воспоминаний в творчестве И.М. Гревса // Историк и его эпоха: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Данилова (24–25 апреля 2007, Тюмень) / Ред. колл.: С.В. Кондратьев (отв. ред.) и др. Тюмень: ТюмГУ, 2007. С. 141–143.
3. Бамбизова К.В., Свешников А.В. «Страничка из научной биографии» И.М. Гревса. Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX-го века (подг. текста, предисл., примеч. К.В. Бамбизовой, А.В. Свешникова) // Диалог со временем. Вып. 22. М., 2008. С. 274–309.
4. Вахромеева О.Б. Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. СПб.: «Знаменитые универсанты», 2005. 166 с.
5. Герш К.В. Историк-медиевист Иван Михайлович Гревс среди «других» // Личность и дело Ромена Роллана. Опыт истолкования души / Сост. О.Б. Вахромеева. СПб.: Арт-экспресс, 2017. С. 151–183.
6. Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (Опыт истолкования души) // Русский исторический журнал. Кн. 6. 1920. С. 44–81.
7. Гревс И.М. Иосиф Алексеевич Покровский (набросок воспоминаний о друге) // СПбФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39.
8. Гревс И.М. Личность и дело Ромена Роллана (Опыт истолкования души). СПб.: Арт-Экспресс, 2017. 188 с.
9. Еремеева С.А. Забыть, чтобы помнить // Мир историка: историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007. С. 74–94.
10. [Зимелова М.В.] Речь памяти Иосифа Алексеевича Покровского, читанная на собрании Общества оставленных при факультете общественных наук Московского государственного университета в мае 1920 года. Рукопись // Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. С. 320–326.
11. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 244 с.
12. Маковский А.Л. Выпавшее звено (вступительная статья) // Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2020. С. 7–37.
13. Полянский Н. Н. Иосиф Алексеевич Покровский (Личность покойного и его ученые труды) // Право и жизнь. 1922. Кн. 1. Июнь. С. 43–51.

14. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX века. Судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.

15. Семенова А.И. А. Покровский (к 5-летию со дня смерти) // Вестник советской юстиции. 1925. № 12. С. 474-475.

16. Сидорякина Т.А. Жизнь после смерти: мемориальные практики в повседневной жизни научного сообщества историков первой трети XX в. // Мир историка: историографический сборник. Вып. 7. Омск, 2011. С. 95-109.

17. Флейшиц Е.А. И.А. Покровский и его вклад в науку гражданского права // Научная конференция «Роль русской науки в развитии мировой культуры». 5-12 июня 1944 г. Программы и тезисы докладов. М.: Изд-во МГУ, 1944. С. 101-103.

Герш Ксения Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания, Кузбасский гуманитарно-педагогический институт, Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк, Россия; bambizova@mail.ru

Beyond memories of the Other

The focus is on the memoirs of the founder of the St. Petersburg school of medieval studies Ivan Mikhailovich Grevs (1860–1941) about his close friend, professor, legal scholar Iosif Alekseevich Pokrovsky (1868–1920). On the example of these memories, an attempt is made to identify the author's beginning ("author's pattern"), to determine the discursive space, ways of constructing one's own narrative.

Keywords: Ivan Mikhailovich Grevs, Iosif Alekseevich Pokrovsky, memoirs, St. Petersburg University, discourse

Gersh Kseniya Vadimovna, Candidate of History, Associate professor, Novokuznetsk branch (institute), Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia; bambizova@mail.ru

УДК 929

Шарова А.В.

Итальянский ирредентизм в записках А.Н. Савина

По материалам записной книжки историка А.Н. Савина реконструируется информация о движении ирредентизма в землях Трентино и Триеста, а также повседневность этих земель в 1910 г. Проявления этнополитического конфликта на землях Австро-Венгрии способствовали формированию представлений историка о специфике европейских империй и их политике в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: А.Н. Савин, историк, Италия, ирредентизм

Российский историк, специалист по аграрной истории Англии XVI века, Александр Николаевич Савин (1873–1923) никогда не бывал в Италии. Однако была тема, которая приковала его внимание к итальянским делам. Это ситуация с итальянскими землями в составе Австро-Венгерской империи. Проблема впервые заинтересовала А.Н. Савина в 1910 г. и была самым непосредственным

образом связана с историей формирования итальянской государственности XIX–XX вв. и движением ирредентизма.

Движение, зародившееся в конце XIX в., стало ответом на тот процесс складывания итальянской государственности и национальной идентичности, который шел на протяжении всего столетия. Перешагнув в XX в., этот процесс был реализован в различных войнах и попытках создания итальянской колониальной империи. Термин “*terre irredente*” был введен политиком Маттео Ренато Имбриани для «неосвобожденных» земель в 1877 г., и тогда же началось организационное оформление этого движения. В 1878 г. Доменико Менотти Гарибальди (1840–1903)¹, выступил организатором митинга в Риме 21 июля и способствовал основанию союза «Ирредента»², выступавшего за присоединение к Итальянскому королевству пограничных территорий Австро-Венгрии с преимущественно итальянским населением (Триест, Трентино и др.³). К слову сказать, в ходе митинга возникла идея создания батальонов волонтеров для завоевания Трентино. Затем появилась организация *Pro Patria* в 1885 г. и, наконец, *Lega Nazionale Italiana* была основана в 1891 г. на территории Трентино (Ю. Тироль) и Триеста⁴, которые в тот момент входили в состав Австро-Венгерской империи. Среди ирредентистских организаций можно также назвать «Трентино и Триест», «Данте Алигьери» и др. Организация «Данте Алигьери» была создана в 1889 г. группой интеллектуалов во главе с поэтом Джозефо Кардуччи (первым итальянским лауреатом Нобелевской премии по литературе). Цель этой патриотической органи-

¹ Старший сын Джузеппе Гарибальди, он участвовал в гарибальдийских экспедициях, входил в число «тысячи краснорубашечников» во время экспедиции на Сицилию в 1860 г., участвовал на стороне Польши в Польском восстании 1863 г.; был награжден орденом Почетного легиона за помощь Франции во время франко-прусской войны 1870–1871 гг., когда с отрядом защищал дорогу на Лион.

² *Associazione in pro dell'Italia Irredenta*.

³ Эти территории – наследие австро-прусско-итальянской войны 1866 г. (в истории Италии третьей войны за независимость), когда к Италии отошли земли Венецианской области, что, впрочем, не означало полного решения территориальной проблемы. К территориям, на которые движение предъявляло претензии, относились Трентино и Тироль, а также районы с мультиэтническим составом населения, включавшего в себя, помимо итальянцев, немцев, словенцев, хорватов, ладинов и исторорумынов, – такие как Южный Тироль, Истрия, Горица и часть Далмации. Позже предъявлялись претензии на город Риека (Фиуме), Корсику, Мальту, Ниццу и Итальянскую Швейцарию.

⁴ Триест отошел к Италии после Первой мировой войны и был той территорией, которую страны Антанты гарантировали Италии по Лондонскому трактату в качестве приобретения за поддержку этой коалиции. Земли Трентино отошли к Италии по Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г. Интересно, что именно так назывались два первых тяжелых крейсера итальянского флота, построенные накануне Второй мировой войны.

зации заключалась в том, чтобы всячески способствовать распространению итальянского языка и итальянской культуры, что вполне отвечало целям ирредентистов.

Именно на этих землях (Трентино и Триеста) оказался русский историк летом 1910 г. В фонде А.Н. Савина в Российской государственной библиотеке сохранилась его записная книжка [1, л. 1-43], ежедневник, которую историк был вынужден использовать дважды: первый «слой» записей был им внесен в 1910 г., а второй – в тяжелые времена 1921 г. Поскольку это был своего рода дорожный дневник и записная книжка одновременно, то записи вносились не всегда четко по дням месяцев, часто – даже в большинстве случаев – карандашом, содержали массу сокращений, поскольку делались для себя. К тому же Савин писал на тех языках, которые на тот момент казались ему более удобными (немецком, итальянском, французском), так что разбирать текст чрезвычайно сложно.

Судя по записям в этой книжке, поездка А.Н. Савина с женой в австро-венгерские земли состоялась в июне 1910 г. и главной целью было посещение вод и поправка здоровья Александра Николаевича [1, л. 21об]¹. Супруги посещают Вену, затем отправляются в сторону Зальцбурга и останавливаются в старом городе на берегу озера Цель – Цель ам Зее (Zell am See), ныне известном горнолыжным курорте. «Собаки, купание», – записывает А.Н. Савин впечатление от увиденного. А через несколько страниц суммирует: «Вода, богатство, комфорт, дешевизна, центральность, флора, климат, пейзажи, Stiegl², вино, фрукты, виноград» [1, л. 36].

Через день историк отправляется в Южный Тироль (Südtirol, Трентино) поездом и фиксирует, что едут «главным образом австрийские и немецкие немцы».

Следующий пункт путешествия – Больцано³. Здесь, в 20 километрах от города, в коммуне Кастельротто⁴, А.Н. Савин посетил гору Kalvarienberg, то есть сооружение, призванное демонстрировать крестный путь Христа на Голгофу. Для Южного Тироля это одно из уникальных сооружений, строительство которого было закончено в XVII в. Семь часовен, Масличная гора, место погребения Христа, сохранились и росписи, и бюсты императоров Октавиана Августа

¹ На страницах записной книжки (март) перед поездкой в Австрию содержатся записи медицинского характера, в том числе: «на колени согревающий компресс на ночь..., свинцовые примочки... Диета, смешанная пища, ничего острого».

² Stiegl (Штигль) – австрийское пиво (выпускается с 1492 г.).

³ Больцано или Боцен – город в итальянском регионе Трентино – Альто-Адижде.

⁴ Castelrotto – итальянское название, А.Н. Савин использует немецкое – Kastelruth.

ста и Тиберия. Однако историка произведение не впечатлило: «два разбойника, две уродливых головы в нишах капеллы... учит безобразию» [1, л. 37об]. В один из дней путешествия, увидев храм св. Валентина, он не преминет отметить, что «над небольшим черным крестиком – порядочный золоченый петух» [1, л. 38об].

А.Н. Савин везде оставался везделивым и скрупулезным наблюдателем. Так, и здесь он заметил, анализируя описание административного устройства немецкого Тироля (Deutschtirols) по данным официального правительственного вестника, что далеко не все названия поселений даже там – немецкие. А потому, например, коммуна Kaltern (нем.) сохранила в этом издании итальянское название Caldaro [1, л. 40 об]. Историка интересовало в этих землях все: экономика, финансовое состояние, этнические конфликты и культурные заимствования. Даже доход коронной земли Тироль в казну Австро-Венгерской империи в размере 11 миллионов крон был им занесен в записную книжку [1, л. 40 об]. Не менее важным ему показалось и другое наблюдение – нищие в этих краях попадаются, но не часто. Более того, он даже записал, какую сумму они обычно просят в качестве подаяния – крейцер, то есть самую мелкую монету в Австро-Венгрии того времени [1, л. 38 об].

Историк не упускал возможности и кратко записать самые яркие впечатления о посещениях возвышенностей Южного Тироля, в частности, района Пуфлатч (Puflatsch, нем.): «Славно, цветы, виды, болота, капелла близ Frauenhaus¹; и женщина, молящаяся на prie-dieu². Но, увы, уже есть надпись – просьба не пачкать часовни (лика Мадонны) – и рядом благочестивое quatrain³ о Мадонне» [1, л. 40]. Русский историк не только тонко прочувствовал специфику тирольского смешения языков, культур и эпох, но и отразил в многоязычии своих записей, используя немецкий, итальянский и французский языки.

Оказавшись в Трентино в городе Больцано (нем. Боцен), он замечает: «Почти чисто немецкий город; итальянский слышно мало, славянскую речь услышал на улице только от чернорабочих». Потом добавляет: «немцы заверяют, что ладинцы⁴ ближе к немцам, чем к итальянцам» [1, л. 38].

¹ Frauenhaus – приют для женщин (нем.).

² prie-dieu – молитвенная скамейка у католиков (франц.).

³ Quatrain – четверостишие (франц.).

⁴ Ладины – жители района горного массива Селла. В настоящий момент принято считать, что нынешние носители ладинского языка являются потомками коренного населения этих территорий, подвергшегося романизации в I в. н.э. Впервые эта проблема возникла благодаря трудам итальянского лингвиста Грациадно Асколи, опубликовавшего работу «Saggi ladini» (1873).

Путешествуя по городам Трентино (Южного Тироля), историк читает местную прессу и записывает самые интересные с его точки зрения новости. Почти все они связаны с главным и общим настроением – ирредентизм. Оказавшись в Южном Тироле, он сразу записывает: «Irredenta. В августе прошлого года крупные процессы», имея в виду 1909 г.

Первым привлекает его внимание сообщение о том, что в одном из городков Трентино – Меццоломбардо (Mezzolombardo) «украли деньги у школьного сторожа. Через несколько дней их доставил в полицию Ливорно священник от одного исповедника».

А потом еще интереснее: Кража в Банке в Триенте (Тренто) на 350 тысяч крон. Историк тщательно фиксирует происходившее: «Вор – свой служащий, Colpi. Часть денег нашли в его доме. Colpi заверяет, что деньги положены в его дом ирредентистами-заговорщиками, ограбившими банк. Любопытная подробность: через несколько дней после кражи большую часть украденного доставил в банк падре Марко Morizzo францисканец, которому это передал другой клирик под тайной исповеди. Оказалось, что мать и сестры (видимо, Colpi – А.Ш.) действительно передали какому-то клирику для возвращения в банк. Colpi подозревается в шпионстве» [1, л. 38об]. Далее Савин дописывает, видимо, сообразуясь с газетными новостями: что произошло это в тот день, когда в Инсбруке была демонстрация, посвященная памяти вождя тирольских крестьян Андреаса Хофера (Andreas Hofer)¹, казненного в 1810 г. Именно в этот день празднования в Триенте и была совершена эта кража.

Пребывая в итальянских землях Австро-Венгрии, А.Н. Савин читает издаваемую в Больцано газету “Bozen Nacht” и все новости черпает именно оттуда. Однако издание нередко перепечатывает новости из других газет региона, в частности, из издаваемой в городе Триенте (Тридент, Тренто) газеты «Alto Adidge». При этом историк сразу заметил, что название этого издания «абсолютно ирридентское», поскольку в наполеоновские времена был департамент Альто-Адидже, который причислялся к Италии и доходил до города Мерано [1, л. 39 об]².

А.Н. Савин внимательно следил за развитием ситуации и новостями в этих ирредентских землях. Тем временем газета «Alto

¹ В 1809 г. тирольские крестьяне под предводительством А. Хофера героически противостояли французским и баварским войскам, защищая Инсбрук. В честь этого события в городе Андреасу Хоферу в 1896 г. был поставлен памятник.

² Собственно, сейчас город Тренто (Тридент, Триент) – это город в итальянском регионе Трентино – Альто-Адидже и является административным центром провинции Тренто.

Adidge» жаловалась, что одной итальянке из-под Больцано не позволили торговать фруктами на рынке этого города «только потому, что она итальянка». «"Alto Adidge", – записывает русский историк, – «грозится репрессиями по отношению к немцам в Триенте». И сразу же добавляет, что, перепечатавая эту информацию, "Bozen Nacht" уверяет, что на рынке в Больцано есть итальянцы.

Другое наблюдение внимательного историка: один из курортов Триента решил отпраздновать свое 50-летие и пригласить городской оркестр из Венеции. «Городское управление Венеции разрешает, – записывает Савин. – Австрийская полиция не то запрещает концерты, не то вообще запрещает венецианским музыкантам появляться на юбилее курорта» [1, л. 41]. Он также отмечает, что в сельской местности тоже чувствуется напряженность, а иногда и резкая вражда, и драки в деревнях между членами *Tiroler Volksbund*¹ (Тирольской народной лиги) и «итальянской партией» [1, л. 40].

Вчитываясь в строки газетных сообщений, всех этих привычных мелких, казалось бы, обид итальянского населения Австро-Венгрии, А.Н. Савин не делает никаких далеко идущих выводов. Он просто отмечает, что даже умеренная "Bozen Nacht" «склонна раздувать всякий пустяковый случай на итальянской границе» [1, л. 39 об]. И эта граница не столько территориальная, с пограничными столбами и вышками, сколько в головах и сознании людей.

«В Триенте, – записывал очередную газетную информацию А.Н. Савин, – австрийский капитан *der Kaiserjäger*² нагло ходил по пятам за женой итальянского инженера, которая шла под руку с мужем, и даже толкнул ее в локоть. Муж попросил нахала отстать. Храбрый капитан выхватил саблю и хотел ударить инженера по голове. Инженер отвел удар. Дама кричит. Собралась толпа. Полиция спасла капитана». Закономерный итог подводит русский историк, соглашаясь с газетой из Больцано, – «такие события поддерживают ирредентизм» [1, л. 41об].

А что же история с ограблением банка? Спустя месяц наступает развязка, которую отмечает А.Н. Савин. «В Вене судили трех сообщников *Colpi* за оскорбление величества. Один – 17-летний мальчишка, нервный. По отношению к нему даже прокурор должен был отказаться от обвинения. Даже самого *Colpi* будут судить

¹ *Tiroler Volksbund* (Тирольская народная лига) – была основана в Инсбруке в 1905 г., а в 1919 переименована в Лигу (союз) Андреаса Хофера.

² Императорские горные стрелки (нем.), подразделения которых были учреждены на землях Южного Тироля в 1895 г. Служили в этих частях, однако, не только выходцы из Тироля.

лишь за шпионаж, не за государственную измену». Историк далее отмечал, что газеты «видят в этом позорную потачку¹ ирредентистам со стороны правительства» [1, л. 42 об].

Отметим, справедливости ради, что история Иосифа Кольпи (Colpi) рассматривалась австрийской администрацией как важный эпизод борьбы с движением ирредентизма. Так что исследовательское чутье не подвело русского историка, волей случая и медицинской необходимости оказавшегося в землях Триента [2, с. 76]².

Савин внимательно изучал и все, что публиковалось о самих ирредентистских организациях, в частности, об «Обществе Данте Алигьери» [3, с. 562-563]³. («Societe Dante»), которое, по мнению

¹ Так в тексте.

² А вот что писал об этой истории в мемуарах полковник австрийского генерального штаба Максимилиан Ронге. В годы Первой мировой войны он руководил австрийской контрразведкой, а с 1917 г. был начальником разведывательного бюро австро-венгерского Генерального штаба. «Нападение на кассу «Банка кооператива» в Триесте, имевшее место в конце августа 1909 г., разоблачило одного весьма опасного итальянского шпиона. Громила начал не особенно хитро, ибо немедленно оказался среди трех подозрительных лиц. При домашнем обыске у сотрудника банка, а также у известного ирредентиста Иосифа Кольпи были найдены стилеты, шпаги и взрывчатые вещества, а кроме того, богатый набор инструментов для взлома и сотни фотоснимков с военных объектов, таблиц с военными данными и писем по знакомому нам условному адресу «Аливерти» и на имя полковника Негри – начальника итальянской разведслужбы.

В течение 6-летней шпионской деятельности Кольпи сделался неосторожным. Через несколько дней после ареста Кольпи монах Марко Мориццо вернул обратно в банк украденные 350 000 крон, являвшиеся, – как позднее хотел уверить Кольпи, – «принудительным займом для национального дела». Он сообщил, что деньги были ему переданы под строжайшей тайной от имени одного иностранного священника. После этого были арестованы также мать и сестра Кольпи, после настойчивого отрицания признавшиеся, что они узнали из спрятанной в грязном белье Кольпи записки, где находились деньги, и поторопились передать их профессору семинарии Допу Пецци. «Друзья» Кольпи были скоро разысканы. Их было всего 15 человек. Состоявшийся в Триесте суд оказался в высшей степени мягким. Кольпи даже удалось сохранить возможность переписываться с полковником Негри. Военный надзор также не оказал помощи, вследствие чего вся компания шпионов была переведена в Вену и передана в ведение советника высшего суда д-ра Шаупта. В целях дальнейшего выяснения я отправился вместе с последним в Триент и осмотрел укрепления Секстена, игравшие большую роль в процессе. После осуждения Кольпи за ограбление кассы на шесть лет тюремного заключения состоялся процесс о шпионаже, в котором я принимал участие в качестве эксперта. Обвинение в государственной измене было недостаточно обосновано и от него пришлось отказаться, так как существовало опасение, что у присяжных нельзя будет добиться никакого успеха».

³ Об этой организации немецкий разведчик Вальтер Николаи в книге «Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время», вышедшей в Германии в 1923 г., писал: «Несмотря на свою принадлежность к тройственному союзу, Италия вела обширный шпионаж против Австро-Венгрии... Количество пойманных и осужденных итальянских агентов было сравнительно невелико; объясняется это тем, что их укрывало ирредентистски

умеренной прессы, являлось оплотом итальянского абсолютизма. Более того, общество избрало в пожизненные члены одного из итальянских генералов, который при наборе нового полка в Брешии, «указывая на австрийские холмы, говорил о соотечественниках под австрийским игом, ждущих искупления». Впрочем, А.Н. Савин тут же замечает, что из армии генерал был уволен. Да и само общество невелико (!) – «членов всего 52 тысячи», а годовой доход в 1909 г. не дошел до 400 000 лир [1, л. 43].

Эти тщательно собранные историком пусть и разрозненные сведения о тирольских землях не просто отражали интерес исследователя к тем территориям, которые ему удалось посетить. Для А.Н. Савина, как для вдумчивого и талантливого исследователя, они были примерами многочисленных проявлений того национально-государственного конфликта, который зрел на этих пограничных землях. Жителям Тироля в скором времени придется испытать и очередной межгосударственный передел границ (Сен-Жерменский договор 1919 г.), и процессы итальянизации и ассимиляции в фашистской Италии, и массовую миграцию в Германию. Для А.Н. Савина жизнь тирольцев станет поводом для серьезных размышлений о том, как вершится политика и меняется история целых регионов. Первая мировая война заставит университетского профессора неоднократно рассуждать о современности на страницах прессы, и Италии, ее формирующимся имперским интересам историк всегда будет уделять внимание [4, с. 3-4]. Однажды проникнувшись настроениями жителей южного Тироля, ученый уже не сможет о них забыть.

Библиография

1. НИОР РГБ. Ф. 263. Оп. 31. Д. 2. Л. 1-43.
2. Ронге М. Разведка и контрразведка. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. 244 с.
3. Николаи В. Тайные силы. М.: Принципиум, 2015. 592 с.
4. Савин А.Н. Война империй и мир ислама: Публичная лекция. М.: Труд, 1915. 24 с.

настроенное население юго-западных пограничных областей. Особенно занимался поддержкой ирредентизма союз «Данте Алигиери». Его официальной целью была защита и распространение итальянского языка. В Австрии он был, правда, запрещен, но все же многие австрийские граждане принадлежали как к центральному союзу в Риме, так и к местным организациям северной Италии. Союз находился в теснейшей связи с разведкой итальянского Генерального штаба. Он имел доверенных людей в Триесте, Роверето, Триенто, Пола, Герце и других городах. Так как он доставлял итальянскому генеральному штабу также и секретные документы австрийской армии, было ясно, что членами его состояли и проитальянски настроенные австрийские военнослужащие. Они назывались «amicì», т.е. друзья, так как работали с союзом не из-за денег, а идейно».

Шарова Антонина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; asharova@hse.ru

Italian Irredentism in the Notes of A.N. Savin

The article is based on the materials of the notebook of the historian A.N. Savin, which is used to reconstruct the information about the movement of irredentism in the lands of Trentino and Trieste, as well as the everyday life of those territories in 1910. Manifestations of the ethnopolitical conflict in the lands of Austria-Hungary contributed to the formation of the historian's ideas about the specifics of European empires and their policies during the First World War.

Keywords: A.N. Savin, historian, Italy, irredentism.

Sharova Antonina Vladimirovna, Candidate of History, Associate professor School of History Faculty of Humanities National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia; asharova@hse.ru

УДК 930

Чикалова И.Р.

Под сенью моіра Ўёвн: Рахиль Абрамовна Никольская (1904–2004) и книга ее воспоминаний

В основу доклада легли эго-документы минского историка Рахиль Абрамовны Никольской (воспоминания и автобиографии, находящиеся в составе личного дела в Центральном научном архиве НАН Беларуси). Особую ценность имеет книга ее мемуаров, в которой жизнь семьи ученых-историков вписана в контекст социально-политических и военных потрясений эпохи.

Ключевые слова: Р.А. Никольская, С.В. Поссе, Н.М. Никольский, мемуары, Институт истории Академии наук БССР

Рахиль Абрамовна Никольская не была широко известным ученым. Она имела степень кандидата наук (1947), звание доцента, работала с 1944 по 1949 г. в Институте истории АН БССР, затем на протяжении двадцати пяти лет на постоянной основе преподавала на кафедре истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета [5; 7; 8]. В книге, посвященной 80-летию кафедры, есть биографический очерк о ней [1]. Правда, в нем не упоминается главный, на мой взгляд, ее труд – книга мемуаров, которой она создала выдающийся памятник своей необыкновенной семье и своему времени [4]. На трехстах страницах воспоминаний ярко присутствуют и искренние чувства, и живая боль, и сама жизнь советской эпохи с ее радостями и трагедиями. Рахиль Абрамовна начала писать мемуары в возрасте 90 лет

в США, куда эмигрировала вместе с детьми в ноябре 1990 г. Сначала она сделала черновой вариант текста, затем целиком его переписала, внося в рукопись уточнения и дополнения. Работала первоначально, несмотря на неудобства, на маленькой тумбочке, потом за письменным столом, который в эмигрантском безденежье появился не сразу. Главное было – писать. Точка в тексте была поставлена, когда исполнилось 95 лет.

Рахиль Абрамовна была замужем дважды. Ее первый муж, Сергей Владимирович Поссе, был сыном видного общественного деятеля Владимира Александровича Поссе, автора перевода (1904) на русский язык знаменитой работы А. Бабеля «Женщина и социализм». Второй муж – академик Николай Михайлович Никольский, известный библиист, востоковед, член-корреспондент Академии наук СССР, директор Института истории АН БССР. Никольский ушел из жизни в 1959 г., и этим годом заканчивается ее книга воспоминаний. После смерти Никольского это уже была история не ее жизни, а ее детей, которых было трое от брака с С.В. Поссе.

В книге Рахиль Абрамовна в деталях описывает повороты судьбы – своей и ее семьи. В Минск она приехала в 1932 г. в связи с назначением С.В. Поссе на должность помощника первого секретаря КП(б)Б Н.В. Гикало. В 1934 г. С.В. Поссе стал директором Института истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б. В Минске Рахиль никого не знала, а вот муж благодаря высоким должностям быстро вошел в круг местной научной элиты и советовал: «Иди в аспирантуру к академику Никольскому, это крупный ученый, единственный человек, у кого здесь, в Минске можно учиться» [4, с. 137]. Такую возможность нельзя было упустить. Выдержав экзамен по истории древнего мира, к осени 1934 г. Рахиль стала аспиранткой Никольского. Одновременно в аспирантуру к Никольскому поступили научный сотрудник АН БССР Н.С. Мохнач и секретарь истфака БГУ Цеханович. На консультации домой к Никольскому они ходили вместе. Такие совместные заседания продолжались на протяжении 1934–1937 гг. На третьем курсе аспирантуры Рахиль стала преподавать на кафедре древнего мира БГУ и руководить семинаром по истории афинской демократии. Ее муж наряду с директорством в Институте истории партии преподавал в Минском педагогическом институте. Однако тучи стали сгущаться, начались массовые репрессии, атмосфера становилась все тяжелее. Очередь дошла и до Сергея Поссе – 9 августа 1937 г. он был арестован [4, с. 158].

Вот как она описывает дальнейшие события: «Вслед за этим меня уволили из университета, как жену врага народа. К этому времени я уже заканчивала свою диссертационную работу, успеш-

но сдала все требуемые предметы и уже два года работала преподавателем на кафедре истории античного мира. Вслед за этим меня выбросили из нашей квартиры, и я с тремя детьми оказалась на улице. При помощи каких-то незнакомых людей мне удалось поселиться в одну комнату частного ветхого дома в Клебановском переулке, около Оперного театра. <...> Связь с Николаем Михайловичем и моими друзьями по совместным походам на консультации Цехановичем и Мохначом (они тогда еще были живы¹) полностью порвалась» [2].

Рахиль понимала, что на работу по специальности никто ее не возьмет. И далеко не все в ситуации, в которой оказалась молодая женщина с тремя детьми на руках, решились бы на помощь. Но поведение Никольского по отношению к его аспирантке выбивалось из правил времени: «...я шла по Советской улице после утренней смены работы. Было начало пятого дня, и вдруг услышала, кто-то громко кричит: “Поссе, Поссе!” Меня этот крик просто испугал. Кто мог отважиться, не боясь, на всю улицу кричать “Поссе”? Уцелевшие члены семьи арестованных были как прокаженные. От них отворачивались все раньше знакомые люди, с которыми как будто дружили. <...> Поэтому громкое обращение ко мне на улице меня просто поразило. Обернувшись на зов, я увидела, что ко мне с противоположенной стороны улицы торопливо идёт Цеханович, мой сокурник по аспирантуре у Николая Михайловича Никольского. <...> “Тебя разыскивает Н.М. <...> Он поручил мне тебя разыскать и сказать, чтобы ты обязательно к нему пришла”. Мы с Цехановичем договорились, что в ближайший выходной день мы втроем, как бывало, пойдем к Николаю Михайловичу. <...> Когда мы вошли в кабинет к Н.М., и все расселись по своим обычным местам, разговор начался спустя не менее 10 минут. <...> Видя, что я немного успокоилась, Н.М. первый начал разговор с вопроса: “Почему вы ко мне не пришли?” “Я боялась за вас, боялась вас компрометировать”, ответила я ему хриплым голосом, горло было сжато. Он сильно стукнул кулаком по столу, и очень сердито сказал, даже крикнул: “Как вы могли обо мне так думать!” Я не помню содержания дальнейшего разговора, но при прощании он взял с меня слово, что я буду ему звонить и приходить. А Вера Николаевна добавила: “Обязательно с детьми”. И я, действительно, до отъ-

¹ Н.С. Мохнач, работавший в 1938–1941 гг. Ученым секретарем Института истории, погиб в 1944 г. в крупнейшем нацистском концентрационном лагере на территории Белоруссии Тростенец [3, с. 262]. Ср.: «В 1938 году Цеханович был репрессирован и расстрелян, а Махнач заживо сожжен гитлеровцами близ Минска, в деревне Тростенец, вместе с большой группой военнопленных, партизан, подпольщиков» [2].

езда из Минска раз или два приходила к ним вместе со своими детьми. Эта встреча с Н.М. и В.Н. имела для меня огромное значение. Я почувствовала в них искренних, добрых людей, и мне показалось, что с их дружбой мне легче будет жить» [4, с. 167-168; ср.: 2].

В 1938 г. ей удалось покинуть Минск и получить назначение в учительский институт в Орше. Там уже работала доцентом А.И. Воронова, первая в республике в 1935 г. защитившая кандидатскую диссертацию по истории, тоже жена врага народа. «Таким образом, я дополнила когорту неблагонадёжных лиц в Оршанском учительском институте, который получил кличку “ссылный институт”, хотя студенты от этого очень выиграли. Все “ссылные” были “специалистами высокой квалификации”» [4, с. 179].

Никольский еще раз протянул руку помощи своей аспирантке, добившись для нее возможности читать курс лекций «История Древнего Востока» с 1939/40 учебного года. К этому времени он был не только профессором и заведующим кафедрой истории Древнего мира, но и директором Института истории АН БССР. «Николай Михайлович сказал мне, что ему становится трудно читать лекции, и поэтому кафедра приняла решение пригласить меня прочитать этот курс. На мой робкий вопрос: “И никто не возражал?” он ответил: “На кафедре никто, а кто из администрации возражал, то я им предъявил официальный документ, где сказано, что специалистов заведующий кафедрой сам подбирает”. Дорогой мой Николай Михайлович, ангел-хранитель, дорогой мой человек» [4, с. 187-188].

Можно ли удивляться, что, оставшись в захваченном нацистами Минске, Никольский отказался писать учебник по истории Беларуси по заказу оккупационной администрации, помогал подпольному движению. В момент крайней опасности он был вывезен в партизанскую зону, а оттуда в Москву, и так был спасен. Все это время он занимался напряженной научно-исследовательской деятельностью, итогом которой стали две книги: «Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье» и «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов».

Рахиль Поссе и Никольский встретились в конце войны, создали семью: они оба остались одни (Никольский потерял и жену, и дочь). Рахиль перешла на фамилию Никольского. Конечно, не без поддержки Никольского, который с 1944 г. вернулся на должность директора в возобновившем свою деятельность Институте истории, она стала в нем работать младшим научным сотрудником с августа этого года в секторе «Всеобщей истории». Смогла завершить диссертацию «Афинская демократия рабовладельцев» [9], за которую в 1947 г. ей была присвоена ученая сте-

пень кандидата исторических наук [6]. Тогда же перешла на должность старшего научного сотрудника.

На работу в университет Никольская вернулась в 1949 г. Как это произошло, читаем в ее мемуарах: «Как говорят, “не было счастья, да несчастье помогло”». Это был разгар борьбы с космополитизмом. По Институту истории к увольнению были намечены Михаил Яковлевич Гринблат, Зиновий Юльевич Копысский, Залман Евнович Абезгауз и Рахиль Никольская. “Акция” проводилась за спиной Никольского: «Он был страшно взволнован этой “новостью”. Я впервые увидела Николая Михайловича в ярости». В результате «все сотрудники <...>, намеченные к увольнению, остались на своих местах», но за исключением Рахиль Абрамовны: так «борьба с “космополитами” вернула меня к студентам», – пишет она.

Работая на кафедре истории древнего мира и средних веков БГУ Рахиль Абрамовна опубликовала ряд статей в научной периодике [10; 11; 12]. В 1957 г. получила ученое звание доцента. В год выхода на пенсию (1968) издала книгу «Происхождение религии и ее первобытные формы» [13]. Хотела написать монографию, посвященную Никольскому, но здоровье позволило подготовить только объемную статью [14]. За двадцать пять лет работы на историческом факультете университета Рахиль Абрамовна подготовила не одно поколение студентов-историков, в том числе тех из них, кто вошел в науку и включился в университетское преподавание.

Библиография

1. Евтухов И.О. Р.А. Никольская (1904–2004) // Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ: к 80-летию создания. Минск, 2015. С. 48–52.
2. Из воспоминаний доцента исторического факультета БГУ Р.А. Никольской, 31 июля 2000 г. // Сайт исторического факультета Белорусского государственного университета. – URL: <http://time.bsu.by/ru/bzu-hist/bzu-history/1921-1941/ispytaniya-1930-1941/arkhivnye-dokumenty/562-3-uspamina-datsenta-gistarychnaga-fakulteta-bdu-r-a-nikolskaj-pra-svajgo-muzha-prafesara-universiteta-akademika-an-bssr-m-m-nikolskaga.html>.
3. Институт истории Национальной академии наук Беларуси в лицах (1929–2009 гг.): библиограф. справ. / Корзенко Г.В. и др. НАН Беларуси. Минск: Белорусская наука, 2008. 423 с.
4. Никольская Р. Воспоминания. Харьков: Права людини, 2013. 304 с.
5. Никольская Рахиль Абрамовна. Личное дело // Центральный научный архив НАН Беларуси. Д. 1477.
6. Никольская Рахиль Абрамовна // ГАРФ. Ф. Р9506. (ВАК) При Совете Министров СССР. Оп. 9а. Исторические науки (кандидаты, доценты, старшие научные сотрудники), 1935–1963 гг. Д. 255 (1946–1957).
7. Никольская Рахиль Абрамовна // Институт истории НАН Беларуси в лицах (1929–2008): библиографический справочник. Минск: Белорусская наука, 2008. С. 264.
8. Никольская Рахиль Абрамаўна // Гістарычны факультэт: да 70-годдзя заснавання / Беларускае дзяржаўнае ўніверсітэт. Мінск, 2004. С. 91.

9. Никольская Р.А. Афинская демократия как форма диктатуры рабовладельцев: дис. ...канд. ист. наук. Минск, 1946.
10. Никольская Р.А. Раннегреческая тирания // Ученые записки Белорусского университета. 1953. Вып. 16.
11. Никольская Р.А. Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н.э. // Ученые записки Белорусского университета. 1955. Вып. 23.
12. Никольская Р.А. Государственное устройство Афинской демократии // Ученые записки Белорусского университета. 1956. Вып. 30. С. 3-35.
13. Никольская Р.А. Происхождение религии и ее первобытные формы. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1968. 118 с.
14. Никольская Р.А. Н.М. Никольский – основоположник научной критики Ветхого Завета в русской и советской историографии // Вопросы истории древнего мира и средних веков / Под. ред. Ф.М. Нечая. Мн.: БГУ, 1970. С. 18-48.

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь; irina_chikalova@mail.ru

Under protection of $\mu\omicron\iota\tau\alpha$ $\theta\epsilon\omega\nu$: Rakhil Abramovna Nikolskaya (1904–2004) and her book of memoirs

The report is based on the ego-documents of the Minsk historian Rakhil Abramovna Nikolskaya (memoirs and autobiographies, which are part of the personal file in the Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus). Of particular value is her book of memoirs, in which the life of a family of historians is inscribed in the context of the socio-political and military upheavals of the era.

Keywords: Rakhil Abramovna Nikolskaya; Sergey Vladimirovich Posse; Nikolai Mikhailovich Nikolsky; memoirs; Institute of History of the Academy of Sciences of the BSSR

Chikalova Irina Romualdovna, Doctor of History, professor, Head of the Department of World History and methods of teaching history, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus; irina_chikalova@mail.ru

УДК 930.2

Кцолева С.Г.

Всеобщность как критерий истины в «Десяти лекциях по методологии истории» Н.А. Ерофеева

Статья представляет собой анализ оригинальной исторической концепции Н.А. Ерофеева – одного из крупнейших отечественных специалистов по Новой истории Англии. Цель настоящей работы состоит в определении и анализе того, что Н.А. Ерофеев считал предметом и что относил к задачам методологии истории и каков, по его мнению, основной критерий истинности исторического знания, без обоснования которого ни одна методологическая концепция существовать не может. Выбор методов и подходов был обусловлен конкретными задачами исследования и спецификой исследуемого материала и основан на историческом междисциплинарном синтезе с привлечением методов философии.

Ключевые слова: Н.А. Ерофеев, всеобщность, историческая истина, методология, марксизм

Николай Александрович Ерофеев (1907–1997) – крупный советский и российский историк, автор ряда книг по истории Великобритании, среди которых «Очерки по истории Англии 1815–1917 гг.» (1959), «Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825–1850 гг.» (1962), «Промышленная революция в Англии» (1963), «Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в.» (1964), «Закат Британской империи» (1967) и др.

Двумя последними его книгами стали «Десять лекций по методологии истории» (написана в 1976 году) и «"Туманный Альбион". Англия и англичане глазами русских» (1982).

Самый последний и наиболее признанный труд ученого стал, пожалуй, первой ласточкой изучения «образа другого» в отечественной историографии. Эта работа действительно стала «одной из лучших книг, выпущенных отечественными историками за последнюю четверть века» [1]. В ней отразился колоссальный исследовательский опыт, накопленный талантливым, добросовестным историком за всю жизнь. Целью исторического исследования стал человек, его «субъективность».

«Десяти лекциям по методологии истории» повезло меньше. Много лет Николай Александрович преподавал эту дисциплину студентам и аспирантам МГУ. В результате им был выработан свой теоретический подход, его авторская методология истории, хотя сам он, очевидно, мыслил ее только лишь как собственное понимание марксистской методологии истории. Книга вышла в издательстве «Наука» в 1976 году, но в ходе редактирования подверглась сильному сокращению и изменилась как по форме, так и по содержанию: «...самое интересное, самое новое, было, как считал Николай Александрович, выхолощено, сведено к прописным истинам тех лет» [1]. Изменено было даже название: «Десять лекций по методологии истории» так и не увидели свет. Вместо этого вышло пособие для учителей истории под заголовком «Что такое история» общим объемом в 136 страниц.

Для Николая Александровича это стало причиной тяжелых переживаний. Утратив надежду на то, что удастся опубликовать полный вариант книги при жизни, он передал первоначальный вариант рукописи своему ученику, ныне академику РАН Аполлону Борисовичу Давидсону.

Трудно сказать, каковы были подлинные мотивы, побудившие Николая Александровича – «практикующего историка» (выражение принадлежит Павлу Юрьевичу Уварову: «практикующим ис-

торикам», работающим с эмпирическим материалом архивных источников, он противопоставляет историков, занимающихся разработкой проблем методологии истории. По его мнению, это две совершенно различные и в чем-то даже антагонистические относительно друг друга категории историков [5, с. 7-9]) – обратиться к проблеме методологии.

На историческом факультете МГУ он читал курс лекций по методологии истории для студентов и аспирантов. Разумеется, единственно этот факт еще не делает эпистемолога из историка-эмпирика. Но в «Десяти лекциях по методологии истории» обнаруживается оригинальная авторская концепция, обосновывающая главную цель и основные задачи методологии истории, непонимание или игнорирование которых ведет ученых-историков не только к ошибочным выводам, но и в перспективе к вырождению исторической науки как таковой, к утрате ею собственной идентичности.

Богатый исследовательский опыт привел Ерофеева к пониманию кризисного состояния, в котором находилась на тот момент отечественная историческая наука. «Некоторые историки до сих пор следуют этой методологии: “Какая может быть история?” – рассуждают они, – “Собери источники, обработай их и пиши себе на здоровье. Не мудрствуя лукаво...” Такой взгляд на историю не мог содействовать развитию ее теоретических основ. В результате ряд существенных теоретических вопросов исторической науки не разработан, по ним накопилось множество недоразумений» [2]. По сути, с этой посылки начинается рукопись книги. Но в чем проявлялась суть кризиса, сложившегося, по мнению Ерофеева, на тот момент в отечественной исторической науке, и в чем он видел его причины?

Четкие ответы на оба вопроса дает он сам. Главная проблема виделась ему в смешении методологии истории как раздела исторической науки с историческим материализмом, то есть направлением философии. Он констатирует, что такое неправомерное «разделение труда» к тому моменту отвергла сама марксистская наука, но кризисность ситуации заключалась в том, что на деле оно никуда не исчезло: крупные вопросы теории, включая проблемы исторического процесса, продолжали расцениваться как сфера философии, а не исторической науки. За историками оставалось право разработки лишь узких и специальных проблем. По сути, Ерофеев говорил об искажении, неверном толковании основ марксистского понимания задач исторической науки, по инерции сохранявшемся в реальной практике, и выступал против лишения исторической науки права на разработку общих проблем изучения как развития общества в целом, так и изучения самой себя в качестве науки.

Сравнение ключевых положений марксизма о роли человека в истории с подобной концепцией Ерофеева позволяет сделать вывод о том, что речь идет не просто об особенностях интерпретации марксизма Ерофеевым, а о принципиальной разнице в понимании целей исторического познания. В общеизвестной цитате Маркса и Энгельса из «Немецкой идеологии» суммируются представления о человеке и его исторической роли: «Первая посылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, – телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе... Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории» [3, с. 19]. Иными словами, природное начало первично и по сему довлеет над личностным, поскольку индивид – это биологический, а не социальный объект. Вот как это комментирует Н.Ф. Румянцева: «Исходная предпосылка рассуждений Маркса и Энгельса фиксирует качество, **не специфичное для человека**, не то, что выделяет его из природы и в силу этого делает возможным и необходимым исторический процесс, а то, что объединяет его с животным миром. И именно на этой предпосылке строится теория исторического материализма» [4, с. 129].

Наверное, это естественно, начать размышления об истории с констатации природы человека. С этого начинают Маркс и Энгельс. С этого начал и Ерофеев. Развитие человеческого индивида, ставшего таковым в результате трудовой деятельности, обусловлено развитием социальной структуры, которая, в свою очередь, определяется способом производства: «...определенные индивиды, определенным образом занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определенные общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае... вскрыть связь общественной и политической структуры с производством. Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов – *не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они в действительности* (курсив мой. – С.К.), т.е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях» [3, с. 24]. Приведенная цитата иллюстрирует разницу в понимании того, что является объектом истории у авторов «Немецкой идеологии», с одной стороны, и «Десяти лекций по методологии истории» – с другой. По Ерофееву,

«...объектом исторической науки является человек – этот архисложный продукт среды, биологического развития и воспитания. Его деятельность обусловлена рядом факторов, начиная от объективных условий и кончая личными мотивами и волей. Объект истории – человек в обществе» [2].

В «Первой лекции» мы можем найти намеки на несогласие с принципом линейности исторического развития. Разумеется, речь не идет об ее полном отрицании, но уж коли цель познания – не общественный индивид, помещенный в систему объективных условий, а общественный человек с выраженной индивидуальностью, то предсказать его поступки можно не всегда, причем не только в будущем, но и в прошлом: «Развитие человечества идет не прямолинейно: оно нередко прерывается, делает зигзаги, порождая впечатление отступлений, возврата, движения вспять. История пытается обнаружить систему в этой сложной картине, установить в ней последовательность, внутреннюю логику, найти в ней законосообразность» [2]. И, поскольку, субъект познания – тоже человек, то и он является суммой воздействий факторов внешней среды и собственной индивидуальности: «Перед историком постоянно маячит трудность отбора материала из бесконечного запаса, который составляет жизнь. Этот отбор всегда является результатом какой-то точки зрения, концепции, предвзятой идеи. Такой отбор неизбежен, а отбор сделать без лукавого мудрствования невозможно...» [2]

Логика дальнейших рассуждений ясна: автор неизбежно приходит к сомнению в возможности постижения прошлого. Его скептицизм как одна из форм гносеологического пессимизма также слабо сочетается с декларируемой способностью марксизма находить ответы на любые вопросы общественного развития. Но этот пессимизм – пессимизм историка, который он противопоставляет оптимизму философа. Таким образом, мы опять вернулись к убеждению Ерофеева в том, что у исторической науки должна быть своя методология, что она не может обходиться одной философией, оторванной от реальной специфики, нужд и проблем исторического познания.

Вариантом решения проблемы поиска исторических методов исследования у Ерофеева выступает междисциплинарный синтез. Не менее важной, чем дисциплинарный синтез, Ерофеев считал необходимость обращения к исследовательскому опыту историков прошлого. Это нужно для того, чтобы, с одной стороны, не повторять их ошибок, а с другой – не изобретать всякий раз велосипед. Но и это еще не все. Ерофеев мыслил методологию истории как обобщенный опыт всех историков, вместе взятых. Лишь в этом обобщении будет проявлена специфика исторического мышления.

Утилитарная цель его выработки виделась ученому в возможности постижения ошибок исторического мышления и невозможности повторения их в будущем.

Получается, что методология истории может быть только одна, предельно обобщенная. В этом обобщении вырабатывается объективность исторической истины. Само же по себе обобщение превращается в ее критерий.

Ерофеев убежден, что методология нужна историку для понимания того, какую роль его труд играет, во-первых, в общечеловеческом (общеисторическом) спектакле, а во-вторых, – в исторической науке как в общем деле всех историков. Ученого беспокоила тенденция, когда историки сознательно и массово избегали того, чтобы вторгаться в область теоретических рассуждений. Он называет разные причины сложившейся ситуации. Главные из них – стремление к экономии сил и непрерывное сужение тематики исследования, в котором он видел опасность для исторической науки: «...сужение, закономерное, как и в других науках, в истории порой ведет к печальным последствиям: сосредоточивая свое внимание на узком вопросе, историк рискует забыть о целом. Какое место частный вопрос занимает в общей картине? Зачем он его изучает? Из средства понять жизнь исследование превращается в самоцель. Развивается то отношение к делу, которое французский историк Марру назвал “психологией специализированного насекомого”. Ведь рабочий муравей, выполняя часть общей работы, не отдает себе отчета в том, какую роль его труд играет в общем деле» [2]. Всеобщность – вот критерий установления исторической истины.

Однако Ерофеева очень беспокоило, что отечественные историки намеренно избегали того, чтобы вторгаться в область теоретических рассуждений еще по одной причине – дабы не ставить себя в опасное положение нарушителей идеологической монополии. Большинство их предпочитало заниматься различными аспектами истории производительных сил и производственных отношений. Это занятие уводило во все более конкретные проблемы, например, движение товарных цен в тот или иной период в том или ином регионе. Именно за этой практикой он увидел опасность для советской исторической науки – опасность утраты ее подлинных целей, в то время как они должны быть понимаемы каждым историком.

И если первые две из упомянутых причин кризиса исторической науки не имели сугубой привязки к советской действительности (они явились следствием общемировой тенденции развития научного знания, равно как и поисков выхода из кризиса), то третья была порождена тотальным господством марксизма и теми

противоречиями, которые это господство порождало в позднесоветском историческом дискурсе.

Сочетание марксистских убеждений с уверенностью в необходимости освободить историческую науку из-под ига истмата объясняет призыв ученого адаптировать марксизм к реальным задачам, со всей отчетливостью обозначившимся тогда в современной отечественной исторической науке. И он прямо говорит об острой необходимости *развития* марксистских идей: «Марксизм не является догмой. Он не считает, что ответил на все вопросы. Наука не может стоять на месте: остановка для нее означает смерть... Марксизм нуждается в диалоге со своими противниками. Не только для того, чтобы рассеивать заблуждения, но также и для того, чтобы развиваться самому» [2]. Тем самым Ерофеев говорит о необходимости включения отечественной исторической науки в общемировые поиски путей развития. Кроме того, он признает именно за западной наукой возможности диалектического развития, противопоставляя (и в этом есть известная ирония) марксистскую диалектику, по сути, превратившуюся в неподвижную метафизику, диалектике западной науки, провозглашенную марксизмом метафизикой.

Библиография

1. Давидсон А.Б. В поисках туманного Альбиона... Из воспоминаний о Николае Александровиче Ерофееве (1907–1996) // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 130–140.
2. Ерофеев Н.А. Лекция первая: Предмет и задачи методологии истории // Десять лекций по методологии истории. Рукопись.
3. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7–544.
4. Румянцева Н.Ф. *Теория истории*. М.: Аспект Пресс, 2002. 319 с.
5. Уваров П.Ю. *Между «ежами» и «лисами»*. Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 273 с.

Кцоева Султана Гильмидиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, Россия; sultana_t@mail.ru

Universality as a criterion of truth in "Ten Lectures on the Methodology of History" by N.A. Erofeev

The article is an analysis of the original historical concept of N.A. Erofeev – one of the largest Russian specialists in the New History of England. The purpose of this work is seen in the definition and analysis of what N.A. Erofeev considered the subject and what he attributed to the tasks of the methodology of history and what, in his opinion, is the main criterion for the truth of historical knowledge, without which no methodological concept can exist. In general, the choice of methods and approaches was determined by the specific objectives of the research and the specifics of the material under study and is based on a historical interdisciplinary synthesis involving the methods of philosophy.

Key words: N.A. Erofeev, universality, historical truth, methodology, Marxism

Ktsoeva Sultana Gilmidinovna, Doctor of History, Professor at the Department of World History, North Ossetian State University, Vladikavkaz, North Ossetia-Alania, Russia; sultana_t@mail.ru

УДК 902; 929

Пиков Г.Г.

**Анатолий Гаврилович Малявкин – востоковед-
«харбинец»**

В статье на примере деятельности и взглядов А. Г. Малявкина рассматривается история востоковедения на территории Северо-Восточного Китая в первой половине прошлого века. Этот исследователь из города Харбин начинал как археолог, но постепенно перешел на классическое востоковедение. Он принимал активное участие в археологических изысканиях в первой половине XX в. В 1954 г. переехал в Советский Союз, до конца жизни работал в Новосибирске и выпустил ряд монографий, которые сохраняют свое значение до сих пор. Его пример ярко демонстрирует, как в русскоязычной среде Маньчжурии оказались законсервированы не только бытовые и культурные традиции русского народа, но активно использовалось наследие русской ориенталистики.

Ключевые слова: Малявкин Анатолий Гаврилович, Маньчжурия, Северо-Восточный Китай, востоковедение, археология, кочевниковедение, чжурчжэни, средние века

В данной статье речь пойдет о харбинском востоковедении, которое некоторое время существовало в прошлом веке на территории Северо-Восточного Китая. Рассказ пойдет с акцентом на деятельность одного из крупнейших его представителей – *Анатолия Гавриловиче Малявкине* (1917–1994). Его фигура интересна не только тем, что мы сможем увидеть специфику исторического исследования человеком, который, будучи представителем, по сути, иной цивилизации, родился, вырос и стал ученым именно на той территории, историю которой он и стал изучать. Он с детства владел китайским языком, и не только современным, был знаком на практике с культурой и менталитетом маньчжурского региона. Однако, в данном случае особенно важно и то, что он стал изучать не современную Маньчжурию или современный Китай, а эпоху очень отдаленную, средневековую. Более того, все свое внимание он сосредоточил на истории народов, скажем так, не относящихся к оседлым, а именно на истории «варваров», проживавших к северу от собственно Китая. У них во многом иная культура, с точки зрения китайцев, бескультурье, иная ментальность, разумеется, отличающаяся и от русской. В итоге он все же не только стал одним из авторитетных востоковедов, но и внес существен-

ный вклад в развитие именно кочевниковедения. Интересна не только судьба этого «осколка» другой цивилизации в чуждой среде, но и его методологическая позиция, позволившая узнать многое из «варварской» восточноазиатской культуры, чего не могли разглядеть соседи этих «варваров», как в средние века, так и позднее, хозяйствовавшие в этом регионе многие сотни лет. Не только своими достижениями в науке, но и своим отношением к другим народам, он может и должен быть примером для современных исследователей. Мне лично он оказал огромную помощь не только в научной карьере, но и в мировоззренческой эволюции и я считаю своим долгом, воспользовавшись такой возможностью, еще раз выразить ему свою глубочайшую признательность. Для меня он всегда был образцом для подражания, идеальным вариантом синолога и кочевниковеда. Разумеется, не он один, но он, быть может, прежде всего и раньше всех.

Анатолий Гаврилович Малявкин – человек с очень сложной судьбой. Он родился и значительную часть своей жизни провел в Харбине, провинция Хэйлунцзян, в русской эмигрантской среде. На его судьбе непосредственно сказались судьбы города и исторической науки в России. Город появился в результате сложной эволюции российской истории, а с этим связано развитие и востоковедения. Развитие отечественного востоковедения существенно стимулировало продвижение России на Восток.

По мере строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) в Маньчжурии возникла большая русская колония. Ее центром стал г. Харбин (основан в 1898 г.).

Революционные события 1917 г. в России и гражданская война явились причиной массового исхода россиян со своей родины. После 1924 года население Харбина возросло до 127 тысяч человек. Хотя столицей нового марионеточного маньчжурского государства Маньчжоу Го, созданного захватившими осенью 1931 г. Северный Китай японцами, стал Синьцзин, Харбин к 1942 г. являлся вторым по численности городом, с 1932 по 1942 г. его население увеличилось более чем в 4 раза (700 тыс. чел). В это время окончательно завершился процесс перехода русских в Маньчжурии на положение «национального меньшинства», начатый в 20-е годы китайцами.

В таких условиях начиналась и проходила жизнь Анатолия Гавриловича Малявкина и других его ровесников и коллег.

В 1937 г. он окончил харбинский Юридический факультет (1920–1937 гг.) – первый вуз в Северной Маньчжурии с востоковедной программой. Факультет состоял из двух отделений: юридического и экономического. Для восточно-экономического цикла изучение разговорного китайского языка являлось обязательным.

Среди преподавателей языка был и выдающийся исследователь *Ипполит Гаврилович Баранов* (30.01.1886 – 1.02.1972), который стал впоследствии научным руководителем у А.Г. Малявкина. Он читал курсы китайского языка, китайской литературы, истории культуры Китая, торговых обычаев Китая, географии и этнографии Китая и Маньчжоу-Го. Исследователи считали, что «уровень обучения и исследований столь высок, что вклад факультета в науку сохранил актуальность и по сей день» [12, с. 89].

В 1937 г. А.Г. Малявкин окончил Юридический факультет по восточно-экономическому отделению, после чего работал в Харбинском краеведческом музее, занимаясь и научно-исследовательской работой по истории Китая. Принимал участие в работе Организации исследователей-пржевальцев, Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов. В 1942 г. вышел знаменитый сборник научных работ пржевальцев. Несмотря на небольшой объем (72 стр.) он может считаться выдающимся научным событием. Именно в нем вышел известный всем специалистам перевод А.Г. Малявкиным первой главы династийной истории «Цзинь ши» («История династии Цзинь») [13].

В работе этой организации активно участвовали многие харбинцы, в том числе ближайшие коллеги А.Г. Малявкина, впоследствии перебравшиеся в Советский Союз В.С. Стариков и В.С. Таскин.

Харбинцы активно занимались археологией Маньчжурии. Выделился целый ряд исследователей, внёсших существенный вклад в изучение археологии Маньчжурии – А.М. Баранов, В.Я. Толмачёв, Е.Г. Титов, В.В. Поносов, Л.М. Яковлев, В.Н. Алин, В.С. Макаров, К.А. Железняков, А.С. Лукашкин, А.Г. Малявкин, В.С. Стариков и др. Их труды послужили основой многих последующих научных разработок китайских и российских исследователей. Открывателями палеолита в Хэйлунцзянской провинции были В.Я. Толмачев, В.В. Поносов, А.Г. Малявкин. Они работали в Чжалайноре, Гусянтуне, Хуан-Шане. А.Г. Малявкин вместе с такими выдающимися исследователями, как В.В. Поносов и В.Н. Жернаков, открыли обширную область распространения донеолитических памятников – Северную Маньчжурию. В 1938 г. В.И. Нациевский и братья В.Г и А.Г. Малявкины за рекой Ашихэ нашли и описали стоянки доисторического человека [1]. В 30–40-е годы А.С. Лукашкин, А.Г. Малявкин, В.Н. Жернаков и В.В. Поносов вели раскопки у ст. Анъанси у Цицикара и сделали вывод о самобытности местной неолитической культуры (обивная микролитическая индустрия, развитая костяная индустрия, тонкостенная крашеная керамика и т.д.). А.Г. Малявкин и К.А. Железняков обследовали стоянки у деревень Баома, Чанлинцза, Сыфантай, Гаотайцзы вблизи Молигая, собрали

материал, относящийся к бронзовому веку. В 1943 г. А.Г. Малявкин обследовал стоянку Лаошаньтоу в уезде Биньсянь, относящуюся к эпохе раннего железного века.

В этот же период А.Г. Малявкин и В.Я. Толмачев занялись переводами письменных памятников эпохи Цзинь.

В 1945 г. с приходом в Китай Советской армии жизнь российских эмигрантов коренным образом изменилась. Часть востоковедов была арестована за сотрудничество с японскими властями и эмигрантскими организациями, многие примкнули к Советской армии, которой требовались профессиональные переводчики. Среди них были И.Г. Баранов и А.Г. Малявкин, который, владея китайским, японским и английским языками, работал переводчиком в Торгпредстве СССР, Генеральном консульстве СССР и других советских организациях в Китае.

Харбинское востоковедение как уникальное явление в истории ориенталистики перестало существовать, ибо с приходом советских властей в 1945 были закрыты все ориентальные учреждения, поскольку они существовали под эгидой антисоветских кругов. Исключение составило появившееся 16 марта 1946 г. появилось Харбинское Общество естествоиспытателей и этнографов при Обществе граждан СССР. Среди его членов были А.Г. Малявкин, К.А. Железняков и В.С. Стариков. Это общество стало советским научным обществом, объединившем всех лиц, работающих в Маньчжурии в области ее изучения. Оно издало четырнадцать томов «Записок», в которых публиковались работы преимущественно по маньчжуроведению, а также несколько научных трудов, издателем которых выступал А.Г. Малявкин. А.Г. Малявкин некоторое время был драгоманом (переводчиком) в советских учреждениях в Китае, принимал участие в составлении русско-японского словаря под редакцией профессора Рюичи Ясуги, продолжал немного заниматься изучением доисторической культуры Маньчжурии в районе Хуань-шань и Ан-ан-ци.

1 октября 1949 г. была основана КНР. В 1952 г. Китайская Чанчуньская железная дорога (бывшая КВЖД) была передана в собственность КНР. Начались массовые увольнения русских служащих, закрывались русские школы. На Пасху 1954 г. было распространено обращение советского правительства о льготном выезде в СССР, правда, «для освоения целинных и залежных земель». Оформление документов было предельно упрощено, проезд бесплатный. Это стало решающим событием для русского Харбина и всех русских в Китае. Одновременно оно послужило для китайских властей поводом для начала массового вытеснения русских из Китая. Все же массовый исход русских из Китая за рубеж или «за речку», как

говорили харбинцы, после окончания Второй мировой войны растянулся почти на два десятилетия, до середины 1960-х годов.

А.Г. Малявкин в этом же году репатриировался с семьей в Алма-Ату. В 1964 г. переехал в Новосибирск, где с 1965 г. стал работать научным сотрудником сектора истории и археологии стран зарубежного Востока Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР — ИИФФ СО АН СССР (РАН). В 1971 г. он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1983 г. — докторскую.

В.С. Таскин и А.Г. Малявкин окончательно поменяли область научно-исследовательской работы: от археологии они перешли к классическому востоковедению.

В СССР А.Г. Малявкин занимался проблемами истории Центральной Азии. Ко времени начала работы в институте он был уже достаточно известным ученым [5; 11]. Впоследствии он написал ряд широко известных монографий, написанных на основе средневековых китайских источников, которые он вводил в научный оборот, и посвященных государствам Центральной Азии (Уйгурскому каганату, Цзюши, Гаочан, оазисным государствам Кашгарии и др.), их взаимоотношениям с Китаем [7; 4; 6; 3; 10; 9; 2].

На примере работы А.Г. Малявкина мы видим, как великопленные традиции отечественного востоковедения, зародившиеся и прошедшие стадию становления в девятнадцатом веке, как бы законсервировались на «острове» Харбин. Сам исследователь не писал методологических работ, но это видно из некоторых его замечаний, разбросанных в разных книгах и статьях. Особенно четко и конкретно это сформулировано в его неопубликованной пространной рецензии «Навершие памятника князю Золотой империи» и другие статьи по востоковедению В.Е. Ларичева» [8].

А.Г. Малявкин категорически выступает против китаецентризма, как в трудах средневековых авторов, так и в работах современных исследователей. Например, он утверждает, что нельзя говорить о чжурчжэньском административном аппарате только на основе китайских текстов [8, с. 3]. Китайские авторы осознанно или хотя бы подсознательно придают отдельным звеньям этого аппарата китайскую специфику. Это связано с тем, что чжурчжэни и кидани воспринимались китайцами в то время в качестве «варваров», которые еще только начали перенимать китайскую культуру. Такого же рода китаецентризм, по мнению исследователя, присутствует и в работах современных ему маоистских историков. В этом плане, по его мнению, необходимо изучать формы, цели и результаты «варварских» заимствований, не забывая одновре-

менно и того, что и чжурчжэни тоже принесли свое в восточноазиатский административный феномен.

Другая важная методологическая проблема, по его мнению [8, с. 5], заключается в том, что современные исследователи, вслед за средневековыми, многие факты и проблемы чжурчжэньской истории (он говорит конкретно о титулатуре) объясняют через реалии IX–XIII вв. Это в корне неправильно. Титулы родом из III в. н.э., а их объясняют через трактовку их китайскими или чжурчжэньскими авторами. В результате текст становится просто неверным и искаженным. Нельзя, по его мнению, использовать те названия, которые китайцы давали чжурчжэньским племенам, родам и отдельным лицам [8, с. 6]. Современные исследователи, заявляет он, транскрибируют их еще больше, чем средневековые [8, с. 11]. В этом плане он признает и свои собственные ошибки. Так, например, он отмечает, что в своем переводе первой главы «Цзиньши» он первый иероглиф имени Сяохайли «неизвестно по какой причине» прочитал как Соу [8, с. 8].

А.Г. Малявкин поставил важную проблему степени китаизации «варварских» государств киданей и чжурчжэней [8, с. 12]. В преувеличении этой китаизации он тоже видит проявление китаецентризма. Он осторожно говорит, что этой китаизации, возможна, была подвержена лишь верхушка общества, наподобие французов истории XVIII в. в России, и тем самым ставит важную в конкретно-историческом и методологическом отношении проблему.

Он категорически и весьма эмоционально выступает против «засорения библиографии» некачественными статьями, написанными в результате «кавалерийского наскока» [8, с. 14]. Тексты должны быть «следствием длительного и тщательного изучения вопроса».

В целом в основе исследований А.Г. Малявкина лежала своеобразная и очень продуманная, даже прочувствованная методология. В девятнадцатом столетии существенные элементы такой методологии наблюдаются в работах Н.Я. Бичурина, В.П. Васильева, М.Н. Суровцова. Это можно назвать ведущей тенденцией отечественного востоковедения досоветского периода. Исследователь должен опираться на тексты изучаемого времени и особенно хорошо знать реалии, ситуацию в регионе. В двадцатом веке стало широко распространяться влияние западной ориенталистики, многое из чего А.Г. Малявкин не принял. Например, теорию «вождеств», которая связывает формирование государственности у кочевников с ролью того или иного лидера, он назвал фантастичной и считал, что она не считается со многими общеизвестными фактами.

А.Г. Малявкин представляет собой таким образом не часто встречающийся тип высокопрофессионального исследователя, который, будучи человеком иной русской цивилизации, одновременно великолепно знает историю и культуру средневекового периода истории Восточной Азии. Нужно подчеркнуть также активную гуманистическую позицию А.Г. Малявкина, который настаивал на восприятии восточноазиатской «варварской» культуры как самобытной и имеющей право на существование наравне с классической китайской.

Библиография

1. Аргус. По стопам Пржевальского: к десятилетию Национальной организации исследователей-пржевальцев в Харбине // Рубеж. 1939. № 22 (27 мая). С. 19.
2. Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1992. 288 с.
3. Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии: Материалы и исследования. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981 (1982). 336 с.
4. Малявкин А.Г. Китай и уйгуры в 840-848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века: Сборник. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. С. 65-82.
5. Малявкин А.Г. Китайские источники по истории уйгуров в IX–XII вв. // Известия АН КазССР. Сер. ист. № 2 (16). Алма-Ата, 1961. С. 72-77.
6. Малявкин А.Г. Маньчжурский вариант хроники государства Аньчунь-Гурунь // Известия СО АН СССР (сер. общ. наук). 1977. № 1. Вып. 1.
7. Малявкин А.Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. 210 с.
8. Малявкин А.Г. [Рец.:] “Навершие памятника князю Золотой империи” и другие статьи по востоковедению В.Е. Ларичева // Из личного архива Г.Г. Пикова.
9. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исслед. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1989. 432 с.
10. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983 (1984). 297 с.
11. Малявкин А.Г. Уйгурское турфанское княжество в XIII веке // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 1. Алма-Ата, 1969. С. 61-67.
12. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., М.: Прогресс-Академия, 1994. 295 с.
13. «Цзинь-ши», гл. 1. Пер. с кит. // Сборник научных трудов пржевальцев. Харбин, 1942. С. 41-58.

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории, заведующий кафедрой всеобщей истории, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия; genнадij-pikov@yandex.ru

Anatoly Gavrilovich Malyavkin – orientalist from Harbin

Using the example of A. G. Malyavkin's activities and views, the article examines the history of oriental studies in the territory of Northeast China in the first half of the last century. This researcher from Harbin city started as an archaeologist, but gradually switched to classical Oriental studies. He took an active part in archaeological research in the first half of the XX century. In 1954, he moved to the Soviet Union, worked in Novosibirsk until the end of his life and published a number of monographs that retain

their significance to this day. His example vividly demonstrates how not only the everyday and cultural traditions of the Russian people were preserved in the Russian-speaking environment of Manchuria, but the legacy of Russian orientalism was actively

Keywords: Malyavkin Anatoly Gavrilovich, Manchuria, Northeast China, Oriental studies, archeology, nomadic studies, Jurchen, Middle Ages.

Pikov Gennadij Gennadevich, *Doctor of History, Doctor of Cultural Studies, Professor, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; gennadij-pikov@yandex.ru*

УДК 94 (47); 930 (092)

Шепелева В.Б.

К.Н. Тарновский (1921–1987) – методолог, теоретик, историк советской исторической науки

На базе материалов личного фонда К.Н. Тарновского рассматриваются сюжеты, связанные с простой историей и теоретико-методологической разработкой автором проблем историографии как специфического раздела исторической науки и учебной дисциплины. Предложенные автором алгоритмы историографического анализа и синтеза предстают актуальными и сегодня.

Ключевые слова: К.Н. Тарновский, теоретико-методологические проблемы историографии, историографического анализ, историографический синтез, личный фонд историка, «новое направление»

Обращаясь к теме, можно оттолкнуться от объёмной рукописи (46 л.) статьи К.Н. Тарновского «О совещании историков» – 01.1963 [9; 2, с. 222; 5, с. 420-421], где много важного для академического и вузовского уровня говорилось о «неудовлетворительности системы высшего исторического образования». В частности, о «проблеме с умением студентов анализировать и обобщать полученный материал, связывать его с жизнью, с общественно-политической деятельностью», при том, что реально нет и теоретико-методологической подготовки: не истмат, не марксизм – а «начётничество» [9, л. 1-6].

И сегодня, наверное, это звучит не очень привычно, но Константин Николаевич, призывая к усилению роли факультативных предметов и спецкурсов, говорил о необходимости усиления преподавания «так называемых вспомогательных исторических дисциплин» и «в первую очередь историографии и источниковедения по специальностям» (и это позднее будет повторено с прибавлением курса по методологии истории) [9, л. 7-8]. Можно сказать, что К.Н. Тарновский (помимо основного для него двойного, даже тройного предмета исследовательских интересов) оказывается причастен и к процессу самоопределения историографии, правда,

скорее не «видовской», но как общей учебной вузовской дисциплины. О существенной причастности его, основного аналитика, методолога и теоретика «нового направления» к историографии – как существенному разделу/структурному блоку исторической науки свидетельствуют и факты появления знаковых историографических работ автора с самого начала и в течение всех 1960-х годов, и в период «закрытия» новонаправленцев, и после ухода его самого из жизни. В отзывах по первой докторской диссертации К.Н. Тарновского фиксировалась значимость её «и для выработки метода историографического исследования» [5, с. 19; 2, с. 212; 15].

В архивном фонде Тарновского хранится несколько дел, имеющих не косвенное (таких «косвенных» работ у историографа «нового направления» множество), но речь о делах, имеющих непосредственное отношение к истории, теории и методологии отечественной историографии через призму деятельности Тарновского [ЦМАМЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 62, 73, 89, 140, 151, 459]. Оговорюсь, в данном случае доверять просто формулировкам описей – не лучший вариант. В частности, если верить описи, то Д. 73 – это машинописная статья «Октябрь и некоторые вопросы социально-экономической истории России начала XX века» с правками автора, на 21 листе, «не ранее 1967 г.». Реально этому определению соответствуют первые 9 листов, а затем идёт другая статья Константина Николаевича, а именно: «Историографический анализ и синтез – ключевые вопросы для уяснения особенностей историографической методики и характера воздействия историографии, как структурной части комплекса исторических наук, на развитие самой исторической науки». Статья, скорее связанная с конструктивной инициативой редакции, самого «главреда» журнала «История СССР» в начале 70-х гг. открыть широкую дискуссию по важнейшим вопросам историографии. И как подтверждение того, после текста 2-й статьи («Историографический анализ и синтез...») автор отвечает на вопросы редакции – предположительно 1972 г. – о современном состоянии историографии, подчёркивая, что среди советских историографических исследований преобладают библиографически-аннотационные, информационные работы и мало работ «историко-методологического и историко-теоретического характера». Причина – «ещё не выработались и не закрепились... критерии и требования к историографическим работам». «Всёчески приветствуя... инициативу» журнала по поводу подготовки широкого обсуждения проблем историографии, Константин Николаевич как бы в переключку со своей давней, упомянутой нами статьёй 1963 г. пишет: «хотел бы всё-таки подчеркнуть, что нужно **поставить** обучение историографической методике в высших учеб-

ных заведениях. Для этого, помимо общего курса историографии, нужно ввести в учебный план историографический семинар (практикум) и озаботиться разработкой соответствующих пособий» [6, л. 20-21; 9].

Озадаченность стремительным нарастанием свободного (по сравнению с предыдущим историческим периодом) потока конкретно-исторических исследований, в том числе прорывных (по социально-экономической и не только истории России рубежа XIX–XX вв.), потребность осмысления этого потока, дискуссии «сидоровцев» с «неотрадиционалистами» [11; 12; 14; 15, гл. 4] и отмеченные проблемы с положением условно «вузовской» и «академической» историографии – всё это (помимо внутренних склонностей К.Н. Тарновского – исследователя и личности) имело результатом основательное «впрыжение» и, по необходимости, глубокое погружение его в проблемы историографии [5; 12-15].

Очевидная для «сидоровцев», несомненно, для Тарновского – первого историографа «нового направления» – острая актуальность научно-познавательной ситуации, сложившейся вокруг предмета их исследовательского интереса (в методологическом, концептуальном, общем теоретическом и историографическом срезе), казалось, была близка и для широкого круга историков. В личном фонде К.Н. Тарновского сохранилось несколько свидетельств о том. Наиболее раннее из них – на бланке редакции журнала «История СССР» от 22 ноября 1972 г. письмо К.Н. Тарновскому о том, что «редакция предполагает **встречу** “за круглым столом” по методологическим проблемам историографических исследований применительно к отечественной историографии», встречу, присоединиться к которой и приглашается адресат. При этом излагается «просьба дать отзыв – замечания к предложениям по Программе» намечаемого «круглого стола». Письмо за подписью «главреда» – И.Д. Ковальченко. А далее – рукой Константина Николаевича – набросок ответа, где обозначены в качестве основных вопросов намеченных проблемных блоков: «содержание предмета», «место его в системе исторических наук», «методология и терминология». Далее намётки для себя: «современные проблемы не только историографические... но и **воздействие** – как результат множества...». Отдельно прописано: «Проблема методики, анализа и синтеза». Всё это – первый блок. Второй – «общественность и историческая наука». Третий: «Историографическая традиция и проблемы пересмотра концепции» – не абстрактные, но уже практически решавшиеся «новонаправленцами», прежде всего самим автором теоретико-методологические, историографические вопросы. На обороте того же листа – некоторые соображения

Е.Н. Городецкого: «Центр – методология... молодые дисциплины, только складывается это направление и, естественно, обрастание на первых порах “шумами”...» [7, л. 11-11 об.].

Дальнейший ход событий иллюстрируют ответы на вопросы редакции журнала, датированные уже 11.12.72 г. [7, л. 10], где очень кратко отметились и сам И.Д. Ковальченко, и снова Е.Н. Городецкий, и В.Е. Иллерицкий, и С.О. Шмидт, и А.М. Сахаров, и Марк Самойлович Волин, и, видимо, Виктор /Д.(?)/А. Муравьев, и О.В. Волобуев, и Р.А. Киреева, и А.И. Алаторцева. Редактор предполагал на перспективу «серию статей», «коллективный Центр», выделял «вопрос **методологии** историографии, **цель**» её, «**воздействию** (? – написано неразборчиво. – В.Ш.) на различные науки». Е.Н. Городецкий теперь предлагал: 1) проблему «зарождения и современного этапа развития» историографии, 2) «вопрос периодизации и её критериев». Далее: 3) проблему «содержания историографии», отмечая «роль организации науки». Затем шла отсылка к марксизму «(т. IV Капитала)» и, наконец, отдельным пунктом – «зарубежная историография». С.О. Шмидт высказался за «популярные работы о творчестве историков» и относительно «форм **воздействия** нашей науки на мировую науку». На что А.М. Сахаров ответил: «за воздействие», но «тогда этот инструмент воздействия нужно отрегулировать», и обозначил как проблему: «Предмет?», учитывая весь контекст вопросов и ответов историографии, М.В. (? – В.Ш.) Волин акцентировал внимание на связи «исторических наук и развития общества», подчёркивая значение «воспитательной функции историографии». Муравьев кратко и однозначно поддержал: «За методологию»; О.В. Волобуев заявил «вопросы многомерности истории». Р.А. Киреева афористично (но, к сожалению, «палеографически проблемно» – В.Ш.) подчеркнула, что «историография ист... – наиболее драматичный раздел исторической науки»; А.И. Алаторцева логично для себя обозначила вопрос: «Периодика и историческая наука» [7, л. 9-9 об.].

И после такого заочного «обсуждения» 19-го декабря 1972 г. К.Н. Тарновский получает из редакции журнала – собственно прямо от главного редактора – послание с предложением «осветить проблему историографического анализа и синтеза, текст до 15 м/п стр.» – срок: не позднее 15.01.73 г., плюс просьба – «высказать свои соображения по вопросам: 1) Что... входит в понятие «методологические проблемы историографического исследования»? 2) Как Вы оцениваете современное состояние историографии и представляете пути решения назревших проблем?». И подпись: «С искренним уважением главный редактор И.Д. Ковальченко» [7, л. 12]. В прямой или косвенной связи с этими событиями появился целый ряд

наработок – текстов Константина Николаевича и по методике, больше – по методологии и теории историографии, причём, напомним, в уже очень непростое для автора время.

Закулисно подготовленное, совершенно неправомочное, вне всяких академических приличий – после блестящей защиты соискателя в октябре 1970 года – **состоялось перечёркивание** решения Учёного совета Ин-та истории СССР АН СССР о присуждении К.Н. Тарновскому учёной степени доктора исторических наук и затем по нарастающей ликвидации «нового направления» [2, л. 19; 11]. В этих условиях инициатива редакции журнала, наверное, сработывала (могла сработать) как добрый знак (или и как добрый знак) со стороны профессионального исторического сообщества в отношении оказавшегося неугодным партийно-бюрократическим верхам историка.

Изложим кратко содержание упомянутых работ К.Н. Тарновского по методике, по методологии и теории историографии. Во-первых, он отмечает, что общая методологическая основа советской исторической науки «вовсе не исключает борьбы мнений, наличия нескольких точек зрения... в том числе и по концепционным вопросам», поскольку сказываются и «сложность объектов исторической науки», и «качество привлекаемого к анализу материала, и различные методы обработки его, наконец индивидуальные особенности исследователей», а кроме того, «и некоторые особенности развития самой науки». Среди последних Константин Николаевич выделяет «объективный характер развития науки», преемственность и посредством «багажа... научных ресурсов», включая «спорные нерешённые вопросы», передаваемые следующим поколениям [6, л. 10].

Но «современность ставит перед историей конкретные вопросы... в итоге преемственность в науке зачастую выражается и при сменяемости ведущей исследовательской проблематики, если ранее достигнутое понимание... не ...отбрасывается, а удерживается, своеобразно дополняя новую трактовку или вписываясь в неё как часть в целое» [6, л. 10-11]. Здесь отметим: вполне **постнеклассический** подход автора, и это когда постнеклассика через синергетику едва-едва намечала себя в мире наук.

На объективность науки работает, по мнению Константина Николаевича, и то обстоятельство, что большинство исследователей, формулируя итоги своих конкретных изысканий, не задумываются... к каким изменениям в общих представлениях по проблеме приведёт полученный конкретный результат (как бы минус даёт плюс! – *В.Ш.*). Правда, такие «изменения... обнаруживаются не сразу», а через накопление частных итогов, «которые превращаются в новое

качество вследствие целенаправленных усилий по их переосмыслению в целом, *под новым углом зрения*». Но, заметим, тогда этот сюжет про «новый угол зрения» нужно бы ввести, тем более что одновременно, по словам автора, объективность проявляется и в «общем состоянии общественной мысли», чем предпосылается «основной угол зрения, под которым ведётся исследование». Однако, если верно последнее, то откуда в таком случае **разное и новое?** – Реально Константин Николаевич говорит, конечно, о новой концепции, новой познавательной парадигме, но это после и в ходе жёстких идеологических обвинений со стороны и Ф.М. Ваганова, и С.М. Дубровского, и, к сожалению, немало числа других, что накладывало свой отпечаток на тексты автора [1; 3; 4; 14].

Другая особенность развития науки – положение о единстве её, требующее соответствия и взаимосвязи её составных частей. Заметим, здесь, конечно, возникает проблема некоей иерархии блоков-частей. Между тем «более или менее значимые изменения в трактовке концепционного вопроса могут вызвать сложное движение во всех звеньях системы научных построений... более значительные в районах, примыкающих к эпицентру изменений». И это движение рано или поздно может привести: 1) «к общему осовремениванию всей системы представлений»; 2) «может расшатать её и привести к замене другой системой»; 3) может быть «и парализовано, и ликвидировано (снято), если не будет резонансов... соответствия в других звеньях системы» (*и это постнеклассика. – В.Ш.*); 4) наконец, оно может вызвать «прямое противодействие – обратную активную реакцию», но совершенно «бесследно этот импульс пройти не может» (*вот и ответ о причинах разных точек зрения. – В.Ш.*) [6, л. 12; 8].

Отсюда ещё одна особенность развития науки, по Тарновскому, – неравномерность его. И это, с одной стороны, во времени, с другой – по проблематике с точки зрения выделения ударных тем / направлений. В общем: развитие науки в целом – разновременное, прерывистое, но связанное и взаимно обусловленное, т.е. речь о противоречивом характере развития науки. И внутреннее единство её как взаимосвязанных положений и построений достигается посредством выявления и преодоления **противоречий** [6, л. 13; 8].

Относительно *историографической методике* К.Н. Тарновский подчёркивает, что она «есть разновидность методики исторической. Работа с источниками, фактами, при различии самих источников и фактов». При этом, конечно, «главное внимание в историографии такому историографическому факту, как авторская концепция». И далее – структура *авторской концепции*: 1-е = «формулировка исследовательского задания» (нечто вроде

рабочей гипотезы? В любом случае – «проблемный подход» – *В.Ш.*). 2-е = авторская интерпретация фактического материала. 3-е (и тут интересно! – *В.Ш.*) – «дополнительное введение автором положений и допущений априорного характера (словно бы переключка с Холтоном, Лауданом, а быть может, с Кантом, или речь о теоретико-методологических основаниях? Но почему это 3-й элемент у автора? Кстати, в другом месте Константин Николаевич пишет: ими / допущениями могут быть ранее полученные итоги научных исследований, общие теоретические положения, научные гипотезы). 4-й элемент = логические операции, научный аппарат исследования; 5-й = теоретический вывод / формула [6, л. 13-14; 7, л. 4; 8]

Целью и содержанием историографического анализа выступает уяснение, оценка и критика авторской концепции. **Оценка** заключается в: 1) установлении степени доказанности / гипотетичности её; 2) в установлении полноты и точности авторских обобщений и в выявлении возможности других, не сделанных автором выводов из проведенного им исследования; 3) в выявлении её законченности – соответствия всех уровней исторической теории /концепции/ при ссылке на Эйнштейновский критерий «внутреннего совершенства концепции» [6, л. 14-15; 8].

Что значит **критика** у К.Н. Тарновского? 1) «не только **выявление ошибочных положений** – вообще историографу предпочтительнее говорить... не об ошибках, но об *особенностях* концепции – сколько **выяснение соотношения прежних и новых, главным образом – творческих знаний**; 2) в распоряжении историка научных фактов: насколько полно и непротиворечиво ассимилируются они выдвинутой *авторской концепцией*; 3) выявление возможности дальнейшей разработки, проверки, уточнения данной *авторской концепции* через сопоставление её с *историографическим материалом смежных отраслей науки*; 4) через сопоставления *страновые* по сходным этапам, проблемам общественно-экономической формации (отсюда требование широкой исторической образованности историографа) [6, л. 15-16; 8].

Историографический синтез «целиком основан "на принципе соответствия концепций"». Задачи его – «двойкие»: 1) собственно историографические и 2) историко-теоретические. И 1-е заключаются в выявлении складывающихся в науке *направлений*; 2-е – в формулировке *системы представлений* по комплексной исторической проблеме – обе взаимосвязаны и решаются сходным методом. Конкретнее: «исходный пункт историографиче-

ского синтеза до некоторой степени совпадает с конечной операцией критики *авторской концепции*». Но аспекты иные.

Главное: на этом этапе историография перестаёт быть *«историей науки»* и превращается в *саму науку*, цель которой – выявление и формулирование *исторических закономерностей* [6, л. 16-18; 8].

Библиография

1. Воспоминания // Не отступая, быть самим собой: к 100-летию со дня рождения К.Н. Тарновского: сб. ст и воспоминаний. М.: Ин-т российской истории РАН, 2021. С. 11-74.

2. Емец В.А., Шелохаев В.В. Творческий путь К.Н. Тарновского // Исторические записки: [сб. ст.]. М.: Наука, 1990. Т. 118. С. 201-232.

3. Емец В.А., Шелохаев В.В. Константин Николаевич Тарновский // Историки России: послевоенное поколение / сост. Л.В. Максакова. М., 2000. С. 199-220.

4. Емец В.А. К.Н. Тарновский – «шестидесятник» // Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время: историография, воспоминания, исследования. СПб., 2002. С. 11-22.

5. Емец В.А., Шелохаев В.В. Творческий путь К.Н. Тарновского // Не отступая, быть самим собой: к 100-летию со дня рождения К.Н. Тарновского: сб. ст. и воспоминаний. М.: Ин-т российской истории РАН, 2021. С. 11-25.

6. Тарновский К. Н. Историографический анализ и синтез – ключевые вопросы для уяснения особенностей историографической методики и характера воздействия историографии, как структурной части комплекса исторических наук, на развитие самой исторической науки ноябрь 1972 – январь 1973 гг. – ЦММЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 73. Л. 10-18.

7. Тарновский К. Н. Методология историографического синтеза. 1972/1973; 04.1984. – ЦММЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 89, 140.

8. Тарновский К.Н. О некоторых вопросах методологии историографического анализа и синтеза – январь 1986 г. – ЦММЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 151. Л. 5-15.

9. Тарновский К.Н. О совещании историков – 01.1963 – ЦММЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 62.

10. Тарновский К. Н. Специфика историографического исследования» (материалы к докладу) – (22.11.1972 г. – январь 1973 г.) – ЦММЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 89. Л. 2-5.

11. Тарновский К. Н. Замечания на отзыв третьего рецензента. – ЦММЛС. Ф. 157. Оп. 1. Д. 177-178.

12. Шепелева В.В. Историографические судьбы "нового направления" // Мир историка: XX век. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 219-257.

13. Шепелева В.В. «Новое направление» в советской историографии социально-экономической истории России конца XIX – начала XX в. // Диалог со временем: альманах интеллектуал. истории. М., 2003. Вып. 10. С. 300-310.

14. Шепелева В.В., Осадченко Б.А. Информационные возможности личных фондов историков для изучения становления «нового направления» в отечественной историографии // Отечественные архивы. 2005. № 5. С. 60-72.

15. Шепелева В.В. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии): монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. 704 с.

Шепелева Валентина Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и политологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; vshapel@rambler.ru

K.N. Tarnovsky (1921–1987) – methodologist, theorist, historian of Soviet historical science

On the basis of the materials of the personal fund of K.N. Tarnovsky the plots related to the difficult history and theoretical and methodological development of the author of the problems of historiography as a specific section of historical science and academic discipline are considered. At the same time, the algorithms of historiographical analysis and synthesis proposed and developed by the author appear relevant today.

Keywords: K.N. Tarnovsky, theoretical and methodological problems of historiography, historiographical analysis, historiographical synthesis, historian's personal fund, "new direction"

Shepeleva Valentina Borisovna, Doctor of History, Professor of the Department of National History and Political Science, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; vshapel@rambler.ru

УДК 930(470.51)(092)(045)

Мельников С.Л.

Память об историке: научная и педагогическая деятельность профессора УдГУ М.М. Мартыновой (к 100-летию со дня рождения)

Столетний юбилей – повод осмыслить вклад историка в формирование историографических традиций того или иного региона и оценить педагогический опыт, переданный своим многочисленным ученикам, если это историк-педагог. М.М. Мартынова стояла у истоков университетского образования в Удмуртии, являлась крупным специалистом по аграрной истории региона, воспитала многие поколения профессиональных историков. В статье проводится анализ основных этапов деятельности ученого-педагога.

Ключевые слова: М.М. Мартынова, ученый-педагог, аграрная история, Удмуртский педагогический институт, Удмуртский университет

5 июня 2022 г. исполняется 100 лет со дня рождения Марии Михайловны Мартыновой (5.06.1922 – 1.07.2003) – Почетного профессора Удмуртского государственного университета, Заслуженного работника народного образования Удмуртской Республики. Добрую память об ученом – педагоге М.М. Мартыновой сохраняют 56 выпускников студентов-историков УГПИ–УдГУ. Многие поколения ее учеников – историков-профессионалов, могут сказать, что их представления о профессиональных нормах преподавателя и ученого, коммуникативных практиках «учитель – ученик», скрупулёзность в отношении к исследовательской деятельности были заложены их учителем М.М. Мартыновой.

Характеризуя деятельность и интеллектуальную эволюцию человека, который всю свою творческую жизнь посвятил подготовке историков, сочетая ее с собственными научными изысканиями, обычно применяется емкое понятие ученый-педагог. Однако, ответить на вопрос, какая из компонент его творчества – «педагог, учитель» или «ученый, исследователь» являлась доминирующей, едва ли возможно. Подобный вопрос, направленный на однозначную сегментацию его деятельности, как правило, вызывает внутренний диссонанс. Поэтому любая частная беседа или интервью с преподающим в вузе ученым всегда обычно завершается мыслью, что он никогда не разделял для себя эти части в своей деятельности, а относился к ним как определенным граням своего предназначения. Причем каждая из них мотивировала другую, наполняя практическими и исследовательскими задачами. В этом не раз убеждался автор этих строк в беседах с Марией Михайловной.

Изучая продолжительную педагогическую деятельность М.М. Мартыновой, мы можем выделить три периода в ее профессиональной карьере.

Первый из них – это **1937–1945 гг.:** выбор дальнейшего жизненного пути, период профессионального формирования. После окончания в 1937 г. семилетней средней школы она поступила в Сарапульское педагогическое училище. Получив среднее специальное образование, М.М. Мартынова в числе 5% лучших выпускников от Удмуртии была направлена на учебу в МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1940 г. ею были успешно сданы вступительные экзамены на исторический факультет. В этом факте (как и в последующем обучении на историческом факультете УГПИ) можно увидеть целенаправленное стремление М.М. Мартыновой к изучению истории при равных возможностях выбрать любое другое направление педагогической деятельности. Что могло повлиять на формирование интереса к истории, оказавшейся делом всей ее жизни? Это мог быть ее родной Сарапул – в дореволюционную пору крупный прикамский купеческий город. Его улицы, музей сохраняли множество артефактов, а образованная часть его жителей хранила атмосферу и множество уникальных историй из жизни города XVIII–XIX вв. Влияние на формирующееся мировоззрение дочери, без сомнения, оказывал ее отец – М.С. Мартынов, человек образованный, служащий с дореволюционным стажем. Формированию увлечения историей могло способствовать известное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г. После его принятия началось повсеместное восстановление исторического образования и вместе тем организация исторических факультетов в вузах страны [2, с. 6-7].

Казалось бы, мечта стать историком, вобрать в себя богатейшие историографические традиции, быть в непосредственной близости к лучшим архивным и библиотечным фондам страны была близка к осуществлению. Но обстоятельства не позволили ей реализоваться. Медкомиссия диагностировала у неё болезнь, считавшуюся неизлечимой, и отказала в приеме в МГУ. Весной 1941 г. Мария Михайловна переехала в г. Ижевск, где стараниями врачей ей удалось поправить свое здоровье. В августе того же года она смогла реализовать свою мечту – быть историком, поступив на исторический факультет Удмуртского государственного педагогического института.

Все годы учебы в институте пришлось на суровые военные годы, когда вместе с изучением исторических дисциплин студенты своим трудом оказывали всевозможную помощь фронту и тылу. В годы войны без отрыва от учебы М.М. Мартынова окончила курсы фельдшеров и трактористов, одновременно вела большую общественную работу. По ее воспоминаниям, наибольшее влияние на студентку Мартынову в эти годы оказывал ее преподаватель В.Н. Перцев, действительный член Академии наук БССР, один из виднейших медиевистов страны. В.Н. Перцев, находясь в эвакуации, с 1941 по 1943 г. работал профессором и заведующим кафедры всеобщей истории УГПИ. Возможно, что его лекции, посвященные истории аграрных обществ, повлияли на сферу научных интересов будущей ученого. Окончив в 1945 г. с отличием УГПИ, Мария Михайловна была зачислена в штат исторического факультета УГПИ ассистентом кафедры истории.

1945 – 1972 гг. – второй период профессионального становления М.М. Мартыновой, совершенствования ее педагогического и методического мастерства. С 1949 г. (после разделения кафедры истории на кафедру истории СССР и кафедру всеобщей истории) Мария Михайловна занимала должность старшего преподавателя кафедры истории СССР. В этот период страна испытывала колоссальную нехватку в квалифицированных научных, преподавательских и учительских кадрах.

Понимая основную задачу педагогического образования прежде всего как качественную подготовку учительства, она постоянно разрабатывала новые спецкурсы, направленные на решение этой задачи. Это – «История русского искусства», «Историческая география», «Аграрные отношения в России периода империализма», «Образование русского централизованного государства». Все лекции, семинары и спецкурсы всегда были обеспечены наглядными пособиями и картами, формированию фонда которых на кафедрах она уделяла пристальное внимание. Визуализация изучае-

мых тем должна была формировать у будущих учителей необходимые умения и навыки.

Работа в УГПИ предполагала особое внимание к учебно-методической работе, адресатом которой были преподаватели, студенты и школьники. В течение 1950–60-х гг. М.М. Мартыновой были подготовлены и изданы статьи в профильных журналах, а также многочисленные учебно-методические пособия. Особое место принадлежало таким изданиям, как «Книга для чтения по истории Удмуртии» (1962), «Твоя республика. Книга для чтения. 4 класс» (1967), в подготовке которых активное участие принимала М.М. Мартынова. По этим книгам школьники Удмуртии начинали свое первое знакомство с историей родного края.

В конце 40-х гг. сформировалось кафедральное научное сообщество, представленное специалистами по отечественной истории. Его ядром на долгие годы стали профессор, выпускник Ленинградского университета Б.Г. Плющевский, доцент, выпускник Казанского университета А.А. Александров и выпускница УГПИ М.М. Мартынова. Именно их исследовательские программы определяли степень интегрированности УГПИ–УдГУ в изучение проблематики российского исторического процесса, способствовали формированию научных традиций, переданных следующим поколениям историков.

В 1960-е гг. со всей очевидностью проявляется та грань в творческой деятельности М.М. Мартыновой, которая характеризует её как зрелого ученого. Сферу ее исследовательских интересов составляла аграрная история Вятской губернии и Удмуртии в конце XIX – начале XX вв. и особенности проведения столыпинской аграрной реформы в крае. В течение 1963–1970 гг. в научных сборниках, материалах научных конференций УрГУ и УГПИ ею были опубликованы несколько работ по этой тематике.

В 1967 г. М.М. Мартынова была прикреплена к кафедре истории СССР Уральского университета для подготовки кандидатской диссертации, научным руководителем был назначен известный историк, кандидат исторических наук, доцент В.В. Адамов. Она принадлежала к знаменитому «новому поколению» или поколению «многоукладников», оформившемуся в советской историографии в 1960-е годы XX в. Его сторонники, анализируя обширный круг источников, видели особенность буржуазной эволюции сельского хозяйства России начала XX в. в органическом сосуществовании передовых форм капитализма с остатками докапиталистических укладов. Несмотря на критику и последовавший в 1973 г. «разгром» этого направления, М.М. Мартынова в своих работах по аграрной истории неизменно следовала основным нарративам этого

подхода. Ей удалось убедительно доказать многоукладность в аграрных отношениях начала XX в. на примере удмуртской общины, а также общинной организации у русских и татарских крестьян Вятской губернии [1, с. 36].

В 1970 г. Мария Михайловна успешно защитила кандидатскую диссертацию «Аграрные отношения в Вятской губернии в конце XIX – начале XX вв.», а последующие публикации сделали ее самым авторитетным специалистом по аграрной истории региона.

Приобретенный преподавательский опыт и научный авторитет служили фундаментом дальнейшей работы М.М. Мартыновой в Удмуртском госуниверситете, открытом на базе УГПИ в 1972 г. Он определил **третий период** в творчестве ученого-педагога **(1972–2002)**. Изменение статуса вуза потребовало качественного нового преподавателя, где учебное без научного невозможно. Включенность студентов в исследования по истории Вятской губернии, одновременно формирование их как школьных преподавателей на основе университетских программ позволило подготовить молодых ученых. Формально многие ее ученики не были аспирантами М.М. Мартыновой, но развивали свои кандидатские диссертации из тем курсовых и дипломных работ, которых были предложены ею, а первые научные изыскания проходили под ее научным руководством.

М.М. Мартынова относится к первому поколению университетских преподавателей УдГУ. Сформированные и реализованные ею принципы научного творчества, модель поведения в науке и в коллективе стали значимой основой развития университетского образования в Удмуртии.

Воссоздавая образ нашего учителя, обратим внимание и на такую важную роль университетского преподавателя в формировании личности студента, будущего исследователя: это тщательная работа с источником, пристальное внимание к историографии, беззаветное служение науке. Именно эту миссию своим многолетним служением выполняла историк М.М. Мартынова.

Библиография

1. Долгов В.В. Древняя и новая истории России в УГПИ–УдГУ: кафедра революционной отечественной истории // Историческая наука в УГПИ–УдГУ. Историографические очерки. 1931–2006. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. С. 22–57.

2. Мельников С.Л., Пузанов В.В. К 80-летию Марии Михайловны Мартыновой // Государство и общество. История. Экономика. Политика. Право. 2002. № 1. С. 6–13.

Мельников Сергей Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Удмуртская Республика, Россия; melnikovlvovich@yandex.ru

Memory of the historian: scientific and pedagogical activity of Professor M.M. Martynova (on the 100th anniversary of her birth)

The centennial anniversary is an occasion to comprehend the contribution of a historian to the formation of the historiographic traditions of a particular region and to evaluate the pedagogical experience passed on to his numerous students, if this is a historian-teacher. M.M. Martynova was at the forefront of university education in Udmurtia, she was a prominent specialist in the agrarian history of the region, and she educated many generations of professional historians. The article analyzes the main stages of the activity of a scientist-teacher.

Keywords: M.M. Martynova, scientist-teacher, agrarian history, Udmurt Pedagogical Institute, Udmurt University

Melnikov Sergey Lvovich, Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities, Udmurt State University, Izhevsk, Udmurt Republic, Russia; melnikovlvovich@yandex.ru

Раздел 3

Исследовательская культура российских историков: опыт и уроки

УДК 930(47)

Леонтьева О.Б.

Диссертации по отечественной истории как зеркало историографической революции¹

На примере докторских диссертаций по отечественной истории, защищенных в 1995–2020 гг., автор ставит вопрос о влиянии «историографической революции» рубежа XX–XXI вв. на современную диссертационную культуру, выбор проблематики и теоретико-методологических оснований научно-квалификационных исследований.

Ключевые слова: историография, диссертации по историческим наукам, теория и методология истории, отечественная история

По определению современных историографов, диссертационное исследование представляет собой феномен научной культуры, по которому можно судить не только о квалификации соискателя, но и о «представлениях о качестве, или профессиональном уровне выполнения диссертационного исследования», характерных для научного сообщества в целом [1, с. 222, 231]. Важные элементы диссертационной культуры фиксируются правовыми документами, которые не только задают совокупность формальных требований к научно-квалификационному исследованию, но и в некоторой степени провоцируют научную рефлексию: требуют от соискателя размышлять о методологии своего труда, о его теоретической и практической значимости, т.е. потенциальной востребованности [2; 3].

Проследить, в какой мере изменилась за это время модель научной культуры российских историков, какой путь прошла методология исторических исследований, можно, обратившись к научно-квалификационным исследованиям – диссертациям по историческим наукам, защищенным на рубеже XX–XXI вв.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ/РФФИ (Проект № 14-01-00418а).

Основу настоящего исследования составили диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история (по базам данных Российской государственной библиотеки) [5]. Для исследования выбраны диссертации, защищенные с пятилетним интервалом – в 1995, 2000, 2005, 2010, 2015 и 2020 годах. Всего за эти годы в базах данных РГБ содержится 410 диссертаций, в том числе за 1995 г. – 29 работ, за 2000 г. – 118 работ (наибольшее количество); за 2005 г. было представлено 94 диссертации, за 2010 г. – 86, за 2015 г. – 53; за 2020 год в базах данных на момент проведения исследования содержалось 30 диссертаций.

Изученный массив диссертаций позволяет сделать выводы о хронологических и тематических приоритетах исследований. За указанные годы 47 % докторских диссертаций посвящено истории советского периода, 37 % – истории периода от 1861 г. до революции 1917 года. Это можно объяснить значительным количеством источников, сравнительно небольшой культурной дистанцией между людьми XIX–XX вв. и нашими современниками, высоким общественным интересом к событиям относительно недавней истории. В тематическом плане с середины 1990-х годов наблюдается заметный рост интереса к исследованиям по социальной истории – истории различных социальных групп, от классов до малых сообществ, и взаимоотношений между ними. Если в 1995 году социальной истории была посвящена примерно четверть (27 %) докторских диссертаций по отечественной истории, то в 2020 г. доля таких работ составила уже 43 % – немногим меньше половины.

Для докторских диссертаций, выполненных в середине 1990-х годов, было характерно осознание методологического кризиса. Во многих из них после отказа от формулы «методологической основой диссертации являются принципы марксизма-ленинизма» методология исследования не характеризовалась вообще. Выход из кризиса виделся в деидеологизации науки, отходе от марксистско-ленинской идеологии, и в «восстановлении исторической правды». Актуальность темы исследований часто обосновывалась тем, что прежде эти темы были закрыты для изучения или изучались предвзято. Характерной чертой научной культуры того времени было то, что источники классифицировались по степени «объективности»: законодательная и делопроизводственная документация априори считалась более «объективной», чем источники личного происхождения, которые подвергались критике за «субъективность» и обычно помещались в самом конце перечня источников. Диссертации по истории нередко завершались практическими рекомендациями, обращенными к государственным струк-

турам, органам местного самоуправления, СМИ, политическим партиям.

В начале 2000-х годов складываются новые каноны диссертационных исследований. Постулируется необходимость поиска новых исследовательских подходов или даже плюрализма подходов. Характерным становится стремление положить в основу исследования какую-либо немарксистскую макроисторическую теорию; наиболее распространенными стали цивилизационный подход и теория модернизации, а применительно к отечественной истории достаточно часто упоминается теория мобилизационного общества. Формируется определенная схема написания методологического раздела: складывается иерархия «принцип – подход – метод», клишированная формула «методологической основой являются принципы объективности и историзма». Актуальность темы обосновывается либо сходством изучаемого периода с современностью, либо недостаточной изученностью темы. Практическая значимость исследования обычно аргументируется чисто научными потребностями: возможностью использования его материалов и выводов при дальнейшем изучении темы, в преподавательской и научно-просветительской работе. О кардинальных переменах научной культуры в начале XXI века свидетельствует изменение отношения к источниковой базе, прежде всего к источникам личного происхождения: их «субъективность» считается уже не слабой стороной, а достоинством, позволяющим реконструировать картину мира, систему ценностей людей ушедших эпох.

Наконец, период 2010-х – начала 2020-х годов можно с некоторой долей условности назвать временем критической рефлексии в отношении новых норм диссертационной культуры, сложившихся в первые годы XXI века. Актуальность темы все чаще обосновывается необходимостью преодоления историографических стереотипов, выхода за рамки привычных научных дискурсов. Методологические разделы становятся менее формализованными, более индивидуализированными. Утвердился междисциплинарный подход – в историческом исследовании широко применяются подходы социологии и антропологии науки, культурологии, лингвистики и других гуманитарных дисциплин. Можно отметить также тенденцию перехода историков от макроисторических теорий к теориям среднего уровня, характеризующим определенный вид социальных взаимодействий. Заметной тенденцией последних лет стал своеобразный «новый прагматизм»: в диссертациях все чаще подчеркивается их практическая значимость для «формирования концепции государственной политики» в какой-либо сфере.

Анализ научно-квалификационных работ показывает, что облик отечественной исторической науки за прошедшие 30–35 лет изменился коренным образом. Ключевую роль в развитии научных исследований сыграл антропологический поворот, определивший интерес к ментальности, картинам мира, ценностным представлениям людей изучаемых эпох, направленность исследований на «понимание» человека прошлого. Широкие исследовательские возможности открыла «новая социальная история»: все чаще задачей историка становится понимание людей прошлого во всем многообразии их социальных связей, стратегий и практик поведения как в повседневной обстановке, так и в экстремальных условиях. Для диссертационных исследований последних лет характерен также интерес к дискурсам как методу конструирования реальности и к изучению исторической памяти как опоры коллективной идентичности.

Предпринятое исследование подтверждает вывод отечественных историографов о том, что историческая наука на рубеже XX–XXI вв. переживает *историографическую революцию* – период кардинальных изменений представлений о том, «как писать историю», обновления исследовательского инструментария, обращения к методологии других социально-гуманитарных наук, акцентированной методологической и эпистемологической рефлексии [4, с. 547-559].

Однако в силу поколенческой, пространственной, мировоззренческой разрозненности профессионального сообщества, неравномерности освоения новых информационных и коммуникационных возможностей мы наблюдаем явление «мультипарадигмальности»: в современной диссертационной культуре соединяются друг с другом элементы разных моделей (парадигм) научности [6, с. 59-77]. Наиболее устойчивой остается *классическая парадигма*, для которой основной ценностью является объективность, понимаемая как нейтральность и беспристрастность, а ведущей стратегией познания является объяснение. В результате «антропологического поворота» стала утверждаться *неклассическая парадигма*, для которой характерны направленность на познание Другого, интерес к человеческой субъективности, активная роль ученого в формировании исследовательской программы, а в качестве ведущей стратегии познания выступает понимание. В свою очередь, постмодернизм и реакция на него со стороны научного сообщества привели к формированию *постнеклассической парадигмы*, признаком которой является направленность на познание исторического воображения и исторической памяти социальных сообществ. Удерживает свои позиции и наиболее архаичная – *доклассическая*

модель исторического знания, согласно которой история понимается как учительница жизни, а миссия историка состоит в извлечении уроков истории, поиске актуальных примеров. Именно доклассическая парадигма исторического знания поддерживается и нормативными документами, и общественными ожиданиями. На практике в диссертационной культуре переплетаются самостоятельный научный поиск и традиции научных школ, потребность быть «на гребне» интеллектуальных новаций и стремление следовать «в общем русле», соответствовать совокупности формальных и неформальных требований к диссертациям.

Хотелось бы надеяться, что критическое осмысление современной диссертационной культуры станет значимым шагом на пути углубления методологической рефлексии историков.

Библиография

1. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Российская диссертационная культура XIX – начала XX веков в восприятии современников: к вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 36. С. 221–247.
2. ГОСТ Р 7.0.11–2011. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Диссертация и автореферат диссертации. Структура и правила оформления // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. – URL: <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=179727> (дата обращения: 30.01.2021).
3. Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 11.09.2021) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/zacc895434fd7ce6fd7d8f8a570a0b64e960560/ (дата обращения: 30.01.2021).
4. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
5. Российская государственная библиотека. Фонд диссертаций. – URL: <https://www.rsl.ru/ru/about/funds/disser> (дата обращения: 30.01.2021).
6. Хут Л.Р. Теоретико-методологические проблемы изучения истории Нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М.: Прометей, 2010. 705 с.

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия; oleontieva@yandex.ru

Dissertations on the history of Russia as a mirror of the historiographical revolution

The study is based on an analysis of doctoral dissertations on Russian history defended in 1995–2020. It is devoted to the influence of the “historiographic revolution” that took place at the turn of the XX–XXI centuries on scholarly practice, the choice of thematic, theoretic and methodologic foundations for dissertations of contemporary Russian historians.

Keywords: historiography; dissertations on history; theory and methodology of history; Russian history

Leontieva Olga Borisovna, Doctor of History, Professor of the Department of Russian History Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia; oleontieva@yandex.ru

УДК 930:[82-57:070](470)»18/20»

Иванова Т.Н.

Научный некролог как вид исторической литературы и его место в современной историографии

Изучение разных видов некролога является междисциплинарным полем социогуманитарного знания. Выделяются информационный, социальный, официальный, художественный, научный и другие виды некрологов. Всем им присущи черты биографического жанра. Определяются специфика и функции научного некролога. Расцвет научного некролога в России приходится на конец XIX – начало XX века. Своими особенностями характеризовались научные некрологи 1920-х гг., советского и постсоветского времени. Особенности современного научного некролога рассмотрены на примере некрологов И.Г. Фроянова и др.

Ключевые слова: виды некрологов, научный некролог, функции некролога

В современной отечественной науке изучение некролога является междисциплинарным полем исследований культурологов [9; 10], историков [4; 7; 11; 18], филологов и журналистов [5; 12; 15; 17], юристов [1] и др. Существует множество определений этого жанра литературы. Согласимся с определением некролога Н.В. Картаусовой: это «статья о недавно умершем человеке, содержащая биографические сведения о нём и оценку его деятельности» [12, с. 90]. В некрологе отражается не только личность умершего, но и отношение к социальной памяти, символы и ритуалы самого общества [1, с. 5].

Можно выделить несколько видов некрологов. Информационный некролог как сообщение обществу о факте смерти своего члена имеет самую древнюю историю. Социальный некролог содержит не только эмоциональные переживания, но и общую оценку деятельности умершего. Можно выделить также официальный некролог, которому присущ строгий формульный стиль. [1, с. 5]. В филологической науке выделяется художественный некролог, обладающий чертами литературного произведения, иногда даже приобретающий поэтическую форму [5]. В центре нашего исследования стоит научный некролог (С.А. Еремеева называет его «академическим» [10]), в котором впервые после смерти ученого опре-

деляется его роль в развитии науки и место в научном сообществе. Всем видам некролога присущи черты биографического жанра [17]. Кроме того, следует отметить, что чётких границ между выделенными видами некрологов не существует. Так, во вполне научном по стилю некрологе о В.Г. Ревуненкове органично смотрятся и стихи, посвящённые ему [8, с. 123].

Остановимся на научном некрологе, расцвет которого в России приходится на конец XIX – начало XX века. Особое значение здесь имело не только поминание конкретного человека и обобщение его жизненного пути, но и вписывание его имени в университетскую традицию [11, с. 262]. Как указывает С.А. Еремеева, в некрологе отражалось определенное «социальное действие» научного сообщества, «выстраивающего идентичность своих членов вокруг традиции», вокруг неких имён. Некрологи становятся способом саморефлексии, разговора о функционировании научного сообщества, о том предмете, вокруг которого оно организуется [9, с. 269-270].

В.А. Вишленкова полагает, что через некрологи учёных шла пропаганда идей просвещения и жертвенного служения науке. Последующие мемориальные практики приводили к тому, что научные биографии «обрастали мифами» и «превращались в легенды», в некие «университетские агиографии», хранящие ценности, значимые для корпорации, но стирающие неповторимые частности индивидуальной жизни [7, с. 89-90].

Университетские традиции обладают большой временной инерцией. Поэтому в течение 1920-х гг. сложившиеся еще до революции определенные традиции и ритуалы среди старой профессуры продолжали сохраняться. Среди них – появление в научном журнале мемориальной статьи об умерших ученых [10]. Автором подобного некролога становился, как правило, не по назначению, а по велению сердца, коллега усопшего, который считал своим долгом оценить жизнь и творчество ученого.

В советское время произошла определённая формализация и идеологизация научного некролога. Ряд исследователей отмечает, что теперь появление некролога в научном журнале необходимо было заслужить преданностью делу партии. Именно в это время сложилась жесткая схема некролога, которую В.М. Баранов называет «деловым обычаем» [1, с. 5]. Авторы назначались, текст утверждался, список «подписантов» был заранее определен. Перечислим основные структурные компоненты этого вида литературы: описание глубины утраты; классикализация и оценка места ученого в науке; скрупулезно отобранные факты биографии; характеристика научной концепции в духе марксизма; определение места ученого в поколенческом ряду (учителя, ученики, наличие научной

школы); перечисление званий и наград. Характеристика личных качеств ученого была необязательна и зачастую сводилась к паре дежурных фраз. Однако, несмотря на это, некрологи советского времени являются достоверными источниками биографических сведений об ученых.

В постсоветскую эпоху научные некрологи вновь становятся инициативой самой научной общественности, а не государственных органов. В XXI веке стремительная информатизация научного пространства изменила, в том числе и мемориальные практики. С одной стороны, сегодня на просторах интернета присутствует быстрая и массовая реакция на известие о смерти ученого. С другой стороны, эта реакция имеет скорее эмоциональную окраску, а порою даже нарушает этические нормы. Многочисленные, но небольшие по объему некрологи выполняют скорее информационную функцию, не пытаясь подняться на аналитический уровень, который был присущ научным некрологам конца XIX – начала XX века. С.А. Еремеева пишет: «Сила и слабость интернета и масс-медиа – оперативность и мгновенность <...>. С другой стороны, мгновенность оборачивается мимолетностью» [9, с. 242]. Появились даже «полемические» некрологи, провоцирующие дискуссии между людьми, не всегда знавших ушедшего. И в то же время редким становится научный некролог в солидном журнале, в котором бы был проведен всесторонний анализ научного наследия ученого и его места в науке.

Рассмотрим многообразие видов современных некрологов на примере реакции на смерть известного российского историка И.Г. Фроянова (22.06.1936 – 05.12.2020). В социальных сетях сразу после его смерти появились десятки извещений / информационных некрологов. При этом в ряде комментариев встречались и неэтичные высказывания об умершем. К полемическим некрологам я бы отнесла некролог Д. Семушкина «Прощание с царем» [17]. Это в целом интересный и информативный очерк, содержащий сведения о биографии, анализ научной концепции, размышления о судьбах учеников и о политической деятельности Фроянова. Но этот некролог ставит этические вопросы, т.к. он был опубликован сразу после смерти, когда дискуссии об умершем выглядят неуместными. Противоположностью является некролог другого ученика Фроянова, С.Н. Бабурина, содержащий идеализированный и отлакированный образ скорее не ученого, а политического деятеля [2]. Достаточно быстро появился первый научный некролог о Фроянове М.С. Белоусова [3]. Но образцовый, по моему мнению, научный некролог об ученом принадлежит его ученикам В.В. Пузанову и Д.А. Котлярову. В нем мы видим все основные структур-

ные части подобной литературы: анализ биографии, формирования мировоззрения, влияния учителей; характеристика основных трудов и научной школы ученого и т.д. [16]. Столь же насыщена и фактами, и аналитикой мемориальная статья о С.И. Моловичко [6]. А вот некролог о талантливом омском ученом А.В. Свешникове, хотя и опубликован в научном журнале, скорее несет функции информационного некролога, чем аналитической статьи [13].

Научный некролог – это не только слово об ушедшем ученом, но и некий акт коммеморации, вписывания имени ученого в научную и университетскую традицию. Примером подобного некролога является статья Г.П. Мягкова и Е.А. Чиглинцева об ученом Б.Г. Могильницком. Деятельность томского ученого рассматривается здесь сквозь призму сотрудничества историков Казанского и Томского университетов в складывании единой традиции отечественной историографии [14]. Здесь явно видна связь мемориальных практик с идентификацией определённого сообщества. Т.А. Сидорякина пишет: «Творение коммеморативной памяти – связующий элемент для всего научного сообщества, этот процесс способствует консолидации научной корпорации и обеспечивает бессмертие ученым и их научному наследию» [18, с. 96].

Но вернёмся к специфике научного некролога и проанализируем его роль в последующем появлении официальной научной биографии учёного. Можно выделить несколько функций, которые приобрел некролог в научном сообществе.

Мемориальная функция совпадает по своей эмоциональной и этической составляющей с некрологами «обычных» людей. Рефлексивная функция научного некролога связана с переосмыслением роли умершего в науке и научном сообществе, определением значимости его научного наследия и даже анализом тенденций развития науки. Идентификационная функция способствует признанию тождественности дела и слова умершего ценностям корпорации, осознанию групповой принадлежности к определённой научной школе. Отметим репрезентационную функцию некрологов, когда с поминаемым начинает ассоциироваться некий знак, символ, идея. Создается образ идеального профессора, Учителя, подвижника науки и т.д.

Важнейшая для создания научной биографии функция ранжирования, определения значимости наследия учёного способствует его классикализации, но может иногда приводить к неверной оценке его роли и места. «De mortuis aut bene, aut nihil»: помня об этом, необходимо критично подходить к использованию содержания некрологов при создании научной биографии ученого [11, с. 264].

Касясь вопроса о месте некролога в классификации исторической литературы, следует отметить две точки зрения. Первая относит некролог к историческим источникам. Действительно, это произведение создается современниками, часто лично знакомыми с умершим, опирающимися не только на какие-то документальные и историографические источники, но и на личные впечатления и инсайдерскую информацию. С другой стороны, научный некролог – это вид биографической и историографической литературы, зачастую определяющий всю последующую историческую традицию. Однозначно поставить точку в этой дискуссии нельзя. Определяющим здесь может быть и авторство некролога, и используемые в нем источники, и уровень анализа научного наследия ученого.

Таким образом, можно констатировать необходимость дальнейшего изучения данного вида исторической литературы и важность сохранения в современной науке традиции создания научного некролога. Некрологи в университетском сообществе всегда были не просто ритуалом, этическим действием, но делом всей научной корпорации, символом коллективного поминовения. В его появлении – не просто нравственный долг перед ушедшими соратниками, но и осознанная необходимость определения их места в мире науки и залог преемственности научного знания.

Библиография

1. Антология юридического некролога/ Автор идеи и составитель В.М. Баранов. М: Издательский дом «Городель», 2019. 1296 с.
2. Бабурин С. Великий русский историк, выдающийся подвижник и мыслитель // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность. Информационно-политическая служба. – URL: https://ruskline.ru/news_rl/2020/12/11/velikii_russkii_istorik_vydayuwiisya_podvizhnik_i_myslitel (дата обращения: 29.10.2021).
3. Белоусов М.С. Игорь Яковлевич Фроянов (22.06.1936–05.12.2020) // Петербургские славянские и балканские исследования. 2020. № 2 (28), июль–декабрь. С. 234-239.
4. Богомазова О.В. В.О. Ключевский: историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке в XX – начала XXI вв. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2013. 24 с.
5. Букина Т.Г. Некролог как биографический жанр: этикетно-программатический аспект // Журналистика и массовые коммуникации. 2020. Сер. 1. Т. 26. № 2 (197). С. 35-41.
6. Булыгина Т.А., Колесникова М.Е., Крюков И.В. Призвание человека и ученого: мир Сергея Ивановича Маловичко // Диалог со временем. 2021. Вып. 77. С. 5-18.
7. Вишленкова Е.А. Мемориальная культура российского университета XX вв. // Мир историка. Омск, 2011. Вып. 7. С. 81-94.
8. Евдокимова Н.Т., Петрова А.А. В.Г. Ревуненков – ученый, оставивший след в науке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2005. Вып. 2. С. 120-126.

9. Еремеева С.А. «Death studies» – разговор о жизни и о будущем // Новое прошлое – The new past. 2016. № 4. С. 237-242.
10. Еремеева С.А. Опасное дело: практика академического некролога в России в 1928 году // Диалог со временем. 2013. № 41. С. 257-283.
11. Иванова Т.Н. Формирование новых функций некролога в российском университетском сообществе конца XIX – начала XX века // Историк в историческом и историографическом времени. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2013. С. 262-265.
12. Картаусова Н.В. Некролог как своеобразная форма литературного портрета // Ценности и смыслы. 2010. № 6 (9) С. 90-100.
13. Мартынов В.А. Памяти А.В. Свешникова // Вестник Омского университета. 2021. Т. 26. № 1. С. 4-6.
14. Мягков Г.П., Чиглинцев Е.А. Б.Г. Могильницкий: «...Отыскать возможность духовно-нравственного возрождения науки и всего общества». Памяти выдающегося ученого // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 283-289.
15. Оникко К.А. Первые русские некрологи: герои и контексты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 11 (170). С. 83-87.
16. Пузанов В.В., Котляров Д.А. Памяти учителя: Игорь Яковлевич Фроянов (22.06.1936 – 05.12.2020) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2021. Т. 31. Вып. 1. С. 169-175.
17. Семушкин Д. Прощание с «Царем». Некролог историку Игорю Фроянову. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/12/17/dmitriy-semushin-proshchanie-s-carem-nekrolog-istoriku-igoryu-froyanovu> (дата обращения: 13.01.2021).
18. Сидорякина Т.А. Жизнь после смерти: мемориальные практики в повседневной жизни научного сообщества историков первой трети XX вв. // Мир историка. Омск, 2011. Вып. 7. С. 95-110.

Иванова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Чувашская Республика, Россия; tivanovan@mail.ru

Scientific obituary as a type of historical literature and its place in modern historiography

The study of different types of obituary is an interdisciplinary field of socio-humanitarian knowledge. Information, social, official, artistic, scientific and other types of obituaries stand out. All of them have features of the biographical genre. The specifics and functions of the scientific obituary are distinguished. The heyday of the scientific obituary in Russia falls on the end of the XIX – beginning of the XX centuries. Scientific obituaries of the 1920-s, Soviet and post-Soviet times were characterized by their features. The features of the modern scientific obituary are considered on the example of obituaries of I.G. Froyanov and others.

Keywords: types of obituaries, scientific obituary and its functions

Ivanova Tatyana Nikolaevna, Doctor of History, Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, Cheboksary, Chuvash Republic, Russia; tivanovan@mail.ru

Казаков Р.Б.

Античность и Средневековье в системе «феодалного правления» М.Н. Муравьева (1757–1807)

Охарактеризованы представления русского литератора и историка М.Н. Муравьева об истории народов Европы, Азии, Индии и Китая, Америки и Африки различных эпох: Античности, Средневековья и Нового времени. Анализируются особенности сформулированной им «системы феодального правления», означающей разделение на различные общества и правления многих государств, начиная с Античности. Система «феодального правления» ликвидируется с наступлением эпохи Просвещения и установлением законов. Вводятся в научный оборот фрагменты исправлений, внесенных в сочинения Муравьева Н.М. Карамзиным.

Ключевые слова: М.Н. Муравьев, Н.М. Карамзин, медиевистика в России, феодализм, история исторической науки, историографические источники

Михайла Никитич Муравьев был не только известным литератором, автором трудов по истории России и мировой истории, но и воспитателем великих князей Константина и Александра с 1785 по начало 1796 г. [1, с. 310, 311; 5; 6]. Он преподавал им, по словам Н.М. Карамзина, «наставления в Истории и в Нравственности» и «Все главные произведения разума человеческого, древние и новые языки, науки исторические, умозрительные и естественные были ему известны» [8, ч. 1, с. 1, 2 1-й паг.]. Выйдя в отставку, в 1796 г. Муравьев издал некоторые свои учебные материалы по истории под названием «Опыты истории, писмен и нравоучения» [7]. Туда вошли сочинения, которые создавались непосредственно в процессе обучения великих князей и предназначались для использования во время занятий – всего 20 очерков.

После смерти М.Н. Муравьева Карамзин в 1810 г. подготовил двухтомное издание его сочинений, существенно дополнив его по сравнению с томиком 1796 г., слегка отредактировав название («Опыты истории, словесности и нравоучения») и сопроводив его своим предисловием «От Издателей» [8, 2 ч.]. Исторические и нравственно-дидактические сочинения, посвященные самым разным эпохам всемирной и российской истории (26 очерков), и «Разговоры мертвых» (22 диалога) вошли в первую часть. Предисловие «От Издателей» датировано 23 ноября 1810 г., а 21 декабря 1810 г. Карамзин писал И.И. Дмитриеву: «Сочинения Муравьева тебе доставлю» [9, с. 136].

Систему «феодального правления» Муравьев охарактеризовал, в частности, в очерке «Слабость удельного правления». Он свободно оперировал событиями истории Древнего мира, западноевропейского и российского Средневековья, Нового времени и легко

сравнивал их, понимая историю России как державы европейской, включенной в контекст мировой истории, поэтому в учебных материалах соседствовали народы Европы, Азии, Индии и Китая, народы Америки и Африки. Так, объясняя невыгоды разделения единого государства на части, Муравьев сопоставлял политическую систему античной Греции и Руси начала XI в.: «Греция была всегда разделена на особые общества и правления, так как Россия после Владимира» [7, с. 74; 8, ч. 1, с. 111].

Очерки на темы истории практически не дают хронологического изложения событийной истории, а представляют собой результат авторского осмысления и своеобразный интеллектуальный конструкт как результат авторской рефлексии. И.Ю. Фоменко обращала внимание на значимость исторических работ Муравьева, представляющих «философское осмысление исторического прошлого России» и содержащих заметки теоретического характера [10, с. 169].

При этом в сочинениях Муравьева видны элементы саморефлексии историка: «Лишенные писмен и просвещения варвары, занимаются единственно насильственными нуждами настоящего дня <...>. В позднейшие времена наблюдательный философ извлекает из некоторых разбросанных и общих черт главные начала, которыми управляются раждающиеся общества. Он умеет пользоваться преданиями, песнями и баснями диких» [7, с. 72]. В издании 1810 г. к последней фразе прибавлено: «...ибо воображение пробуждается прежде прочих способностей разума, как в юности человека, так и во младенчестве народов» [8, ч. 1, с. 107]. Можно предположить, что эта фраза принадлежала Н.М. Карамзину. Если это так, то взятое в целом такое суждение будет характеризовать еще и представления Карамзина-историкографа об особенностях работы историка.

Для Муравьева раннефеодальные монархии Европы перешли к системе «феодального правления», разделившись на уделы, вследствие походов викингов и создания ими варварских королевств: «Все Монархии Европейские более или менее терпели от неудобностей *Феодального* правления, которое вошло с разлитием Северных народов, и кажется вымышлено для утверждения нового завоевания». Карамзин исправил: «которое введено Северными народами» [7, с. 78; 8, ч. 1, с. 116].

Система «феодального правления» привела к тому, что «честолюбивые *вассалы*», получив от монарха земли в управление, обращали свое оружие против того, «которого защищать присягали, несмотря на то что судебные приговоры Государской Думы объявляли их ниспадшими от владения за вероломство». Все это сопровождалось постоянными междоусобиями местных владетелей в Западной Европе и на Руси. Но «повсюду ослаблены междо-

усобиями своими, превзойдены они были постоянною политикою верховных Государей своих и вошед в ничтожество, послужили основанием сильных Монархий». Карамзин сделал текст более понятным: «они были стесняемы политикою верховных Государей» [7, с. 78; 8, ч. 1, с. 117].

Ликвидация системы «феодалного правления» для Муравьева шла одновременно с «возрастающим» просвещением народа и установлением законов («Правил, более объемлющих, сходственных с просвещением времен»). Так произошло в период образования Испанского королевства и далее в правление Карла V, во Франции Людовика XI. «В Англии Нормандские учреждения отрешены *большою грамотою* и Государство дополнено некогда враждебными Королевствами *Шотландии* и *Ирландии*. Везде малые и разделенные пользы удельных владетелей уступили одной общей Государственной пользе. Правила, более объемлющие, сходственные с просвещением времен, заменили сие безначалие, междоусобие и утеснения, которые неминуемо проистекают из свойства *удельного правления*». В редакции Карамзина появились «так называемая *великая хартия*» и «Правила, более основательнейшие» [7, с. 79; 8, ч. 1, с. 118].

Муравьев находил, что «древняя система *Феодалного правления*» продолжала существовать и в XVIII в. «в *Голландии* и *Швейцарии*, и особливо в *Германской Империи*». Империя («великое политическое тело»), хотя и состоит из разных и часто враждующих народов, представляет собой «неразрывный общий союз, под единою главою, удостоенною известными избирателями <...>». Недостатки политической системы «составного государства» очевидны, но Муравьев подчеркнул, что такая система с течением времени корректировалась под воздействием просвещения: «Сия удивительная система, не взирая на свои существенные погрешности составного государства, есть древняя система *Феодалного правления*, исправленная обстоятельствами, приключениями и возрастающим просвещением» [7, с. 76].

Муравьев усматривал и некоторые отличия «системы феодалного правления» в русских землях: «Разделение России не сопровождалось с такими же полезными и осторожными мерами» [7, с. 76]. Муравьев в нескольких очерках описывал бедствия, принесенные междоусобицами русских князей.

Спасение же от бедствий он видел в складывании централизованных государств во Франции, Испании и Великобритании, в деяниях Ивана III: «Сияющее имя Великого Князя Иоанна Василиевича украшает сословие Государей, спасителей отечества. Но освобождение от иноплеменничьего ига не было бы еще спасением

России, ежели бы политической разум Государя сего не отрешил навсегда *удельного* правления и не соединил Княжеств и областей Российских в единое Государство. <...> Восстановив единство России, он основал будущее ее величие» [7, с. 77, 78].

Эти характеристики очень близки характеристикам эпохи Ивана III в «Истории государства Российского» Карамзина. Карамзин писал: «Иоанн III принадлежит к числу весьма немногих Государей, избираемых Провидением решить на-долго судьбу народов: он есть Герой не только Российской, но и Всемирной Истории» и продолжал: «Иоанн творец величия России» [4, с. 207, 209].

Отмечу, что двухтомник сочинений Муравьева готовился и издавался ровно тогда, когда Карамзин, завершив подготовку 5-го тома «Истории», приступал к написанию 6-го тома, посвященного эпохе Ивана III. Карамзин внес в тексты Муравьева существенную, но по большей части стилистическую правку, пытаясь сделать несколько архаичный слог Муравьева более соответствующим языку начала XIX века. В отдельных случаях это была правка смысловая, можно предположить и некоторые дополнения в тексте, сделанные Карамзиным. Более отвечающей современному состоянию исторических знаний стала специальная терминология: Муравьев вполне корректно употребил термин «вассалы», а его «большую грамоту» Карамзин скорректировал – «великая хартия». Но Карамзин никак не затронул концепции «феодального правления», которую Муравьев кратко сформулировал в учебных текстах для великих князей Александра и Константина Павловичей. В дальнейшем концепция «феодального правления», сформулированная Муравьевым и разделявшаяся Карамзиным, была развита и аргументирована солидным корпусом источников в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина [2; 3].

Библиография

1. Западов В.А. Муравьев Михаила Никитич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 305-313.
2. Казаков Р.Б. Записи М.Н. Муравьева по русской истории и становление историописателя Н.М. Карамзина // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века: материалы междунар. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 18-20.
3. Казаков Р.Б. О карамзинском издании сочинений М.Н. Муравьева (1810) // Карамзинский сборник: наследие Н.М. Карамзина и современное состояние российской науки и культуры. Ульяновск: Арт-Бюро, 2013. С. 14-18.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. М.: Наука, 1998. Т. 6. 468 с.
5. Кунц Е.В. М.Н. Муравьев. Реформатор, попечитель, наставник, поэт. М.: Новый Хронограф, 2018. 327 с.: ил.
6. Кунц Е.В. Михаил Никитич Муравьев // Вопросы истории. 2012. № 2. С. 55-73.
7. Муравьев М.Н. Опыты истории, писмен и нравоучения. СПб.: В имп. тип., 1796. 154 с.

8. Муравьев М.Н. Опыт истории, словесности и нравоучения. Сочинения Михайла Никитича Муравьева, изданные по его кончине. М.: В Унив. тип., 1810. Ч. 1. 364 с.; Ч. 2. 286 с.

9. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: В тип. имп. Акад. наук, 1866. 727 с. разд. паг.

10. Фоменко И.Ю. Исторические взгляды М.Н. Муравьева // XVIII век: сб. ст. и материалов. Л.: Наука, 1981. Сб. 13: Проблемы историзма в русской литературе (конец XVIII – начало XIX в.). С. 167-184.

Казаков Роман Борисович, приглашенный преподаватель, Школа исторических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; kazakov_r@mail.ru

Antiquity and the Middle Ages in the system of “feudal rule” by M.N. Muravyov (1757–1807)

The ideas of the Russian writer and historian M.N. Muravyev about the history of the peoples of Europe, Asia, India and China, America and Africa of various epochs: Antiquity, the Middle Ages and Modern Times are characterized. The features of the "system of feudal rule" formulated by him, meaning the division into different societies and the rule of many states, since Antiquity, are analyzed. The system of "feudal rule" is eliminated with the advent of the Enlightenment and the establishment of laws. Fragments of corrections made to Muravyev's works by N.M. Karamzin are introduced into scientific circulation.

Keywords: M.N. Muravyev, N.M. Karamzin, medieval studies in Russia, feudalism, history of historical science, historiographical sources

Kazakov Roman Borisovich, Visiting Lecturer, School of History Faculty of Humanities National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; kazakov_r@mail.ru

УДК 930

Матвеев И.С.

А.П. Зернин как предтеча «русской исторической школы»

Автор ставит в центр внимания фигуру выдающегося историка, специалиста по византистике и истории Московского государства Александра Петровича Зернина. Его научный вклад дал значительный толчок развития исторической науки как регионального, так и российского уровня.

Ключевые слова: византистика, А.П. Зернин, преподавание истории в высшей школе

Историческая наука, как и любая другая, прошла сложный путь в своем становлении и развитии. Невозможно оценить картину в целом без изучения частных вопросов – в данном случае имеются в виду отдельные представители исторической науки. Многим известны имена Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключ-

чевского, конечно же, Н.И. Кареева, Е.В. Тарле и т.д. Однако из внимания выпадают личности ученых, которые создали своего рода фундамент для дальнейшего развития различных отраслей исторического знания. К подобным исследователям относится и Александр Петрович Зернин (1821–1866) – его имя мало известно русским историкам и историографам, но он – неотъемлемая фигура в числе тех, кого выдвинул Харьковский университет. Упоминания о его жизненном пути и научном наследии присутствуют в ряде работ, в частности, В.И. Саввы [14], Д.И. Багалея [3], В.С. Иконникова [6, с. 427, 444, 682, 704 и др.], Г.Л. Курбатова [7], В.П. Бузескула [4], в работах харьковских исследователей С.И. Лимана и С.Б. Сорочана [8; 9; 10; 11; 12]. Некоторые сведения о Зернине содержатся в работах, посвященных другим харьковским ученым, таким как А.А. Потемня [1] и М.Н. Петров [2].

А.П. Зернин может быть признан ключевой фигурой в российской византистике середины XIX в. Формирование личности историка связано с теми профессорами, которые руководили его первыми шагами на исследовательском поприще, когда он обучался в Главном педагогическом институте и Петербургском университете. Александр Петрович занимался под руководством таких историков, как Н.Г. Устрялов и Ф. Лоренц. В рамках своих штудий Зернин стремился привлечь наибольшее количество источников, провести их тщательное сравнение и сопоставление. В этом отношении чувствуется влияние скептической школы в отечественной исторической науке. В работе с византийскими текстами Зернину помогли занятия с Я.И. Беренниковым, известным специалистом в области палеографии. Научные интересы историка оказались сосредоточенными на проблемах византийская история и история Московской Руси XVII столетия. Уже его магистерская диссертация несла в себе черту, которая в дальнейшем будет прослеживаться во многих трудах исследователя, – преимущественный интерес к историко-биографическим изысканиям [12]. Комплексный и критический анализ доступных ему источников стал базисом передовых подходов ученого.

Местом, где раскрылся исследовательский и педагогический талант Зернина, стал Императорский Харьковский университет. Именно здесь, на историко-филологическом факультете, он состоял в штате с 1847 по 1863 гг. Работа Зернина в Харьковском университете была связана с именем А.П. Рославского-Петровского [12]. Этот историк требовал тщательного изучения избранного источникового корпуса, его систематизации. Ученый, полагал А.П. Рославский-Петровский, не должен был быть многословным, он должен четко и внятно выражать свою мысль, избегать отхода

от нити исторического повествования, добиваться полноты изложения содержания предмета.

Зернин сделал попытку организовать в Харькове «правильную», с его точки зрения, разработку местной истории. Он сам интересовался казачеством, читал по этому вопросу специальный курс, ясно намечая необходимость изучения правительственной колонизации юга России. Зернин мечтал создать в Харькове школу местных архивистов и привлечь к этому делу молодые научные силы. Крайне интересной является система, используемая ученым в рамках курса отечественной истории для студентов университета: лекционный материал делился на две части – общую часть (от зарождения русской государственности до правления Петра Великого включительно) и специальную. Специальный курс предназначался для старших курсов и выступал своеобразным введением в исследовательскую деятельность на примере изысканий самого Зернина. В рамках специального раздела Александр Петрович обращал внимание студентов на особенности работы с источниками, специфику работы с научным наследием прошлых лет. Кроме того, в качестве спецкурса для студентов Зернин ввел семинары по работе с первоисточниками по византийской истории. Таким образом, он давал не только теоретические и общеполитические знания, но и прививал практические навыки научной работы.

М.Н. Петров обращал внимание на тот факт, что несмотря на скупость в эмоциональном плане именно Зернин показал, насколько тщательными могут быть исторические изыскания [2]. Подробный и строгий анализ всех существующих в науке воззрений на тот или другой отдельный вопрос, который обыкновенно Александр Петрович предпосылал самому изложению вопроса, был весьма важен не только по своему содержанию, но и в формальном отношении, приучая слушателей серьезно относиться к каждому факту науки и развивая в них склонность к тому же анализу и исторической сообразительности [11].

Немногословность и скупая эмоциональность Зернина как преподавателя компенсировалась занимательностью изложения текста в рамках научных трудов. Исследовательские работы Зернина напоминали временами художественное произведение, насыщенное эпитетами и красками для наиболее полного и яркого представления своего персонажа [12]. Высокий профессионализм источниковеда-исследователя проявился в очерке Зернина о царственном внуке Василия, императоре Константине Багрянородном (905–959). Монография ученого более других напоминает глубокую источниковедческую штудию. Страницы работы А.П. Зернина буквально наполнены цитатами из различных документов для ил-

люстрации выдвигаемых тезисов. Некоторые письма приводятся практически целиком. Историк не просто приводит документы, он дает им полную характеристику, комментирует источник для его понимания. Как и в первом сочинении, ученый проделал большую источниковедческую работу. При этом биография Константина, собственно говоря, таковой здесь не является: она органичнее и удачнее, чем в предыдущем случае, вписана в историю Византийской империи. Очерк А.П. Зернина увидел свет тогда, когда на создание отечественных концепций византийской истории все еще оказывало многогранное сочинение авторитетного английского исследователя Э. Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» (1788 г.). Его попытка представить историю Византии как период тысячелетнего разложения и регресса получила широкое распространение в отечественных публикациях, курсах лекций и учебной литературе. К чести А.П. Зернина, следует сказать, что он был далек от подобных крайностей. Признавая, что константинопольский двор погряз в интригах и что это не прекращалось даже тогда, когда болгары стояли у ворот Константинополя, харьковский исследователь старался быть беспристрастным в оценках самого византийского правления [9, с. 206-226].

В отличие от других исследователей, жаловавшихся на нехватку источников, Зернин считал: *«При настоящем богатстве материалов отечественной истории мы имеем возможность подробнейшим образом представить не только государственную деятельность царя Алексея Михайловича, но также наглядно изобразить царя в его частных отношениях»* [5, с. 41]. Как было упомянуто ранее, вторым направлением научных штудий стала история Московского государства XVII в. Зернов не просто описывает события того периода, в частности, вопросы царствования Алексея Михайловича. Он стремится охарактеризовать личность царя, полагая роль личности в истории значительной. Зернин осмысливает роль царя как главы государства. В очерках, посвященных Алексею Михайловичу, появляется важный аспект – характеристика правителя через его взаимоотношения с приближенными. Среди близких людей особое внимание историка привлекла властная фигура патриарха Никона. Зернин уделил значительное внимание биографии патриарха, используя данные И.К. Шушерина, записанные в «Житии патриарха Никона».

Можно с полной уверенностью сказать, что каждый его труд приносил действительную пользу науке: или как опыт решения того или другого вопроса, например, об учреждении патриаршества в России, о мятежах в царствование Алексея Михайловича, или по разработке материала науки, например, в очерках, служа-

щих осмыслению вопросов истории Польши, жизни патриарха Фотия и др., или по ознакомлению публики с явлениями в области науки на Западе, например, в статье о самозванцах и других.

Общую оценку научных трудов Зернина дает Н.А. Лавровский: «Каждый труд А.П. представляет в высшей степени совестливое и усердное изучение предмета, горячую и цельную преданность делу» [цит. по: 10, с. 506]. Выбор столь обширных, фундаментальных тем А.П. Зерниным говорит сам за себя. Они открывали разработку этих направлений византиноведения, каждого из которых хватило бы, чтобы обессмертить имя взявшегося за них пионера-исследователя. По сути дела, А.П. Зерниным был заложен новый подход, наметивший истоки будущих успехов отечественной византистики и отечественной истории, ставших особенно явственными в последней трети XIX в.

Библиография

1. Sajtos Natália. Александр Афанасьевич Потебня и Харьковский университет как научная школа конца XIX – начала XX веков. Doktori Disszertáció. Budapest, 2009. 215 с. С. 15.
2. Ахмадиев Ф.Н. М.Н. Петров: ученый и педагог // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-n-petrov-uchenyy-i-pedagog>
3. Багалец Д.И. Зернин, Александр Петрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. XIIа: Земпер – Имидокислоты. СПб., 1894. С. 566-567.
4. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Кн. 1: От изучения Византии и славянского мира до признания русской исторической школы на Западе. Изд. 2 М.: URSS. 2013. 224 с.
5. Зернин А.П. Царь Алексей Михайлович (историческая характеристика из внутренней истории России XVII столетия) // Москвитянин. 1854. № 14. С. 41
6. Иконников В.С. Опыт русской историографии: В 2 т. Киев: Тип. Императорского университета св. Владимира, 1891–1908. т. I. Киев, 1891. – URL: <http://runivers.ru/lib/book4748>
7. Курбатов Г.Л. История Византии: Историография. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 256 с
8. Лиман С.І. Середньовічні цивілізації Західної, Центральної та Південно-Східної Європи: досвід досліджень в українських землях Російської імперії (1804 – перша половина 1880-х рр.). Автореф. дис. ...д.і.н. Харків, 2010. – URL: <https://byzantina.wordpress.com/2011/01/03/lyman/>
9. Лиман С.І. Прищур строки в ромейский полдень: Византия эпохи Македонский династии в оценках историков Харьковского университета (XIX – начало XX вв.) // Bookmark the permalink. Рѡмѡіос: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана // Напрекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Харьков: Майдан, 2013. 596 с. – URL: https://byzantina.wordpress.com/2013/04/22/nartex_2/
10. Лиман С.И., Сорочан С.Б. Византия в трудах историков украинских земель Российской империи в 1804–1874 гг. // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2003. № 5. С. 485-508.
11. Лиман С.И., Сорочан С.Б. История изучения Византии в южных губерниях Российской империи (1804–1874 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихо-

новского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2006. № 3 (21). С. 7-52.

12. Лиман С.И., Сорочан С.Б. Харьковский период научно-педагогической деятельности Александра Петровича Зернина (1821–1866) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Сер.: Історія. 2007. № 762. С. 239-251. – URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/5127>

13. Митряев А.И., Голубкин Ю.А., Лиман С.И. Медиевистика в Харьковском университете // Вестник Харьковского университета. 1991. № 357.

14. Савва, Владимир Иванович. По вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей: (в ответ на рецензию проф. П.Н. Буцинского). Харьков, 1903. 21 с. – URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/4885-savva-v-i-po-voprosu-o-vliyanii-vizantii-na-obrazovanie-idei-tsarskoy-vlasti-moskovskih-gosudarey-harkov-1903#page/1/mode/grid/zoom/>

Матвеев Иван Сергеевич, магистр истории, учитель истории и обществознания Государственного общеобразовательного учреждения Республики Коми «Республиканский центр образования», г. Сыктывкар, Россия; dasistmybox@mail.ru

A.P. Zernin as a Forerunner of the «Russian Historical School»

The author focuses on the figure of an outstanding historian, a specialist in Byzantine studies and the history of the Muscovite state, Alexander Petrovich Zernin. His scientific contribution gave a significant impetus to the development of historical science, both at the regional and Russian levels.

Keywords: Byzantine studies, A.P. Zernin, teaching history in higher education.

Matveev Ivan Sergeevich, Master of History, Teacher of History and Social Studies at the State Educational Institution of the Republic of Komi "Republican Education Center", Syktuvkar, Russia; dasistmybox@mail.ru

УДК 930

Бычков С.П.

Д.Н. Беликов как первый доктор церковной истории Западной Сибири. Штрихи научной и общественной биографии

В представленных материалах осуществлена попытка рассмотрения на примере основных черт научной биографии Д.Н. Беликова особенностей развития западно-сибирского направления русской церковной историографии, постепенного формирования на площадке Томского университета церковно-исторических исследований с перспективой превращения Томска в центр церковной науки и базирования научной церковно-исторической корпорации на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Д.Н. Беликов, церковно-историческая наука в Западной Сибири, русская церковная историография

Историография как история исторической науки на современном ее этапе подобна расширяющейся Вселенной и постоянно

определяет новые объекты и предметы своего исследования и пока пределов этого расширения мы не видим. Мир историка и мир историков, вырвавшись за пределы своих первых моделей изучения интеллектуальных научных результатов в виде сконцентрированного ядра концепций, оказался настолько же глубок и бесконечен как и мир конкретной истории в ее политических, социальных, экономических и культурных многообразных измерениях, макро и микро-исторических сюжетах.

Безусловно, мир историков-профессионалов как в европейской, так и русской традициях сосредоточен прежде всего в университетских корпорациях. При этом, учитывая и политические, и словесные, и культурные особенности императорской России, мы признаем естественным, что рядом с университетами в политических и исторических центрах – в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге и Казани существовали и Духовные Академии, в которых нарождались, существовали и особым образом развивались свои исследовательские традиции, свои корпорации с характерными для них классиками и фундаментальными трудами. Этот внушительный интеллектуальный мир в последнее время достаточно активно исследуется как на уровне комплексов источников, так и отдельных локаций историков, персоналий, процессов в нем происходящем. При этом множество сюжетов по-прежнему требует своих новых исследований.

Одной из таких слабо исследованных локаций по-прежнему во многом остается западносибирская церковная региональная историография. В процессе предшествующих исследований нами было выявлено три этапа развития провинциальной западносибирской церковной исторической науки. Первый этап был связан с деятельностью Г. Миллера и С.У. Ремизова и характеризовался процессом первоначального формирования общей исторической источниковой базы и наличием в фундаментальных трудах крайне отрывочных и отдельных сюжетов, описывающих религиозную и социальную ситуацию Сибири. Второй этап пришелся на промежуток 1840-х 1870-х гг. Тогда на территории Западной Сибири, так и не создались духовные академии, которые могли бы мощно аккумулировать в своих стенах представителей церковно-исторического сообщества, способствовать формированию научного комплекса источников по церковной истории общероссийского и сибирского характера, хранить церковно-археологические древности. Но при этом, к счастью, нельзя говорить и о полном отсутствии кадров, готовых по мере сил, параллельно со своими основными служебными обязанностями, в соответствии с личным любознанием, религиозными и научными мотивами, заниматься церковно-

историческими наблюдениями и изысканиями. Таковыми в Сибири выступали или выпускники низших духовных школ или воспитанники Казанской Духовной Академии, которые по окончании alma mater оказывались на гражданских административных, учебных, научных или церковных консисторских, законоучительских должностях в Томске, Тобольске и в Омске, поступая на работу в духовные училища, семинарии, университеты, кадетские корпуса, гимназии т.д. Они продолжали свои научные изыскания и на местах своей духовной или гражданской деятельности. Мы определили, что историческими исследованиями занимались личности не бывшие до конца профессиональными историками и работавшие с материалом, который не вписывался в сферу их прямой профессиональной деятельности, только лишь в силу личной мотивации и заинтересованности. Особенно иллюстративными в этом отношении стали судьбы и научная деятельность Н.А. Абрамова и А.И. Сулоцкого [1, с. 352].

С появлением крупных просвещенческих и образовательно-университетских центров в Западной Сибири, первым из которых стал Томский университет, дело церковно-исторических исследований стало приобретать воистину научный характер. Основание Томского университета в 1878 г. стало выдающимся событием в жизни Западной Сибири конца XIX в. Оно было призвано повысить общий уровень образования и просвещения западносибирского общества, его юридического и медицинского обеспечения. Таким образом, зарождение университета в Томске, открыло третий и последний этап существования церковно-исторических исследований в Западной Сибири.

Объективно первоначально университет концентрировал в своих стенах не только медиков и юристов, но и представителей других сфер гуманитарного знания, богословия и церковно-исторической науки. Связано это было, прежде всего, с тем, что в силу исторических особенностей взаимоотношений русской православной церкви и государственных учреждений, университет в тот период не был абсолютно светским учебным заведением. Так, в структуре его подразделений достойное место занимал университетский храм, все важнейшие события жизни университетской корпорации были освящены церковной проповедью и службой, обязательной дисциплиной для студентов православного исповедания было богословие. В Томске, ставшим одним из интеллектуальных центров Западной Сибири, в начале XX века планировалось и открытие православной Сибирской духовной академии, которая должна была стать пятой после четырех общероссийских – Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской.

По планам, существовавшим у церковных и гражданских властей, Сибирская духовная академия фактом своего открытия на рубеже 1914-1915 гг. в г. Томске должна была символизировать завершение подготовительного этапа сибирской духовной научной состоятельности, стать центром богословских и церковно-исторических исследований, продолжающим или прямо воспринимающим кадровый, образовательный, научный капитал как Томского университета, так и Казанской духовной академии. Однако, дальнейшие негативные процессы общемирового и российского характера (первая мировая война, революция и трагические судьбы православия в советский период) не позволили этому варианту развития событий воплотиться в жизнь.

Все это накладывало особую роль именно на университетское сообщество, аккумулировавшее в своих рядах лучших представителей интеллектуальной элиты Западной Сибири, ведшее в лице его лучших представителей высоконучные церковно-исторические исследования, пропитанное пафосом высокой научности, общественного служения и просветительства. Одной из такой ярчайших фигур и стал Дмитрий Никанорович Беликов – первый доктор церковной истории в Томске.

Он родился 19 (31) октября 1852 г. в Симбирской губернии в семье священнослужителя. Обучался в Симбирской духовной семинарии, а с 1874 по 1878 г. – в Казанской духовной академии по церковно-историческому отделению. В 1878 г. Дмитрий Никанорович после публичной защиты сочинения был допущен к чтению лекций по общей и гражданской истории в звании приват-доцента Казанской академии. В октябре 1882 г. был рукоположен в священники Покровской церкви в Казани с одновременным оставлением приват-доцентом академии. 27 ноября 1887 г. он был утвержден Святейшим Синодом в звании магистра богословия после защиты сочинения «Христианство у готов». В декабре 1888 г. Д.Н. Беликов был утвержден в звании доцента по кафедре общей гражданской истории Казанской духовной академии.

22 октября 1889 г. Д.Н. Беликов был назначен на должность профессора богословия Томского университета и переехал в Томск. С 1890 г. по 1904 г. он заведовал кафедрой богословия, читал студентам младших курсов медицинского и юридического факультетов православного исповедания курс богословия. Одновременно с октября 1890 г. он состоял настоятелем Томской Богородице-Казанской Университетской церкви, ризницу которой обустроил по собственной инициативе без ассигнований со стороны университета. С 1891 г. Дмитрий Никанорович – благочинный Томских домовых церквей при учебных заведениях, цензор катехизических по-

учений священников Томской епархии. С 1893 г. – председатель совета Томского епархиального женского училища.

В мае 1895 г. он возведен в сан протоиерея, а в 1900 г. – назначен преподавателем богословия в Томском технологическом институте. В 1902 г. Д.Н. Беликов в Казанской академии защитил диссертацию «Томский раскол. Исторический очерк от 1834 по 1880-е гг.» и утвержден Синодом в степени доктора церковной истории. В феврале 1904 г. он по выслуге лет утвержден в звании почетного профессора Томского университета с оставлением поручений и обязанностей по кафедре.

Д.Н. Беликов активно участвовал в общественной жизни. В декабре 1905 г. он на учредительном собрании Томского отдела «Союза 17 октября» был избран в бюро отдела. В 1906 г. духовенством Томска он был избран членом Государственного Совета и отбыл в Санкт-Петербург. В 1908 г. Д.Н. Беликов был назначен председателем Учебного комитета при Святейшем Синоде, был настоятелем синодальной церкви Семи Вселенских Соборов, возведен в сан митрофорного протоиерея. В 1920 г. он вернулся в Сибирь, хиротонисан в епископа Омского, позже удостоен сана архиепископа. Осенью 1922 г. представители обновленческой церкви отправили его на покой. Он перебрался в деревню Петухово Томской губернии, служил в приходской церкви.

В 1923 г. он был приглашен к служению прихожанами в Сретенский храм г. Томска. Дмитрий Никанорович возглавлял староканоническую (тихоновскую) группу духовенства и верующих. 14 августа 1924 г. состоялся собор верующих участники которого приняли решение объявить Троицкий собор г. Томска автокефальным, т.е. неподчиняющимся никаким вышестоящим церковным властям и избрали Д.Н. Беликова его настоятелем. С 6 по 23 февраля 1927 г. он подвергался кратковременному аресту со стороны властей. Он придерживался позиции митрополита Григория (Яцковского) и 9 июня 1928 г. на съезде духовенства григорианской ориентации избран митрополитом Сибирским. После закрытия Троицкого Собора в 1930 г. Дмитрий Никанорович служил в Благовещенском соборе. Он был любим прихожанами, собиравшимися на его проповеди. Скончался от паралича сердца 10 августа 1932 г., вначале был похоронен 15 августа 1932 г. возле правого придела Благовещенского собора. После принятия решения о сносе храма, прах Д.Н. Беликова был перенесен на Преображенское кладбище. При закрытии последнего был еще раз перезахоронен на Южном кладбище г. Томска.

Фундаментален вклад Д.Н. Беликова в образование, просвещение и науку Западной Сибири. Так, еще будучи протоиереем университетского храма, он был известен как активный и страстный

проповедник студентам ценностей гуманизма, высокого служения науке, религиозного и общественного долга. Его церковная проповедь в университетских стенах была направлена к тому, чтобы подрастающая когорта подвижников науки в Сибири, оторванная от исторических корней долговременного университетского духа Европы и центра России, быстрее поняла общий пафос, присущий университетскому поиску истины, служению высотам научного знания [2, с. 3].

При этом видение научной истины было специфически богословским: Наука, как движение к истине, есть движение к Богу. Она должна составлять и в своей сущности и глубине составляет особый путь Богопознания. Отсюда само собой делается вывод: научное знание – есть священное знание. Поскольку оно есть служение истине, оно есть служение Богу... И если мы не всегда доходим до убеждения, что все науки путем мирораскрытия и правильного миропонимания ведут к Богу, то это только потому, что не доходим до конца пути, не достигаем последних заключений, а иногда может быть уклоняемся от них...» [2, с. 3].

Таким образом, в его мировоззрении, совершенно причудливо переплетались как просветительские идеалы в целом характерные для русской интеллигенции, так и пафос религиозного служения. Из отчетов университета известно, что курс богословия читался им в начале 1890 гг. и состоял как из вопросов религиозно-филологических, так и богословских [3, с. 12].

В его лице сибирская наука обрела и глубокого профессионала исторической науки. Об этом в первую очередь свидетельствуют многообразные источники, используемые им в научной работе, которые были достаточно разнообразны и многочисленны. Это дела сохранившихся приходских и монастырских архивов, губернских и волостных правлений, консисторий, управлений заводов, судебных органов. В общей сложности им написано свыше трех десятков трудов по духовной и церковной истории Западной Сибири. Признанием его исследовательских заслуг стало присуждение ему Томским университетом премии А.М. Сибирякова за изучение истории Сибири в 1904 г.

Круг научных исторических проблем им изучавшихся был также разнообразным. Кроме традиционного изучения первоиерархов [4], храмов и монастырей Сибири [5], Дмитрий Никанорович исследовал проблемы русского хозяйственного и духовного заселения Сибири, раскола. Начиная с того, что докторская работа была посвящена расколу, в дальнейшем он многократно исследует генезис раскола [6], его сибирский облик и конфигурацию, вождей и идеологию [7], политику российских и местных властей [8].

Присутствует в его работах и выход на социально-историческую проблематику. Одной из самых замечательных профессиональных его работ становится труд о первых Томских крестьянах переселенцах [9]. Характеризуя особенности их духовного облика, он широко исследует особенности тех условий политического устройства, природно-климатического, социального, культурного характера, которые формировали такой ментальный и религиозный тип, специфику отклонения его от типа русского крестьянина черноземной полосы. Со всей широтой исследовательского таланта, ученый фиксирует такие элементы негативные элементы облика томских крестьян, как грубость нравов, жестокость обращения мужчин с женщинами, склонность к расколу и религиозному экстремизму, широкое распространение суеверий, неграмотность и непросвещенность как в собственно аграрных делах, так и в общекультурном смысле. При этом он, в лучшем смысле, оптимистичен, считая, что все эти недостатки подлежат лечению и искоренению, что все они в конечном счете хорошо исправляются образованием, просвещением, церковной дисциплиной, строгостью и надзором.

Дальнейшие политические, научные перипетии XX века привели к тому, что Дмитрий Никанорович оказался практически последним в ряду исследователей церковной истории в Западной Сибири. Разрыв взаимоотношений церкви и государства, полосы открытых гонений и репрессий против духовенства и паствы, приводили к остановке в дальнейшем церковно-исторических исследований, невозможности продолжения привычной в том числе и научной деятельности в прежнем формате, дальнейшему истончению источниковой базы и забвению положений и концепций как академических, так и провинциальных исследователей. Открытие сегодня этих пластов демонстрирует воистину титанов духа, жертвенности и научности, одним из которых, что сегодня совершенно очевидно, был Дмитрий Никанорович Беликов.

Библиография

1. Бычков С.П. Исследователи истории русской православной церкви в Томском университете в начале XX в. // Университеты России и их вклад в образовательное научное развитие регионов страны. Сб. научн. трудов. Омск, 2010. С. 351-353.
2. Беликов Д.Н. Слово в день празднования Казанской иконы Божией Матери, произнесенное 22 октября 1900 года в домовый церкви Императорского Томского университета. Томск: Тип. епарх. братства, 1901. 8 с.
3. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1892 г. Год пятый. Томск, 1893.
4. Беликов Д.Н. Святитель Иннокентий, первый епископ Иркутский: Ист.-биогр. очерк: с портр. Томск: Тип. П.И. Макушина, 1902. 64 с.
5. Беликов Д.Н. Старинные монастыри Томского края. 1. Мужеский Богородице-Алексеевский монастырь. 2. Женский Христорождественский в городе Томске.

3. Мужеский Христорождественский в городе Кузнецке. Томск: Тип. П.И. Макушина, 1898. 212 с.

6. Беликов Д.Н. Раскол в Сибири и Томске за XVII в. Б.м., б.г. 106 с.

7. Беликов Д.Н. Старинный раскол в пределах Томскаго края. Томск: Тип. Н.И. Орловой, 1905. 73 с.

8. Беликов Д.Н. Старообрядческий раскол в Томской губернии (по судебным данным). Томск: Тип. П.И. Макушина, 1894. 41 с.

9. Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-населники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта: Общ. очерк за XVII и XVIII ст. Томск: Типо-литогр. М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовскаго, 1898. 138 с.

***Быхков Сергей Павлович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и политологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; spbychkov@mail.ru*

D.N. Belikov as the first doctor of church history of Western Siberia. Strokes of scientific and public biography

The presented materials attempt to consider the main features of D.N. Belikov's scientific biography as an example of the development of the West Siberian direction of Russian church historiography, the gradual formation of church historical research at the Tomsk University site with the prospect of turning Tomsk into a center of church science and basing a scientific church historical corporation at the turn of the XIX-XX centuries.

Keywords: D.N. Belikov, church historical science in Western Siberia, Russian church historiography

***Bychkov Sergey Pavlovich**, Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History and Political Science, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; spbychkov@mail.ru*

УДК 930.1

Попова А.А.

«Союз» с древами»: критика зарубежной библеистики в советской историографии

В советское время пространство религиозных исследований было ограничено рамками идеологии, в которой существенное место занимал антирелигиозный дискурс, а также противопоставление «единственно верной» советской науки науке «заблуждающейся», буржуазной. В связи с этим зарубежные исследования вопросов религии могли транслироваться в советской науке только через критический нарратив, анализу особенностей которого посвящено данное исследование.

Ключевые слова: советская историография, библейские исследования, Библия, антирелигиозная пропаганда, советская историческая наука

До начала XX в. исследования Библии считались прерогативой духовенства, которое не стремилось допускать в эту сферу светских исследователей, в отличие от зарубежной библеистики, где между богословами и учёными был паритет. Православное богословие было весьма консервативно, к середине XIX века в нём господство-

вало понимание однозначности Священного писания, новые методы критики библейских текстов и герменевтики отвергались, а сведения о них не выходили за пределы богословской науки. Только после отмены церковной цензуры в 1907 г. постепенно начали публиковать переводы трудов зарубежных исследователей Библии. Их первый издатель Н.М. Никольский в предисловии к книге немецкого библеиста Ю. Велльгаузена писал, что столкнулся с большими трудностями во время перевода, так как ранее труды, посвященные исследованиям Ветхого Завета, в России не переводились, и ему приходилось буквально «создавать заново терминологию...» [2, с. VII].

Затрудняло развитие библейских исследований и то, что в духовных школах и академиях в основном занимались написанием исагогических очерков и комментариев к библейским книгам, при этом было принято опираться на труды предыдущих исследователей, нововведения не поощрялись [1, с. 9-11].

Библеистика могла развиваться относительно свободно лишь небольшой промежуток времени до установления власти большевиков, тогда же активно издавались труды зарубежных исследователей и публиковались многочисленные критические отзывы на них. Однако нетерпимая антирелигиозная пропаганда 1920-х годов ограничила свободный исследовательский поиск. В это время издавалась масса антирелигиозного материала, зачастую весьма низкого качества. Реагируя на это, В.И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» писал, что «...“союз” с древами... обязателен в борьбе с господствующими религиозными мракобесами» [5, с. 27-28]. Незадолго до написания этой статьи он ознакомился с трудом немецкого философа и писателя А. Дрекса (1865–1935) «Миф о Христе», который посчитал ценным из-за его глубокой научной базы. Поскольку советская антирелигиозная пропаганда остро нуждалась в идеях, которые на данном этапе можно было получить главным образом из-за рубежа, рекомендация В.И. Ленина была воспринята с энтузиазмом.

Уже в 1924 г. был издан перевод «Мифа о Христе» с предисловием видного советского пропагандиста, редактора журнала «Революция и церковь» П. Красикова. Это один из первых советских критических нарративов в области библеистики, именно в заданном им ключе последующие авторы критиковали работу А. Дрекса. П. Красиков отмечал, что в теории А. Дрекса есть сильная и слабая стороны: сильная разрушает религию, слабая пытается возродить её на иных основаниях, но в этом противоречии автор видит путь к материализму [3, с. 5]. Тем не менее А. Дрекс – буржуазный автор, а следовательно, идеалист, поэтому его собственная богословская догматика создана исключительно для удовлетворения интересов буржуазных эксплуата-

торов и не представляет интереса для советского исследователя [3, с. 5]. В то же время труд учёного важен в его основной части, где он научно доказывает, что Христос никогда не существовал.

Чтобы подтвердить легитимность теории А. Дрекса, П. Краси-ков всеми силами стремился «перетянуть» его на сторону марксизма, порой приписывая ему мысли и взгляды, которые тот никогда не высказывал. Например, он утверждал, что учёный из-за своих взглядов подвергся травле со стороны германского богословия, поэтому он, видимо, будет вынужден переехать в Россию (чего тот, очевидно, делать не собирался) [3, с. 7]. Также смелым было утверждение, что по своим воззрениям А. Дрекс был близок к раннему марксизму [3, с. 8]. Так или иначе, П. Красикову удалось «развить» взгляды В.И. Ленина и доказать, что теория буржуазного учёного близка марксизму. В результате А. Дрекс стал одним из первых «канонических» авторов, на чьи труды ссылались практически все советские исследователи Библии.

В первые годы советской власти перед библеистикой стояло множество трудностей, так как антирелигиозная повестка лишь задавала направление исследований, а марксистская методология находилась в начальной стадии разработки. На этом этапе только начал оформляться классический нарратив исторических исследований, включающий также набор авторов, на чьи труды следовало опираться. Например, авторитет Ф. Энгельса как классика марксизма был признан только в 1930-е годы, в то же время решилась судьба интеллектуального наследия К. Каутского, который классиком всё-таки не стал [7, с. 37-40].

Принимая во внимание указанные факторы, этот период можно определить как время методологических поисков в советской науке. Показательным примером являются работы Н.В. Румянцева, который занимался антирелигиозной пропагандой и издал несколько брошюр научно-популярного характера. В своих работах он активно использовал труды зарубежных исследователей для доказательства базового тезиса о неисторичности Христа, практически не прибегая к критике их позиций. Также в его трудах можно проследить влияние марксистской теории, поскольку появление многочисленных культов умирающего и воскрешающего бога он объяснял социальной несправедливостью в обществе и желанием простых людей обрести покой и умиротворение в загробном мире [12, с. 44-46; 13, с. 5, 6, 11].

В начале 1930-х гг. в ходе многочисленных обсуждений начала разрабатываться марксистская методология для отдельных направлений и проблем [4, с. 263-266]. Например, в это время прошла серия дискуссий в Институте философии при Комакадемии по вопросам

возникновения христианства [7, с. 39-40], в ходе которых был выработан единый подход к изучению религии в целом и библеистики, в частности. Согласно учению К. Маркса и Ф. Энгельса, религия, являясь частью надстройки, не была самостоятельной и самоценной сферой жизни общества, а представляла собой производный продукт социально-экономических отношений [6, с. 25]. Эта позиция определяла иной подход к изучению религиозных феноменов, смещая акцент с исследования их эволюции и особенностей на производственные отношения, которые их породили.

В связи с этим изменилось отношение и к работам зарубежных исследователей, теперь их критиковали не только за идеализм, но и за ошибочное понимание сущности религии, так как они изначально неверно подходили к её изучению [8, с. 31; 10, с. IV]. В своей программной статье Н.М. Никольский писал, что марксистские исследователи должны критически пересмотреть результаты работы буржуазных учёных над библейским текстом, ведь изучая социально-экономические основания религиозных верований можно восстановить истинные смыслы, заложенные в священные тексты [8, с. 35].

Помимо методологической основы в 30-е гг. оформляется канон историографической части исследований в области библеистики. По сути, он подменял собой многолетние исследования Библии, которых дореволюционная наука, как отмечалось ранее, не предоставляла. Именно по этой причине он выглядел несколько искусственным.

Историографическая часть марксистского труда в области библеистики, как правило, включала определенный набор авторов, а также приемы критики научного материала. Наиболее часто встречающимися исследователями являлись В. Де Ветте, Д. Штраус, Б. Бауэр, Ю. Велльгаузен, У. Робертсон-Смит, А. Дреус и Джон Робертсон. Их объединяло то, что они в той или иной степени отрицали священное происхождение библейского текста, что было основополагающим моментом в марксистской библеистике.

А. Дреус попал в «канон» авторов благодаря В.И. Ленину, труд Б. Бауэра являлся объектом критики Ф. Энгельса [14]. Работа Дж. Робертсона была переведена на русский язык ещё в 1923 г. как представляющая интерес для антирелигиозной пропаганды [11].

Н.М. Никольский был одним из немногих светских авторов, который еще в дореволюционное время занимался вопросами библеистики, а после установления советской власти он укрепился в позиции одного из виднейших учёных-библеистов. В историографической части своих первых трудов он упоминал работы В. Де Ветте, Д. Штрауса, Ю. Велльгаузена, У. Робертсона-Смита и критически оценивал их содержание и выводы [2, с. XI-XV, XXI-

XX]. Исходя из этого, мы связываем появление в советском каноне этих авторов именно с авторитетом Н.М. Никольского.

Критический нарратив выстраивался по одной схеме: в первую очередь отмечались достоинства работы, которые обычно были связаны с успешным эмпирическим исследованием узких тем [9, с. 7]. Однако слабостью буржуазных учёных объявлялось незнание или неприятие марксизма, из-за чего те были не способны перейти на глобальный уровень теоретизирования и совершали ошибки в интерпретации религиозных текстов.

В период оттепели историографический нарратив библейских исследований оставался практически неизменным, за тем лишь исключением, что порой вводились новые, более современные авторы, которые подвергались менее жёсткой критике.

Острый период антирелигиозной борьбы закончился в период правления И.В. Сталина, поэтому вскоре библеистика перестала выполнять важную общественную функцию и постепенно ушла в сферу узкоспециальных научных исследований, но и там она не стала популярной научной дисциплиной. В 70–80-е гг. появляются немногочисленные труды в этом проблемном поле, где от канонического критического нарратива остаются лишь крупницы, неизменными остаются лишь ссылки на труды классиков марксизма. Критический нарратив советской библеистики был сформирован искусственно и стал заменой историографической традиции этого направления исследований. Он просуществовал в неизменном виде относительно длительный промежуток времени, это было связано, с одной стороны, с непопулярностью библеистики как сферы научного знания и малой вовлеченностью ученых, с другой – страхом, поддерживаемым хоть и неявной, но постоянно присутствующей в обществе антирелигиозной повесткой.

Библиография

1. Алексеев А.А. Библейские исследования в России // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2014. № 1 (36). С. 9-29.
2. Вельгаузен Ю. Введение в историю Израиля. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1909. 428 с.
3. Дреус А. Миф о Христе. М.; Л.: Госиздат. 1925. 207 с.
4. Крих С.Б., Метель О.В. Формирование марксистского подхода к изучению религиозных феноменов в советской научной традиции (1920-е – начало 1930-х гг.) // Известия УФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 256-269.
5. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Госполитиздат, 1975. С. 23-33.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 7-544.
7. Метель О.В. Советская модель изучения первоначального христианства (1920 – 1990-е гг.). Омск: “Полиграфический центр КАН”, 2012. 170 с.
8. Никольский Н.М. Проблемы критики библии в советской науке // Вестник древней истории. 1938. № 1 (2). С. 30-44.

9. Ранович А. Б. Очерк истории раннехристианской церкви. М.: ОГИЗ, 1941. 257 с.
10. Ранович А. Очерк истории древнееврейской религии. М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1937. 400 с.
11. Робертсон Дж. Евангельские мифы. М.: Атеист, 1923. 224 с.
12. Румянцев Н. В. Дохристианский Христос. М.: Атеист, 1926. 108 с.
13. Румянцев Н. В. Рождество христово. Очерк сравнительной мифологии. М.: Атеист, 1923. 16 с.
14. Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2 изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 306-314.

Попова Алиса Андреевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; alispopova13@yandex.ru

«"Union" with Drews»: Criticism of Foreign Biblical Studies in Soviet Historiography

In Soviet times, religious studies were dependent on ideology, in which anti-religious discourse played an important role, as well as the opposition of the only "true" Soviet scholarship to "deluded" bourgeois one. In this regard, foreign religion studies could be shown in Soviet scholarship only through a critical narrative and this paper analyzes the features of such a narrative.

Keywords: Soviet historiography, Biblical studies, the Bible, anti-religious propaganda, Soviet historical scholarship.

Popova Alisa, Andreevna, graduate student of the Department of General History, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky; Omsk, Russia; alispopova13@yandex.ru

УДК 930+2

Михальченко С.И.

Религиозные мотивы в историко-публицистическом наследии Е.В. Спекторского¹

Статья характеризует историко-публицистическое наследие Е.В. Спекторского эмигрантского периода (1920–1940-е гг.). Особое внимание уделяется показу интерпретации Спекторским роли религии в развитии общества, в том числе в кризисные периоды русской истории, связанные, в частности, с деятельностью монархореформаторов кн. Владимира Святого и Петра Великого.

Ключевые слова: Е.В. Спекторский, историческая публицистика, русская эмиграция, роль религии в обществе

Крах устоявшегося образа жизни, разрушение нескольких казавшихся незыблемыми европейских государств, а затем эмиграция привели многих российских интеллектуалов к переосмысле-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-011-44015.

нию своих методологических установок и, зачастую, к смене исследовательских интересов. Многие историки, оторванные от знакомых источников, прежде всего архивов, занялись другими темами. Иные исследователи, чья работа не так тесно была связана с непубликованными источниками, напротив, попытались создать обобщающе-методологические сочинения, при этом многие из них значительно большее место, чем ранее, стали уделять в своих трудах вопросам религии. Не стал исключением и известный русский общественник Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951) [1]. До эмиграции в 1920 г. он прошел традиционный для представителя академического мира путь от студента и затем оставленного при кафедре для подготовки к профессорскому званию Варшавского университета до ординарного профессора, декана факультета и, наконец, в 1918–1919 гг. ректора университета св. Владимира в Киеве. Большинство его сочинений дореволюционного периода лежали в проблемном поле юриспруденции (летом 1917 г. в Московском университете он получил степень доктора государственного права) с преимущественным вниманием к истории правовых и социологических учений.

Оказавшись в 1920 г. в эмиграции в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии), Спекторский в первых опубликованных им в эмиграции работах сформулировал концепцию кризиса государства и постепенной замены его обществом [16; 21, с. 16-65]. В 1933 г. в статье «Кризисы в русской истории» Спекторский отмечал, что в русской истории было несколько кризисов. Из них три были вызваны вторжением врага, три – реформами, а последний – революцией. Первым вторжением было нашествие татар в XIII веке. Затем в начале XVII века Россия стала жертвой нашествия на этот раз с запада – шведы и поляки пытались завоевать Россию. Наконец, третье вторжение обрушилось на Россию в 1812 году, когда Наполеон напал на нее с огромной не только французской, но и международной армией. Реформы, вызвавшие кризисы, были: крещение Руси, реформы Петра Великого и реформы Александра II. Все эти кризисы были успешно преодолены русским народом.

Что касается последнего кризиса, начавшегося в 1917 г., то он, по мнению Спекторского, очень напоминал кризис начала XVII века, поскольку связан с борьбой за власть. В преодолении этого кризиса Спекторский возлагал надежды на пробуждение национального чувства, зачатки которого он наблюдал в 30-е годы, рассчитывая на скорое возрождение русского народа, который был до большевизма, будет и после [3].

Поскольку, как подчеркивал ученый, важнейшее место как в жизни общества в целом, так и в преодолении кризисов, в частности, занимает религия, Спекторский с начала 1920-х годов все больше стал обращаться к сюжетам из разных областей знания, в той или иной степени связанных с религией. Параллельно, как следует из его воспоминаний и писем, он читал публичные лекции о христианстве, которые были оформлены в изданную в 1925 г. в Праге в издательстве «Пламя» и ставшую весьма известной монографию «Христианство и культура» [2; 14, с. 370].

В 1920–1940-е гг. Спекторский опубликовал несколько десятков статей на исторические темы на русском и – в основном – на сербском и словенском языках. Появление большей их части было вызвано различными памяtnыми датами, отмечавшимися в русском зарубежье. Так, были отмечены юбилеи Петра Великого, крещения Руси, отмены крепостного права, Великой Французской революции, а также многих русских и иностранных писателей [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 18; 19].

Следует подчеркнуть, что Спекторский не был специалистом по гражданской истории, исследовательский характер носили, в основном, его книги и статьи по истории правовых и политических учений раннего нового времени. Поэтому большинство его исторических статей носили популярный характер и важны не столько новыми открытиями, сколько отражением в них воззрений широких масс консервативной эмиграции на те или иные события и явления прошлого.

Сравнивая деятельность выдающихся реформаторов Петра Великого, Александра II и Владимира Святого, Спекторский отдавал первенство князю Владимиру не столько по хронологии, сколько потому, что цели у князя, как полагал ученый, были более величественные и трудные, чем у двух императоров. «Петр стремился создать великую Россию, Александр II – свободную Россию, – писал Спекторский. – Как ни грандиозны эти задачи, но они бледнеют перед заданием, которое поставил творимой России св. Владимир, а именно, чтобы она стала святою Русью» [19, с. 2]. К тому же св. Владимир указал то направление, по которому должна была развиваться и русская культура, и русская цивилизация. По мнению Спекторского, именно крещение Руси стало самой главной реформой в истории Руси [9, с. 38].

Как показала ранее исследовавшая общественно-политические воззрения Спекторского Е.В. Ткаченко, с образом Владимира Святого тесно связана и предложенная ученым периодизация исторического пути России, который, как ему представлялось, состоит

из трех значимых этапов: «святая Русь», «великая Россия» и «свободная Россия» [20, с. 166; 21, с. 113].

Важное место занимала религиозная составляющая, по мнению Спекторского, и в деятельности Петра Великого. Непосредственно деятельности императора посвящены две статьи ученого, опубликованные в 1920-е годы. Это выросшая из представленной вначале опубликованными небольшими тезисами юбилейной речи 7 апреля 1925 г. на заседании Русского исторического общества в Праге статья «Заветы Петра Великого» (1927) [14, с. 404] и статья «Петр Великий и мы» (1925), помещенная в изданном общественной организацией эмиграции «Русская Матица» сборнике «Благовест» [12]. Таким образом, оба текста появились фактически одновременно, хотя формально «Заветы Петра Великого» напечатаны в 1927 г. [15].

Ученый полагал, что Петр оставил потомкам несколько заветов. Первый завет – Великая Россия («Россия не должна была стать ни всемирной державой, ни провинциальной Великороссией», а, напротив, «должна во всю ширь развернуться на своем геополитическом поприще, дать народам русский мир»). Второй завет – Россия национальная. Речь шла о преданности своему языку, культуре и тесным взаимоотношениям со славянским миром. Третий завет – культурная Россия, «не отстающая от прочей Европы в деле умножения культурных ценностей» [17, с. 24-25]. Средствами для осуществления этих целей, по мнению Спекторского, должны были стать: во-первых, служение отечеству, что означало «переворот в понимании призвания публичной власти не только в России, но и во всей Европе»; во-вторых, «общественный подбор, подбор аристократии таланта и труда из всех слоев общества с устранением наследственных привилегий»; в-третьих, законность, – завет, который, по мнению Спекторского, особенно хорошо поняли только в XIX веке М.М. Сперанский и А.Д. Градовский. Важным выводом была мысль ученого, что все эти заветы «не утратили значения до сих пор» [17, с. 25].

Размышлениями о религиозных воззрениях Петра Спекторский доказывал национальный характер петровского правления и второй сформулированный им завет. «Петр был предан православию и не изменил ему..., – утверждал Спекторский. – Петр оказался гораздо более устойчивым по отношению к католицизму, чем Павел I или Александр I или Владимир Соловьев» [15, с. 83]. Ученый подчеркивал, что Петр отверг все попытки католических деятелей привлечь его на свою сторону различными посулами (о признании второго брака и т.п.). По мнению Спекторского, «не тяготел Петр и к протестантству... Терпимый к иноверцам,

он боролся с прозелитизмом лютеран» [15, с. 84]. В попытке совместить свою убежденность в приверженности Петра православию и его участие в оргиях Спекторский писал, что царь «не изменил православию и был органически предан ему. Он хорошо знал обряд, охотно пел на клиросе, читал апостола, звонил в колокола». А петровские забавы хотя иногда и оскорбляли верующих, но в этом проявлялась типично русская «склонность к озорству, нередко оскорбительному для святости». При этом Спекторский настаивал, что «в отличие от Петра III, поносившего православие, как таковое, Петр Великий оставался верным, хотя иногда и блудным сыном православной церкви, бесконечно далеким от современного комсомольства с его принципиальным и противохристианским кощунством» [15, с. 84]. Ученый доказывал свои утверждения тем, что Петр не покусился ни на вероучение православной церкви, ни на один ее обряд. Он построил Александро-Невскую Лавру, осознавая важность для православной Руси Лавры Троице-Сергиевой. Спекторский, конечно, не мог отрицать преобразований Петра в сфере управления церковью, но он полагал, что Петр, подобно Константину Великому, выступал здесь не как разрушитель, а как своего рода «внешний епископ», надзиратель над церковью. «Его преобразование церковного управления было, быть может, не во всех отношениях удачно. Но оно было произведено при участии епископов и с их согласия..., – писал Спекторский. – Обвинять Петра в параличе церкви это значит, прежде всего, мало верить в церковь, которой дано обетование, что ее не одолеют даже враги адавы» [15, с. 85].

Спекторский решительно критиковал обожествление Петра после его смерти, присущее ряду ученых и поэтов (например, А.П. Сумарокову). Исследователь отмечал, что Петр верил в себя, но еще больше он верил в Бога. «Он хорошо знал разницу между Богом и самим собою, чувствовал пафос отделяющего расстояния. К себе же самому он относился не догматически, а критически, не вменяя себе в закон страстей единый произвол. Он умел критиковать самого себя и в личных сношениях, и в публичной деятельности» [15, с. 97], – так виделся образ Петра Спекторскому.

Как отмечено выше, Спекторский в своем публицистическом и научно-популярном творчестве обращался и к иным, кроме проанализированных, темам отечественной и всемирной истории. Показ роли религии на те или иные процессы в обществе составляли существенную роль в его исторических построениях, изучение которых, несомненно, представляет большую важность в рамках исследования наследия гуманитарного знания русской эмиграции.

Библиографија

1. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 13-31.
2. Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. «Христианство и культура» Е.В. Спекторского: путь к изданию // Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития. Материалы XIV Белорусско-Российского научного семинара-конференции (24–25 ноября 2021 г.). М.: Наука, 2021. С. 281-284.
3. Спекторски Е. Кризе у руској историји // Годишњак Народне одбране за 1933 годину. Београд: Издање Народне одбране, 1933. С. 55-59.
4. Спекторски Е. Културан рад словенских просветитеља // Хришћанско дело. 1936. Св. V. С. 325-331.
5. Спекторски Е. Културни значај крштења Русије // Хришћанско дело. 1938. Св. V. С. 438-357.
6. Спекторски Е. Религиозна проблематика код Достоевског, Толстоја и Тургенева // Светосавље. 1933. Год II. Св. 6. С. 213-221.
7. Спекторски Е. Судбина Патриаршије у Русији // Хришћанска мисао. 1939. Број 5. С. 70-72.
8. Спекторски Е. Хришћанство и национализам // Календар Братство за годину 1939 / Српско-православно братство св. Саве у Сарајеву. Сарајево, 1938. С. 1-7.
9. Спекторски Е. Хришћанство и руски «царизам» // Хришћанска мисао. 1938. № 5. С. 38-40.
10. Спекторски Е. Цезаропапизам и Русије // Хришћанска мисао. 1938. № 12. С. 138-41.
11. Спекторски Е.В. Хришћански појам друштва // Хришћански живот. 1924. Год III. Број 9. Септембер. Стр. 379-385.
12. Спекторски Е. Петр Великий и мы // Благовест. Новый Сад: Русская Матица, 1925. Вып. 1. С. 53-56.
13. Спекторский Е.В. Св. Владимир и русская культура // Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. 988–1930. Белград, 1930. С. 17-31.
14. Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань: Издатель П.А. Трибунский, 2020. 626 с.
15. Спекторский Е.В. Заветы Петра Великого // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская, 1927. Кн. 1. С. 80-102.
16. Спекторский Е.В. Кризис современного государства // Русские сборники. Под ред. Э. Гримма и К.Н. Соколова. София, 1921. Кн. 2. С. 40-56.
17. Спекторский Е.В. Политические заветы Петра Великого. Прочитан 7 апреля 1925 года // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская, 1927. Кн. 1. С. 24-25.
18. Спекторский Е.В. Свообразие крещения Руси // Владимирский Сборник в память 950-летия крещения Руси, 988–1938. Белград, 1939. С. 55-62.
19. Спекторский Е.В. Славянские просветители // День русской славы. Однодневная газета. Белград. 1936. 15 июля. С. 2, 5.
20. Спекторский Е.В. Эпохи русской культуры // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1970. Т. IV. С. 163-182.
21. Ткаченко Е.В. Общественно-политические взгляды Е.В. Спекторского. Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2009. 160 с.

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия; smikh10@mail.ru

Religious Motifs in the Historical and Publicistic Heritage of E.V. Spektorsky

The article characterizes the historical and publicistic heritage of E.V. Spektorsky during the emigrant period (1920-1940s). Particular attention is paid to showing Spektorsky's interpretation of the role of religion in the development of society, including during the crisis periods of Russian history, connected, in particular, with the activities of the reforming monarchs Prince St. Vladimir and Peter the Great.

Keywords: Spektorsky E.V., historical journalism, Russian emigration, the role of religion in society

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Economics, History and Law, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia; smikh10@mail.ru

УДК 930+ 94(44).04

Золотарев В.П., Кутузова А.А.

Концилиационный метод в исследовательской практике «русской исторической школы»

Статья стала последней совместной работой ее автора со своим учителем, профессором В.П. Золотаревым (1935–2022). Благодаря усилиям Василия Павловича изучение научного наследия учеников Н.И. Кареева позволило дать подробную характеристику методологического базиса русской исторической школы, школы Н.И. Кареева в виде концилиационного метода. Указанный метод активно используется в деятельности научно-исследовательской лаборатории «Научная школа Н.И. Кареева по новистике», созданной профессором В.П. Золотаревым. Американский историк Генри Брукс Адамс (1838–1918) отметил в свое время: «Учитель оказывает воздействие на века. Ему не дано предугадать, где преобладает его влияние». И здесь следует помнить, что предназначение НАСТОЯЩЕГО учителя – не просто трансляция знаний, накопленных ранее. Это миропонимание, мировоззрение, умение осознать и понять прошлое, настоящее, предвидеть будущее. Учитель познается именно через своих учеников, он живет в их делах и поступках. Именно таким учителем был Василий Павлович Золотарев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Института истории и права Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорочкина.

В статье представлено рассмотрение теоретико-методологических основ научной деятельности представителей «*école russe*». Авторы отмечают особую значимость метода «примирения» в процессе развития исторической науки.

Ключевые слова: русская историческая школа, Н.И. Кареев, концилиационный метод, научный синтез

Русская историческая школа – научный феномен, созвездие выдающихся исследователей, оставивших громадное научное наследие. Существовавшая традиция изучения Французской революции историками «*école russe*» получила широкое международ-

ное признание за уникальные разработки, подчас единственные в своем роде.

В издании «Английский исторический обзор» за 1947 г. в рецензии Дж.М. Томпсона на книгу французского публициста и теоретика либертарного коммунизма Даниэля Герена «Борьба классов в период первой республики» («La Lutte des Classes sous la première République») рассматривается вклад русских историков в изучение Великой Французской революции. По мнению рецензента, «*„доброе большевистские“ русские исследователи*», к которому относился и Н.И. Кареев, «*еще не были смущены марксистскими предпосылками. Большевистские историки <...> были слишком заинтересованы в собственной “славной революции” или слишком одержимы марксистской формулой для всех революций*» [10]. Известный советский историограф В.А. Дунаевский не обошел вниманием представителей школы Н.И. Кареева. В работе «Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941» (1974 г.) он отметил, что ряд историков, выдвинувшихся впоследствии, занимались в повышенном семинаре Н.И. Кареева, однако в рамках своих работ им не удалось избежать ряда «серьезных ошибок», связанных в первую очередь с тем, что они находились в плену концепций Ж. Жореса, Г. Кунова и Н.И. Кареева [3, с. 99].

Вышеприведенные высказывания содержат не только критические замечания, но и признание значимости школы Н.И. Кареева в развитии исторической науки не только на государственном, но и международном уровне. Ю.С. Афанасьева обращает внимание на универсальные характеристики представителей «русской исторической школы»: к ним относятся восприятие исторического процесса как единого и закономерного, тщательная работа с источниками, анализ исторических феноменов с точки зрения сравнительно-исторического подхода, системный взгляд на конкретные исторические факты [1, с. 64]. Отказ от формального подхода, обучение основам и технологиям проведения научного изыскания, требования критического подхода к рассмотрению любой темы, внимание и избирательность в отношении определения темы исследования стали визитной карточкой всех представителей «русской исторической школы» [2, с. 123].

В состав русской исторической школы входит множество ученых, которые, казалось бы, на первый взгляд не могут быть отнесены к данному научному сообществу. Но тем не менее, продолжая свою научную деятельность, они, храня заветы Н.И. Кареева, отстаивали вполне определенные методологические основы. Ярким примером выступает жизнь и творчество Я.М. Захера (1893–1963 гг.), который, по мнению его ученика А.В. Гордона, был историком-

марксистом по своей сути. В то же время авторы настоящего исследования убеждены в возможности отнесения историка к «русской исторической школе», учитывая черты его теоретико-методологических позиций. Почему мы сосредотачиваемся именно на методологии? О научной преемственности можно говорить в первую очередь именно на уровне метода. Проблематика может варьироваться, концепция может изменяться, терминология может пересматриваться. Но метод – это та черта, та характеристика, по которой мы узнаем научную школу. Научные школы, в таком случае, и существуют благодаря этой трансляции метода: метода научного исследования, с одной стороны, и метода преподавания, метода живого взаимодействия с учениками – с другой.

О каком методе идет речь? В.Г. Ревуненков отмечал, что характерной особенностью «русской школы» был идейный и методологический плюрализм. Ее представители применяли в своих трудах разные методы и подходы, следуя исключительно собственным вкусам и представлениям о должном [7, с. 9]. Именно методологический плюрализм становится тем самым характерным методом школы. Речь идет о методе, который Н.И. Кареев перенял у французского социолога А. Фуллье и развил в полноценный исследовательский инструмент. Введение в практику концилиационного метода позволило проводить комплексный, системный анализ исторических событий и процессов. И здесь присутствует не только теоретическая, но и практическая его значимость и актуальность. Использование многостороннего подхода делает возможным учесть все факторы и аспекты и интегрировать их в единую систему взглядов на конкретный предмет исследования.

Одному из авторов этого текста уже приходилось обращать внимание на то, что Н.И. Кареев был одним из первых ученых в отечественной исторической науке, кто отстаивал необходимость применения *«междисциплинарного подхода в изучении сложных общественных явлений»* [4, с. 16]. Позиция Кареева связана здесь с раскрытием характеристики концилиационного метода.

В своем труде «Теория исторического знания» Н.И. Кареев обозначил основные аспекты научного методологического синтеза. Истинный исследователь не должен следовать принципу «или / или». В данном случае подразумевается выбор между двумя возможными объяснениями конкретного феномена исторического процесса. В то же время не может использоваться слияние теорий без какой-либо обработки – так называемое «механическое сложение», ведь в итоге сам изыскатель ничего действительно стоящего не получит. Как писал сам Н.И. Кареев, он *«старался всегда идти,*

не останавливаясь на чисто отрицательных результатах критики чужих теорий» [5, с. 17].

По мнению ученого, крайне важно сопоставлять «противоположные решения одних и тех же вопросов» для достижения двух основных целей: 1) для критического осмысления различных теоретических воззрений для определения отдельных компонентов истинной картины происходившего; 2) для интеграции полученных сведений для формирования исследовательской позиции.

Он же говорит и об основателе метода – французском философе и социологе А. Фуллье. Именно в его работе 1885 г. «La science sociale contemporaine» («Современные социальные науки») [8] упоминается концилиационный метод. Во введении исследователь писал о том, что «необходимо следовать методу, который включает в себя три основных аспекты: 1) построение одной за другой различных систем, повторяющихся посредством включения в себя одного и того же объекта; 2) из каждой системы исключаются ложные или неполные категории; 3) определяется сходство систем и формируется единая концепция рассматриваемого объекта.

По мнению А. Фуллье, в процессе научного изыскания и применения различных концепций для объяснения рассматриваемого объекта не следует делать скоропостижные выводы об общей картине исследования, исходя только из отдельных положений. В данной ситуации необходим синтез (объединение и примирение) научных положений [9]. Как прогрессивные, так и консервативные научные доктрины могут в той или иной степени происходить из определенной научной области. Реальное примирение этих доктрин – в свободе мысли и суждения исследователя. Таким образом, социолог говорит о либерализме, который является принципом изучения биологического и политического мира. Многие исследователи, по его мнению, игнорируют живой характер общества и относятся к нему как к неодушевленному механизму. Эти люди, которые называют себя по преимуществу людьми порядка, представляя социальный порядок по тому же типу, что и материальный и органический порядок. Метод «примирения» привел Фуллье к возникновению проблемы, столь же интересной для социологии, как и для философии истории, – проблемы общественного сознания.

С одной стороны, мы говорим о единой направленности развития организма, с другой стороны, общественный организм предполагает различные воли, следовательно, множественность индивидуальных сознаний. Фуллье применяет метод к рассмотрению общества, которое воспринимается как существо, имеющее врожденную склонность к развитию, естественным и живым су-

ществом, в котором примиряются и сосуществуют различные черты. Рассматривая развитие общества, необходимо примирить общественные факторы и личностные факторы. Политика в обществе людей, наделенных разумом и волей, должна быть «произведением искусства», чтобы быть производением природы, а договорный общественный организм – это как раз примирение этих двух вещей [8]. И данное утверждение применимо к рассмотрению таких событий, как Французская революция конца XVIII в. И здесь вспоминается следующее высказывание Кареева о роли личности в истории: «Прагматическая сторона истории, можно сказать, есть совокупность отдельных человеческих поступков, относящихся одни к другим, как причины и следствие. Само собой, разумеется, далеко не все человеческие поступки входят в состав прагматической истории, а с другой стороны, те, которые в него входят, имеют в нем далеко не одинаковое значение: во-первых, отдельный поступок принадлежит истории лишь тогда, когда играет ту или иную роль в событии или движении, вызывающем новые прагматические факты, т.е. когда он включен, как хотя бы самое маленькое звено, в длинную цепь причин и следствий прагматического процесса, а не остается от нее в стороне; во-вторых, самая роль, какую в разных событиях и движениях играют отдельные поступки» [6]. Подобная интерпретация Кареева исторического процесса отразилась в представлении революционного процесса во Франции учеником Кареева Захаром через изучение деятельности движения «бешеных».

Позднее – в работе «Будущее экспериментальной метафизики» (1890) – Фуллье конкретизирует характеристику метода. Он выделяет два вопроса, связанных с концилиационным методом: 1) как построить обобщенную систему / концепцию изучаемого объекта; 2) как узнать, насколько осуществленный синтез научных взглядов (их «примирение») соответствует действительности. Речь фактически идет о «примирении» истинных положений различных научных взглядов, а не целиком, включая ошибочные утверждения, что отлично, как обращает внимание Фуллье, от гегелевской концепции «единства противоположностей» [9].

А. Фуллье и его концепция весьма близки Н.И. Карееву и его научной позиции. И А. Фуллье, и Н.И. Карееву приходилось защищать свой исследовательский подход, разделять обычный эклектизм от метода «примирения»: *«Я невольно вспоминаю здесь самозащиту Фуллье, потому что мне самому часто приходилось встречаться и по своему адресу с обвинением в эклектизме за то, что я не становился решительно на сторону какой-либо теории, а старался соединять вместе отдельные элементы раз-*

ных теорий, в том числе, и противоречивых». Для представитель русской исторической школы работа с противоречивыми точками зрения, их изучение и обработка представляют собой двигатель всей исторической науки: «Руководясь исключительно научными соображениями, логикой и фактами <...>, мы из массы того, что высказывалось другими, выбираем и соединяем вместе отдельные мысли, постоянно имея в виду, что они не могут находиться между собою в противоречии, что, наоборот, они должны быть между собою в таком согласии, которое позволяло бы представлять их в стройной системе» [6].

Подобная позиция представляет собой «синтез логически и фактически обоснованных положений, подвергавшихся научной критике и выдержавших это испытание». Ни одна из наук не была создана одномоментно – борьба концепций, теорий и мнений создавала полную картину прошлого. Концилиационный подход стал визитной карточкой «русской исторической школы». В своих исторических построениях представители «русской исторической школы» преподносят именно междисциплинарный, концилиационный подход к интерпретации исторического процесса и величайших событий мировой истории.

Библиография

1. Афанасьева Ю.С. Научная школа Н.И. Кареева по новистике: проблема идентификации // *Ceteris paribus*. 2015. № 4 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-shkola-n-i-kareeva-po-novistike-problema-identifikatsii> (дата обращения: 26.04.2016).
2. Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб., 2018. 448 с.
3. Дунаевский В.А. Советская историография новой истории стран запада 1917–1941. М.: Изд-во «Наука», 1974. 395 с.
4. Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция: автореф. дис. ...д.и.н. СПб., 1992. 32 с.
5. Кареев Н.И. Историка. Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории. 2-е изд. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. VI, 281 с.
6. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. Изд. 2-е, с доб. СПб., 1914. – URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/8537> (дата обращения: 20.11.2019).
7. Ревуненков В.Г. История Французской революции. СПб.: СЗАГС Образование-культура, 2003. 776 с.
8. Fouillée A. *La science sociale contemporaine* (2e édition). Paris, 1885. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k242911.texteImage> (дата обращения: 05.03.2021).
9. Fouillée A. *L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience*. Paris, 1890 // Проект «Internet Archive». – URL: <https://archive.org/details/lavenirdelamtaproofouigoog/page/n127/mode/2up> (дата обращения: 05.03.2021).
10. *La Lutte des Classes sous la première république* by Daniel Guérin. Review by: J.M. Thompson. *The English Historical Review*. 1947. Vol. 62, No. 244, Jul. Published by: Oxford University Press. P. 384-386. – URL: <https://www.jstor.org/stable/i224279> (дата обращения: 20.11.2020).

Золотарев Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Института истории и права, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия.

Кутузова Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и методики преподавания общественно-правовых дисциплин Института истории и права, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; azzazell-x@mail.ru

The conciliation method in research practice of «Russian historical school»

The authors consider the issue related to the problem of preserving the images of teachers in the memory of students, scientific continuity, preserving the scientific heritage and continuing the traditions established during the formation of the young generation of scientists.

Keywords: Russian historical school, N.I. Kareev, conciliation method, scientific synthesis

Zolotarev Vasily Pavlovich, Doctor of History, Professor, the Department of History of Russia and Foreign Countries, Institute of History and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia.

Kutuzova Anastasia Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Department of History and Methods of Teaching Public Law Disciplines of the Institute of History and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia; azzazell-x@mail.ru

УДК 94(47+476)"18/19"(929)

Шимукович С.Ф.

Научные интересы профессоров-историков, уроженцев Западного края в XIX – начале XX века

В статье анализируется вклад в историческую науку уроженцев белорусских земель. Выявлены востребованные направления научных интересов, условия, влияющие на характер научных предпочтений историков. Прослеживается связь с изучением истории белорусских земель. Отслеживается степень участия профессиональных историков в формировании концепции белорусской национальной истории.

Ключевые слова: Виленская историческая школа; романтизм; историческая наука; западноруссизм; белорусский исторический миф; белорусская историография; история науки

Разработка концепции «историчности» нации является важной составляющей процесса нациестроительства, обретения национальной субъектности. История каждой нации пишется, как правило, «своими» историками, в идеале – профессиональными исследователями, учеными, которые владеют методами научного анализа

и технологиями работы с источниками. Формально в этом состоит участие интеллектуальной элиты в процессе разработки и продвижения национального проекта, ведущего к рождению нации и ее утверждению среди других таких же наций. В ходе оформления современного проекта белорусской нации роль «своих» интеллектуальных элит требует пристального изучения, поскольку степень участия профессиональных историков, уроженцев белорусских земель, в создание концепции историчности белорусской нации было недостаточно выражено, что существенно отличает белорусский национальный проект от украинского.

К началу XIX в. история оформляется в самостоятельную область научного знания, становится университетской дисциплиной, а эпоха романтизма формирует интерес к историческому прошлому государств и народов. Центром развития исторической науки на белорусских землях в начале столетия становится Виленский университет, образованный в 1803 г. на базе Главной литовской школы. В университете за годы его существования сложилась самобытная и интересная историческая школа, которая была тесно связана с европейскими тенденциями развития исторической мысли, должна была учитывать как польские патриотические цели попечителя А. Чарторыйского, так и интересы российского правительства, а также романтический интерес общества к истории края. Виленский университет стал центром сосредоточения интеллектуальных элит региона, уже к 1820-м гг. подавляющая часть профессуры в нем, в том числе и историки, были местными уроженцами.

Заложил основы исторической школы в Виленском университете Фома Гуссаржевский [13, s. 157], который преподавал историю в Главной литовской школе и университете до 1805 г., его учеником считал себя, пожалуй, самый авторитетный профессор Виленского университета И. Лелевель [5, с. 646]. Лелевель еще в студенческие годы пришел к пониманию важности точного понимания исторического источника, его критического анализа, особенно в рамках создания концепции национальной истории, которую он в большей степени понимал как историю социальных отношений, уходя от узкого понимания истории как развития политических институтов.

В России в это время завоевала безраздельное господство «риторико-моралистская» концепция истории Н.М. Карамзина, нашедшая отражение в его главном труде – «История государства Российского» [10, с. 389]. По инициативе Ф.В. Булгарина и О.И. Сенковского главный российский исторический (и идеологический) труд был подвергнут критическому разбору со стороны И. Лелевеля, который отмечал избирательное отношение автора к источникам, не

корректную их интерпретацию с целью подтвердить свои домыслы и многие другие методологические и фактические недостатки работы, свойственные не столько ученому, а больше романтическому писателю [5, с. 649-654].

И. Лелевель считается основоположником романтической исторической школы в польской историографии, но в Виленском университете работали профессора, которые заложили основы изучения истории белорусских земель (историческая Литва) отдельно от польской истории. Эти региональные тенденции четко прослеживаются в исследованиях профессоров университета И.Н. Даниловича, М.К. Бобровского, О.Б. Ярошевича, И.З. Онацевича и др. Они сформировали ярко выраженную литвинскую (ее можно рассматривать как раннебелорусскую) концепцию истории края и продвигали ее среди студентов университета. Самым популярным предметом изучения историков и юристов стал Статут 1588 г., его анализом занимались А.К. Повстанский, А.Б. Йохер, О.Б. Ярошевич, П.В. Кукольник [13, S. 172-174, 232-233, 179, 355-356], но наибольший вклад в изучение этого важнейшего исторического источника внес И.Н. Данилович, историк права.

Он обозначил приоритет кириллического издания 1588 г., отметил, что последующие польскоязычные версии Статута содержали существенные ошибки и изъятия из текста, ограничивавшие суверенитет ВКЛ [2, с. 154-155]. С Даниловичем в изучении древних славянских памятников письменности тесно сотрудничал профессор богословия М.К. Бобровский (он первый изучил и описал Супрасльскую летопись), вместе они привлекали к исследованиям студентов университета. Бобровский, будучи духовным лицом униатской церкви, активно противодействовал ее латинизации, был сторонником греко-восточного обряда, сохранение которого обосновывал на исторических примерах, чем вызывал острую вражду со стороны монахов-базилиан [3, с. 59-62].

В этой связи представляет интерес свидетельство одного из учеников И.Н. Даниловича, профессора М.Ф. Владимирского-Буданова о формате идентичности его учителя, он отмечал, что вопреки устоявшемуся мнению, она была вовсе не польской: «...он был патриот-литвин, гражданин государства, давно исчезнувшего, служивший призраку XV и XVI веков. Он считал польский язык своим родным только потому, что, научившись ему в школе, узнал, что этот язык был общеупотребительным в Литве раньше современного великорусского. <...> он желал бы восстановить к жизни язык статута 1588 г. <...> С этой точки зрения Москва и Польша были для него

одинаково чужды и одинаково близки, как нации соседние и родственные» [2, с. 169]. Примерно схожие идентичности демонстрировали университетские историки И.С. Онацевич и О.Б. Ярошевич, которые плотно занимались вопросами истории земель бывшего Великого княжества Литовского, собирали и изучали источники, готовили научные публикации по истории ВКЛ, при этом наиболее значимые результаты своих исследований ими были опубликованы либо подготовлены уже после закрытия университета [13, S. 173-174; 7, т. 12, с. 262-264].

Интересен тот факт, что историческими исследованиями занимались также профессора «непрофильных» факультетов, в частности, медики. Так, профессор медицины и ветеринарии А.Ф. Адамович опубликовал в 1856 г. работу, посвященную истории аугсбургского костела в Вильно, а его коллега М.Л. Гомолицкий в 1840–1860 гг. опубликовал несколько работ, посвященных истории Вильно и его культовых построек, он же активно сотрудничал с местным историком А.Г. Киркором [13, S. 5, 153].

Представление о характере распространяемых в Виленском университете исторических знаний можно получить, основываясь на том, как оценивали историю края его выпускники в своих научных трудах, художественных произведениях, мемуарах. Так, в творчестве филоматов, особенно Т. Зана и А. Мицкевича, очевидно, проявляется их «литвинский» патриотизм. Важное значение имело издание Т. Нарбутом «Древней истории литовского народа» [1, с. 37-38]. В развернутой рецензии на исследование А. Коцебу, посвященное истории ВКЛ XIV–XV вв., О.И. Сенковский, профессор Петербургского университета, также выступал с позиции, близких к «литвинскому» патриотизму, но с резко антипольских позиций – он обвинил Польшу в уничтожении государственности исторической Литвы как неотделимой части евразийского цивилизационного пространства [8, с. 37-68].

В этой рецензии О.И. Сенковский, как ранее И. Лелевель, критиковал Н.М. Карамзина, он писал, что современные историки, которые занимаются историей Российского государства и русского народа «...в отношении к Литве не ясно понимали историю и того, и другого». Далее он поясняет: «...с отделением Литвы от истории собственной России, русский народ исчезает из виду логически, и для писателя остается только история правления восточного союза русских княжеств, государственная история России, как ее понимал Карамзин» [8, с. 45-46]. По мнению ученого, эта установка ограничивает возможности исследователей в понимании сути исторического процесса и оценке современного состо-

нения западных губерний. На нескольких страницах рецензии ученый доказывал, что историческая Литва – это такое же русское государство, часть большой политической системы, совершенно чуждой Европе, которая сложилась к XV в. из Литвы, Московского государства и монархии наследников Чингисхана, – здесь ученый предваряет положения возникшего позднее цивилизационного подхода и концепции евразийства [8].

Эта рецензия, посвященная истории восточнославянских народов, построенная на критике положений Н.М. Карамзина, мало известна специалистам, хотя как ориенталист О.И. Сенковский получил широкую известность. Отметим, что ориентализм был популярным и востребованным (и, вероятно, безопасным) направлением исследований в России в XIX в., кроме Сенковского весьма успешно исследованиями народов Востока в 1830–1860 гг. занимались выпускники Виленского университета О.М. Ковалевский в Казани и А.О. Мухлинский в Петербурге (последний посвятил несколько работ истории «литовских татар» [7, т. 9, с. 28-29; 9]).

Виленский университет был закрыт в 1832 г., но его влияние на региональные исторические исследования еще ощущалось некоторое время после его закрытия в деятельности части бывших его профессоров, как оставшихся в Западном крае, так и переехавших в другие регионы империи, а также в деятельности некоторых его выпускников, в том числе ставших профессорами российских университетов. Таким образом, «виленский период» развития исторической науки был связан прежде всего с разработкой проблем региональной истории белорусских земель, характеризовался опорой на местные кадры.

С утратой в XIX в. собственной научно-образовательной инфраструктуры в регионе продолжили работать исследователи, которых можно отнести к польскому, литвинскому, западнорусскому направлениям, они занимались изучением истории, культуры, этнографии, археологией белорусского региона (Е. и К. Тышкевичи, Т. Нарбут, А.Г. Кирков, А. Чарноцкий, И.И. Григорович, Д.И. Довгялло, К.А. Говорский, Г.Я. Киприанович, А.О. Турцевич, Ю.Ф. Крачковский, Н.И. Горбачевский и др.). Однако степень результативности их деятельности, методическое совершенство исследований, доступ к эффективным каналам социальной коммуникации и возможности трансляции полученных результатов не шли в сравнение с возможностями, которые предоставляли университеты «институционализированным» профессиональным исследователям.

Во второй половине XIX в. возможности построить научную карьеру предоставляли российские университеты и научные учреждения, которые располагались за пределами литовско-белорусских гу-

берний, и значительное число уроженцев белорусских земель включились в состав российской профессорской корпорации. Негативное влияние этой ситуации на развитие белорусской историографии отметил Р. Линднер, он указал, что университеты на украинских землях «...стали организационной средой национальных патриотов. <...> университет св. Владимира в Киеве можно считать местом столкновения прорусской образовательной политики и украинского научного национализма», но белорусская историография и историческое мышление преимущественно развивались за пределами края, в университетах европейской части Российской империи [6, с. 67-69]. В этой связи участие историков в сопровождении белорусского национального проекта было минимальным.

1840–1850-е гг., которые можно охарактеризовать как переходный период между увяданием виленской школы и развитием российских исторических школ, не богаты на ярких историков из белорусских земель. Здесь стоит отметить М.С. Куторгу, который на рубеже 1840–1850-х гг. стоял у истоков Петербургской исторической школы, где было положено начало критическому методу исследований [10, с. 421]. Областью интересов М.С. Куторги была античная история, впрочем, как и у менее известного историка В.Н. Юргевича [12, т. XLI, с. 409-410]. В Киеве преждевременно закончилась карьера гомельчанина В.Ф. Домбровского (1810–1845), разрабатывавшего вопросы российской истории [2, с. 182-186], а в Петербурге начиналась яркая карьера историка церкви М.О. Кояловича [7, т. 9, с. 395-397]. В это время российская историческая наука преодолевает господство риторико-моралистской концепции, происходит разделение интеллектуалов на западников и славянофилов, которые пытаются выстраивать общие схемы русской истории, формируя историко-юридические или государственнические школы [10, с. 387, 389, 393].

Во второй половине XIX – начале XX в. растет число историков – уроженцев белорусских земель в российских университетах, среди ученых есть ориенталисты (арабисты В.Ф. Гиргас и И.Ю. Крачковский, семитологи С.М. Дубнов и Д. Хвольсон, монголовед В.Л. Котвич, египтолог Б.А. Тураев), разные проблемы европейской истории изучали В.М. Михайловский, Л.Ю. Лазаревич-Шепелевич, П.С. Коган, В.Н. Бенешевич, В.В. Новодворский. Сферы их научных интересов часто были достаточно далеки от белорусской проблематики, в отличие от предмета изучения ученых-славистов (А.С. Будилович, Е.Ф. Карский, С.П. Микуцкий, И.П. Филевич, В.В. Качановский, В.В. Макушев, А.Л. Погодин) и особенно историков, специализировавшихся в русской истории (В.М. Грибовский, Е.Е. За-

мысловский, И.И. Лаппо, В.И. Семевский, Е.Ф. Шмурло, М.В. Довнар-Запольский), а также занимавшихся историей русской церкви (П.Н. Жукович, В.З. Завитневич, С.Г. Рункевич, К.В. Харлампович).

Эти ученые принадлежали к конкурирующим «территориальным» (московской, питерской, киевской) и методологическим научным школам, разделяли очень разные политические взгляды. Их научные изыскания выполнялись в рамках методологических направлений, которые оформлялись во взаимодействии с европейской исторической наукой. В 1860-х гг. оформился эмпирически-эволюционный позитивизм, в рамках которого работали Е.Е. Замысловский, Е.Ф. Шмурло, И.П. Филевич, затем его сменил позитивизм социологический (И.И. Лаппо, М.В. Довнар-Запольский, В.И. Семевский), в 1880–1890 гг. развивается культурно-историческое направление изучения духовной истории русского общества [10, с. 384-431].

В это время усиливается интерес и к белорусским землям на западе империи. Выпускник Петербургского университета И.И. Лаппо магистерскую диссертацию (1901) выполняет по истории ВКЛ, и далее специализируется на истории княжества [9]. Еще ранее центром изучения ВКЛ становится университет Св. Владимира в Киеве, где в 1860–1870 гг. формируется украинофильская историческая школа В.Б. Антоновича, а также школы изучения западно-русского права Ф.И. Леонтовича и М.Ф. Владимирского-Буданова. В начале XX в. ученик Антоновича М.В. Довнар-Запольский сформировал свою школу изучения истории Беларуси и Литвы в XVI–XVII вв. Её методологической основой станет экономический материализм, но среди учеников (А.М. Гневушев, М.А. Максимович, П.П. Смирнов) не было ни одного белоруса [10, с. 387-388].

Показательно, что первый обобщенный очерк истории Беларуси, в котором край рассматривается как самостоятельный субъект истории, где представлена периодизация исторических форм белорусской государственности, появился достаточно поздно. Очерк подготовил и издал в 1910 г. деятель белорусского национального движения В.У. Ластовский [4], который не только не являлся профессиональным историком, но и не имел высшего образования. Очерк носил популярный характер, но он выполнял важную задачу: для рядового обывателя он формировал насыщенное яркими образами представление о том, кто такие белорусы (и есть ли такая нация), откуда они появились, как белорусы выглядят на фоне своих соседей, кто виноват в бедах и что надо делать.

В то же время из российских историков, участвовавших в продвижении белорусского проекта, кроме М.В. Довнар-Запольского, особо стоит отметить А.Л. Погодина, который родился в Витебске в русской семье. Этот ученый в рамках исследований в области славистики и национальной политики обозначил в начале XX в. для научного мира существование «белорусского вопроса». Его научная и общественная деятельность способствовала выводу белорусского национального дискурса из узко-региональных рамок на широкий общероссийский простор [11].

Таким образом, в первой половине XIX в. под влиянием романтизма возник интерес к истории края и в Виленском университете сформировался подход изучения истории белорусских земель отдельно от польской истории. Однако ликвидация университета привела к размыванию интеллектуального ресурса, во второй половине XIX – начале XX в. единицы ученых историков – уроженцев белорусского региона разрабатывают региональную проблематику, они в значительной степени представляют собой «потерянный ресурс» для национального белорусского проекта.

Библиография

1. Белозорович В.А. Развитие исторической науки Беларуси в первой половине XIX века // Современная научная мысль. 2014. № 6. С. 35-49.
2. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета Св. Владимира (1834–1884) / под ред. проф. В.С. Иконникова. Киев: Тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1884. 803 с.
3. Бобровский П.О. Михаил Кириллович Бобровский (1785–1848): ученый славист-ориенталист. С портр., автографами, собственноручными списками и снимками древнейших слав. рукописей и факсимиле почерка знаменитой Супрасльской рукописи: Ист.-биогр. очерк П.О. Бобровского. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1889. 136 с.
4. Власт [Ластоўскі В.У.] Кароткая гісторыя Беларусі: з 40 рысункамі. Вільня: Друк. М. Кухты, 1910. 119 с.
5. Иоахим Лелевель как критик «Истории Государства Российского» соч. Н.М. Карамзина. Переписка с Ф.В. Булгариным, 1822–1830 гг. / перевод и примеч. С.Л. Пташицкого // Русская старина. 1878. Т. XXII, вып. 5–8. С. 633-656.
6. Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст. / пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіча. 2-е выд. СПб.: Неўскі прасцяг, 2005. 540 с.
7. Русский биографический словарь: В 25 т. СПб.; М., 1896–1918.
8. Сенковский О. Литва, Свитригайло и Коцебу (по поводу книги Свитригайло великий князь литовский, сочинение Августа Коцебу, 1835) // Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса): С портр. и жизнеописанием авт. В 9 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858–1859. Т. 6: История. Древности. Этнография. 1859. С. 37-68.
9. Словарь историков Санкт-Петербургского университета (XVIII–XX вв.) // Биографика СПбГУ [Электронный ресурс] / Санкт-Петерб. госуд. ун-т. СПб., 2012-2022. – URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/> (дата обращения: 25.03.2022).
10. Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты / 2-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига, 2019. 454 с.

11. Шимукевич С.Ф. Профессор А.Л. Погодин и белорусское национальное движение в начале XX века // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XXI стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы: матэрыялы Рэсп. навук. канф. (Гомель, 14 кастрыч. 2021 г.) / рэдкал.: А.Р. Яшчанка (гал. рэд.) [і інш.]; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2021. С. 223-227.

12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

13. Janowski Ludwik. Słownik bio-bibliograficzny dawnego Uniwersytetu Wileńskiego / wydany pod kier. R. Mienickiego przy współudziale M. Burbianki i B. Zwolskiego. Wilno: nakł. TPN: skl. gl. w Księgarni Św. Wojciecha, 1939. XI, 527, [1] s.

Шимукевич Сергей Фадеевич, кандидат исторических наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь; 28.05.74@mail.ru

Scientific interests of professors-historians, natives of the Western Region in the 19th – early 20th century

The article analyzes the contribution of the natives of the Belarusian lands to historical science. The sought-after areas of scientific interests and conditions affecting the nature of historians' scientific preferences are revealed. There is a connection with the study of the history of the Belarusian lands. The degree of participation of professional historians in the formation of the concept of Belarusian national history is monitored.

Keywords: Vilna Historical School; Romanticism; historical science; Western Russianism; Belarusian historical myth; Belarusian historiography; history of science

Shymukovich Sergei Fadeevich, Candidate of History, Associate Professor, Minsk, Belarus; 28.05.74@mail.ru

УДК 930.1

Румянцева М.Ф.

Интерпретация vs критика исторического источника в пропедевтиках рубежа XIX – XX вв. как маркер перехода от классической к неклассической модели науки

В контексте понимания методологического кризиса рубежа XIX–XX вв. как перехода от классической к неклассической и неоклассической моделям науки и смены в историческом познании словаря описания и объяснения на словарь интерпретации (терминология Ф.Р. Анкерсмита) анализируется трансформация соотношения критики исторического источника и исторической интерпретации в классических пропедевтиках рубежа XIX–XX вв. (И.Г. Дройзена, Э. Бернгейма, Ш.-В. Лангла и Ш. Сеньобоса, А.С. Лаппо-Данилевского). Смещение источниковедческого анализа от критики к интерпретации расценивается как маркер парадигмального перехода. Высказывается предположение, что трактовка Лаппо-Данилевским интерпретации как общезначимого научного понимания исторического источника не вполне укладывается в неклассическую модель науки / словарь интерпретации, но создает основу неоклассической феноменологической концепции источниковедения.

Ключевые слова: исторический источник, источниковедческий анализ, историческая интерпретация, критика исторического источника, методологический кризис, классическая модель науки, неклассическая модель науки, неоклассическая модель науки, словарь описания и объяснения, словарь интерпретации

На рубеже XX–XXI вв. можно констатировать очередной эпистемологический кризис в исторической науке, обусловленный ощущением несостоятельности, в том числе и этической, постмодерна как парадигмы научного познания и проявляющийся, на мой взгляд, в первую очередь в актуализации неоклассической модели науки [см., напр., 6, с. 3–28, 250–331]. Видя в методологических кризисах по преимуществу переход от одной модели науки к другой, предлагаю рассмотреть один из аспектов такого перехода рубежа XIX–XX вв. – от классической модели науки к неклассической / неоклассической, проявившегося, в числе прочего, и в трансформации структуры источниковедческого анализа – базовой для методологии истории процедуры.

Объектом рассмотрения являются пропедевтики рубежа XIX–XX вв.: «Энциклопедия и методология истории» (лекционный курс «историки» – теории исторического знания, 1857, опубликован впервые в 1936) и «Очерк историки» (1858, 1862, 1867, 1875, 1881) И.Г. Дройзена (1808–1884) [3], «Учебник исторического метода и философии истории» (1889) и его сокращенный вариант «Введение в историческую науку» (1907) Э. Бернгейма (1850–1942) [2], «Введение в изучение истории» (1898) Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобоса (1854–1942) [4], пособие к лекциям, прочитанным студентам Санкт-Петербургского университета в 1909/1910 и 1910/1911 уч. годах «Методология истории» (1910–1913) А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) [5]. Попытаемся посмотреть на эти классические труды с нового ракурса, а именно в аспекте маркеров парадигмальных трансформаций. Очевидно, что Лекции И.Г. Дройзена выходят за хронологические рамки темы, но их влияние на становление метода работы с историческим источником, развернутого в полной мере в пропедевтиках рубежа веков, несомненно. Под общим понятием *пропедевтика* в данной работе я объединяю учебники, учебные пособия / пособия к лекционным курсам. С точки зрения источниковедения историографии [7, с. 209] это, вероятно, может быть признано не совсем корректным (каждый вид / разновидность историографического источника требует отдельного рассмотрения своей видовой природы), но в данном случае я позволила себе объединить их под понятием *пропедевтика* (возможно, не совсем точным), поскольку пропедевтика предполагает **системное** изложение **основ науки**, что мы и видим в вышена-

званных трудах и что релевантно поставленной задаче: именно системность данных учебных пособий позволяет корректно рассмотреть соотношение в них двух базовых исследовательских процедур – *критики исторического источника*, остающейся в обозначенных хронологических границах весьма устойчивой, и *интерпретации*, объект, цель и место которой в структуре источниковедческого анализа как раз и трансформируются.

Критика исторического источника – понятие классической модели исторической науки (XVIII–XIX вв.), когда в качестве цели изучения исторического источника выступало определение его достоверности, понимаемой как соответствие его информации т.н. «объективной реальности прошлого», и «извлечение» из него достоверных фактов, рассматривавшихся как «неделимые» инвариантные устойчивые составляющие исторического построения [7, с. 242]. Подчеркнем, что критика исторического источника в таком понимании (свойственном XIX веку, но сохранившемся в сознании некоторых историков и в начале XXI в.) – маркер именно *классической модели науки*, атрибут *словаря описания и объяснения* (если использовать терминологию Ф.Р. Анкерсмита [1, с. 213-258]).

Понимание критики исторического материала И.Г. Дройзеню восходит к методу филологической критики, разработавшемуся с 1810-х гг. в Берлинском университете Б.Г. Нибуром (1776–1831) и А. Бёком (1785–1867), а затем и Л. фон Ранке (1795–1886). Развивая это направление, Дройзен видит задачи исторической критики в определении подлинности, разделении более раннего и более позднего в тексте источника (на чем акцентировали внимание его предшественники) и, собственно, в критике исторического источника – установлении достоверности его информации. Результатом исторической критики, включая критику исторического источника, по Дройзену, является получение проверенного материала для дальнейшего исследования – исторической интерпретации [3, с. 156-229, 471-474]. Подробно Дройзен разрабатывает и учение об интерпретации: «Сущность интерпретации – увидеть в былых происшествиях реальности во всей полноте их условий, которые требовали своей реализации в действительности» [3, с. 475]. Дройзен выделяет *прагматическую интерпретацию* – реконструкцию картины исторических событий на основе проверенного в процессе критики исторического источника материала, *интерпретацию условий* – выяснение исторического контекста установленных в процессе исследования фактов, *психологическую интерпретацию* – выявление волевых актов, породивших исследуемую

ситуацию, и *интерпретацию по нравственным началам, или идеям*, – объяснение нравственных оснований волевых актов [3, с. 234-287, 474-479]. Таким образом, Дройзен позиционирует процедуры интерпретации **в области исторического построения**.

Э. Бернгейм более четко структурировал процедуры критики исторического источника, разделил критику на *внешнюю* и *внутреннюю*. «Обязанностью критики, – утверждает немецкий методолог, – является решать о подлинности имеющихся в нашем распоряжении показаний источников и вытекающих из них данных» [2, с. 50]. Задача внешней критики – «отсортировать источники и исследовать, можно ли вообще признать их за доказательство и в какой степени, и затем подвергнуть их дальнейшей оценке» [2, с. 50]. Внутренняя критика «...должна определить внутреннюю ценность, доказательную силу свидетельств, проверить и сравнить их между собою <...>. Она должна, наконец, расположить собранный материал по времени и месту» [2, с. 50]. Мы видим, что у Бернгейма историческая критика, направленная преимущественно на установление достоверности информации исторического источника, вторгается отчасти и в область исторического построения.

Несомненной заслугой Бернгейма является выделение в качестве самостоятельной процедуры интерпретации, нацеленной на понимание исторического источника, порожденного иной культурой. Методолог пишет: «Нам необходимо только обладать нужными познаниями, чтобы свести к привычным для нас основным элементам различные формы выражения. Это в одинаковой степени относится и к миру восприятий и представлений, как и к миру мышления. <...> отсюда возникает вторая великая задача исследования – интерпретация (истолкование)» [2, с. 34]. Недооценку этого аспекта Бернгейм расценивает как изъян предшествующей методологии истории: «Первоисточники оценивали, не объясняя их своеобразными общими условиями источников каждой эпохи. Не умели видеть в других памятниках продукта иной народной культуры и воспользоваться ими для ознакомления с этой культурой» [2, с. 34]. И отмечает: «Интерпретация, т.е. истолкование показаний источников в смысле более тесной или широкой связи, в которой они стоят, стала <...> только недавно предметом сознательной методологической разработки...» [2, с. 59].

Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос также делили историческую критику на *внешнюю* (подготовительную), куда входит и критика происхождения, и *внутреннюю*, предполагающую как критику истолкования (герменевтику), так и критику достоверности. При этом

авторы обращают внимание на то, что *внешняя критика* хорошо разработана и прочно вошла в инструментарий историков: «На основании опыта, добытого многими поколениями эрудитов, удалось создать надлежащий метод для очищения и восстановления подлинных текстов документов. В настоящее время ни одна часть исторической методологии не обоснована так солидно и не пользуется такой известностью, как эта. Она ясно изложена во многих популярных работах по филологии» [4, с. 90-91]. А вот *внутренней критикой*, по мнению французских историков, многие их коллеги «...занимаются только по необходимости и стараются довести ее до минимума. <...> Даже историки, работающие по всем правилам метода, имеют естественную склонность читать текст документа с единственной заботой найти в нем непосредственно нужные сведения, не задаваясь мыслью представить себе с точностью, что имелось в уме у автора» [4, с. 145].

Существенно новый подход к соотношению *критики исторического источника* и *интерпретации* демонстрирует А.С. Лаппо-Данилевский, который, вслед за Бернгеймом, обращает внимание на неразработанность учения об интерпретации: «Общее учение об исторической интерпретации источников, несмотря на свое значение, долгое время оставалось без систематической обработки: оно применялось только в конкретных случаях, при столкновении данного рода источников. <...> учение об исторической интерпретации долго не получало достаточно самостоятельного значения и часто поглощалось критикой или даже входило в состав методологии исторического построения» [5, т. 2, с. 62-63]. Лаппо-Данилевский дает жесткое определение: «Интерпретация состоит в общезначимом научном понимании исторического источника» [5, т. 2, с. 65]; тщательно разрабатывает методы интерпретации – психологический (его он ставит на первое место), технический, типизирующий и индивидуализирующий [5, т. 2, с. 70-155]. Но главное – в методологии источниковедения Лаппо-Данилевского **интерпретация впервые предшествует критике исторического источника**, что, на мой взгляд, маркирует переход от *словаря описания и объяснения* к *словарю интерпретации* (терминология Ф.Р. Анкерсмита).

Вывод. В ходе методологического кризиса рубежа XIX–XX вв. переход от классической модели науки к неклассической конкретизируется в исторической науке как переход от словаря описания и объяснения к словарю интерпретации, что наиболее последовательно проявляется в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского. Однако трактовка А.С. Лаппо-Данилевским интерпретации как общезначимого научного понимания исторического ис-

точника не вполне укладывается в неклассическую модель науки / словарь интерпретации, но создает основу неоклассической феноменологической концепции источниковедения.

Библиография

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Бернгейм Э. Введение в историческую науку. 2-е изд. М.: URSS, 2011. 72 с.
3. Дройзен И.Г. Историка. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. 583 с.
4. Ланглуа Ш-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. 2-е изд. М.: Гос. публичная историческая б-ка России. М., 2004. 305 с.
5. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1–2.
6. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. 339 с.
7. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.

Румянцева Марина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук, факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; mf-r@yandex.ru

Interpretation vs Critique of a Historical Source in Propaedeutics of the Turn of the 19-20 Centuries as a Marker of the Transition from the Classical to the Non-classical Model of Science

In the context of understanding the methodological crisis of the turn of the 19-20 centuries as a transition from classical to non-classical and neoclassical models of science and the change the dictionary of historical cognition from the dictionary of description and explanation to the dictionary of interpretation (F.R. Ankersmith's terminology), the transformation of the correlation of criticism of the historical source and historical interpretation in classical propaedeutics of the turn of the 19-20 centuries is analyzed: I.G. Droysen, E. Bernheim, Sh.-V. Langlois and Sh. Senobos, A.S. Lappo-Danilevsky. The shift of the source study from critique of historical source to interpretation is regarded as a marker of the paradigm shift. It is suggested that Lappo-Danilevsky's understanding of interpretation as a generally valid scientific understanding of a historical source does not quite fit into the non-classical model of science / dictionary of interpretation, but forms the basis of the neoclassical phenomenological concept of source studies.

Keywords: historical source, analysis of historical source, historical interpretation, critique of historical source, methodological crisis, classical model of science, non-classical model of science, neoclassical model of science, dictionary of description and explanation, dictionary of interpretation

Rumyantseva Marina Fedorovna, Candidate of History, Associate Professor, School of history, Faculty of Humanities, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia; mf-r@yandex.ru

Алеврас Н.Н.

**А.И. Андреев как ученый: особенности
источниковедческой модели исследования истории
Сибири в докторской диссертации¹**

*«Его работы поражают своей
фундаментальностью... и строго
источниковедческим подходом...»*

А.А. Зимин [5, с. 65]

Автор предлагает версию понимания источниковедческого почерка выдающегося ученого-историка, положившего начало изучению освоения Большой Сибири в XVII – первой половине XVIII вв. В поле научных интересов и исследовательских процедур Андреева оказались история деятельности ученых людей, изучавших восточную периферию России, и совокупный информационный ресурс, ими созданный. В силу этого жанровое своеобразие труда историка заключается в реализации как источниковедческого, так и историографического подходов.

Ключевые слова: А.И. Андреев, история Сибири, источниковедение, история науки

Творческий и жизненный путь Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959), известного ученика А.С. Лаппо-Данилевского, пришелся на драматический период политического и социокультурного перехода, пережитого поколением, к которому он принадлежал. Выходец из «низов», он сумел, благодаря своим талантам и целеустремленности, получить университетское образование и стать одним из выдающихся профессионалов-историков источниковедческой квалификации. Опыт источниковедчески ориентированной научной деятельности историка закладывался в первом десятилетии XX в. в виде участия в известном кружке по дипломатике, руководимом А.С. Лаппо-Данилевским, а также посредством включения его в состав Постоянной исторической комиссии Академии наук (1913) [4, с. 357] и приобщения к археографической подготовке издания сборников актовых документов. В этом же году он вошел в группу студентов, оказывавших помощь американскому историку и архивисту Ф.А. Голдеру (1877–1929) по поиску материалов в российских архивах. На созданную в результате этой работы книгу Голдера об истории Камчатской экспедиции В.И. Беринга [6], Андреев будет не раз ссылаться в докторской диссертации.

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ. Проект 22-28-00557: «Диссертационная культура научного сообщества советских историков 1920–1950-х гг.: адаптация дореволюционного опыта и поиски новой модели подготовки ученых».

Этот давний опыт Андреева приобрел для него актуальность в 1930-е годы, когда, оказавшись в ссылке (1931–1935), он прилагает первые усилия для разработки темы об истории научного освоения Сибири и создания представителями академической среды картографии этого региона в целях исследования его ресурсных возможностей. Обозначая этот блок материалов как «географические источники» и продолжая их изучение во второй половине 1930-х гг., сопровождавшееся повышенной публикационной активностью ученого, Андреев создал основу для защиты докторской диссертации.

В 1939 г. историк опубликовал в виде монографии 1 часть диссертации по XVII в. [1] Исследовательский материал по первой половине XVIII в. (2 часть) был им представлен в машинописной версии. Защита проходила в Институте истории АН в Москве 4 октября 1940 г. Впоследствии обе части диссертации будут автором дополнены и переработаны, но их переиздание состоится уже после смерти Андреева [2; 3].

Источниковедческая по характеру заявленной темы диссертация А.И. Андреева требует специального погружения в понимание смысла ее названия и некоторой «расшифровки» авторской позиции относительно замысла и источниковедческих задач предложенного научного проекта. Докторский труд Андреева был обращен к нескольким аспектам: не разработанный в то время конкретной истории освоения Сибири в контексте географических открытий XVII–XVIII вв. и являлся одновременно темой, абсолютно не изученной с источниковедческой точки зрения. Следует понять специфику его источниковедческого подхода, закодированного в словосочетании названия «Очерки источниковедения Сибири». В современных практиках источниковедческих исследований подобная лексическая конструкция не практикуется [5].

Содержание диссертации при ее изучении предстает в виде сложной структуры, при помощи которой автор одновременно должен был решать систему задач. Но в небольшом предисловии изданной первой части диссертации он обосновывал свой подход весьма лаконично, отметив необходимость «полного учета исторических источников, необходимых для составления истории народов [Сибири]» в изучаемый им период, «которыми до 1917 г. почти совсем не занимались» [1, с. 3-4].

В этой позиции просматривается известный опыт археографических занятий историка, связанных с созданием картотек актовых источников и подготовкой их текстов к изданию. Заметим, что в его диссертации нет каких-либо специальных вводных пассажей относительно обоснования методологии источниковедения или

обобщения особенностей основного комплекса источников, составившего базис его работы. Он шел своим путем, раскрывая сам процесс создания современниками произведений (в частности, картографических материалов), позволявших им изучать и осваивать Сибирь.

Главным, но далеко не единственным героем первой части диссертации стал С.У. Ремезов. На сегодняшний день созданный Андреевым исторический портрет этого незаурядного деятеля является, пожалуй, лучшим историко-научным памятником созидательному первопроходцу сибирской истории. Исследованный историком первый опыт разработки профессионально составленных географических карт Сибири, несомненно, открыл науке совершенно новый пласт российской интеллектуальной культуры XVII в.

Центром внимания второй части диссертации стала документальная коллекция по истории Камчатских экспедиций, отложившаяся в архивохранилищах Москвы и Ленинграда. С середины 1930-х гг. совокупность документальных материалов он исследовал с позиций истории создания источникового комплекса, структуры его содержания и персонализации вклада конкретных ученых в изучение Сибири с учетом различных аспектов их научных интересов. Предметом изучения историка явилась деятельность когорты выдающихся участников академических экспедиций Петербургской академии наук, отдельные очерки о которых им публиковались еще до защиты диссертации.

Важнейшим итогом их работы он считал разработку географических карт, история создания и анализ содержания которых тщательнейшим образом была им рассмотрена в диссертации. Особое к ним внимание определялось целями экспедиций и повышенной их ценностью в условиях освоения восточной периферии страны. Следует подчеркнуть, что авторский охват созданного учеными-академиками информационного ресурса научных экспедиций весьма широк. В пространстве наблюдений историка находились не только основные результаты экспедиционных штудий в виде отчетной и картографической документации, но и произведения личного происхождения: персональной и экспедиционной переписки, путевых и дневниковых заметок, а также материалов, связанных с результатами сбора разнообразных вещественных коллекций и визуальных источников.

Герои исследования интересовали его не только как люди, принимавшие те или иные решения в сложных экспедиционных условиях и создававшие актуальные произведения, определившие их значение как источников. Он учитывал и их личностные качества, лаконично фиксируя психологические особенности, специ-

фику персональных судеб и житейских обстоятельств, что немало важно для понимания социокультурного климата и межличностных коммуникаций, формировавшихся в среде участников академических экспедиций.

Изучая во второй части диссертации представительную галерею исследовавших Сибирь ученых, центром внимания историка явилась личность и деятельность Г.Ф. Миллера. Его он представил в контексте деятельности внушительной когорты его коллег из Академии наук – С.П. Крашенинникова, Г.В. Стеллера, И.Г. Гмелина, И.Э. Фишера, Я.И. Линденау и др., рассмотренных в сложном переплетении их профессиональных и межличностных отношений. Общие и персональные результаты научного освоения и изучения ими Сибирского региона предстают в виде целенаправленно созданных интеллектуальных продуктов их научно-исследовательской практики. Сформированный ими совокупный информационный ресурс лег в основу «источниковедения Сибири» Андреева. Обращаясь к творческой деятельности академической среды, он исследовал историю освоения сибирской *terra incognita* доступными в XVIII веке научными и техническими средствами и, одновременно, последовательно интерпретировал и раскрывал научное значение поражающей по объему и видовому разнообразию созданных «академиками» интеллектуальных произведений-источников. Это позволило Андрееву представить необыкновенно динамичную, антропологически ориентированную, сложную по структуре информационную картину научного освоения восточной российской периферии. Фактически, он предложил оригинальное «источниковедческое письмо», воплотившее при его подходе к изучению Сибири потенциал двух методологически ориентированных областей знания – источниковедения и историографии.

В ходе защиты диссертации его оппоненты в лице С.В. Бахрушина, Ю.В. Готье и Б.Д. Грекова высоко оценили достоинства диссертации, подчеркнув первопроходческую роль историка в изучении источникового комплекса.

Вместе с тем, в адрес автора прозвучала и критика. В частности, в отзыве С.В. Бахрушина были обозначены недостатки источниковедческого анализа происхождения изучаемых им источников. Оппонент считал, что диссертант «не делает попытки изучаемые им памятники связать с эпохой, с явлениями, характерными для того исторического периода, к которому тот или иной источник принадлежит», в некоторых случаях ограничивается «формальным изучением текстов» [ПФА РАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 54].

Представляется, что это замечание московского историка продемонстрировало претензии формального порядка и не раскрывало истинной новизны подхода историка петербургской школы.

Иной ракурс оценивания диссертации просматривается в позиции Ю.В. Готье. Хотя автор отзыва упрекнул Андреева за его склонность к подробностям и излишней детализации изучаемых явлений, доводящей работу до форм «микроскопического» исследования. Но он глубже проник в смысл особенностей его общего методологического подхода. Привлекательным пассажем отзыва Готье является его замечание, близкое нашему взгляду на специфическую жанрово-видовую принадлежность диссертации Андреева. Представленные им «основные линии сибирского источниковедения» с учетом сосредоточенности автора на деятельности «составителей и собирателей» памятников по истории Сибири, дали основание Готье предположить возможную корректировку заглавия диссертации дополнительным понятийным словосочетанием «историография Сибири» [ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6. Л. 56].

Завершая основной сюжет, нельзя не отметить актуальность создания, не существующего ещё полноценного научного портрета А.И. Андреева как историка и источниковеда. Достижение этой задачи возможно в результате изучения совокупности его трудов и материалов личного фонда, содержащего в общем комплексе разнообразных материалов, не освоенные еще учеными и не введенные в научный оборот материалы архива, в том числе – переписку историка.

Библиография

ПФА РАН Ф. 934. Оп. 2. Д. 6.

1. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939 (перепечат: 1940). 184 с.
2. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Изд. 2-е, испр. и доп. Вып. I: XVII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 280 с.
3. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. II: XVIII век (первая половина). М.; Л.: Наука, 1965. 368 с.
4. Сербина К.Н. А.И. Андреев – ученый и педагог (из воспоминаний об учителе) // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1985. Т. 17. С. 357-363.
5. Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. 440 с.
6. Golder F.A. Bering's Voyages. An account off the Effortes of the Russians to Determine the Relation of Asia and America. 2 v. New York, 1922–1925.

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия; vhist@mail.ru

A.I. Andreev as a scientist: features of the source study model of the study of the history of Siberia in the doctoral dissertation

The author offer their own version of the understanding of the source study handwriting of the outstanding scientist-historian, who laid the foundation for a study of the development of Greater Siberia in the 17th-first half of the 18th centuries. In the field of Andreev's scientific interests and research procedures was both the history of the activities of scientists who studied the eastern periphery of Russia, and the aggregate information resource created by them. Due to this, the genre originality of the historian's work lies in the implementation of both source study and historiographic approaches.

Keywords: A.I. Andreev, history of Siberia, source studies, history of science

Alevras Natalia Nikolaevna, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia; vhist@mail.ru

УДК 930-053.2(47+57)

Сальникова А.А.

История советского детства в современной российской историографии: результаты и перспективы исследований

В статье оценено современное состояние и предложены дальнейшие перспективы развития «детских» исследований в современной отечественной историографии. Основное внимание уделено анализу работ, посвященных историографии истории российского детства («историографии историографии»), наличие которых уже свидетельствует в пользу институционализации этого направления в российской исторической науке и о его широком признании в исследовательской теории и практике.

Ключевые слова: история России, история детства, современная отечественная историография, исследовательские дискурсы, перспективы исследования

Завершая в июне 2006 года свою монографию по историографии, источниковедению и истории российского детства в XX веке, я писала: «Несмотря на тот существенный прорыв, который произошел в последние годы в исследовании истории детства в России / СССР, положение этого научно-исследовательского направления пока еще весьма маргинально и даже до состояния «зрелой незавершенности» ему пока еще очень и очень далеко. Это касается в равной степени и процесса институционализации, и процесса формирования особого дискурсивного «детского» пространства в постсоветском историческом знании» [13, с. 227]. С тех пор прошло более полутора десятков лет, и за это время ситуация, конечно же, изменилась. По крайней мере, в российских академических кругах произошло осознание значимости и признание легитимности этого особого междисциплинарного исследовательского

направления как области принадлежности исторических и даже историографических штудий, и никто из коллег уже не удивится и не спросит меня сегодня, как это однажды произошло в середине 2000-х: «Изучаете историю детства в России? Как? Ведь Вы же не психолог, не педагог. Это невозможно!».

Стереотипное представление о детях и детстве как основных объектах психолого-педагогических, несколько реже – этнологических, социологических и литературоведческих исследований – сегодня безвозвратно разрушено. Количество работ по истории российского детства (по-прежнему в основном статей, иногда объединенных в сборники, редко – монографий) неуклонно возрастает. Однако общие оценки уровня развития истории детства в России всегда колебались между прямо противоположными. Так, еще в 2010 г. исследователь советской государственной «детской» политики и детской повседневности Т.М. Смирнова выразила несогласие с бытующими утверждениями о сохраняющейся «маргинальности» этого исследовательского направления, указав на достаточно высокий «рейтинг» «детской» темы и даже на «своеобразный «бум» литературы о детстве и детях» в российской историографии, одновременно высказывая обоснованные опасения по поводу сопровождающей их настораживающей тенденции «появления скороспелых работ, что называется, «на злобу дня» [17, с. 508]. В свою очередь, О.Е. Кошелева – автор пионерской работы по истории доиндустриального русского детства [7] – в 2012 г. утверждала, что если в России такое тематическое направление и зародилось, то оно «малозаметно» и ничего общего не имеет «с тем направлением в исследовании детства, начало которому положил Ф. Арьес» [6, с. 9-10, 15]. О преждевременности утверждений об истории детства в России как о самостоятельной научной дисциплине писала и М.В. Ромашова [10, с. 108, 113]. Список негативных высказываний, относящихся к началу 2010-х гг., можно было бы и продолжить, впрочем, само появление статей российских авторов в области историографии детских исследований, безусловно, свидетельствовало в пользу утверждения этого направления в российской исторической науке.

Как изменилась ситуация на сегодняшний день? Проследить это можно в том числе и на основе анализа ряда недавно появившихся историографических статей по истории российского детства. Прежде всего следует отметить, что количество таких статей возросло и, в отличие от аналогичных работ предшественников, в большинстве своем характеризующих ситуацию в российских «детских» исследованиях в целом, каждая из них посвящена историографии отдельно взятого сюжета в истории российского детства

или отдельно взятой группе детей. Такая спецификация, безусловно, свидетельствует в пользу достаточно активного развития этого направления в отечественной историографии.

Даже беглый взгляд на современные «детские» исследования в России позволяет заключить, что, как и прежде, здесь преобладают работы, посвященные истории советского детства, а внутри них – детства периода 1920 – 1930-х гг., что некоторые исследователи объясняли и оправдывали «переломным характером» данного периода [3, с. 27]. Впрочем, и внутри этого периода исследования распределены достаточно неравномерно. Так, по мнению О.Ю. Никоновой и Е.В. Кравченко, дисбаланс проявляется, в частности, «в крайне узком проблемном охвате детской истории периода Гражданской войны» [8, с. 51]. Впрочем, если это утверждение действительно правомерно при предпринятом этими авторами сравнении российской историографии истории детства периода Гражданской и Первой мировой войн [о современной российской историографии истории детства периода Первой мировой войны см. 4], то при сопоставлении с другими периодами истории детства первых советских десятилетий период Гражданской войны представляется, пожалуй, исследованным неплохо. Однако и в рамках данного периода, и применительно к детству 1920 – 1930-х гг. основное внимание по-прежнему концентрируется на изучении советской государственной «детской» политики, в изучении которой отечественная историография достигла определенных успехов [16, с. 72]. Особое место в отечественной историографии занимают сюжеты, связанные с борьбой с детской беспризорностью и безнадзорностью [18]. С другой стороны, в последние годы хронологический охват истории советского детства несколько расширился за счет смещения исследовательских интересов на более поздние периоды в рамках общей тенденции к смене тематико-хронологических приоритетов современной российской историографии истории советского общества (статьи И.В. Кукулина, М.Л. Майофис, Л.В. Лейтнер, С. Леонтьевой, А.С. Ляшок, М.В. Ромашовой, А.В. Чащухина и др.), однако в большинстве своем эти работы еще не стали предметом историографического анализа. Исключение составляет, пожалуй, лишь историография советского «военного» детства периода Великой Отечественной войны и детства послевоенного [2; 1]. В последнее время появились интересные исследования по истории «национальных детств» отдельных народов России, правда, таковых очень немного [5; 9]. Что касается предметного поля российских детских исследований, то применительно даже к относительно «хорошо изученному» советскому детству можно обозначить, как правило, хронологически или локально ограни-

ченный набор сюжетов (школа, пионерская организация, досуговые практики, вещно-предметный мир ребенка, военное детство, беспризорность), которые в целом пока еще не складываются в некое целостное представление о советском детстве как таковом.

Если попытаться дать образную картину современного состояния российских исследований по истории детства, мы получим большое белое полотно с неравномерно нанесенными на него мазками: примененное мною в 2015 г. для его характеристики понятие «*magnum ignotum*» («великое неизвестное») утратило свою актуальность лишь отчасти [14, с. 13]. По словам О.Ю. Никоновой и Е.В. Кравченко, это «дисперсное исследовательское пространство с весьма неравномерно распределенным интересом ученых» [8, с. 51]. Причем пробелы обнаруживаются и по «вертикали», когда речь идет об эволюции и изменении феномена детства на различных этапах становления и развития советского общества, и по «горизонтали», когда разговор заходит об отображении в отечественной историографии среза советской «детской жизни» на определенном этапе ее существования во всем ее богатстве, сложности и многообразии.

Несмотря на имеющийся на сегодняшний день наработанный методологический инструментарий и отчасти сформировавшийся понятийный аппарат, позволяющий достаточно четко определять и успешно оперировать такими, в частности, понятиями, как детская память или детский текст, нерешенных методологических проблем в области изучения советского детства в разы больше, чем решенных. Ведь даже само понятие «советское детство» со всеми присущими ему характеристиками до сих пор так четко и не артикулировано, хотя дискуссии по этому поводу продолжаются. До сих пор в отечественной историографии не найдено понятия, адекватного англоязычному «*children's studies*». Его прямой перевод – «детские исследования» – звучит непонятно и чуждо для русского уха, тогда как термин «история детства» выглядит несколько архаичным и предметно ограниченным с учетом крайне высокой степени междисциплинарности этого исследовательского направления. Актуальным представляется не только всемерное расширение источникового поля «детских» исследований, но и разработка соответствующей методики их источниковедческого анализа, в том числе и применительно к источникам невербального ряда [11; 12].

Если и можно говорить о наличии крайне разрозненной, очень неспешно, но все же формирующейся «историографии историографии» истории советского детства, то с его теорией и методологией дела обстоят значительно хуже – работы такого плана в новейшей российской историографии практически отсутствуют. Мо-

нографические исследования, целиком или частично посвященные отдельным сюжетам из истории советского детства, единичны [15; 19]. К сожалению, и сегодня, по прошествии десяти лет, вслед за О.Е. Кошелевой [6, с. 9-10], можно констатировать тот факт, что в российской историографии нет пока ни одной книги по истории советского детства, выполненной в «арьесовском» направлении и сочетающей в себе всю концептуальную насыщенность и полноту «арьесовского» подхода. Но будем надеяться, что такие книги еще впереди.

Библиография

1. Вавулинская Л.И. Проблемы послевоенного детства в постсоветской исторической литературе // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 5-12.
2. Вычеров Д.А. Советское «военное детство» (1941–1945): Историография проблемы и перспективы дальнейшего изучения // Россия на переломе. Войны, революции, реформы. XX век. Сб. ст. / отв. ред. М.В. Ходяков. СПб.: Лема, 2018. С. 309-324.
3. Зеленина Г. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2008. № 8. С. 19-36.
4. Илюха О.П. Дети и детство в условиях Первой мировой войны: подходы к теме современных российских историков // Историк. Общество. Время. Сб. тр. М.: Новый хронограф, 2017. С. 101-115.
5. Климова Е.В., Иващенко Я.С. Об избыточности и полноте в отечественной историографии: аналитический обзор исследований по культуре детства коренных малочисленных народов Дальнего Востока России // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2020. Т. 2. № 1 (41). С. 13-17.
6. Кошелева О.Е. История детства. Филипп Арьес и Россия // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX века): [Сб. ст.] / Сост. В.Г. Безрогов и др. М.: РГГУ, 2012. С. 9-18.
7. Кошелева О.Е. «Свое детство» в древней Руси и в России эпохи Просвещения (XVI–XVIII вв.): Учебное пособие по педагогической антропологии и истории детства. М.: УРАО, 2000. 320 с.
8. Никонова О.Ю., Кравченко Е.В. Современная историография российского детства «эпохи катастроф» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2021. Т. 21. № 3. С. 47-53.
9. Олешкевич Е.В. Историография еврейского детства // Диалог со временем. 2020. № 72. С. 335-345.
10. Ромашова М.В. Дети и феномен детства в отечественной историографии: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 2 (22). С. 108-116.
11. Сазоненко М.А. Атрибуты советского детства: история трансформации (на примере иллюстративного материала детских журналов 1920 – 1990-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 6. С. 85-95.
12. Сальникова А.А. Безглазая кукла и папин револьвер: ребенок в вещно-предметном мире раннесоветской эпохи // Теория моды: одежда, тело, культура. 2008. № 8. С. 119-139.

13. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования: Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. 256 с.
14. Сальникова А.А. Российское детство как magnum ignotum: к проблеме изучения // «Rosyjskie dzieciństwo» / Русское детство / pod red. Katarzyny Duda i Andrzeja Dudka. Krakow: Księgarnia akademicka, 2015. S. 11-21.
15. Смирнова Т.М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917 – 1940 гг. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.
16. Смирнова Т.М. Детство постреволюционной России: основные итоги и перспективы изучения // Труды Института российской истории РАН. 2019. № 15. С. 70-82.
17. Смирнова Т.М. Российское детство в XX веке: новые обобщающие работы и новые вопросы // Ребенок в истории и культуре: [сб. научных статей] / гл. ред. А.С. Обухов. М.: Б-ка журн. «Исследователь/Researcher», 2010. С. 499-515.
18. Шикунова И.А. Историографические традиции в изучении «детей беды» в контексте детского сиротства в Российской империи и Советской России в первой трети XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 272-282.
19. Щербинин П.П. «Пустите детей ко мне...»: «дети беды» и попечительство до и после 1917 года. Тамбов: Державинский, 2018. 370 с.

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; Alla.Salnikova@kpfu.ru

The History of Childhood in Contemporary Russian Historiography: Results and Prospects of Research

The article assesses the current state and proposes further prospects for the development of "children's" research in modern Russian historiography. The main attention is paid to the analysis of works devoted to the historiography of the history of Russian childhood ("historiography of historiography"), the presence of which already testifies in favor of the institutionalization of this direction in Russian historical science and its wide recognition in research theory and practice.

Keywords: Russian history, history of childhood, modern Russian historiography, research discourses, prospects of research

Salnikova Alla Arkadievna, Doctor of History, Professor of the Department of Russian History, Kazan Federal University, Kazan, Russia; Alla.Salnikova@kpfu.ru

Раздел 4

Меж-и внутритроколенческие коммуникации в свете генерализационного подхода к изучению исторической науки

УДК 94(5)(093)

Валеев Р.М., Валеева Р.З.

Ориенталистика в казанском университете: институционализация и историко-культурное наследие ученых (1769 – 1920-е гг.)¹

Исследование посвящено истории формирования и развития востоковедения в Казанском университете как университетского направления и дисциплины – базовым академическим представлениям об арабистике, тюркологии, китаеведении, монголоведении, санскритологии и т.д., их методам, сфере анализа, формах взаимодействия и в целом истории дисциплин о Востоке и особенно неизвестного наследия ученых Казанского университета и других гуманитарных центров Казани.

Основное внимание уделено этапам, событиям и итогам зарождения и развития востоковедения в университете, в особенности дисциплин и знаний о Востоке в Казани на протяжении 1769 – 1920-х гг.

Ключевые слова: Россия, Восток, ориенталистика, история востоковедения в Казанском университете, историко-культурное наследие, арабистика, исламоведение, тюркология, иранистика, китаеведение, монголоведение, санскритология, востоковеды, наследие востоковедов

Во второй половине XVIII – начале XX вв. формируется российская система академического и университетского востоковедения, изменяются научно-исследовательские и мировоззренческие принципы научно-исследовательской и просветительской работы востоковедов – ученых и практиков. Знания и наука о Востоке являлись органической частью отечественных гуманитарных исследований [2; 11; 12].

В XIX в. востоковедное знание приобретает научный характер, и востоковедение активно развивается в университетском и академическом пространстве. Востоковедение в России формировалось

¹ Исследование проведено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-09-00385.

прежде всего из практики и государственных интересов и общественных потребностей. В генезисе российского востоковедения – гуманитарного направления познания азиатских государств и народов – научная революция произошла в конце XVIII – первой половине XIX вв. Во второй половине XIX – начале XX вв. активизировалось развитие филологической и исторической мысли в ориенталистике, новых методик и приемов исследования. Научное и общественное значение российского востоковедения, его уровень определялись накоплением объективных знаний о народах и странах Востока и интересом государства и общества к их осмыслению. В России в XIX – начале XX вв. в академии и университетах формируется и развивается классическое востоковедение, связанное с восточными языками, литературой и историческими памятниками, древней и средневековой историей и культурой народов зарубежного Востока, азиатских территорий и народов Российской империи. В основе российского востоковедения лежали разнообразные внешнеполитические, торгово-экономические и научно-культурные связи со странами Востока, масштабные задачи социокультурного освоения Востока России, европейское ориентальное образование и наука и, в особенности, самобытные национальные школы и культуры восточных народов России [2; 11; 12; 14].

Важную роль в генезисе российского востоковедения сыграли Петербургская академия наук и университеты. На протяжении всего XIX в. в Академии наук блестящая группа ученых представляла Казанскую школу востоковедов. Прежде всего, это арабист и нумизмат Х.Д. Френ и его ученик А.О. Ярцов, тюрколог и иранист А.К. Казем-Бек, монголовед и буддолог О.М. Ковалевский, китаевед и буддолог В.П. Васильев. С 1870 г. в Петербургской академии наук были представлены известные казанские ориенталисты: арабист, иранист И.Ф. Готвальд, тюрколог и миссионер Н.И. Ильминский и тюрколог, языковед, этнограф В.В. Радлов. Они были яркими представителями Казанского университета XIX в. Таковы лишь некоторые славные имена и значимые рубежи, которые позволяют объективно оценить роль и значение казанских востоковедов в летописи истории российской академической ориенталистики XIX в. [4; 5; 6].

В XIX – начале XX вв. российские университеты сыграли ключевую роль в изменении статуса, структуры и природы востоковедения и в формировании национальной интеллигенции.

В истории востоковедения в России в XIX – начале XX вв. прослеживаются научные школы, имеющие историко-культурное и историко-научное значение – петербургская, московская, казанская школы и др. В этих востоковедческих центрах заметны тради-

ции и новации в преподавании восточных предметов и систематизации научного знания о народах и территориях Азии. Востоковедение, как сформировавшееся специальное междисциплинарное гуманитарное образование и наука, структурировалось с образованием в университетах восточных кафедр, с появлением соответствующих программ и учебных пособий и развитием научных исследований. Структура и природа востоковедческого знания и науки о Востоке в XIX – начале XX вв. характеризовались возрастающей комплексностью, специализацией отдельных филологических и исторических дисциплин и углублением процесса дифференциации. В XIX – начале XX вв. петербургский, московский, казанский и другие центры востоковедения оказали решающее влияние на общественные процессы и развитие отечественной науки, культуры, литературы и искусства [2; 7; 8].

Географическое, геополитическое и социокультурное положение Волго-Камского региона в империи, уникальное соотношение языческих культур, ислама, православия и буддизма сыграли ключевую роль в истории востоковедения в этом пространстве. Казань – столица современного Татарстана и многих тюркских народов остается одним из исторических городов евразийской ойкумены и уникальным научным и культурным центром цивилизаций Востока и Запада. Этот историко-географический и геополитический центр и регион между Волгой и Уралом стал олицетворением исторической Родины тюркских, финно-угорских, монголоязычных, славянских этносов и других современных народов Евразии. Известные средневековые государства и общества. Волжская Булгария, Джучиев улус, Казанское ханство и Казанская губерния имперской России представляются политическими и историко-культурными символами евразийского мира.

Казанское востоковедение занимает важное место в истории отечественной и мировой ориенталистики XIX – начала XXI вв. Востоковедение в Казани, особенно в университете в рассматриваемые периоды органично продемонстрировало комплексный характер, широту междисциплинарного подхода, органичное сочетание филологии, истории, литературы, культуры, религий народов Востока и, конечно, не в первую очередь наследие российской имперской колониальной эпохи. Не только прослеживается единство университетской интегрированной системы и образования о Востоке, особенно характерны в Казанском университете и Казани различия в объекте, предмете, целях, задачах и методах формирования ориенталистики [4; 5].

Научные востоковедные исследования в Казани представляют феноменом российской культуры и науки XIX – XX вв.

Научная и педагогическая деятельность востоковедов Казанского университета и других центров Казани значительно способствовали дальнейшему становлению и развитию востоковедения как гуманитарного образования и науки. Их труды до сих пор представляют собой ценнейшие источники научных исследований и истории российского и европейского востоковедения. Разряд восточной словесности университета в Казани положил начало систематическому и комплексному востоковедному образованию в России. Университетское востоковедение в XIX – начала XX вв. становится перспективным направлением гуманитарных знаний и исследований в России и в целом в социально-политической и общекультурной деятельности во всех сферах общества и государства. На протяжении 1807 – 20-х гг. XX в. в казанском университетском востоковедении произошли важные организационные, исследовательские и социокультурные изменения. Этот период, несмотря на важные переломные вехи и даже регресс в истории казанского востоковедения, характеризуется поступательностью и непрерывностью развития образования и науки [1; 3; 9; 10; 13; 14].

Исследования отечественных ориенталистов имели широкий региональный, хронологический и проблемный диапазон. Во многом истоки современного отечественного и международного авторитета российской школы и центров востоковедения, в том числе в Казани были связаны с исследованиями классического и современного циклов.

Отечественное востоковедение и востоковедная мысль объективно способствовали осмыслению и изучения величия и трагедии истории и культуры народов, полиэтнической и поликонфессиональной России – взаимодействия европейских и азиатских исторических и идейных символов; географического и историко-культурного взаимодействия, все еще не раскрытого феномена своеобразного моста между Востоком и Западом (В.С. Соловьев) и того, что «Россия должна сознать себя... Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем» (Н. Бердяев). Историко-культурное пространство Волго-Уральского региона с его ведущими политическими и культурными центрами – Казанью и Казанским университетом сыграло важную роль в цивилизационном взаимодействии и трансформации этносов и народов России.

На современном этапе менее всего изучена институционализация науки о Востоке и особенно историко-научный, социокультурный и мировоззренческий контекст жизни и деятельности востоковедов и дан анализ традиций и новаций в востоковедческих центрах России (в том числе в Казанском университете, Казанской ду-

ховной академии и других институтах), слабо исследована история ориентальной мысли и знаний.

В наших исследовательских проектах, посвященных истории крупного университетского центра отечественного востоковедения XIX – XX вв., представляется перспективным изучение социокультурных, политических, мировоззренческих и академических факторов, повлиявших на достижения в научных дисциплинах, рост знаний о феномене Востока и судьбу ориенталиста в развитии востоковедческого познания.

Важным представляется активное использование и реализация в исследовательском проекте методик науковедческого, психологического и социологического анализа.

Университетскому востоковедению в России, в том числе казанскому, в XIX – начале XX вв. предстояло решить проблему подготовки практических работников и особенно профессоров и ученых-востоковедов, активной научной работы и формирования национальной элиты, заметной в российском обществе и в отечественной ориенталистике на рубеже XVIII – XIX вв. Этот вызов сохранялся и углублялся на дальнейших этапах политического, социального и культурного развития Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Именно в XIX – начале XX вв. в российском университетском востоковедении наиболее значимыми становятся преподавание востоковедных дисциплин и научно-исследовательская и культурно-просветительская деятельность ориенталистов [1; 3; 9; 10; 14].

Библиография

1. Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р.М. Валеев, Х. Валравенс, В.Г. Дацышен, О.П. Еланцева, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Лю Лицю, Д.Е. Мартынов, Д.И. Маяцкий, Т.А. Пан, В.Л. Успенский; сост. Т.А. Пан; отв. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. Санкт-Петербург; Казань, 2021.
2. Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977.
3. Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р.М. Валеев, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Д.Е. Мартынов, О.Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020.
4. Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998.
5. Валеев Р.М., Тугужекова В.Н. и др. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. Казань; Абакан, 2008–2009.
6. Валеев Р.М., Валева Р.З., Васильюк О.Д., Кириллина С.А. Памяти И.М. Смелянской: эпистолярное наследие А.Е. Крымского и российских востоковедов из архивов России и Украины (к 150-летию со дня рождения) // Зеркала: Современные направления исследований арабской филологии в России. Коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2021. С. 10–33.
7. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.

8. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997.

9. Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). Казань: Алма-Лит, 2004.

10. Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н.Ф. Катановым» / отв. и науч. ред.: Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова, Д.Е. Мартынов. Введение Р.М. Валеева, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой и В.Н. Тугужековой. Подготовка к изданию, составление, комментарии, указатели Д.А. Данькиной, Р.М. Валеева, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой, Ф.Г. Миниханова, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой. Вступ. статьи А.М. Сибаратулина, И.Г. Смолиной, И.Р. Гафурова. Казань: Изд-во «Артифакт», 2017.

11. Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки. Составитель А.А. Вигасин. М., 2012.

12. Ориентализм vs. Ориенталистика. Сб. статей. Составители: В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: ООО «Садра», 2016.

13. Россия – Монголия – Китай: Дневники монголоведа О.М. Ковалевского 1830–1831 гг. / Подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментарий, указатели И.В. Кульганек, Р.М. Валеев. Казань; Санкт-Петербург: Изд-во «Таглитмат», 2005–2006.

14. Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831–1846) / Отв. ред. Р.М. Валеев. Вступит. статьи Н.Н. Дьякова, И.Ф. Поповой, И.В. Тункиной. Казань, 2015.

Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна, кандидат педагогических наук, доцент, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУИ), г. Казань, Россия; rozazu@mail.ru

Orientalism at Kazan University: Institutionalization and historical d cultural heritage of scientists (1769 – 1920s)

The research is devoted to the history of the formation and development of Oriental studies at the Kazan University as a university direction and discipline – the basic academic concepts of Arabic studies, Turkology, Chinese studies, Mongolian studies, Sanskritology, etc., their methods, sphere of analysis, forms of interaction and, in general, the history of disciplines about the East and the unknown heritage of scientists of Kazan University and other humanitarian centers of Kazan in particular. The main attention is paid to the stages, events and results of the origin and development of Oriental studies at the university, especially disciplines and knowledge about the East in Kazan during the 1769 – 1920s.

Keywords: Russia, East, Orientalism, history of Oriental studies at Kazan University, historical and cultural heritage, Arabic studies, Islamic studies, Turkology, Iranian studies, Chinese studies, Mongolian studies, Sanskrit studies, Orientalists, heritage of Orientalists

Valeev Ramil Mirgasimovich, Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; valeev200655@mail.ru

Valeeva Roza Zakariyevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia; rozazu@mail.ru

Никитин А.А., Сыченкова Л.А.

**Византинист Д.Ф. Беляев (1846 – 1901):
ближний круг коллег и родных**

В статье осуществлена реконструкция ближнего окружения казанского профессора-византиниста Дмитрия Фёдоровича Беляева. На основании впервые вводимых в научный оборот документов из казанских архивов выделено несколько групп общения Д.Ф. Беляева: академическое сообщество Императорского Казанского университета и Духовной академии; российские византинисты второй половины XIX века и члены его семьи. Выявленное эпистолярное наследие, связанное с личностью Д. Беляева, среди которых особое место занимает уникальная рукопись воспоминаний его дочери – Зои Дмитриевны Беляевой (Шаблювской), позволяют значительно дополнить микробиографию ученого новыми деталями и подробностями, сделать его образ более живым и объемным. Осуществленный анализ комплекса документов личного происхождения, связанных с фигурой Д.Ф. Беляева, является важной основой для историографического осмысления творческого наследия ученого в контексте развития российской византистики и истории Казанского университета.

Ключевые слова: Д.Ф. Беляев, биографический портрет, «ближний круг» общения ученого, российская византистика, «отложенные воспоминания детства» З.Д. Беляевой, эпистолярное наследие, сообщество казанских гуманитариев второй половины XIX века, Казанский университет

Центральной фигурой среди казанских исследователей византийской культуры и истории можно считать русского византиниста, профессора Казанского университета Дмитрий Фёдорович Беляева (1846–1901 гг.). Основные этапы творческого пути Д. Беляева описаны в общих чертах еще в конце XIX – начале XX века в некрологах его коллегами и учениками [3, с. 351-55; 9, с. 9-31], посвященных памяти византиниста, а также компактно изложена в биографическом словаре профессоров и преподавателей Казанского университета Н.П. Загоскина [4, с. 50-52]. К опубликованным источникам, дополняющим официальную канву биографии Д.Ф. Беляева историей его семьи и частной жизни, можно считать воспоминания тещи Д.Ф. Беляева – А.И. Яковлевой, изданные еще в 1888 году [2].

Выявленный недавно круг неопубликованных и опубликованных источников, ставших доступными в последние десятилетия, дает возможность осуществить реконструкцию более полной биографии ученого, позволяет уточнить его место в корпорации российских византинистов и академического сообщества Казанского университета.

Судьба каждого человека уникальна, поэтому события жизни, окружение откладывают отпечаток на его характер, поступки, ми-

ровоззрение. Крупные ученые всегда формировали вокруг своё собственное интеллектуальное пространство. Реконструкция особого мира людей, которые окружали Д. Беляева, позволяет не только глубже понять его как личность, но и является необходимым этапом историографического осмысления его творческого наследия. Мы полагаем, что восстановление «ближнего круга», событий частной жизни важны для восстановления микробиографии ученого. Реконструкция среды и повседневного уклада жизни Д. Беляева создает необходимую базу для понимания его творчества.

В Казани Беляев пржил большую часть своей плодотворной научной жизни – 20 лет. Здесь он получил звание ординарного профессора кафедры греческой словесности и в должности декана более десятилетия (1883–1897 гг.) возглавлял историко-филологический факультет Казанского университета.

В «ближний круг» Д. Беляева входили коллеги по университету, российские византилисты, ученики и члены семьи. Общение между учеными включало разные формы коммуникации: совместные экспедиции, дискуссии, переписку, деловые встречи, совместные обеды, чаепития. Огромную роль в жизни ученого играла его семья – это самое близкое окружение.

Дмитрий Беляев не был герметичным ученым, отгороженным от научной и университетской корпорации, он был частью академического сообщества казанских гуманитариев второй половины XIX века. На основании раннее неопубликованных и опубликованных источников можно восстановить ближний круг его коллег и родных. Источники позволяют выделить несколько групп общения Д. Беляева: академическое сообщество Казанского университета, в которое входили ведущие профессора всех факультетов, а также казанские гуманитарии университета и Духовной академии; вторая группа – российские византилисты второй половины XIX века, как столичные – петербургские, так и провинциальные ученые; третья группа – члены семьи.

Необходимо сказать, что в 2004 году опубликованы некоторые письма, связанные с личностью Д. Беляева, петербургскими учеными. Так, часть писем самого ученого и его коллеги Ю.А. Кулаковского опубликована в архивоведческом исследовании академика И.П. Медведева о фонде византилиста И.П. Помяловского [5]. Письма касаются не только научных вопросов, но и частной жизни профессора Д. Беляева его последних лет. Эти письма существенно дополняют картину жизни профессора, позволяют расширить существующее представление о круге его научных контактов в Петербурге. В число респондентов Д.Ф. Беляева входили, кроме И.П. Помяловского, выдающиеся представители российской ви-

зантинистики XIX века: Ф.И. Успенский, В.Г. Василевский, Н.П. Кондаков, Д.П. Деревицкий, В.Э. Регель, Н.П. Погодин, В.К. Эрнштедт и др. Важные сведения о круге общения ученого можно извлечь из его опубликованных статей и рецензий. Так, в статье Д. Беляева о посещении храма св. Ирины в 1894 году в Константинополе упоминаются его казанские коллеги того времени – профессор Н.Ф. Красносельцев и совсем еще молодой тогда, в будущем известный византист, искусствовед Д.В. Айналов (1862–1939), дипломат и коллекционер А.И. Нелидов [2].

Кстати, о дружеских взаимоотношениях Д. Беляева и Д.В. Айналова известно из статьи А.Н. Анфертьевой 1998 года [1]. Опубликованные А.Н. Анфертьевой письма сообщают, что Д. Беляев был одним из немногих коллег, с кем Д. Айналову было комфортно общаться в Казани. Беляев и Айналов были людьми разных поколений, разница в возрасте была значительная – 16 лет, но ученые находили понимание по многим вопросам. Д.В. Айналов отзывался о казанском коллеге с большой теплотой: «Беляев всегда готов на хорошее, раз к нему идешь с хорошим» [1, с. 278]. Ученых объединяла общая любовь к истории Византии.

В культурных центрах Казани сохранилось большое количество документов, непосредственно связанных с личностью Д. Беляева. Первым таким центром является Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ), в котором хранится фонд Императорского Казанского университета (Ф. 977). В нем хранятся почти 150 различных архивных дел 1876–1904 гг., связанных с фигурой Д.Ф. Беляева, в том числе диплом доктора наук, деловые бумаги (его прошения, ходатайства и т.д.). Ценным источником по жизни ученого являются протоколы заседаний факультета и Совета университета [НА РТ, л. 4], отражающие позицию Беляева по ряду вопросов факультетской жизни. Однако официальные документы не дают достаточной информации об укладе повседневной жизни, о семье ученого, его переживаниях, планах, самоощущении внутри сообщества и в частной жизни. Гораздо больше информации об этой стороне жизни Д. Беляева можно получить из писем и мемуаров, а также некрологов.

Другим местом хранения документов является Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ). В фонде письменных источников НМ РТ хранится обширный архив казанского профессора Д.А. Корсакова [НМ РТ] – близкого друга и коллеги Д. Беляева, который после него возглавил историко-филологический факультет университета. Д. Корсаков – одна из ярких фигур в дореволюционной истории Казанского университета. Благодаря сохранившейся в его фонде переписке есть возможность узнать о характере отно-

шений между учеными. В этом архиве содержится 68 писем Д.Ф. Беляева [НМ РТ], написанных на протяжении двух десятилетий – с 1877 по 1897 г., в которых ученый делится своими переживаниями и радостями, сообщает о фактах обыденной жизни и предстоящих событиях. Данная переписка носит деловой доверительный характер. Кроме того, имя Беляева упоминается в письмах хранителя библиотеки и музея П.В. Траубенберга¹, филолога Н.Н. Булича, основателя казанской лингвистической школы И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Из этих писем становится ясно, каким непростым по своему характеру был Д.Ф. Беляев.

Третьим местом хранения неопубликованного наследия, связанного с именем Д.Ф. Беляева, является Отдел Рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ (ОРРК НБ им. Н.И. Лобачевского КФУ). Воспоминания дочери Беляева – Зои Дмитриевны (в замужестве – Шаблювской) [ОРРК] – это особый тип источника, так называемые «отложенные воспоминания детства», написанные уже взрослым человеком в начале 1930-х годов. В мемуарах описана жизнь семьи ученого глазами ребенка периода 1880–1890-х годов.

Всю свою научную жизнь профессор был тесно связан с Петербургом, со своим *alma mater*. Сохранилась обширная переписка Д.Ф. Беляева с деканом историко-филологического факультета Петербургского университета И.В. Помяловским [5], которая велась на протяжении 20 лет. Она позволяет заново переписать биографию незаслуженно забытого византиниста и узнать много важного о ходе научной работы над византийскими памятниками. Среди других адресантов писем Беляева – Н.Ф. Красносельцев, профессор литургики Новороссийского университета. В 1871–1889 гг. Николай Фомич преподавал в Казанской духовной академии, но впоследствии переехал в Новороссийск, поближе к дорогому Афону. Именно в Казани сошлись дороги двух ученых. Их дружба не прекратилась и после отъезда Красносельцева из Казани: в 1894 году ученые вместе отправились в Константинополь, а затем в Иерусалим с научной целью. Из числа хорошо знакомых Д. Беляева можно также назвать византиниста Ю.А. Кулаковского. Мы точно не можем пока что сказать, при каких обстоятельствах завязалась их дружба. Возможно, они познакомились во время командировки Беляева в Киев (1889, 1890 г.) или Харьков (1896 г.) в составе комиссии по приёму экзаменов. Юлиан Андреевич не бросил своего

¹ Траубенберг Петр Викторович (1860 – после 1928) преподавал историю, географию, русский язык в казанской татарской учительской школе. В 1885–1915 гг. занимал должность хранителя музея Этнографии, древностей и изящных искусств при Казанском университете.

друга в тяжелую минуту, когда для многих Беляев перестал существовать. Интонации писем Ю. Кулаковского, описывающего жизнь семьи и положение больного, немощного Д. Беляева в последние годы жизни, полна сочувствия и сострадания к незаслуженному положению старого ученого. Обстановка семьи Д. Беляева, описанная Ю. Кулаковским, совершенно расходится с описанием дочери, Зои Дмитриевны Беляевой (Шаблювской), которая повествует о гармоничных взаимоотношениях отца и матери. Глазами ребенка она описывала свою мать как человека целиком разделявшего интересы отца, помогающую ему вычитывать рукописи, создававшей уютный быт семьи [ОРПК, л. 110]. Ю. Кулаковский, напротив, дает негативный портрет жены и дочери Беляева, он описывает их с негодованием и возмущением. Он считает, что эти дамы бесстыдно бросили больного отца и мужа на произвол судьбы [ОР РНБ, л. 45-46 об.].

Мемуары тещи [2, с. 147-176] и дочери [ОРПК, 220 л.] Беляева проливают свет на многие неизвестные стороны частной жизни ученого, позволяют понять уклад его повседневной жизни, роль главы семьи, участие в воспитании детей. Дмитрий Фёдорович Беляев рано лишился своих родителей и быстро познал нужду. Это закалило его, сделало человеком жестким и принципиальным. Давая уроки в гимназиях Петербурга, Беляев познакомился со своей будущей женой Зинаидой Яковлевой – дочерью фрейлины Амалии Утермарк и писателя Владимира Яковлева, женщиной образованной и передовой; некоторое время она работала в частных гимназиях Петербурга, в том числе и в гимназии Спешневой, где и познакомилась со своим будущим мужем [ОРПК, л. 84]. Часто она упоминала имена Раевского, Ушинского как своих наставников [ОРПК, л. 85].

Как свидетельствует Зоя Шаблювская, её мать содержала целых 10 лет учительским трудом родителей [ОРПК, л. 85]. Выйдя замуж, Зинаида перестала заниматься педагогической деятельностью и осталась, по словам её дочери, человеком ограниченным, не видевшим ничего, кроме классической истории и филологии. Переехав в Казань, супруги снимали несколько раз дома, пока, наконец, не выкупили у некоего Зороастрова дом на улице «Вторая Гора», с 1927 года и ныне – это улица Волкова, одна из старейших улиц центра в Казани, где до революции селись профессора университета. После отъезда в Петербург дом заняли старообрядцы, оборудовав его под свою церковь. Беляев был превосходным хозяйственником и вкладывался в свой дом, воплощая в нём мечты своей молодости [ОРПК, л. 52]. Особой гордостью ученого был яблоневый сад вокруг дома.

У четы Беляевых родилось трое детей: Зоя (17 июня 1880), Дмитрий (6 августа 1882) и Люцелла (24 сентября 1883). Был еще первый ребенок, который умер в младенчестве [ОРРК, л. 86]. Благодаря Зое Беляевой в нашем распоряжении имеются мемуары о жизни в Казани [ОРРК], в которых она часто обращается к образу своего отца конца 1880 – начала 1890-х гг. На их основании можно сказать, что Дмитрий Беляев был человеком вспыльчивым, строгим, но добродушным [ОРРК, л. 58]. Весь он – небольшой, плотный [ОРРК, л. 58]. Хотя его отец и был священником, а начальное образование Беляев получил в семинариях, Дмитрий Фёдорович не верил в Бога и посещал церковь для официальности. Он очень любил своих студентов и всегда помогал им [ОРРК, л. 85].

Судьба Зои очень трагична: после того, как её отца разбил паралич, она ушла из дома в 1898 году [7, с. 123] и училась на высших женских курсах в Петербурге, затем в 1905–1908 гг. преподавала в Лесном училище русский язык [7, с. 124]. По воспоминаниям её ученика, это была одна из образованнейших учителей [ОРРК, л. 1]. Впоследствии она вышла замуж за литератора Павла Шаблювского, переехала в Тулу во время Первой мировой войны, у них родился сын Дмитрий, репрессированный в годы войны вместе с матерью [ИОФЕ] за антисоветскую деятельность. Дочь Дмитрия, Марина Болгарова, блокадница, добилась реабилитации отца и бабушки [ИОФЕ]. В настоящее время она, по нашим данным, живет в Петербурге.

Сын профессора Беляева, Дмитрий [ОР РНБ, л. 98-98 об.], окончил Восточное отделение Петербургского университета и долгое время работал в консульствах Персии с 1904 года: в Кермане, Джидде, Тавризе, Эрзеруме, Бендер-Аббасе [8, с. 488]. До революции он был одним из собирателей исламских коллекций МАЭ. После Октябрьской революции он уехал в Турцию, затем в Бельгию [8, с. 488]. Дальнейшая его судьба неизвестна. Люцелла Беляева работала в Русском музее [6, с. 251] сотрудником первого разряда и умерла во время блокады [6, с. 251]. Из письма к Корсакову мы также узнали, что у Беляева был племянник Иван Богданов, ужившийся в Духовной Академии [НМ РТ, л. 1].

Некрологи, написанные С.П. Шестаковым – учеником и стипендиатом Беляева и С.А. Жебелевым, дают нам информацию более официальную, характеризующую ученого как педагога и профессионала своего дела. Как ученый, Д.Ф. Беляев был неизменно добр со своими учениками, снабжал их книгами из своей обширной библиотеки и полезными советами по методике преподавания. Д.Ф. Беляев всегда был готов направить и облегчить научный труд своими указаниями на темы работ, приемы и методы исследования, литературу. Эти качества профессора Беляева как ученого

и педагога помогли определить творческий путь его учеников, в частности, византиниста С.П. Шестакова [9, с. 37].

В Казанском университете у Беляева были как друзья и единомышленники, так и соперники. Конечно, возможно был прав Ю.А. Кулаковский, что у Дмитрия Фёдоровича круг общения в Казани был небольшим. Однако в него входили лучшие дореволюционные гуманитарии. К числу друзей мы можем отнести лингвистов И.А. Бодуэна-де-Куртенэ, Е.Ф. Будде, В.А. Богородицкого, Н.Н. Булича, Н.П. Лихачева. Стоит напомнить, что именно И.А. Бодуэн-де-Куртенэ внес кандидатуру Д.Ф. Беляева на место преподавателя университета. С В.А. Богородицким византиниста связывал интерес к вопросам истории языкознания. Н.П. Лихачев, тоже бывший когда-то учеником Беляева, после окончания университета любезно предоставлял учителю возможность заниматься с византийскими памятниками своей обширной коллекции.

В воспоминаниях дочери Д. Беляева упоминаются такие фигуры, как поляк, профессор истории западноевропейской литературы университета Леонард Зенонович Колмачевский (1850–1889), который был вхож в дом, был «своим человеком» [ОРРК, л. 73]. Дочь сообщала, что Колмачевский, к сожалению, рано умер от чахотки (туберкулеза) после переезда в Брянск. Упоминается, как близкий друг семьи, патолог, профессор Казанского университета Алексей Николаевич Хорват (1836–1926) [ОРРК, л. 82]. Дочь с теплотой вспоминает профессора, астронома Дмитрий Иванович Дубяго (1849–1918) и его супругу [ОРРК, л. 129]. Д. Дубяго был директором университетской Обсерватории, деканом физико-математического факультета, а впоследствии ректором Казанского университета (1899–1905). С уважением описан и геолог, археолог, палеонтолог Александр Антонович Штукенберг (1844–1904) [ОРРК, л. 128]. Он был создателем Геологического музея университета, который ныне носит его имя. Это были люди, которые были интересны Д.Ф. Беляеву, и, судя по воспоминаниям дочери, он общался с ними на равных не только по службе, но и в свободное время, приглашая в дом на «чашку чая», знакомил их с членами своей семьи. Сам Д. Беляев бывал в гостях с семьей у профессора Д.И. Дубяго, знакомясь с загородной Обсерваторией.

Кроме друзей и единомышленников в университете у Д. Беляева были соперники, люди, к которым он негативно относился. Среди них были историки Фирсовы, которых он называл «Фирсачами». Недолголюбивал Д. Беляев филолога-классика, специалиста по истории Древнего Рима Д.И. Нагуевского, антиковеда Ф.Г. Мищенко. Причиной неприязни могло быть соперничество на факультете, амбиции ученых, разница в характерах и воспитании лю-

дей [ОРРК, л. 127]. Но эти коллеги не входили в «ближний круг» Д.Ф. Беляева, общение с ними носило формальный характер.

Таким образом, можно сказать, что привлеченные нами источники, в том числе и неопубликованные документы из казанских архивов, позволяют значительно дополнить официальный биографический портрет Д.Ф. Беляева, сделать его более живым и конкретным.

Библиография

Источники:

Беляева З.Д. Старая Казань [Воспоминания. 80 – 90-е гг. XIX в.]. Л., 1930. Рукопись. 1930-е гг. // ОРРК Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ.

НА РТ. Ф. 977. Оп. 12. Д. 1065. Л. 4.

НМ РТ. Фонд письменных источников. Архив Д.А. Корсакова. Папка № 3. Письма Д.Ф. Беляева к Д.А. Корсакову.

ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 908.

Электронный архив фонда ИОФЕ. Ф. Б-1. Оп. 1. Шаблиовский Дмитрий Павлович. Д. 47.

Яковлева А.И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Исторический вестник. 1888. № 1–3. С. 147–176.

Литература:

1. Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 259–312.

2. Беляев Д.Ф. Храм св. Ирины и землетрясение в Константинополе 28 июня 1894 года. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1895. 30 с.

3. Жебелев С.А. Дмитрий Федорович Беляев // Византийский временник. СПб., 1901. Т. VIII. С. 351–355.

4. Загоскин Н.П. Беляев, Дмитрий Феодорович // Загоскин Н.П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета: За сто лет (1804–1904). Ч. 1. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1904. С. 50–52.

5. Медведев И.П. И.В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // Мир русской византистики. Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 207–241.

6. Наука и научные работники СССР: Справочник / Сост. Комис. "Наука и науч. работники СССР", под наблюдением акад. С.Ф. Ольденбурга и акад. Е.Ф. Карского; Акад. наук СССР. Ч. 5: Научные работники Ленинграда. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. 723 с.

7. Сальман М.Г. Из юношеских лет Елены Тареп (материалы к биографии, 1895–1924) // Unacknowledged Legislators. Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / Ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea, and Ilya Vinitsky. [Berlin etc.:] Peter Lang, 2020. С. 443–483.

8. Сенченко И.П. Российская империя, Аравия и Персидский залив: коллекция историй. СПб.: Алетейя, 2018. 598 с.

9. Шестаков С. Д.Ф. Беляев (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1901. Т. 336. С. 9–31.

Никитин Антон Андреевич, магистрант Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; anton.nikitin.14@mail.ru

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры, г. Казань, Россия; l.sichenkova@yandex.ru

Byzantologist D. Belyaev (1846–1901): close circle of colleagues and relatives

The article reconstructs the inner circle of Kazan professor-byzantologist Dmitry Fedorovich Belyaev. On the basis of the documents introduced into scientific circulation for the first time from the Kazan archives, several groups of D. Belyaev's communication have been identified: the academic community of the Kazan Imperial University and the Theological Academy; Russian Byzantinists of the second half of the XIX century and members of his family. The revealed epistolary heritage associated with the personality of D. Belyaeva, among which a special place is occupied by a unique manuscript of memoirs of his daughter – Zoya Dmitrievna Belyaeva (Shabliovskaya), make it possible to significantly supplement the microbiography of the scientist with new details and details, to make his image more vivid and voluminous. The analysis of a set of documents of personal origin related to the figure of D. Belyaev is an important basis for historiographical understanding of the scientist's creative heritage in the context of the development of Russian Byzantine studies and the history of Kazan Imperial University.

Keywords: D. Belyaev, biographical portrait, «inner circle» of the scientist's communication, Russian Byzantine studies, Z. Belyaeva's «deferred childhood memories», epistolary heritage

Nikitin Anton Andreevich, Graduate student of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia; anton.nikitin.14@mail.ru

Sychenkova Lidiya Alekseevna, Doctor of History, Professor, Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia; l.sichenkova@yandex.ru

УДК 93(092)“18”

Хамматов Ш.С.

Образ идеального Учителя в воспоминаниях о казанских историках 2-й половины XIX века

Статья посвящена формированию образа идеального преподавателя среди учащихся казанских средних учебных заведений и студентов Казанского университета, который некоторые из них отразили в своих воспоминаниях. Их материалы позволяют проследить не только ценность сделанного вклада в духовное производство, но и обобщить опыт их деятельности, увидеть ее значимые черты.

Ключевые слова: идеальный учитель, воспоминания, Казанский университет, гимназия, профессора, лекции

Понятие «идеальный учитель» связано со многими выдающимися российскими историками: Т.Н. Грановским, М.С. Кутургой, В.О. Ключевским, В.И. Герье, Н.И. Кареевым, П.Г. Виноградовым, И.В. Луцицким, А.Н. Савиным, Р.Ю. Виппером, И.М. Гревсом... Современники единодушно их признавали таковыми за замечатель-

ные лекторские способности, организацию семинарских занятий, где целью работы было получение нового знания. Выявление и описание «образцов» деятельности выдающихся ученых – педагогов историков, писателей – имеет целью не только вынесение суждений и ценности, сделанного ими вклада в духовное производство, но и обобщение опыта их деятельности, обнаружение её значимых черт [14, с. 102]. Вышеназванные профессора преподавали главным образом в Петербургском или Московском университетах, казанские преподаватели как средней, так и высшей школы редко удостоивались внимания. Что из себя представляла ситуация в Казани, в этом немалую помощь могут оказать воспоминания учеников и современников.

О казанских историках, преподававших в средних учебных заведениях, сохранилось мало воспоминаний. Возможно, это связано с методами обучения, господствующими в это время, когда главный упор делался на определенный учебник. Так, С.Т. Аксаков, вспоминая об обучении в гимназии, говоря о преподавании истории, называет лишь фамилии учителей, не удостоивая вниманием, как проходили занятия [2, с. 128]. Или в воспоминаниях Э.П. Янишевского, одного из учеников II гимназии 40-х годов XIX в. находим свидетельство, что самое сильное впечатление по истории вызвала не личность преподавателя, подача им материала, а определенные страницы используемого учебника: «Материал о крестовых походах был изложен в таких ярких красках, что учащиеся были в восторге от их описания и знали их слово в слово» [28, с. 25]. Но, как свидетельствуют источники, запоминались учителя, ведущие занятия жестко, широко применявшие во время уроков телесные наказания. Тот же автор по истечении многих лет с тяжелым чувством вспоминал учителя латинского языка¹.

Об учителях, преподававших в женских учебных заведениях, воспоминаний почти не осталось. Единственное, чем мы располагаем, это мемуарами Веры Фигнер, которая училась в Родионовском институте благородных девиц в 1863–1869 гг. и была невысокого мнения о преподавании истории². Подобная ситуация наблю-

¹ «Перед уроком Ивана Васильевича Тимофеева, по прозванию Грозный – вспоминал Е.П. Янишевский, – всех учеников обходили два специально назначенные ученика, записывая товарищей, один – в ленивые, другой – в отличные, как кто пожелает. Записавшихся в ленивые Тимофеев никогда не спрашивал и ничем не беспокоил, ставя в журнале просто единицу; их пороли в конце недели, в субботу инспектор Скорняков сек. Не то было с записавшимися в отличные; их Тимофеев обязательно всех переспрашивал, и беда была, если кто-нибудь из них не знал хорошо урока!» [27, с. 4].

² В. Фигнер вспоминала: «По истории бакалавр Казанской духовной академии Знаменский учил нас средней истории и новой по Иловайскому. Многие предметы,

дается в духовной семинарии, несмотря на большое количество преподавателей истории, побывавших в стенах этого учебного заведения, за время его существования, единственное упоминание осталось о Василии Григорьеве, преподававшем с 1834 по 1841 гг.¹

Если говорить об университетских профессорах Казани первой половины XIX века, то сложно выделить кого-то подходящего под понятие «идеальный учитель» вследствие неразвитости системы вузовского образования в это время. Вот строки из воспоминаний выпускника отделения нравственно-политических наук Казанского университета 1833 года Н.И. Мамаева, описывающие ситуацию 1830-х годов, но их смело можно отнести и к более раннему периоду: «*Очень не многие профессора преподавали по печатным руководствам; более – или давали записки своих лекций, которые мы и списывали, возвращая оригиналы; или же просто “говорили”.* ...По получении от профессора составленной нами лекции в исправленном виде мы списывали ее в тетрадки и ими уже руководствовались» [10, с. 51]. Впрочем, сохранилось упоминание о профессоре Цеплине, читавшем всеобщую историю и в гимназии, и в университете².

Интересные сведения Н.И. Мамаев сообщал о профессорах В.Я. Баженове, В.Я. Булыгине, И.А. Верниковском, Г.С. Суровцеве, читавших всеобщую и российскую историю и географию в 1820–1830-е гг. Сравнение стилей и приемов обучения названных преподавателей явно демонстрировало особое дарование И.А. Верниковского³. Возможно, сложились обстоятельства иначе, именно он и стал

в том числе и история – все это было писанное и большей частью, составленное самими ученицами» [25, с. 54].

¹ А. Благовещенский отмечал: «Семинаристы того времени не могут без восторга вспоминать прекрасных лекций Григорьева. Его смелый и светлый взгляд на историю, ясный метод изложения, свежесть мыслей и легкость выражения привлекали к нему учеников» [6, с. 346].

² Д.И. Нагуевский свидетельствовал: «Глубокие по содержанию прагматические замечания, содержащиеся в его произведении “Наброски истории европейских государств”, чередуются с рассказами. В живой, устной передаче Цеплина легко усваивался учениками, что подтверждал Яковкин» [16, с. 168-169].

³ Приведем весьма информативный рассказ Н.И. Мамаева о стиле и содержании преподавания в университете: «Василий Яковлевич Баженов ...насиловал события, стараясь доказать, что источники последних (исторических событий – Ш.Х.) скрываются в преданиях патриархов, даже апостолов. Вследствие такой натяжки выходило, по его мнению, что название буддийского Брами есть искаженное имя Авраама... По смерти его, кафедра перешла в достойные руки, но тоже ненадолго, – к Верниковскому. Иван Антонович Верниковский, по своим обширным сведениям, своей начитанности, главное по своим критическим взглядам на летописи и другие источники истории, читал её превосходно. Он первый указал нам живую связь науки с общим развитием жизни, общественной и политической; приохотил всех

бы первым «идеальным учителем» в истории Казанского университета. По мнению Н.И. Мамаева, «Верниковский для Казанского университета был тем же, чем впоследствии Грановский для Московского, т.е., светилом науки; но Верниковский имеет за собой первенство» [10, с. 66].

Пожалуй, ни об одном из казанских историков не сохранилось такое количество противоречивых мнений, как о профессоре Н.А. Иванове, читавшем курс истории, сначала на 1-м, а потом на 2-м отделениях философского факультета (впоследствии – историко-филологический и юридический факультеты). По воспоминаниям, еще до перехода в Казанский университет «о нем гремела уже молва, как об отличном знатоке своего предмета», обладающим лекторским талантом [24, с. 56]. Вот и в Казани «он составлял резкий контраст со скучными педагогами, читавшими до него историю». Иванова-лектора отличали виртуозное владение словом и повышенная эмоциональность. Замечено было и то, что, как «честный мыслитель, он старался об освобождении умов от иностранных влияний и стремился поставить русский ум на твердую почву» [24, с. 57]. Профессор Н.Н. Булич всегда говорил, что был «больше всего обязан профессору русской истории Иванову, это был блестящий профессор, увлекавший студентов» [7, с. 72]. В то же время Д.А. Корсаков в написанной им биографии Н.А. Иванова указывает: «...его лекции представляли собой фактическое изложение внешней политической истории (для внутренней отводилась сравнительно весьма немного места)» [4, с. 89]¹.

Н.А. Иванов снискал себе славу грозного, неумолимо строгого профессора и экзаменатора. «На диспутах, перед лицом публики, он любил блеснуть своей ученостью, показать свое превосходство над диспутантом. На этих ученых турнирах, без особого труда вышибал из седла своих противников, неопытных, робевших перед

нас к изучению истории; студенты дожидались лекций его с большим нетерпением; ...с жадностью выслушивали новые взгляды, новые исследования предмета.

...Владимир Яковлевич Булыгин ...историю буквально “читал”, а не преподавал, потому что, входя на кафедру, развергивал “историю” Карамзина и читал с того места, на котором остановился в предшествовавшую лекцию... Имел голос слабый и тихий, при этом еще чрезвычайно растягивал слова, когда произносил их. Все это ...производило тягостное впечатление на слушателей, и время его лекций казалось нам необыкновенно длинным; все с радостью встречали звонок, означавший конец лекции и вместе с тем нашей скуки» [10, с. 65-67].

¹ Ср. со свидетельством Н. Соколовского: «...он был не без дарования и без дара слова; кроме того, обладал отличным голосом. Особенно был хорош при посещении его лекций какой-нибудь важной особой; нарочно на этот случай, выбирая раздражительно патриотический сюжет и развивая его, плакал, что доставляло невыразимое удовольствие и посетителю и университетскому начальству» [23, с. 20].

авторитетом ученого историка и ловкого диалектика» [1, с. 75]. Но позже оценка его деятельности на преподавательском поприще меняется¹. Особенно отрицательно о нем высказался Н. Соколовский, выведя профессора в своих воспоминаниях под фамилией Ф-ов². Об отношении учащихся к профессору Иванову свидетельствуют студенческие стихи, где содержатся критические оценки современного состояния университетской науки и личности ее преподавателей. И нельзя сказать, что строки демонстрируют любовь и уважение к преподавателю: «Профессор Иванов тянет сивалдай, / выпьет хоть пять жбанов, / только подавай!» [8, с. 7]³.

Впрочем, некоторые исследователи считают, что слухи о бессердечии профессора Иванова распространяли студенты, знания которых он оценивал неудовлетворительно [22, с. 59]. Кстати, строки, посвященные М.И. Славянскому, сменившему Н.А. Иванова в 1847 г. и читавшему всеобщую историю, ничем не лучше: «Мишенька Славянский ходит петушком, / из породы шпанской, / с красным гребешком» [8, с. 7]⁴.

Но не у всех Н.А. Иванов оставил тяжелые воспоминания о себе, среди его бывших слушателей находились защитники: «Упрекали Иванова за слабое чтение русской истории после Петра. Но при этом забывают спросить себя: можно ли было тогда много отступить от Устрялова и Вейденмейра. Если не все курсы Иванова одинаково были хороши, то не было курсов бессодержательных.

¹ А.С. Гацкий вспоминал: «Н.А. Иванов, читавший русскую историю, произвел на меня какое-то странное впечатление. Он еще пользовался своей прежней славой, и я положительно, как ни силился, не мог увлекаться его лекциями, казавшимися мне холодными, ходульными, но молчал, в виду общего поклонения ему» [9, с. 111]. В.Н. Назарьев свидетельствовал: «Апатия и невообразимая скука, водворявшаяся в аудиториях, в некоторой степени разгонялась желчным профессором истории, действовавшим на нервы, также точно, как гроза в душливый летний день. ...Речь его была всегда одинаково плавная, жесты округленные, но это не мешало ему отталкивать слушателей какой-то удручающей монотонностью, и деланным пафосом» [17, с. 718].

² «Он был гроза студентов. Начитывая своей дребедени огромное количество, он придирался к каждой малости. Некогда даровитый, способный Иванов представлял живой пример, до какой степени человек может исподличаться, изгадиться; на его имени больше всего ответственности перед обществом и слушателями за разлитие яда на огромное пространство: его слушатели, в качестве учителей передавали яд подрастающим поколениям» [23, с. 20].

³ Справедливости ради следует заметить, что остальные преподаватели, фигурирующие в этих строках, также представлены не в лучшем свете.

⁴ О нем практически имеется лишь несколько строк у Д.А. Корсакова, который называл его «обленившимся» и «отставшим от науки»: «Он читал лекции попросту, буквально по рукописному курсу Ф. Лоренца, своего бывшего профессора в главном педагогическом институте» [11, с. 179].

Его тяжелый характер много создал ему врагов, много принес ему беды и горя при жизни» [3, с. 276].

Заметный след в истории университета 1840–1850-х годов и в памяти студентов о себе оставил В.И. Григорович, профессор истории и литературы славянских наречий¹. Его казанские ученики отмечали умение профессора подать свой предмет, «искреннюю любовь» к нему, готовностью делиться всеми своими знаниями, отношение к студентам «как к товарищам» и т.д. Все это резко отличало Григоровича от других тогдашних профессоров, которые «большею частью» держали себя в отношении к студентам «поначальнически»².

Первая же лекция С.В. Ешевского, заменившего Н.А. Иванова, вызвала восторженные оценки слушавших его студентов, что впоследствии, привлекло в его аудиторию не только полный состав обязательных слушателей, но и медиков [9, с. 111]³. Его курс о Елизавете Петровне произвел впечатление. Он обладал широким общим образованием, обширной исторической и филологической эрудицией, ученик Т.Н. Грановского, преемник по кафедре П.Н. Кудрявцева, являлся талантливым «проповедником прогрессивных идей, развивающихся в общественной и культурной жизни западноевропейских стран, и вместе с тем ученым исследователем

¹ Проблема деконструкции образа В.И. Григоровича в историографии поставлена Н.И. Недашковской [13].

² Выпускник Казанского университета 1845 г. А.И. Соколов (1824–1893; о нем см.: [26, с. 145–146]) вспоминал: «Чтения Григоровича не представляли ничего привлекательного для тех, которые не интересовались его предметом. Читал он далеко неизящно: конфузился, заикался, беспрестанно поправлял сказанные фразы, часто затруднялся в приискании выражения. Но эта непривлекательная внешность чтения вполне и с лихвой искупалась внутренним достоинством его лекций. Скромность и добросовестность истинного ученого проявлялась в каждой его лекции, даже в каждой его фразе. Григорович привлек к себе студентов необыкновенной в то время простотой обращения с ними, чисто товарищеской близостью к ним. Студентам, желавшим ближе познакомиться со славянскими языками, он охотно давал книги из своей библиотеки; без этого мы были бы вовсе лишены возможности заняться его предметом, так как библиотека казанского университета в то время почти совсем не имела книг по славистике. Он принимал всякого проходящего к нему студента радушно, снабжал его книгами, давал советы в занятиях. Правда иногда, В.И. Григорович становился жертвой обмана со стороны некоторых нечестных студентов, которые не возвращали взятые книги» [1, с. 75–78].

³ Все тот же Н. Соколовский вспоминает, что С.В. Ешевский (обозначенный у него как Др-ский) на первой же лекции сказал, что он смотрит на историю не как на перечень сражений и знаменитых особ, но как на картину народного развития, что он не остановится с благоговением ни перед каким громким событием, ни перед какой знаменитостью, если это событие и лицо не принесло пользы народу, а тем более, если они шли вразрез с народным благосостоянием [23, с. 38].

и художественным изобразителем этой жизни» [11, с. 178]¹. Правда, Е.А. Белов, выступивший в защиту Н.А. Иванова, не умаляя достоинств С.В. Ешевского, делает ссылку на время: «В Казани произвел впечатление курс Ешевского; но забывают, что Ешевский вступил на кафедру, когда полегчало» [3, с. 276].

В 1859 году чтение лекций было поручено прикомандированному в университет учителю Пермской гимназии Николаю Алексеевичу Фирсову. Он первоначально был встречен студентами не совсем дружелюбно, «слава» о нем шла нелицеприятная: мол, наука с его появлением ничего не выиграет, сам он – человек старого покроя, груб и чуть ли не глуп. Но пробная лекция все изменила². В дальнейшем он не разочаровывал своих слушателей. Как вспоминал один из его студентов: «Это был человек большого ума, обладавший громадной памятью, высокодаровитый и талантливый, как писатель, человек серьезного характера, с огромной исторической эрудицией» [20, с. 142]³

Н.А. Фирсов читал курс всеобщей истории до октября 1867 г., когда Совет Казанского университета единогласно избрал Н.А. Осокина, двумя годами ранее окончившего историко-филологический факультет Казанского университета с золотой медалью, «исполняющим должность доцента по кафедре всеобщей истории». В его стенах он прошел все этапы становления ученого: дипломированный историк, доцент, профессор, глава кафедры все-

¹ «Аудитория Ешевского – свидетельствовал Д.А. Корсаков – была всегда переполнена слушателями, несмотря на тихий, болезненный голос и невозможное коноязычие профессора... Ешевский проглатывал целые слова и произносил некоторые звуки так, как я не слышал ни у кого... Но умная, содержательная и горячая речь профессора не только заставляла забывать все эти недостатки, – она преобразовывала его самого... и он просто приковывал к себе слушателя» [11, с. 179-180].

² «Н.А. Фирсов был встречен в аудитории недружелюбными и равнодушными взглядами. Глухим охриплым голосом, монотонно начал он читать пробную лекцию, в которой говорилась об учреждении русского государства; чем дальше читал он лекцию, тем больше делался развязным, а внимание слушателей становилось напряженнее. В его лекции не было ни воодушевления, ни громких фраз, не заметно даже было ничего либерального; напротив он как-будто даже насмехался над русскими обычаями, установлениями, над просвещением; он проводил параллель между Китаем и русским государством, из которой оказывалось, что мы, русские, идем позади даже Китая, а уж о европейских государствах и говорить нечего; лекция закончилась сравнением нашего чиновничества с китайскими мандаринами. Дружные аплодисменты были приветствием новому профессору» [5, с. 36].

³ А. Овсянников свидетельствовал: «Мы все с громадным интересом, при гробовой тишине в аудитории, жадно слушали каждое слово лектора. Каждая лекция отдельно взятая, была превосходно обработана: поистине это был источник живой воды. Лекции эти держали нас в каком-то особенном настроении, возбуждая любознательность, воспитывая нас в духе гуманности, чем, как известно, отличался знаменитый Грановский» [20, с. 142].

общей истории, но главное — первый медиевист университета (см.: [27]). До него список преподавателей кафедры включал преимущественно историков, специализировавшихся в области российской или славянской истории. Н.А. Осокин по отношению к студентам придерживался своего убеждения, которое гласило: «Преподаватель высшей науки, не каратель молодежи, мелко и порой некрасиво придирчивый, а ее руководитель» [21]. Интересные заметки оставил об отношении Осокина к студентам автор некролога, опубликованного в газете «Камско-Волжский край». По его словам, Осокин с первых лет службы относился весьма внимательно к учащейся молодежи, с «полным расположением и снисхождением» охотно принимал у себя студентов дома. Никто из студентов-филологов не мог пожаловаться на несправедливость его, допущенную им в качестве экзаменатора. Кроме того, Николай Алексеевич заботился очень о «студенческом чтении» и пропагандировал его необходимость, не только указывая книги, но и давая рекомендуемое из своей собственной обширной и разнообразной библиотеки. Правда, иногда некоторые книги он не получал обратно, а иные «выкупал у букинистов» [21]. Кроме того, отмечался талант лектора, умение привлекать к себе внимание обширной аудитории, порой поражая блеском изложения материала. Студенты ценили, что он «...читал столь расстановочно, что за ним было легко записывать»¹.

Конец XIX – начало XX вв. характеризуются в русской исторической науке мощным методологическим взлетом, появлением большого числа исследований, заложивших новые традиции понимания исторического процесса. Процессы поиска и становления новой исследовательской парадигмы, оформление институтов исторической науки, повлияли на формирование новых представлений о специфике исторического образования, на поиск новых форм и методов обучения [12]. В это время на кафедре всеобщей истории появляются такие талантливые ученые, как М.М. Хвостов и В.К. Пискорский, благодаря которым преподавание всеобщей истории вступает в качественно новую фазу своего развития [см.: 19; 15].

Исходя из вышеизложенного, можно сказать следующее, из профессоров, читавших курс истории, первоначально успехом пользовались, обладавшие выдающимися лекторскими способно-

¹ Но иногда он чересчур увлекался, однажды чуть ли не 2 часа читал об Иннокентии III. После этого среди студентов появилась поговорка, которую говорили очень надоедливым людям «Надоел ты мне, как Иннокентий III» (ОПИ ГИМ Ф. 449. Фирсов Н.Н. Ед. хр. 19. М. х. 668. Л. 55).

стями, солидной эрудицией, умевшие хорошо подать свой предмет. Но в начале XX века этого было уже недостаточно. Теперь ценились преподаватели, создающие условия для постижения студентами методов исторического исследования, умевшие из своих занятий сделать творческую лабораторию для учащихся в освоении научной работы.

Библиография

1. А.С. [Соколов А.И.] Воспоминания о профессоре В.И. Григоровиче (Из записок казанского студента) // Древняя и Новая Россия. 1877. № 5. С. 75-78.
2. Аксаков С.Т. Воспоминания // Собрание сочинений. Т. 2. М., 1955. 504 с.
3. Белов Е.А. К истории русского просвещения. Письмо в редакцию // Древняя и Новая Россия. СПб., 1877. № 7. С. 274-276.
4. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) в 2 частях. / Под ред. Н.П. Загоскина. Ч. 1. Казань, 1904. 554 с.
5. Бирюков А.А. Университет и студенты в начале 60-х годов. // Из прошлого Казанского университета. Казань, 1930. С. 25-42.
6. Благовещенский А. История Казанской духовной семинарии с восемью низшими училищами за XVIII – XIX вв. Казань, 1881. 467 с.
7. Булич А.К. Николай Никитич Булич и современное ему Казанское общество. (Семейная переписка и воспоминания) // Из прошлого Казанского университета. Казань, 1930. С. 71-103.
8. Васильев М.А. Песни Казанского студенчества (1850–60-х гг.) // Из прошлого Казанского университета. Казань, 1930. С. 3-24.
9. Гацкий А. Воспоминания о Григоровиче, о Бутлерове, об Ешевском и др. // Былое из университетской жизни. Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. Казань, 1904. С. 105-117.
10. Записки Н.И. Мамаева // Исторический вестник. 1901. Т. 84. № 4. С. 46-83.
11. Корсаков Д.А. Былое из жизни Казанского университета 1856–1860 гг. Из воспоминаний о прошлом // Былое из университетской жизни. Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета. Казань, 1904. С. 136-190.
12. Краснова Ю.В. Историческое образование в столичных университетах России в конце 70-х гг. XIX – начало XX вв. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Челябинск, 2003. 24 с.
13. Макарова Н.И. (Недашковская Н.И.) Опыт деконструкции историографического образа ученого: В.И. Григорович // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. Вып.3. С. 169-180.
14. Мягков Г.П. Феномен «идеального учителя» в русской исторической науке // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции. Казань, 1998. С. 102-105.
15. Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. В.К. Пискорский в Казани // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: Сб. научных статей / Составитель и ответственный редактор Г.П. Мягков. Казань, 2019. С. 86-115.
16. Нагуевский Д.И. Петр Цеплин – первый профессор Казанского университета (1772–1832): Историко-литературный очерк. Казань, 1904. 358 с.
17. Назарьев В.Н. Жизнь и люди былого времени (Воспоминания, наброски, переписка) // Исторический вестник. Т. XLII. 1890. № 12. С. 710-733.
18. Немецкие ученые – профессора Казанского университета / Составители В.Г. Диц, А.В. Гарзавина, И.А. Новицкая. Казань, 2004. 180 с.

19. Новиков М.В., Перфилова Т.Б. "Это был человек труда": памяти М.М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10 (4). С. 166-173.
20. Овсянников А. Из воспоминаний старого педагога // Русская старина. Том ХСІХ. 1899. Вып. 7. С. 133-144.
21. Памяти профессора Н.А. Осокина // Камско-Волжский край. 1896. 1 января.
22. Руднева Я.Б. Профессор Н.А. Иванов: малоизвестные страницы университетского образования в России. Казань, 2008. 183 с.
23. Соколовский Н. Студенческие воспоминания // Русское слово. 1863. С. 1-40.
24. Университет в 1840-х годах. Из воспоминаний И.И. Михайлова // Былое из университетской жизни. Литературный сборник к 100-летию Казанского университета. Казань, 1904. С. 50-60.
25. Фигнер В. Воспоминания в 3-х томах. Т. 1. СПб., 2019. 414 с.
26. Хамматов Ш.С. Материалы о В.И. Григоровиче в национальном архиве Республики Татарстан // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России: Материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 141-153.
27. Ягудин Б.М. Н.А. Осокин и становление казанской школы всеобщей истории. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. 228 с.
28. Янишевский Э.П. Воспоминания бывшего ученика второй Казанской гимназии 40-х гг. Казань, 1896. 38 с.

Хамматов Шамиль Сабитullaевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Татарстан, г. Казань, Россия; 73_shamilo8@mail.ru

The image of the ideal Teacher in the memories of Kazan historians of the 2nd half of the XIX century

The article is devoted to the formation of the image of an ideal teacher among students of Kazan secondary educational institutions and students of Kazan University, which some of them reflected in their memoirs. Their materials make it possible to trace not only the value of the contribution made to spiritual production, but also to summarize the experience of their activities, to see its significant features.

Keywords: ideal teacher, memories, Kazan University, gymnasium, professors, lectures

Khammatov Shamil Sabitullaevich, Candidate of History, Senior Researcher, National Museum of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia; 73_shamilo8@mail.ru

УДК 091.6(075)18”

Пфаненштиль Н.Г.

Рукописные пометки в российских школьных учебниках XIX века как коммуникативные практики

Статья посвящена рассмотрению учебных руководств по всеобщей истории XIX века, выяснению роли и значения рукописных пометок в них, а также анализу возможностей их изучения как коммуникативных практик.

Ключевые слова: учебник, всеобщая история, рукописные пометки, историческая наука, педагогика, коммуникативные практики

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живеи.
Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем,
Бывал Онегин поражен,
В чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает:
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

А.С. Пушкин «Евгений Онегин»

Вместо предисловия. Прочитала у Айрис Мердок в «Черном принце», как одна из героинь делала пометки на полях «Гамлета» и задумалась... Например, я никогда не писала в книгах, даже карандашом. Дедушка с детства говорил, что книги портить нельзя. Если хочется что-то отметить или выразить какую-то мысль, надо взять тетрадку или блокнот. С детства именно так и делаю, но... Возможно, в пометках на полях есть свой шарм. Книга становится какой-то более живой, что ли [1].

В современном обществе с обилием электронных устройств и носителей информации и их активной популяризацией все реже можно встретить человека с печатной книгой в руках. Поэтому истинные книголюбы явственно делятся на два противоположных лагеря: тех, кто «консервативно предан» бумажной книге, и тех, кто предпочитает ее «модерновый» электронный вариант.

Среди поклонников печатных книг можно выделить читателей, что испытывают настоящий пиетет перед любым напечатанным словом, изданием и считают любые читательские пометки – «варварством», «неуважением» и попытками «испортить книгу»¹

¹ Все, наверное, помнят табличку на последних страницах советских учебников и книг, где отмечалось, в каком состоянии ты вернул их в библиотеку. Такое трепетное отношение к печатной книге имеет глубокие исторические корни. Вот один из пунктов правил пользования публичной библиотекой в середине XIX века: «18. Посетители пользуются выданными им в Библиотеке книгами со всевозможной бережливостью и не должны себе позволять ничего, что могло бы оные повредить, как то: загибать листы, писать на полях, даже и карандашом, марать и портить переплет и т.п. Замеченный в нарушении сего подвергается, в первый раз, уплате цены книги, по оценке Библиотеки, а во второй, сверх такой же уплаты, запрещению допускать его впредь к чтению и занятиям в библиотеке» [8, с. 9]. Эти мнения современных читателей и требование уважительного отношения к книге «...есть слепок с устоявшейся многовековой культурной традицией, с которой порвать, не осознавая ее, практически невозможно» [1].

(особенно, если эти книги не являются личной собственностью). И вторых – тех, кто находит любопытным и интересным возможность изучить (даже исследовать!) по этим пометкам размышления того или иного читателя (особенно, если этот читатель, например, – известный поэт, писатель, в целом выдающийся деятель), так как «это делает книгу личной».

А между тем, несмотря на строгие официальные запреты оставлять пометки в библиотечных книгах, вероятно, так (с карандашом в руке) тоже было принято читать собственные книги личных библиотек и в XVIII–XIX веках. Вышеприведенная цитата из А.С. Пушкина нам это явственно демонстрирует. Именно так, по заметкам на полях, Татьяна понимает характер Евгения Онегина.

В известном издании «Не надейтесь избавиться от книг!» есть описание того, что Умберто Эко оставляет пометки цветными карандашами в книгах, которые он читает, и эти пометки автор считает историей своих размышлений [11].

Между тем, **идея о важности специальных рукописных читательских пометок** в книгах не нова¹, и в исследованиях современных авторов находит глубокое научное обоснование их необходимости: обозначаются основные цели пометок [2], их разновидности, особенности правильного и эффективного использования, резюмируется несомненная польза. Таким образом, исследователи считают, что «читать с карандашом» – значит осваивать аналитическое чтение.

Более того, «карандашное = активное = осмысленное чтение» считается одним из составляющих элементов, приемов мнемотехник и упоминается в разных педагогических пособиях и рекомендациях по развитию памяти [4].

Некоторые ученые даже высказывают лирические убеждения, что «подчеркивания в книге – не акт вандализма, а проявление любви» и уважения к писателю, ибо «таким и должно быть чтение книги – оно должно напоминать разговор между вами и автором», так как «пустое благоговение перед бумагой, переплетом и краской

¹ «Что приобретается при чтении посредством пера – превращается в плоть и кровь» (Сенека). Есть свидетельства историков, изучающих наследие классиков марксизма-ленинизма, о том, что в книгах из личных библиотек В.И. Ленина и И.В. Сталина имеется множество пометок, комментариев. А пометки на полях книг из библиотеки Вольтера даже изданы в нескольких томах под названием «Корпус читательских помет Вольтера». В библиотеке поэта В.А. Жуковского десятки книг буквально испещрены записями [6].

² «Какие цели...? 1. Пометками устанавливаются приоритеты... 2. Выражается свое отношение к прочитанному... 3. Пометки помогают... структурировать текст... 6. Пометки способствуют тщательному обдумыванию и лучшему восприятию и запоминанию...» [6].

– это преклонение перед ремеслом издателя, а не гением автора». Эти исследователи настаивают на необходимости рукописных пометок: «Я хочу побудить вас *черкать* [курсив автора – *Н.П.*] между строк» [7].

С научной точки зрения, часть библиографов относят разные пометки в книгах библиотечных и архивных фондов к понятию «Аппарат книги». Это вся совокупность текстов и прочих знаков, не являющихся частью основного текста, но помогающих работать с последним – «вспомогательные тексты, сопровождающие произв. и создающие оптимальные условия для работы с книгой» [9]. Для научного определения именно рукописных пометок есть понятие – *маргиналии* (позднелатинское *marginalis* – «находящийся на краю», от латинского *margo* – «край») – рисунки и пометки на полях книг, рукописей, писем, содержащие комментарии, толкования, мнения относительно фрагментов текста.

Таким образом, рукописные пометки в книгах представляются важным источником информации, требующей тщательной интерпретации и анализа.

Данная статья представляет собой попытку авторского первоначального **теоретического осмысления** отдельного аспекта рассматриваемой проблемы – а именно, рукописных пометок в *российских школьных учебниках XIX века* как коммуникативных практик¹: причин их появления и особенностей в учебной литературе, информативности, возможного значения для анализа учебников как исторического и (возможно?) историографического источника.

Далее необходимо будет осуществить комплексный сбор объемного «полевого материала», то есть конкретных рукописных пометок в российской учебной литературе XIX века по всеобщей истории, а также проанализировать, систематизировать (возможно, и классифицировать) их, затем резюмировать – определить и обосновать значение этих пометок как коммуникативных практик.

Итак, традиционно российских методических пособиях утвердилось мнение, что «школьный учебник – это массовая учебная книга, излагающая предметное содержание образования и определяющая виды деятельности, предназначенные для обязательного

¹ «Коммуникативные практики – это упорядоченные совокупности образцов рациональной деятельности, направленной на передачу / прием социально-значимой информации. Коммуникативные практики – это также постоянное воспроизводство систем коммуникаций различного уровня... Именно реализуя коммуникативные практики, индивид... осуществляет выбор действия, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации, а также репрезентует систему знаний, норм, ценностей и образцов поведения, принятых в конкретной коммуникативной среде» [2].

усвоения учащимися с учетом их возрастных и иных особенностей» [10, с. 21]. То есть основная особенность учебной литературы – это ее «учебно-нормативный», «директивный» характер – учебник четко и конкретно определяет, что именно и в каком объеме необходимо изучить школьникам (в соответствии с учебными планами и программами конкретного времени). С этой точки зрения, вероятно, рукописных пометок в учебниках должно быть количественно меньше, чем в целом в остальных видах книг. С другой стороны, необходимо учитывать, что в XIX веке в семьях гимназистов учебная литература, в том числе, приобреталась для личного использования, а значит – была имуществом учащегося и собственные рукописные пометки, возможно, могли встречаться часто и не считались чем-то зазорным, предосудительным. Это противоречие в гипотезе возможно разрешить, только обработав достаточный объем конкретного материала – то есть конкретных учебников по всеобщей истории XIX века и пометок в них.

Интересным представляется попытаться проследить, как отличались пометки в учебниках, изданных и используемых в «либеральные» учебные периоды (начало XIX века, 50–60-е годы) и «периоды реакции» (уваровская, толстовско-дедяновские «эпохи»). Можно ли выявить особенности «влияния времени» на отношение к учебной литературе (и к учебному процессу?) через рукописные пометки в ней?

Тут же возникает новая «проблема» – как выявить и проследить особенности разных «пластов» рукописных пометок? Ведь один и тот же учебник мог использоваться в семье или библиотеке при обучении в разные периоды несколькими поколениями учащихся (например, известные «иловайские» учебники [см.: 3], которые применялись в учебной практике практически на всем протяжении XIX века), соответственно и рукописные пометки могли быть оставлены в разное время и разными людьми. Возможно, для начала правильнее и логичнее будет использовать для анализа учебники «одних рук», то есть только те, что достоверно принадлежали одному гимназисту (а это уже непростая задача поиска именно таких учебников по истории).

Еще одна сложная источниковедческая задача – выявить и исследовать ту учебную литературу в оригинале, которой пользовались известные ученые – в будущем – сами авторы новых учебников по всеобщей истории (это историки конца XIX века П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, Р.Ю. Виппер). Или, возможно, их рукописные пометки (если таковые имелись?) в «своих» же (авторских) учебни-

ках перед очередным переизданием¹. В этом русле рукописные пометки ученых можно будет рассматривать как «своеобразный интеллектуальный дневник», в котором «по-прежнему будут... мысли, выражающие согласие, несогласие, сомнения или вопросы» [7].

И наконец, важный «философский», «метафизический» аспект проблемы.

Если рукописные пометки на страницах книг и учебной литературы по истории в частности – коммуникативные практики, то с кем и как осуществляется эта коммуникация?

Возможно, Читателя с Автором? Тогда это характеризует глубину читательского познания, неподдельный интерес учащегося к изучаемым темам.

Вероятно, Читателя с самим собой? В этом случае, исследователю будет особенно интересно изучить, какие события всемирной истории привлекают наибольшее внимание ученика/ов и почему, какую реакцию, эмоции вызывают.

Не исключено, что Читателя с другим Читателем (следующим владельцем или пользователем книги)? Это тоже вполне возможный вариант, учитывая детско-юношеский возраст и соответствующие психологические особенности юных читателей школьных учебников.

Или *возможны* несколько / все варианты коммуникаций одновременно? В каких видах и формах (знаках, символах, подчеркиваниях, комментариях и пр.) она осуществляется?

Таким образом, в настоящее время рассмотренная проблема вызывает больше вопросов, чем предполагает ответов на них. Необходимо разработать конкретные методики и приемы изучения и анализа рукописных пометок на страницах российских книг XIX века (и в частности, учебников по всеобщей истории) как коммуникативных практик.

Резюмируя, отметим, что в данной статье изложен ряд гипотез. Это предположения о возможном значении рукописных пометок (в книгах в целом и учебной литературе по истории) как коммуникативных практик, которые, вероятно, также могут быть использованы исследователями-историками как источник дополнительной информации для анализа учебников, учебного процесса в разные исторические периоды XIX века, возможно даже – для изучения историко-педагогических взглядов ученых того времени.

¹ Учебники по всеобщей истории этих авторов – известных ученых рубежа XIX–XX веков выдержали несколько переизданий и пользовались большой популярностью.

В качестве лирического заключения: «Кажется, именно поработав с книгой, обдумав, записав... можно с уверенностью сказать, что ты понял всё, что хотел сказать автор. Но самое прекрасное в истории размышлений, оставленной на страницах книги, – это возможность передать ее в будущее... И кто знает, может быть, какие-то из моих замечаний на полях помогут... в трудную минуту или вдохновят на что-то» [5].

Библиография

1. Вересова Л.А. Вы так делаете? – URL: <https://bookmix.ru/blogs/note.phtml?id=23632> (дата обращения: 18.11.2021 г.).
2. Зотов В.В., Лысенко В.А. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества. – URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/3/sociologiya/zotov-lysenko.pdf (дата обращения: 18.11.2021 г.).
3. Иловайский Д.И. Средняя история. Курс старшего возраста. Изд. 4. М.: Тип. И. Грачева и К^о, 1871. 232 с.; Изд. 23, пересм. М., 1902. 224 с.
4. Козаренко В.А. Учебник мнемотехники. М., 2002. – URL: www.mnemo-tehnika.narod.ru (дата обращения: 18.11.2021 г.).
5. Козловская П. А вы делаете пометки в книгах? – URL: <https://snob.ru/profile/5858/blog/17165> (дата обращения: 18.11.2021 г.).
6. Медведев Н. Nota bene или пометки в книге. – URL: <http://tehread.ru/nota-bene-ili-pometki-v-knige.html> (дата обращения: 18.11.2021 г.).
7. Мортимер А. О пользе подчеркивания в книгах. – URL: <http://rgorovedi.ru/resource/how-to-mark-a-book/> (дата обращения: 18.11.2021 г.).
8. Правила для посетителей Императорской Публичной библиотеки. Высочайше утверждены 1 декабря 1851 года. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1852. С. 9. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_v19_rc_1288613/ (дата обращения: 18.11.2021 г.).
9. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. – URL: https://humanities_dictionary.academic.ru/1199/Аппарат_книги (дата обращения: 18.11.2021 г.).
10. Студеникин М.Г. Методика преподавания истории в школе. М., 2004.
11. Умберто Э., Карьер Ж.-К. Не надейтесь избавиться от книг! М., 2010. [Французский оригинал: Jean-Claude Carriere & Umberto Eco. N'espérez pas vous débarrasser des livres. Paris, 2009].

***Пфаненштиль Надежда Георгиевна**, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Российский государственный университет правосудия, Казанский филиал, г. Казань, Россия; nfedorova83@mail.ru*

Handwritten notes in russian school textbooks of the XIX century as communicative practices

The article is devoted to the study of educational manuals on the general history of the XIX century, clarifying the role and meaning of handwritten notes in them, as well as analyzing the possibilities of their study as communicative practices.

Keywords: *textbook, general history, handwritten notes, historical science, pedagogy, communicative practices*

***Pfanenshtil Nadezhda Georgievna**, Candidate of History, Assistant Professor, Department of social Sciences and Humanities, Kazan branch of the Russian state University of justice (Kazan), Kazan, Russia; nfedorova83@mail.ru*

Кутузова А.А., Русанова В.С.

**Образы учителей в памяти учеников
(на примере воспоминаний Я.М. Захера
и П.А. Сорокина о М.М. Ковалевском и Н.И. Карееве)**

Авторы задаются вопросом о проблеме сохранения образов учителей в памяти учеников, научной преемственности, сохранения научного наследия и продолжения традиций, заложенных в период формирования молодого поколения ученых.

Ключевые слова: научная преемственность, категория «учитель/ученик», «русская историческая школа», Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин, Я.М. Захер

Проблемы памяти в исследовательском поле исторической науки не теряют своей актуальности, напротив, к изучению образов прошлого, зафиксированных в индивидуальной и коллективной памяти, обращается все больше отечественных историков. В числе важных для изучения видится и исследование сюжетов микроистории, к которым, полагаем, относится заявленная в заголовке статьи проблематика. Сегодня на повестке дня стоит вопрос и о том, кто такой современный учитель, в чем заключаются его функции, влияет ли личность учителя на формирование личности ученика, а если влияет, то как и каким образом память об учителе отзывается в жизни его учеников? В связи с заданными вопросами, авторы видят предмет настоящего исследования не в изучении личности учителя как таковой (в статье речь будет идти о выдающихся деятелях отечественной и мировой науки – Н.И. Карееве и М.М. Ковалевском), а выявлении образов указанных ученых, сформировавшихся в памяти двух их учеников, не менее известных в отечественной и зарубежной гуманитаристике – П.А. Сорокина и Я.М. Захера. Добавим, что подборка «главных героев» не является случайной. Я.М. Захер и П.А. Сорокин были хорошо знакомы и активно взаимодействовали в студенческие годы [14], Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского связывала многолетняя крепкая дружба. И П.А. Сорокин, и Я.М. Захер оставили немало свидетельств, воспоминаний (некрологи, статьи, мемуары) о своих учителях. По данным Ю.В. Дойкова, П.А. Сорокин даже планировал издать монографию о М.М. Ковалевском вскоре после кончины последнего [1, с. 84]. Заглянем же в имеющиеся документы.

Среди многочисленных некрологов и статей о М.М. Ковалевском, появившихся на страницах московской и петербургской прессы на следующий день после смерти ученого 23 марта (5 апре-

ля) 1916 г., встречается по меньшей мере пять, принадлежащих перу Питирима Сорокина. С первых же строк в воображении читателя формируется образ обаятельного, добродушного человека. Особое внимание Сорокиным акцентируется на выдающихся способностях и достижениях Максима Максимовича в научной и преподавательской деятельности. «М.М. Ковалевский – прежде всего ученый, прежде всего профессор Божьей милостью, а затем уже общественный деятель, публицист, государственный политик и т.д.», – отмечает социолог [9, с. 68].

В некрологе «Памяти дорогого учителя и обожаемого друга», размещенном в «Русских ведомостях» 24 марта 1916 г., Сорокин в качестве знаковой черты личности Ковалевского выделяет его «удивительную работоспособность. С 8 утра до 1-2 часов ночи он все время работал, не жалуясь на усталость» [11, с. 3]. Дополняет образ Ковалевского-учителя заметка о нем как лекторе: «<...> Медленно, переваливаясь, входил он в аудиторию, садился и начинал свою, как будто только что прерванную беседу. <...> Каждый его экскурс в детали той или отдельной проблемы был лишь основательной иллюстрацией общего вопроса» [10, с. 20]. Умение Максима Максимовича расположить к себе каждого, кто находился в аудитории также, по мнению Сорокина, является отличительной чертой образа Ковалевского как педагога.

Спустя 47 лет Питирим Александрович, уже будучи состоявшимся ученым в своем автобиографическом романе несколько раз вновь упоминает своего дорогого учителя, но уже без тех ярких, воодушевляющих, образных эпитетов и характеристик, которые были присущи его первым заметкам о Ковалевском. В мемуарах его взгляд на учителя сильно преломляется через оценки личных заслуг в годы обучения и первых лет научной и преподавательской деятельности. Роль учителя, можно сказать, оттеняется достижениями ученика. К примеру, Сорокин пишет: «В результате незаслуженно высокой оценки моих скромных научных достижений на втором и третьем курсах университета Ковалевский предложил мне должность своего частного секретаря и ассистента в исследовательской работе <...>». П.А. Сорокин умалчивает, что эту должность он делил со своим близким другом Н.Д. Кондратьевым [7, с. 18-25]. Ковалевский для Сорокина, судя по содержанию мемуаров последнего, теперь, спустя более сорока лет, «ученый с мировым именем», «специалист в областях социологии, антропологии, философии, экономической истории» [8, с. 58].

Что же касается Я.М. Захера, то здесь ситуация сложнее. Для Якова Михайловича Ковалевский не был учителем в прямом смысле этого слова. Для него особую роль сыграло то, что в период обу-

чения в Тенишевском училище он неоднократно присутствовал на заседаниях Юридического общества, возглавляемого М.М. Ковалевским и И.И. Петрункевичем: «Гражданские служения совершались М. Ковалевским, Родичевым, Николаем Федоровичем Анненским, Батюшковым и Овсянниковым-Куликовским» [5, с. 117]. Заседания проходили в стенах училища и воспитанники могли наблюдать за выступлениями мастеров своего дела. Память о Максиме Максимовиче выразилась в формировании интересов будущего ученого. Поступив на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, Захер проявил немалый интерес к социологии. Принимая участие в работе кружка по уголовному праву, Захер подготовил доклад на тему «Социологическая школа». Позднее он активно включился в более масштабную работу. Несмотря на специализацию по уголовному праву, студентам предоставлялась возможность попробовать себя в статистике и социологии. Это подтверждается той работой, которая была выполнена силами кружка уголовного права. Студентам было предложено заняться разработкой материалов Санкт-Петербургского общества защиты детей от жестокого обращения для съезда исправительно-воспитательных учреждений. Было собрано и обработано более 2000 анкет, изучено 1600 дел общества. Самое деятельное участие в работе приняли 8 студентов, среди которых выделяется Я.М. Захер [6, с. 355]. В дальнейших изысканиях Захер обращался к наследию Ковалевского, использовал в том числе и социологические методы в своей работе. Несмотря на отсутствие прямого указания на Ковалевского как учителя, тот оказал на Захера неизгладимое впечатление, а дальнейшее общение с соратниками выдающегося социолога укрепило уважение и признание вклада ученого.

Теперь же наступило время обратиться к образу Н.И. Кареева.

22 ноября 2018 г. в Санкт-Петербурге на Смоленском кладбище была проведена церемония открытия восстановленной надгробной плиты на фамильном захоронении Кареевых. На церемонию пришла большая группа студентов-историков СПбГУ, один из которых отметил, что *«Николай Иванович Кареев внес большой вклад в развитие и изучение не только французской истории в нашем университете, но также и польской истории, философии истории. Мы знаем его имя благодаря нашим учителям, которые хранят историческую память. Я надеюсь, что и мы, став впоследствии преподавателями в нашем и других университетах, также будем хранить память об ученых, которые каждый день вносят вклад в развитие исторической науки»* [12]. Это слова были произнесены спустя 87 лет с момента смерти Н.И. Кареева. Они свидетельствуют о том, что память об учителях, ученых, внесших существенный вклад

в развитие отечественной науки и образования, передается их учениками из поколения в поколение.

Н.И. Кареев является ярким примером педагога, воспитавшего целую плеяду ученых, научные достижения которых впоследствии получили признание не только в России, но и за рубежом. Среди учеников Николая Ивановича и наши герои. Забегая вперед, отметим, что Я.М. Захер находился с Н.И. Кареевым в более тесном контакте, нежели П.А. Сорокин. Однако это обстоятельство не умаляет роли Николая Ивановича в судьбе последнего.

Я.М. Захер был среди тех, кто в год празднования 50-летия научной деятельности Н.И. Кареева публично выразил свое почтение и уважение дорогому учителю. «Большое нравственное удовлетворение, — вспоминал юбиляр, — доставило и устройство в самом кружке празднования моего пятидесятилетнего юбилея (13 июня 1923 года), которое некоторые из них ознаменовали участием своими работами в юбилейном сборнике под заглавием "Из далекого и близкого прошлого"» [3]. В числе участников сборника были В.В. Струве, Д.П. Кончаловский, Д.М. Петрушевский Я.М. Захер и другие. П.А. Сорокин по понятным причинам участие в подготовке сборника не принимал. 20 сентября 1922 г. он эмигрировал из России.

Довольно эмоциональным, теплым, пронизанным глубокой признательностью к учителю видится посвящение к сборнику. Прочитируем его фрагмент. *«Нас одобряют и поддержат множества русских людей всех возрастов и состояний, которые Вас знают, на жизнь и личность которых непосредственно — учением, общением, словом, письмом, — или посредственно, своими трудами, Вы оказали просвещающее, научное, идейное, общественное или моральное влияние»* [3, с. 5]. Далее, составители обращают внимание читателей сборника на основополагающей черте ученого, выражающейся в *«нерушимой вере в великое, руководящее и действительное значение науки как таковой, беспристрастном искании истины и освещения ею, по мере открытия, своих путей»*, и обязуются продолжать дело Н.И. Кареева [3, с. 5].

Н.И. Кареев умел заинтересовать студентов, вовлечь в изучение той проблематики, над которой сам работал ни одно десятилетие. Об этом свидетельствуют в том числе многочисленные монографии Я.М. Захера, ставшие в дальнейшем знаковыми для отечественных и зарубежных ученых. К числу научных достижений Якова Михайловича относятся такие исследования, как «Парижские секции 1790–1795 гг.: Их политическая роль и организация» (1921), «История Великой французской революции» (1923–1927), «Великая французская революция и церковь» (1930–1931), «Бешеные»

(1930) и др. Понятно, что все эти исследования были проведены на основе тех знаний и при помощи тех навыков, которые Яков Михайлович перенял у Н.И. Кареева.

Конечно, влияние учителя на ученика состоит не только и быть может не столько в получении новых знаний, навыков исследовательской работы. Личным жизненным примером учитель способен повлиять и на формирование личности своих учеников. К примеру, Н.И. Кареев ценил честность, искренность, справедливость, порядочность и интеллигентность, будучи сам наделен всеми этими качествами. Эти же черты проявились впоследствии и у Я.М. Захера. Они выражались в его стремлении отстаивать свои научные и общественные взгляды. Все это иллюстрируется наглядным примером отношения к «Академическому делу» и попыткой отстраниться от критики Е.В. Тарле.

На протяжении всей жизни Я.М. Захер сохранял добрую память о своем учителе. Он по-прежнему придерживался «заветов» Н.И. Кареева и оставался верен исторической науке. Определенную роль Николай Иванович сыграл и в судьбе П.А. Сорокина.

Однако в отличие от Я.М. Захера П.А. Сорокин не считал Н.И. Кареева своим учителем, несмотря на то что познакомился с выдающимся историком еще будучи учеником Черняевских курсов. Как справедливо отмечает В.П. Золотарев, за «более чем десятилетие между ними установились доверительные личные отношения и прочные научные связи» [2, с. 89]. Думаем, что он, как и Яков Михайлович, хранил теплые воспоминания о Н.И. Карееве, так как последний сделал немало для интеллектуального роста Сорокина.

Как видим, прямых свидетельств о Н.И. Карееве в воспоминаниях Сорокина и Захера не обнаруживается, что в общем несколько затрудняет понимание, каким Н.И. Кареев предстает в памяти своих учеников в течение жизни. Однако косвенные свидетельства дают основания утверждать, что образ учителя оценивался положительно, а его влияние отчетливо проявилось в научной деятельности Я.М. Захера и П.А. Сорокина.

Библиография

1. Дойков Ю.В. Питирим Сорокин в Праге. 1922–1923. Архангельск, 2009. 146 с.
2. Золотарев В.П. Н.И. Кареев и П.А. Сорокин // Наследие. 2013. № 3. С. 78–89.
3. Из далекого и близкого прошлого: сб. этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н.И. Кареева. М; Пг., 1923. 310 с.
4. Кутузова А.А., Русанова В.С. Питирим Александрович Сорокин и Яков Михайлович Захер: университетские годы жизни // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. №3. С. 772–783.
5. Мандельштам О. Египетская марка. Л.: Прибой, 1928. 187 с.

6. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1913 год / Под редакцией и.д. экстраординарного профессора И.Д. Андреева. С приложением актов речи ординарного профессора А.А. Иванова. СПб., 1914. – URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003904257/ (дата обращения: 11.12.2017).

7. Соболев В.С. Питирим Сорокин — секретарь и ассистент академика М.М. Ковалевского (Неизвестные автографы П.А. Сорокина в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН) // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 3. С. 18-25.

8. Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. 304 с.

9. Сорокин П.А. Духовный облик Ковалевского как мыслителя // Кузнецова Д.И. Профессор Ковалевский в Московском университете (по материалам воспоминаний М.М. Ковалевского и его современников) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2005. № 3.

10. Сорокин П.А. М.М. Ковалевский, как профессор // Путь студенчества. 1916. № 2/3. С. 20.

11. Сорокин П.А. Памяти дорогого учителя и обожаемого друга // Русские ведомости. 1916. № 69. С. 3.

12. Универсанты восстановили надгробие Н.И. Кареева на Смоленском кладбище // Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. – URL: <https://history.spbu.ru/1606-about-kareev.html> (дата обращения: 11.11.2021).

Кутузова Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и методики преподавания общественно-правовых дисциплин Института истории, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; azzazell-x@mail.ru

Русанова Вера Сергеевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран Института истории и права, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; vera.petrashun@yandex.ru

Images of teachers in the memory of students (on the example of the memoirs of Y.M. Zakher and P.A. Sorokin about M.M. Kovalevsky and N.I. Kareev)

The authors ask about the problem of preserving the images of teachers in the memory of students, scientific continuity, preserving the scientific heritage and continuing the traditions established during the formation of the young generation of scientists.

Keywords: scientific continuity, teacher/student category, Russian historical school, N.I. Kareev, M.M. Kovalevsky, P.A. Sorokin, Ya.M. Sacher

Kutuzova Anastasia Alexandrovna, Candidate of History, Lecturer at the Department of History and Methods of Teaching Public Law Disciplines of the Institute of History and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», Syktyvkar, Russia; azzazell-x@mail.ru

Rusanova Vera Sergeevna, Candidate of History, Lecturer at the Department of History of Russia and Foreign Countries, Institute of History and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia; vera.petrashun@yandex.ru

Корзун В.П., Волошина В.Ю.

**Преемственность VS борьба за место под солнцем:
поколенческий ракурс научного сообщества
эмигрантских историков в Праге (1920–1930-е гг.)**

В фокусе внимания данной статьи – поколенческая история эмигрантского общества в Праге во второй половине 1920–1930-х годов. Опираясь на генерационный подход и наработки интеллектуальной истории, авторами сделан вывод о поколенческой неоднородности пражского гуманитарного сообщества и обострении межпоколенных отношений в различных социальных и методологических контекстах. В поколенческой оптике проанализированы два сюжета «председательский кризис» в Историческом обществе в Праге и внутренняя оппозиция концептуальным построениям Г.В. Вернадского.

Ключевые слова: эмигрантское научное сообщество, поколение, пражское сообщество историков, «председательский кризис РИО», евразийство, конфликт

В социальной истории науки важное место занимает проблема смены поколений. Интенсивно развивающийся генерационный подход к анализу научных сообществ дает возможность более объемно представить их гетерогенность, выявить пружины внутренних конфликтов, которые могут рассматриваться и как факторы мобилизации и переформатирования научных коллабораций, и как факторы дестабилизации, вплоть до тотальной их фрагментации. Причем эта проблема является не только гносеологической для историков науки, но и зачастую реально-осмысливаемой и решаемой на практике участниками живого историографического процесса: здесь и сейчас.

Напомним, поколенческая общность, в том числе и в науке, складывается на протяжении 20–25 лет. Как отмечает Л.А. Сидорова, «личности, составляющих поколения людей, складывались под воздействием господствовавшей системы воспитания и обучения, политических и духовных запросов современного им общества» [7, с. 344]. Смена поколений в науке приобретает особо болезненный характер, когда естественный демографический процесс (учитель и ученики, «отцы и дети») совпадает с грандиозными социальными катаклизмами, сменой методологических ориентиров, институциональными изменениями в системе организации науки, невозможности получения образования, дальнейшего трудоустройства и т.п. В эти моменты манифестация своих позиций и притязаний в профессиональных сообществах сопровождается, как правило, апелляцией к классикам как в позитивном плане – присвоением, так и в негативном – низвержением их. То есть

сложность, проблемность самоидентификации провоцирует обострение корпоративной памяти. На эту особенность обратил внимание современный интеллектуальный историк Аллан Мегилл, заметивший: «Когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти» [6, с. 138].

Итак, в центре нашего повествования «поколенческая история» эмигрантского сообщества историков в Праге в 1920 – 30-е годы. При этом обратим внимание, что понятие «пражского исторического сообщества» в нашем случае достаточно условно, поскольку, во-первых, оно включало в себя не только профессиональных историков, но и гуманитариев в самом широком смысле (специалистов в области истории права, литературы, экономики и т.п.). А, во-вторых, не все его представители постоянно жили в Праге. Так, к примеру, П.Н. Милюков жил в Париже, но часто приезжал в Прагу и принимал активное участие в деятельности РИО. Во второй половине 1920-х гг. покинули Прагу Е.В. Спекторский и Г.В. Вернадский (1927). Сообщество было неоднородным и в поколенческом плане и включало профессоров, получивших это ученое звание еще до революции [Е.Ф. Шмурло (1853–1934), П.Н. Милюков (1859–1943), А.А. Кизеветтер (1866–1933), П.Б. Струве (1870–1944), Е.В. Спекторский (1875–1951), В.А. Францев (1867–1942)], их младших коллег приват-доцентов, защитивших магистерские диссертации в первые десятилетия XX века [Г.В. Вернадский (1887–1973), А.В. Флоровский (1884–1968), Н.Л. Окунов (1886–1949), П.А. Остроухов (1885–1965)], и молодых людей, оставленных в дореволюционных вузах для приготовления к профессорскому званию, но не успевших реализоваться в науке, выброшенных революцией и Гражданской войной на чужбину [П.Н. Савицкий (1895–1968), Б.А. Евреинов (1888–1933), А.Ф. Изюмов (1885–1950), Е.Ф. Максимович (1896–1965), С.Г. Пушкарев (1888–1984), В.В. Саханев (1885–1940)]. Хотя некоторые из них по возрасту вполне могут быть отнесены ко второму поколению.

Подчеркнем, что мы не являемся первооткрывателями в обозначении такого ракурса. Поколенческую сетку к различным эмигрантским сообществам уже применяют современные исследователи. Например, А.Ю. Дворниченко, рассматривая историографическую судьбу Г.В. Вернадского, его евразийский проект, отмечает влияние общественно-политической ситуации в стране на социальное формирование поколенческой генерации ученых историков. Он сравнивает условия, в которых проходило становление поколений 1860–1870 гг. и 1880–1890-х гг., подчеркивая, что глубокие политические потрясения, которые пришлось пережить в период становления последнему из названных поколений, наложили

отпечаток на ход его историософских исканий. «Поколение, к которому принадлежал Г.В. Вернадский, как полагает А.Ю. Дворниченко, в наибольшей степени оказалось перед необходимостью понять то, что происходило на их глазах: падение самодержавия, русскую смуту, возрождение российской государственности в новой <?> форме. В этом смысле евразийство, безусловно, было плодом катастрофы. В то же время это поколение не настолько окостенело, чтобы застыть в одном каком-нибудь чувстве, например, ненависти, оно видело и определенные успехи советской власти» [3, с. 168-169]. При этом основными оппонентами евразийства становились как раз представители предыдущего поколения, формирование которого проходило в иных условиях. А.Ю. Дворниченко рассматривает поколенческий сюжет весьма фрагментарно, что называется «бегущей строкой» к характеристике главных фигур повествования. Понятно, что эта тема весьма обширна и заслуживает специального исследования. В своей статье мы остановимся на двух сюжетах, достаточно известных в эмигрантоведении, но которые мы рассмотрим в поколенческой оптике. Речь пойдет о «председательском кризисе» в Русском историческом обществе (РИО) в Праге и о внутренней оппозиции концептуальным построениям Г.В. Вернадского.

В Зарубежье проблема преемственности и смены поколений, в том числе на методологическом уровне, осложнялась нестабильностью материального и правового положения ученых, неизбежной конкурентной борьбой внутри научного сообщества «за место под солнцем». В первой половине 1920-х гг., когда среди эмигрантов царил «чемоданное настроение», и они, будучи уверенными в скором возвращении, стремились сохранить существующие в дореволюционном научном сообществе традиции и этические нормы, поколенческая проблема не была столь актуальной. Наоборот, они стремились к консолидации, чем во многом и объясняется вышеупомянутый факт о членстве в РИО не только ученых, занимающихся собственно историей. Но к концу 1920-х гг. ситуация существенно меняется. Во-первых, укрепление внутреннего и международного положения СССР окончательно разрушает надежды на возвращение в обозримом будущем. Во-вторых, разразившийся в конце 1920-х гг. мировой экономический кризис заставляет большинство государств принимать законы, направленные на защиту национального рынка. Так, в 1928 г. в Чехословакии были приняты ограничения в приеме на работу иностранцев, приехавших в страну после 1 мая 1923 г. В случае сокращения они должны были увольняться в первую очередь. С этого времени в Чехословакии начинается свертывание «Русской акции», за счет которой фи-

нансировались многие институции научного сообщества. В изменившихся условиях естественный уход из жизни авторитетных представителей старшего поколения (Кизеветтер и Шмурло) обострил борьбу среди молодой генерации историков за новые статусы и возможности трудоустройства.

Проиллюстрируем этот драматичный процесс на конкретном примере. Свертывание «Русской акции» отразилось на Русском историческом обществе, созданном в Праге в 1925 г. Под гнетом материальных проблем часть историков покидает Чехословакию. В 1927–1930 гг. в поисках лучшей доли из Праги уехали такие видные ученые, как Е.В. Спекторский, П.Б. Струве, Г.В. Вернадский, В.А. Мякотин, в 1933–1934 гг. ушли из жизни А.А. Кизеветтер, Б.А. Евреинов, Н.С. Жекулин и Е.Ф. Шмурло. На этом фоне обозначились внутрикорпоративные конфликты, которые зарождались, конечно, раньше, но в условиях нестабильности они стали приобретать почти необратимый характер. Самый резонансный из этих конфликтов возник в связи с необходимостью избрания нового председателя общества после смерти А.А. Кизеветтера. Временно исполнявший обязанности председателя ученый-правовед, профессор Аркадий Николаевич Фатеев отказался от этой должности. М.В. Ковалев в своей монографии подробно останавливается на причинах и сути конфликтной ситуации, сложившейся в РИО к середине 1930-х гг. [4, с. 166–172].

Применительно к нашему сюжету можно сказать, что «борьба за власть» в пражском сообществе русских историков-эмигрантов в конечном счете переходит на личностный уровень и постепенно превращается в войну амбиций и честолюбий представителей разных поколений. Динамику нарастания конфликта можно проследить по письмам А.Ф. Изюмова, входящего в то время в правление РИО, к его другу М.М. Карповичу. В апреле 1933 г. А.Ф. Изюмов пишет: «Пражская эмиграция живет уныло: все сокращаемся и сокращаемся <...> Теперь на очереди историческое общество. Тут дело благополучно не пройдет из-за Антона Маленького [А.В. Флоровского – *В.В.*, *В.К.*]. Не решен вопрос о председателе. Фатеев, возможно, откажется, а Флор<овского> так называемые «молодые историки» не хотят выбирать. В товарищи председателя метят Евр<еинов> и Сах<анев>» [I, л. 108]. В январе 1935 г. он написал М.М. Карповичу: «Живем, хотя Сах-в [Саханев – *В.В.*, *В.К.*] поднял смуту, не пойму, то ли против председателя, то против всех нас. Ах, какой несносный характер – истерик, каких мало. Я всегда спускал ему, но сейчас и я готов с ним ругаться» [I, л. 120]. В письме от 26 июня 1936 г. читаем: «Вчера произошла-таки революция в Историч<еском> Обществе. Обсуждение устава приняло такой

истерический и личный против председателя характер, что я первый заявил, что при таких выпадах я не могу оставаться в правлении, за мной последовали и остальные, кроме Пушкаря [С.Г. Пушкарева – *В.В., В.К.*], который не был на собрании. Выбрали 5 членную комиссию – Фатеева и Пушкарева заочно, из присутствующих – Саханева, Новожилова и Еленева, т.е. всю оппозицию... <...> Может быть, это немного успокоит страсти, а может быть, будет началом конца. Будем стараться, чтобы последнего не случилось, но право же, надоел истерический террор. Пусть лучше поработают» [I, л. 132]. Однако попытки сгладить противоречия не принесли желаемых результатов, и в январе 1937 г. А.Ф. Изюмов пишет: «В Обществе кризис продолжается. Боюсь, он начинает принимать смертельный характер» [I, л. 134]. В 1937 г. А.Н. Фатеев все же был вынужден уйти с должности и.о. председателя, и на его место избрали А.В. Флоровского.

Но конфликты не прекратились, и раскол в РИО сохранялся. По мнению М.В. Ковалева, А.В. Флоровскому многие банально завидовали, поскольку он был одним из немногих русских историков, сумевших интегрироваться в чехословацкую научную среду [4, с. 168]. Профессиональная конкуренция теперь доходит до личной неприязни, начинаются конфликты на бытовой почве, доводящие до рукоприкладства и судебного разбирательства, что, безусловно, мешало работе общества. Не помогла даже последующая отставка А.В. Флоровского и избрание Е.А. Ляцкого. Кроме того, после оккупации Германией Чехословакии весной 1939 г. все эмигрантские научные и учебные организации попадали под контроль немецких властей, прекратились и научные связи общества с другими центрами зарубежья. Непрекращающиеся внутрикорпоративные конфликты и изменение политической ситуации в стране привели в конечном счете к превращению РИО из научного сообщества в просветительскую организацию и последующему исчезновению.

Этот казус, как представляется, подтверждает известную максиму о значимости лидера/учителя в любом научном сообществе. Лидера, как правило, принадлежащего к старшему поколению, являющегося скрепой коллаборации, сдерживающего в ней разновекторные тенденции. Его уход из жизни зачастую провоцирует борьбу между представителями молодого поколения «за место под солнцем».

Теперь обратимся к другому сюжету. Как известно, в эмиграции складывается и развивается евразийская концепция русской истории, и Г.В. Вернадский является наиболее последовательным ее разработчиком. В 1927 году в Праге выходит в свет

его знаменитая книга «Начертания русской истории» [1], встретившая, как, собственно, и само евразийство, серьезную критику в эмигрантском научном сообществе. Причем главными критиками были представители поколения «старших историков» и философов: П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, Н.А. Бердяев, А.В. Флоровский, И.А. Ильин. Среди историков наиболее яростно и последовательно критиковали Г.В. Вернадского П.Н. Милюков и А.А. Кизеветтер.

Любопытно, что до конца 1920-х годов в советской России работы историка не подлежали столь критическому разбору, а, судя по его переписке с историками в СССР, кстати, многие из них были представителями «старой школы», работа получила положительные оценки. Так, в Славянской библиотеке в фонде П.Н. Савицкого сохранился реестр рассылки книги Вернадского [II]. К этому времени Г.В. Вернадский уже обосновался в США в Нью-Хейвене, и по его просьбе книга из Праги рассылалась по указанным адресам. Среди российских адресантов значились 27 человек, в том числе С.В. Рождественский, М.Д. Приселков, С.А. Жебелёв, В.Н. Бенешевич, Б.Д. Греков, А.Е. Пресняков, А.И. Заозерский, С.В. Юшков, Я.Л. Барсков, А.И. Андреев, Б.А. Романов, П.Г. Любомиров, Б.Я. Владимирцев, С.Н. Чернов, П.Г. Васенко, В.М. Истрин, И.М. Гревс, С.Ф. Платонов, Н.К. Анциферов, А.Н. Насонов, А.Н. Самойлович, С.Н. Валк, Ю.В. Готье, М.К. Любавский, А.И. Яковлев, С.Б. Веселовский, И.А. Бычков [2, с. 88-89]. В этом документе весьма любопытна ремарка, кто откликнулся, а кто нет на рассылку. Положительно откликнулись Сергей Федорович Платонов, Федор Иванович Успенский, Сергей Александрович Жебелёв.

Эти различия в восприятии построений Вернадского объясняются не только сложностями и неоднозначностью российской истории, но и различным социальным и профессиональным опытом представителей различных поколений. Евразийцы, и в их числе Вернадский, восстали против идей и целей старшего поколения, сконструировавшего в различных вариантах концепцию Руси, как европейского государства. Трагедия падения Империи и пафос перформативирования истории как науки создавали энергию поиска новых, синтетических построений, объясняющих происходящее. Интересно замечание на этот счет немецкого исследователя, высказанное еще в 1990-е годы: «Радикальное новое есть не что иное, как обновление глубокой древности и отрицание непосредственного прошлого. Поэтому евразийцы отвергали Петровскую Россию во имя Святой Руси» [5, с. 108].

Представители старшего поколения выступали с позиций консервации классического образа науки, преимущественно позити-

вистского, отвергая новые теоретические конструкты, как в марксистской историографии, так и в эмигрантской в лице евразийцев. Для них на излете жизни и карьеры был чрезвычайно затруднен процесс самоидентификации, важно было найти точку опоры, отстоять свое прошлое, управлять прошлым, опираясь на свой институциональный ресурс, – отсюда идеализация «золотого века» дореволюционной историографии, каковыми были для них годы конца XIX – начала XX века. Это референтное время (московская и петербургская школы историков), на соответствие ему и оценивается текущий историографический процесс [2, с. 265].

Представленные нами ситуации поколенческих конфликтов в двух вариантах – институциональном и содержательно-методологическом – высвечивает глобальные проблемы в развитии науки. Всегда остается актуальным вопрос, каковы дозы преемственности? Что передается следующему поколению – пепел или огонь? И что оно укладывает в свой рюкзак, отравляясь в интеллектуальное путешествие по маршруту «История». Безусловно, важно учитывать и личностный выбор, который психологически и профессионально ориентирован. (Так, к примеру, близко стоящий по возрасту к Вернадскому Е.Ф. Максимович выбирает иную модель историовидения, характерную для поколения старших учителей). В то же время первые опыты в использовании поколенческой оптики, в том числе и наш собственный, свидетельствует о сложностях ее применения – необходимы разработки соответствующих методик с учетом междисциплинарности на стыке психологии, социологии, статистики, истории, науковедения и, возможно, других дисциплин. Высвечивается и такая проблема, как совпадение / несовпадение ритмов парадигмальных сдвигов в историографии с поколенческими ритмами.

Библиография

I. ГА РФ. Ф. 5962. Оп 1. Д. 12. Л. 108-134.

II. Slovanská knihovna v Praze. T. Trezor A.V. P.N. Savickij. Krab. III.

1. Вернадский Г.В. Начертания русской истории. Прага, 1927. 263 с.
2. Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920 – 1930-е гг. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. 336 с.
3. Дворниченко А.Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествие в мире людей, идей и событий. СПб.: Евразия, 2017. 724 с.
4. Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1930-е гг.) Саратов: Саратов. гос. тех ун-т, 2012. 408 с.
5. Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 144-157.
6. Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. 480 с.
7. Сидорова Л.А. Проблема смены поколений в исторической науке. Первое поколение советских историков и его характеристики // Очерки истории отече-

ственной исторической науки XXвека: Монография / под.ред. В.П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. 684 с.

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник НИСа Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; korzunv@mail.ru

Волошина Валентина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и политологии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; valvoloshina@rambler.ru

Continuity vs the Struggle for a Place in the Sun: a Generational View on the Scholar Community of the Russian Exiles Historians in Prague (1920s–1930s)

The focus of this article is the generational history of the émigré community in Prague in the second half of the 1920s and 1930s. Based on the generational approach and developments in intellectual history, the authors made a conclusion about the generational heterogeneity of the Prague humanitarian community and the exacerbation of intergenerational relations in various social and methodological contexts. In generational optics, two plots of the “presidential crisis” in the Historical Society in Prague and the internal opposition to the conceptual constructions of G.V. Vernadsky.

Keywords: émigré scientific community, generation, Prague community of historians, “presidential crisis of RIO”, Eurasianism, conflict

Korzun Valentina Pavlovna, Doctor of History, Professor, leading researcher, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; korzunv@mail.ru

Voloshina Valentina Yurievna, Doctor of History, Professor Department of Russian History and Political Science, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; valvoloshina@rambler.ru

УДК 93(092)

Кузнецов А.А.

С.И. Архангельский о своих учителях в автобиографических документах

Статья посвящена установлению круга непосредственных наставников историка, будущего члена-корреспондента АН СССР, С.И. Архангельского; источниками являются автобиографические документы историка; в этих документах приводятся разные учителя С.И. Архангельского; непосредственными учителями С.И. Архангельского были Р.Ю. Виппер, В.И. Герье, М.К. Любавский, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский; П.Г. Виноградов и А.Н. Савин повлияли на становление С.И. Архангельского своими научными текстами; С.И. Архангельский не указал, что роль консультанта по исследованию аграрного законодательства Английской революции сыграл Н.И. Кареев.

Ключевые слова: С.И. Архангельский, история Англии, наставники, Curriculum vitae, автобиографические документы, П.Г. Виноградов, А.Н. Савин, Д.М. Петрушевский, Н.И. Кареев

Проблема выяснения наставников С.И. Архангельского охватывает время его обучения в Московском университете в 1900–1907 гг. и попыток сдать магистерские экзамены. Источником являются автобиографические документы из личных дел учёного в Горьковских пединституте и госуниверситете, АН СССР. В разное время написанные эти документы представляют разный перечень учителей Историка С.И. Архангельского.

В Curriculum vitae (CV) 20.02.1921 Архангельский писал: 1) «при переходе на 3-ий курс избрал историческое отделение»; 2) «работал по всеобщей истории под руководством **Вишпера и Герье**, по русской истории под руководством **Любавского, Богословского и Кизеветтера**» [8, ф. Р-2734, оп. 9а, д. 9, л. 5].

В CV *рубежа 1920-х–1930-х гг. и Кратком жизнеописании (КЖ) 22.04.1928* круг наставников сузился до **Р.Ю. Вишпера**. Ему Архангельский «писал кандидатское сочинение и у которого брал вопросы для магистрантского экзамена» [8, ф. Р-2734, оп. 9а, д. 9, л. 13]; «Готовился к магистерскому экзамену, обращаясь к **Вишперу**» [8, ф. Р-2734, оп. 9а, д. 9, л. 46, 46 об.]. Вскоре и единственный раз к **Р.Ю. Вишперу** добавился **Д.М. Петрушевский**: по *Учётной карточке 22.12.1928* Архангельский «Готовился к магистерским экзаменам, консультируя с **Вишпером Р.Юр. и Петрушевским Д.М.**, но их не держал» [8, ф. Р-2734, оп. 9а, д. 9, л. 36 об.].

Затем в документах до 1946 г. «монополия» на научное формирование С.И. Архангельского отдана **Р.Ю. Вишперу**: 1) *КЖ рубежа 1920–1930-х гг.* [8, ф. Р-2734, оп. 9а, д. 9, л. 117]; 2) *Автобиография 19.03.1939*: «При подготовке к магистрантскому экзамену **Р.Ю. Вишпер** ставил ряд вопросов» [8, ф. Р-2734, оп. 9а, д. 9, л. 102].

А вот с 1946 г., когда С.И. Архангельский избирался в члены-корреспонденты АН СССР, в его автобиографиях появляются наставники **П.Г. Виноградов, В.О. Ключевский** (иногда **А.Н. Савин**): 1) *Автобиография 21.03.1946*: «Оказали влияние **Р.Ю. Вишпер, П.Г. Виноградов, В.О. Ключевский**» [8, ф. Р-2734, оп. 9а, д. 9, л. 111]; *Автобиография 1946 г.*: «сильное влияние... оказали профессора **В.О. Ключевский, П.Г. Виноградов и Вишпер**. Слушал также лекции **Савина**».

При оформлении в Горьковский университет в 1946 г. С.И. Архангельский не упомянул В.О. Ключевского. *Автобиография 26.10.1946*: «В Университете занимался у профессоров **П.Г. Вино-**

градова, Р.Ю. Виппера, А.Н. Савина. Писал дипломную работу **Р.Ю. Випперу** на тему «Социальная история Флоренция и политическое учение Маккиавели» – для этой работы учил ит[альянский] язык у лектора **Брауна**». Видимо, «забвение» это было случайным, т.к. в *Автобиографии 1947 г.*: «сильное влияние на мои исторические интересы оказали профессора **П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер и В.О. Ключевский**. Слушал я с большим интересом и факультативные курсы **А.Н. Савина**» [8, ф. Р-377, оп. 8а, д. 6, л. 1, 1 об.; ф. Р-2734, оп. 9а, д. 9, л. 174]. *Личный листок по учёту кадров (ГГУ) – 1954 г.*: «Занимался у профессоров **П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера, А.Н. Савина**» [8, ф. Р-377, оп. 8а, д. 6, л. 59].

Очевидно, в связи с выборами в АН СССР С.И. Архангельский сформировал набор тех, кого представлял наставниками. Но важна его же оговорка: «оказали влияние» «на исторические (научные) интересы», но не прямое воздействие. Добавление к константе Р.Ю. Виппера П.Г. Виноградова (и А.Н. Савина) освящало англоведческие штудии С.И. Архангельского, узаконивая его научную генеалогию. Но мог ли П.Г. Виноградов, уехавший в Англию в 1901 г., повлиять на научные интересы С.И. Архангельского, в 1900 г. поступившего в Московский университет и лишь при переходе на III-й курс в 1904–1905 гг. избравшего историческое отделение? Да, среди бумаг студенческой поры в архиве С.И. Архангельского есть конспекты к лекциям П.Г. Виноградова за 1900–1901 гг. по истории Древней Греции [2, ф. 1530, оп. 2, д. 21], выписки (1900–1901) из книги П.Г. Виноградова «Феод и сеньория» [2, ф. 1530, оп. 2, д. 22]. Истории Англии там нет.

Впервые П.Г. Виноградов упомянут Н.И. Кареевым (24.12.1924) писавшим (24.12.1924) Архангельскому о возможности исследования Английской революции: «Вам лучше было бы обратиться к Виноградову (Оксфорд)» [8, ф. Р-6299, оп. 1, д. 183, л. 1-2]. Такого обращения не было, но с последней трети 1920-х гг. С.И. Архангельский уже изучал аграрное законодательство Английской революции, активно используя труды П.Г. Виноградова (и А.Н. Савина).

Имеется первая (на сегодняшний день) самопрезентация С.И. Архангельским продолжателем П.Г. Виноградова и А.Н. Савина. В августе 1941 г. С.И. Архангельский пишет статью об изучении в России истории Англии. В ней сконструирована генеалогия англоведения в Московском университете: И.П. Сокальский – М.М. Ковалевский – П.Г. Виноградов – Д.М. Петрушевский – А.Н. Савин – Е.А. Косминский, С.И. Архангельский, В.М. Лавровский [1]. Автору было важно, что учёный состоялся в историографии Англии под влиянием предшественника. И для него самого определяюще-

ми стали тексты П.Г. Виноградова и А.Н. Савина. Через них историки и «оказали влияние на интересы» – Архангельский не покривил душой, ведь они занятия у него они вели. Но прямого влияния на формирование историка Англии С.И. Архангельского П.Г. Виноградов не оказал, как и А.Н. Савин.

В статье 1941 г. показательны строки: Савин «продолжал собирание материалов для задуманных небольших монографий по отдельным манорам в 1914, 1922 и 1923 году. *Я имел счастливый случай видеть* его тетрадь в чёрном переплёте для выписок и обработки архивных материалов; в неё А.Н. занёс свои последние записи... Это были последние результаты его работы в центральном Лондонском архиве. Простудившись там, он заболел и умер 29 января 1923 года, находясь в научной командировке в Лондоне»; ниже заявлено: «А.Н. Савин, читавший специальный курс по истории английской революции на историко-филологическом факультете Московского университета, лишь в последние годы своей жизни обратился к изучению истории отдельных маноров, их социально-экономической ткани... Эта работа, которую назвали исторической разведкой, направленной в тёмный XVII век, осталась незаконченной. Всё это побуждало С. Архангельского поставить основной задачей начатого исследования выяснение тех перемен, которые внесла английская революция в землевладение» [1, с. 185, 190].

Подобно П.Г. Виноградову, в числе «влиятельных» лиц оказался и В.О. Ключевский. В архиве С.И. Архангельского хранятся лишь отрывок конспекта лекции по историографии (1900–1907 г.) и конспект лекции В.О. Ключевского по «Новой русской истории» [2, ф. 1530, оп. 2, д. 24, 29]. И тут имя В.О. Ключевского утяжеляло академический статус С.И. Архангельского.

Из англоведов среди наставников С.И. Архангельского один раз в конце 1928 г. мелькнуло имя Д.М. Петрушевского, консультировавшего перед магистерским экзаменом. Но по другим источникам складывается впечатление, что Д.М. Петрушевский узнал о существовании С.И. Архангельского лишь в 1926 г. Его представил Н.И. Кареев, обратившийся в связи с нижегородцем к «московскому профессору Дм. Мих. Петрушевскому» [8, ф. Р-6299, оп. 1, д. 183, л. 9]. На всякий случай Н.И. Кареев прислал и адрес Д.М. Петрушевского С.И. Архангельскому. Он сразу и написал тому без напоминаний об учёбе, консультирования по поводу магистерского экзамена. Д.М. Петрушевский ответил. Устойчивой эта переписка стала в 1928 г. [7, с. 128-129]. И в декабре 1928 г. и единожды проявился Петрушевский в учителях. Между англоведами шла переписка так: С.И. Архангельский направлял Д.М. Петрушевскому свои работы, а тот кратко сообщал об их получении и благодарил.

Лишь однажды – в 1936 г. – Д.М. Петрушевский корректно отказался представлять свой отзыв на работы на С.И. Архангельского [7, с. 132, № 9]. Д.М. Петрушевский не помнил / не знал С.И. Архангельского до его письма в 1926 г. и не оказал прямого влияния на становление англоведа, в том числе и в связи со сдачей магистерского экзамена.

Да и был ли этот вопрос? В 1946 г. С.И. Архангельский сообщал, что Первая мировая война сорвала этот экзамен [8, ф. Р-377, оп. 8а, д. 6, л. 1 об.]. А в конце 1920-х гг. он давал понять, что не смог подготовиться к сдаче экзамена Р.Ю. Випперу, поскольку «из-за материальной необеспеченности» вынужден был работать сразу в двух гимназиях [8, ф. Р-2734, оп. 9а, д. 9, л. 13]. Разные причины, разное время одного несданного экзамена. Но вот есть слова в письме Р.Ю. Виппера С.И. Архангельскому (30.05.1907): «Не могу, к сожалению, дать Вам рекомендацию потому что вообще таких никогда не давал» (речь шла о научной карьере С.И. Архангельского), а 26.09.1907 Р.Ю. Виппер писал нижегородскому преподавателю гимназии, что выяснить в переписке программу магистерского экзамена невозможно [2, ф. 1530, оп. 2, д. 24, л. 1; 2].

В 1942 г. Виппер ответил на полученную от С.И. Архангельского книгу Анри Пиренна так: «Наше знакомство с Вами (не правда ли в 1903–1904 гг.?) представляется мне теперь в виде чего-то молниеносно мелькнувшего и исчезнувшего. Не писали ли Вы реферата о *capitalare de villis*? Подвижный, остро-наблюдательный, деятельный студент. Как жалел я потом, что Вы не остались в Москве» [8, ф. Р-6299, оп. 1, д. 183, л. 1]. Р.Ю. Виппер не вспомнил тему выпускной работы С.И. Архангельского, которую 35 лет назад оценил как хорошую. И слова сожаления расходятся с жёстким отказом письма сентября 1907 г. Понятна драма С.И. Архангельского: он хотел идти в науку, а она в лице наставника отторгала его. И преподаватель гимназии довольствовался изысканиями в рамках деятельности Нижегородской учёной архивной комиссии и двумя публикациями в «Журнале Министерства просвещения». Очевидно, роль Р.Ю. Виппера в становлении С.И. Архангельского свелась к техническому руководству написания выпускного сочинения.

Близок к действительности оказывается список наставников С.И. Архангельского февраля 1922 г.: **Р.Ю. Виппер, В.И. Герье и М.К. Любавский, М.М. Богословский, А.А. Кизеветтер.** Сохранилось более десяти литографий лекций В.И. Герье, по которым учился «студент С. Архангельский» [4, с. 133]. А М.М. Богословскому С.И. Архангельский писал не ранее 12.05.1925: «Посы-

лаю Вам нижегородский краеведческий сборник в память о тех годах, когда я занимался под Вашим руководством русской историей. Вы еще тогда были приват-доцентом историко-филологического факультета и вели семинарий по наказам в Екатерининскую комиссию, а позднее читали с нами “Русскую правду”. Я уверен, что Вы меня, конечно, забыли, а может быть даже хорошенько и не знали» [6, с. 187]. По поводу М.К. Любавского и А.А. Кизеветтера данных пока нет.

Из всего этого следует, что наставничество над С.И. Архангельским завершилось с выпуском из университета в 1907 г. Во время его обучения – в 1900–1902 и 1903–1907 гг. – сложилась обстановка, когда студенты-историки были предоставлены сами себе, а преподаватели выполняли свои обязанности: читали лекции, проводили семинарии, осуществляли руководство [3, с. 293] ... и не более. Поэтому у С.И. Архангельского, начавшего полноценную научную карьеру после 40 лет, была возможность приводить в числе повлиявших на него любого, кто у него вёл занятия. К выборам в АН СССР из этого «пула» были задействованы великие Ключевский, Виноградов, Савин и, конечно, Виппер. Виноградов и Савин удостоверяли «законорожденность» С.И. Архангельского как англоведа школы Московского университета. Хотя влияние этих и других столпов англоведения С.И. Архангельский испытал позже через их книги.

Получается, что профессиональный историк-исследователь С.И. Архангельский формировался самостоятельно, методом проб и ошибок, учась на достойных примерах монографий и совершенствуясь в тех или иных штудиях. И был один человек, который довёл до высокого уровня уже сложившееся мастерство С.И. Архангельского. И его ни разу в анкетах он не упомянул. Это – Николай Иванович Кареев, который взыскующе читал первые англоведческие опыты С.И. Архангельского, правил их, задавал уточняющие вопросы, корректировал методику исследования; в некотором смысле он оттачивал уже имевшийся исследовательский инструментарий нижегородца [5, с. 102-104, 105-106].

Изучение автобиографических документов С.И. Архангельского показало, что его общее формирование как историка прошло под прямым воздействием Р.Ю. Виппера, В.И. Гревса, М.М. Богословского и, возможно, М.К. Любавского, А.А. Кизеветтера. После 15-летнего перерыва определился научный путь С.И. Архангельского как историка-англоведа. В роли непосредственного консультанта здесь выступил Н.И. Кареев, а образцами, по которым С.И. Архангельский «сверял часы», были труды П.Г. Виноградова, А.Н. Савина. Безусловно, на такие обстоятельства повлияли внеш-

ние события в Московском университете в начале XX в. и перипетии истории и исторической науки России в первые три десятилетия этого столетия.

Библиография

1. Архангельский С.И. Роль русских историков в разработке истории Англии // Запад–Восток. 2020. № 13. С. 168–197.
2. Архив Российской академии наук.
3. Гришина Н.В. Сотворение историка: перипетии пути в науку в начале XX века (на примере Московского университета) // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 283–297.
4. Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2009. 382 с.
5. Кузнецов А.А. Влияние Н.И. Кареева на становление исторической науки в Нижнем Новгороде (Горьком): личностный аспект // Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания [Электронный ресурс]: сборник статей и сообщений / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. С. 100–107. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47884234&pff=1>
6. Кузнецов А.А., Мельников А.В. Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Вып. 9. Нижний Новгород, 2005. С. 167–186.
7. Переписка С.И. Архангельского и Д.М. Петрушевского // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. 2012–2013. Нижний Новгород, 2013. С. 128–139.
8. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО).

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, доцент, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; nalbuz@mail.ru

S.I. Arkhangelsky about his teachers in autobiographical documents

The article is devoted to the establishment of a circle of direct mentors for the historian, future corresponding member of the USSR Academy of Sciences, S.I. Arkhangelsky; sources are autobiographical documents of the historian; these documents cite various teachers S.I. Arkhangelsky; direct teachers S.I. Arkhangelsky were R.Yu. Vipper, V.I. Guerrier, M.K. Lyubavsky, A.A. Kizevetter, M.M. Bogoslovsky; P.G. Vinogradov and A.N. Savin influenced the formation of S.I. Arkhangelsky with his scientific texts; S.I. Arkhangelsky did not indicate that N.I. Kareev.

Keywords: S.I. Arkhangelsky, history of England, mentors, Curriculum vitae, autobiographical documents, P.G. Vinogradov, A.N. Savin, D.M. Petrushevsky, N.I. Kareev

Kuznetsov Andrey Aleksandrovich, Doctor of History, Professor, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia; nalbuz@mail.ru

Руденко К.А.

Проблема смены поколений в казанской археологии 1960-х гг.

В статье рассматриваются вопросы организационного развития археологической науки в Татарии в 1960-е годы. Оно связано с формированием новых центров, таких как археологическая группа в Институте языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, Болгарского музея-заповедника. Кроме этого, автор изучил проблему становления нового поколения казанских археологов на фоне масштабных проектов, инициированных Московским университетом, Институтом археологии Академии наук СССР, Государственным историческим музеем – Поволжской археологической экспедиции, Чувашской археологической экспедиции и других. Отмечено значение охранных работ в зоне водохранилищ для развития структуры казанской археологии, а также роль личности в этом процессе, как и в идеологическом ее содержании.

Ключевые слова: археология, Казань, А.Х. Халиков, А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов, Царевское городище, Булгарское городище

К концу 1950-х гг. в Казани сложились два центра археологических исследований – казанский музей (ГМТР) и университет (КГУ). Музейную науку возглавлял А.П. Смирнов (1899–1974), сумевший за послевоенное десятилетие создать небольшой коллектив сотрудников, деятельно участвовавший во всесоюзных проектах, часть которых затрагивала территорию Татарии. Прежде всего это исследование Куйбышевской археологической экспедиции, занимавшейся охранными исследованиями в зоне затопления будущего Куйбышевского водохранилища. Важной составляющей её были работы совместной экспедиции ГМТР, ГИМ и ГАИМК на Болгарском городище, которой, начиная с 1938 г., руководил А.П. Смирнов.

В числе его казанских коллег были А.М. Ефимова (1903–1990), О.С. Хованская (1889–1964) из ГМТР и З.А. Акчурина (1900–1982) из ИЯЛИ. Все они были почти ровесниками Алексея Петровича, а О.С. Хованская старше его на 10 лет. К началу 1960-х гг. они в силу возраста перестали участвовать в полевых работах, а Болгарский отряд Поволжской экспедиции с начала 1970-х гг. возглавила Т.А. Хлебникова (1928–2001), аспирантка А.П. Смирнова.

Т.А. Хлебникова была представителем первого послевоенного поколения выпускников истфилфака КГУ 1952 года, наряду с Н.Д. Аксеновой (1928–2021) и А.Х. Халиковым (1929–1994). Последний к концу 1950-х гг., после смерти своего наставника Н.Ф. Калинина (1888–1959), становится у руля казанской археологии вместе с аспирантом Н.Ф. Калинина В.Ф. Генингом (1924–

1993), учившимся в аспирантуре ИЯЛИ в 1954–1959-х гг. [14, с. 194]. Собственно, А.Х. Халиков и В.Ф. Генинг открыли новую страницу провинциальной археологии на основе государственного финансирования с привлечением студентов вузов, отличавшейся масштабом и интенсивностью работ. Ключевым здесь было создание потенциального резерва молодых кадров археологов в вузе (кружковая работа, учебная практика) и сосредоточение научной работы в академическом институте, куда попадали единицы из этого резерва, поступившие в аспирантуру ИЯЛИ. Собственно, влияние Н.Ф. Калинина на А.Х. Халикова и В.Ф. Генинга было небольшим [8, с. 7]. Так, например, последний, учась в аспирантуре, был одновременно руководителем Удмуртской археологической экспедиции, абсолютно независимым в научном плане [9, с. 81].

В.Ф. Генинг был великолепным организатором, умевшим притягивать к себе молодежь [6, с. 222, 223]. Под его влиянием и воздействием его идей были казанские студенты следующего поколения – шестидесятники: Е.П. Казаков (рожд. 1934) и В.Е. Стоянов (1934–1999), а также и представители смирновской школы, например, его ученица Т.А. Хлебникова, которая после аспирантуры и работы в ГИМе в 1957 г. возвращается в Казань и начинает работать в ИЯЛИ. Собственно, именно В.Ф. Генинг смог полноценно реализовать часть научного наследия Н.Ф. Калинина, проведя масштабные исследования у с. Рождествено, при этом полностью отбросив в интерпретации материалов этого памятника калининскую идею о бургассах, как и смирновскую о позднегородецкой культуре. Его раскопки большой площадью и в короткие сроки могильника ранних булгар второй половины VIII – IX вв. у с. Большие Тарханы (1957 и 1960) серьезно пошатнули болгарскую концепцию А.П. Смирнова. А раскопки В.Ф. Генинга курганной части Тураевского могильника в 1959–1960 г., датированной им IV–V вв., стали научной сенсацией. В 1960 г. он успешно защищает кандидатскую диссертацию.

С 1959 г. Казанский университет начал участвовать в новом проекте, реализуемом А.П. Смирновым в рамках деятельности Института археологии АН СССР – это изучение нижневолжских городищ ПАЭ – Поволжской археологической экспедицией (Ахтубинский отряд), а также Булгарского городища (Болгарский отряд) [3, с. 71, 72]. Активное участие в работах Ахтубинского отряда принял выпускник истфака МГУ, ученик А.П. Смирнова Г.А. Федоров-Давыдов (1931–2000) [4, с. 7]. В 1956, 1958, 1959 гг. он проводил раскопки болгарского Тигашевского городища, в последующие годы полностью переключился на исследования Царевского городища у Волгограда – остатков одного из крупнейших городов Золотой

Орды. В этих исследованиях принимали участие и казанские студенты-практиканты, которыми руководил И.С. Вайнер, заведующий кабинетом археологии истфилфака КГУ, начальник III отряда ПАЭ [3, с. 72]. Раскопки Царевского городища привлекли многих казанских студентов (ключевую роль в этом играл И.С. Вайнер), затем продолживших заниматься археологией. Таким оказался А.Г. Мухамадиев (1933–2018), который после окончания учебы в КГУ поступил в очную аспирантуру в МГУ (1965–1968) к Г.А. Федорову-Давыдову, а с 1964 г. самостоятельно вел раскопы на Царевском городище.

В сущности, в первой половине 1960-х гг. университетской археологией, опиравшейся на археологическую практику студентов КГУ на Царевском городище и археологический студенческий кружок, руководил И.С. Вайнер. В 1969 г. И.С. Вайнер уехал из Казани и начал работать в Чебоксарской археологической экспедиции (1969–1973). Его дело в Поволжской экспедиции продолжил А.Г. Мухамадиев, став руководителем отдельного археологического отряда на Царевском, а затем Водянском городищах [16, с. 32, 33]. Колоссальные по размаху исследования открыли совершенно новый археологический пласт древностей, осветивший «темные века» российской истории, связанные с периодом Золотой Орды. Богатейшие судьбы с оригинальной планировкой, системой подпольного отопления, гигантским количеством разнообразного материала – все это поразило научную общественность [10, с. 80–88; 18, с. 68–171; 17, с. 89–131].

А.Х. Халиков собирал своих учеников в ИЯЛИ, благо, что с 1959 г. он был ученым секретарем института, а с 1962 по 1965 г. – зам. директора [20, с. 16, 17]. С 1964 г. он возглавил сектор археологии и этнографии, где стали работать Е.П. Казаков, позже Р.Г. Фахрутдинов, П.Н. Старостин, Р.С. Габяшев, М.Г. Косменко [7, с. 51–54]. Их работа была сконцентрирована на обследовании территории Татарии для создания археологической карты республики и на охранных работах в зоне Куйбышевского водохранилища в пределах ТАССР, а позже – в зоне затопления Нижнекамской ГЭС [8, с. 17]. Кроме того, проводились исследования на территории Марийской АССР сначала совместно с В.Ф. Генингом и Г.А. Архиповым и позже В.С. Патрушевым.

Помимо этого, кардинально поменяв вектор своих научных интересов от эпохи камня и бронзы к средневековью, А.Х. Халиков продолжил развивать начатое совместно с В.Ф. Генингом направление раннеболгарской археологии в рамках уже плановой научной тематики сектора археологии ИЯЛИ, начав в 1961 г. раскопки Танкеевского могильника, которые с 1963 г. продолжились под ру-

ководством его жены – Е.А. Халиковой (1930–1977), которая в тот момент работала в ГМТР (с 1960 г., после ухода из музея В.С. Стоянова, до 1968 г.), и выпускника университета Е.П. Казакова, поступившего в аспирантуру ИЯЛИ в 1963 г. [11, с. 624, 625, 646, 647, 658–659]. С 1968 г. Е.А. Халикова была преподавателем в Казанском педагогическом институте, совмещая преподавание с заведыванием кабинетом археологии исторического факультета КГУ (1968–1976) [2, с. 3]. Научные интересы Е.А. Халиковой формировались под влиянием идей ее мужа: от эпохи первобытности к средневековью, точнее, раннебулгарскому времени – раскопки Бальмерских курганов (1964), Танкеевского (с 1963 г.), Тетюшского (1968, 1969), Больше-Тарханского (1970), затем Больше-Тиганского (1975–1976). Исследования последнего памятника сделали ее проводником гипотезы А.Х. Халикова о локализации в Предуралье т.н. «Magna Hungaria» – легендарной прародины венгров. А с начала 1970-х гг. Елена Александровна становится исследовательницей булгарской мусульманской погребальной обрядности по материалам Билярского городища.

Раннебулгарская тематика, поднятая Генингом – Халиковым, вдохновила А.П. Смирнова в 1964 г. возобновить масштабные раскопки Булгарского городища силами Булгарского отряда ПАЭ с целью получения материалов по раннему Булгару IX–X вв. и выявления его исторического ядра [13, с. 5–7; 19, с. 19, 21], а также исследования городища Хулаш и больших разведочных работ в Ульяновской области при поддержке Ульяновского областного музея. Раскопки в Болгарах стали своеобразной археологической школой, где оттачивали свое мастерство как молодые археологи, так и уже с опытом полевой работы – Т.А. Хлебникова, Н.Д. Аксенова, В.Л. Егоров, С.В. Морозова, Н.В. Трубникова, самостоятельно руководившие своими раскопами на этом средневековом памятнике со сложной стратиграфией.

Отстаиваемая А.П. Смирновым точка зрения об отождествлении Булгара X в. в письменных источниках с Булгарским городищем, основанная на археологических данных [1, с. 8; 12, с. 325], была оспорена А.Х. Халиковым, который стал доказывать, что таким являлся Биляр, что было реанимацией идей некоторых исследователей XIX – начала XX в. Для этого Альфредом Хасановичем в 1967 г. было начато изучение гигантского Билярского городища совместной экспедиции КГУ и ИЯЛИ. Также резкой критике подверглась А.Х. Халиковым (на основе идей В.Ф. Генинга) и та часть смирновской концепции, где говорилось о вхождении добулгарского местного населения в состав Волжской Булгарии [5, с. 14–17; 8, с. 16].

Таким образом, в 1960-х гг. произошло практически полное обновление и омоложение археологических кадров в Казани. Центр археологических изысканий в формате музейной археологии из ГМТР переместился в Болгар, ставший в 1969 г. музеем-заповедником (директор Д.Г. Мухаметшин, зам. директора – Н.Д. Аксенова), хотя сотрудники Казанского музея – С.В. Морозова и Е.А. Халикова участвовали в экспедициях ИЯЛИ и в Болгарах, но это уже не было научным партнерством как в 1950-х гг., и при этом коллекции находок из этих экспедиций со 2-й половины 1960-х гг. по большей части казанскими археологами из ИЯЛИ в Казанский музей не сдавались. Позже в составе экспедиций на Билярском и Болгарском городищах, как и на Иски-Казанском археологическом комплексе, на тех же условиях работала Н.А. Кокорина, сотрудник ГМТР в 1969–1984 гг.

Болгарская экспедиция, финансируемая ИА АН СССР, сохранила традиции, заложенные А.П. Смирновым, включая как методические, так и организационные позиции, но ее влияние на казанскую археологию существенно сократилось. Для А.Х. Халикова она была своего рода «опозицией» его деятельности, и он ощущал ее как некоего антагониста его научным позициям в области средневековой археологии.

Охранная археология на Куйбышевском водохранилище, курируемая А.Х. Халиковым, закрепила в системе КФАН СССР молодые кадры, которые стали ядром профессиональной археологии Татарии на последующие два десятилетия и развития археологической структуры в системе ИЯЛИ. Нарождавшийся университетский центр археологии под руководством И.С. Вайнера в рамках ПАЭ в 1960-х гг. не смог закрепиться в стенах вуза, а КГУ стал лишь археологическим резервом, оставшись в рамках университетской кружковой работы и студенческой археологической практики при отсутствии специализации студентов по археологии. По этому же пути шел в 1960-х гг. и Казанский педагогический институт.

Библиография

1. Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века / отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 5-23.
2. Вопросы древней истории Волго-Камья / отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер-Лайн, 2001. 188 с.
3. Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Зеленева Ю.А. Поволжская археологическая экспедиция: история создания, организация и основные результаты исследований // Поволжье и сопредельные территории в средние века / науч. ред. М.Д. Полубояринова. М.: ГИМ, 2002. С. 71-79 (Труды ГИМ. Вып. 135).
4. Дворниченко В.В., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова Поволжье и сопредельные территории в средние века / науч. ред. М.Д. Полубояринова. М.: ГИМ, 2002. С. 6-14.

5. Ефимова А.М. Догородские поселения на территории Болгарского городища Города Поволжья в средние века / отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 14-17.
6. Ильина Е.В. В.Ф. Генинг глазами учеников и коллег // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конф. 75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга / ред. Р.Д. Голдина, И.Г. Шапран. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2000. С. 220-224.
7. Косменко М.Г. Памяти А.Х. Халикова. Штрихи к портрету археолога и человека // Альфред Хасанович Халиков: ученый и учитель (к 80-летию со дня рождения) / отв. ред. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдииков. Казань: Изд-во Фэн, 2009. С. 51-56.
8. Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Хузин Ф.Ш. Альфред Хасанович Халиков. Очерк жизни и научной деятельности. Казань: ИИ АН РТ, 1999. 60 с.
9. Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф. Генинга (1960–1974 гг.). Ижевск: УдГУ, 2003. 194 с. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Том 9).
10. Мухамадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века / отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 80-88.
11. Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. 768 с.
12. Руденко К.А. Казанские археологи в первые годы после Великой Отечественной войны (1945–1949) (по материалам переписки А.П. Смирнова и А.М. Ефимовой). Казань: Редакционно-издательский центр «Школа», 2021. 476 с.
13. Смирнов А.П. Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века / отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 4-13.
14. Старостин П.Н. Казанский период в жизни и научной деятельности В.Ф. Генинга // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конф. 75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга / ред. Р.Д. Голдина, И.Г. Шапран. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2000. С. 194-196.
15. Старостин П.Н. Моя биография // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сб. статей к 70-летию П.Н. Старостина. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 5-17 (Археология Евразийских степей. Вып. 10).
16. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 232 с.
17. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) Города Поволжья в средние века / отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 89-131.
18. Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. // Поволжье в средние века / отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 68-171.
19. Хлебникова Т.А. Исследования центра города Болгара в 1964-1970 гг. // Города Поволжья в средние века / отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 18-23.
20. Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Альфред Халиков. Казань: Тат. кн. изд-во, 2015. 67 с. (Серия: История татар в лицах).

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры музеологии, культурологии и искусствоведения, Казанский государственный институт культуры, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; murziha@mail.ru

The problem of generational change in Kazan archaeology of the 1960s.

The article deals with the organizational development of archaeological science in Tatarstan in the 1960s. It is associated with the formation of new centers, such as the archaeological group at the Institute of Language, Literature and History of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences, the Bulgarian Museum-Reserve. In addition, the author studied the problem of the formation of a new generation of Kazan archaeologists against the backdrop of large-scale projects initiated by Moscow University, the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences, the State Historical Museum – the Volga Archaeological Expedition, the Chuvash Archaeological Expedition and others. The significance of security work in the area of reservoirs for the development of the structure of Kazan archeology, as well as the role of the individual in this process, as well as in its ideological content, are noted.

Keywords: archeology, Kazan, A.Kh. Khalikov, A.P. Smirnov, G.A. Fedorov-Davydov, Tsarevo hillfort, Bulgar hillfort

Rudenko Konstantin Александрович, Doctor of History, Professor of the Department of Museology, Cultural Studies and Art History, Kazan State Institute of Culture, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia; murziha@mail.ru

УДК 930 + 94(410)

Леонова Т.А.

Научный диалог в письмах историков доинформационной эпохи

Публикация посвящена выявлению особенностей общения ведущих исследователей, стоявших у истоков европейской исторической антропологии. Исследование проблемы основано на изучении межличностного общения ученых до компьютерной эпохи в виде серии писем, передающих мыслительный процесс и его мотивацию в переписке известных ученых Н.З. Дэвис и Э.П. Томпсона в 70-е гг. XX в.

Ключевые слова: историческая антропология, переписка ученых, молодежные беспорядки, шаривари, брачный пул, повторные браки

Контекст научных исследований, которые создают интеллектуальную историю в определенном темпоральном пространстве, находит отражение не только в открытиях и публикациях ученых, но и в их межличностном общении. Переписка начала 70-х гг. XX в. ведущих исследователей, стоявших у истоков историко-антропологических исследований, позволяет увидеть персональный вклад ученых в развитие данного исторического направления в условиях отсутствия возможностей быстрой связи по электронной. Об этом свидетельствует опубликованная в британском историческом журнале "Past and Present" переписка Н.З. Дэвис и Э.П. Томпсона со вступительной статьей А. Уолшем (7, p. 243-248).

Основываясь на изучении опубликованной личной корреспонденции двух ученых, была поставлена цель воссоздать не столько персональную историю выдающихся историков, сколько выявить наиболее глубоко обсуждаемые сходные проблемы исследования, отличающиеся временными и территориальными рамками. Побудительным мотивом регулярной переписки Н.З. Дэвис и Э.П. Томпсона, а также центральной проблемой, дискутируемой учеными в течение двух лет, явилось исследование причин молодежных беспорядков, начиная с периода Раннего Нового времени вплоть до XIX века. Н. Дэвис начала работу над проблемой в 1969 г., завершив ее изданием статьи «Размышления о беспорядках: молодежные сообщества и шаривари во Франции XVI в.» [3, р. 47]. Несколько позднее была опубликована статья Э. Томпсона во французских «Анналах» о «грубой музыке» [5, р. 285-312].

Н.З. Дэвис предпослала небольшое предисловие к изданию сохранившейся переписки, указав на то, что инициатива активного общения с Э.П. Томпсоном исходила от нее. В марте 1970 г. она решила выслать Э. Томпсону машинописную распечатку своей статьи о молодежных группах и шаривари во Франции XVI в. [4, р. 249]. Она откровенно объяснила, что мотивом обращения к данной тематике были два важных обстоятельства. Во-первых, студенческие протесты против расизма, которые произошли в том числе и в университете Сэра Дж. Уильямса буквально за несколько недель до обсуждения ее статьи в этом университете. Она отметила, что департамент Истории приветствовал новый подход к социальной истории в ее материалах по истории Франции XVI в. [4, р. 249]. Во-вторых, знакомство с переводом книги советского исследователя М. Бахтина о карнавальном культуре, что совпало с ее интересом к антропологии [4, р. 249].

Почти моментальная реакция, свидетельствующая о большом интересе Э. Томпсона к исследованию Н. Дэвис (14 апреля 1970 г.), в котором он сообщил о собственной работе в подобном направлении на материалах Англии XVIII – XIX вв. [4, р. 249-250]. Он отметил отличия исследуемых традиций не только во времени, но их функций в Англии. Однако Э. Томпсон выразил несогласие с теоретической частью статьи, основанной на предположении, что исследуемые выступления молодых людей были направлены исключительно против неравных по возрасту браков, устранивших молодых парней от возможных брачных союзов [4, р. 250]. Э. Томпсон подчеркнул, что данные предположения не подкреплены материалами источников, на которые бы указывали сноски. Поэтому он убедительно просил обозначить сноски, привести как можно больше документальных свидетельств, что дало бы основания для объяснения этих явлений [4, р. 250].

В письме от 21 апреля 1970 г. Н. Дэвис обещала Э. Томпсону предоставить для ознакомления копию статьи со сносками прежде, чем отправит ее в редакцию «Past & Present» [4, p. 251]. А также пояснила, что воспользовалась всеми доступными свидетельствами о побудительных мотивах шаривари, которые связаны не только с представлениями о нарушении прав деревенских сообществ на регулирование подходящих браков, что антропологи называют «pool-of-eligibles» [4, p. 252]. На настойчивые вопросы Э. Томпсона, Н. Дэвис ответила, что обнаружила и другие мотивы шаривари, расширив круг своих поисков в объяснении молодежных движений во Франции. Она отметила, что шаривари устраивались также против молодых пар, у которых в первый год брака не беременела жена [4, p. 251]. Что касается теоретической основы исследования, то Н. Дэвис выделила две её составляющие. Во-первых, мнение антропологов, исследующих народные традиции во Франции. Особенно подчеркнула, что считает основополагающим мнение К. Леви-Стросса о том, что побудительным мотивом шаривари были именно повторные браки [4, p. 252]. Во-вторых, подобное объяснение, как она считала, приложимо и к другой традиции – выкупа деревенской девушки, который уплачивал сватающийся молодой человек из другой деревни [4, p. 252].

В ответном письме от 29 апреля 1970 г. Э. Томпсон благодарил Н. Дэвис за информативный ответ: «Ваше письмо одно из наиболее интересных, которые я когда-либо получал от друзей историков, и оно потребовало некоторого времени для осмысления всего, о чем Вы писали» [4, p. 254]. Однако письмо не удовлетворило его теоретический интерес в плане пояснения широких обобщений её статьи [4, p. 254].

После выхода в свет статьи Н. Дэвис в «Past & Present» в феврале 1971 г. переписка обоих ученых возобновилась уже в связи с подготовкой публикации статьи Э. Томпсона во французский журнал «Анналы». В начале июля 1971 г. Э. Томпсон выслал копию своей статьи, и предложил Н. Дэвис продолжить обсуждение волновавшей его проблемы относительно универсального применения, как он назвал, теории «pool of eligibles» [4, p. 256]. Также он поделился планами относительно включения данного фрагмента в свою будущую монографию, сопроводив просьбой: «Пожалуйста, не копируйте и не распространяйте этот текст. Я выслал его только для того, чтобы именно Вы его посмотрели» [4, p. 256]. Он пояснил свою просьбу нечистоплотностью Чарльза Тилли (Charles Tilly), благодаря которому шесть лет тому назад текст его неопубликованной статьи со сносками попал на страницы других работ. «И именно той части, которую я считал готовой для публикации

в этом году. Поэтому, пожалуйста, не передавайте ее Тилли и его команде исследователей» [4, р. 257]. Это предупреждение прозвучало в связи с тем, что Ч. Тилли с середины 60-х гг. вел занятия в Торонто по городской истории Раннего Нового времени. Здесь же совместно с Н. Дэвис он участвовал в борьбе за улучшение положения студенток университета Торонто. Это уточнение Н. Дэвис сама внесла при публикации писем [4, р. 256].

Очевидно, готового ответа на полученную статью Э. Томпсона у Н. Дэвис не было. Кроме того, как она сама в оправдание своего молчания в мае 1972 г. написала Э. Томпсону, что в ее жизни произошли многие перемены, связанные с большой по объему выездной работой, а также в связи со сменой университета. Речь шла о возвращении из Торонто (Канада) в США, в Калифорнийский университет в декабре 1971 г. [4, р. 257]. Считая, что статья Э. Томпсона по содержанию богата деталями и анализом материала по грубой музыке, она добавила к ней несколько комментариев. Во-первых, «я согласна с тем, что Вы писали в ранних письмах о К. Леви-Строссе. Его теория, основанная только на одной функции, внимание к которой было привлечено на основании более абстрактного образа беспорядка, чем реального ущерба брачному пулу (marriage pool), была ошибочной [4, р. 257]. Она подчеркнула, что не отказалась полностью от теории организации брачного пула, потому что в Лионе и других местностях (особенно в Провансе) шаривари проводились в связи с заключением брака между жителями разных приходов [4, р. 258]. Кроме того, касательно пула избранных (pool of eligible), одновременно обеспокоенных сексуальным соответствием и деторождением в браке, что было уже не абстрактной обеспокоенностью порядка. Возможно, это могло быть одной из причин также использования грубой музыки в деревне, как и при втором браке [4, р. 258]. Во-вторых, она сослалась на работу Филиппа Стабса «Анатомия злоупотреблений» (London, 1583) о молодых «дикарях» прихода, которые выбирали своим руководителем «Лорда Беспорядка», указав, что можно обнаружить подобные группировки во многих частях Европы к концу Средних веков и даже в период Раннего Нового времени [4, р. 258]. В-третьих, она сочла «очаровательным» материал о смене мишени грубой музыки «от битых мужей к битым женам». В сноске к данному письму она упомянула, что эта идея об инверсии гендерных ролей захватила ее исследовательское внимание [4, р. 259].

Последнее из опубликованных писем Э. Томпсона к Н. Дэвис было отправлено 1 июня 1972 г. Это был вежливый ответ на её письмо с замечаниями и пожеланиями, в виду того, что обсуждаемая в переписке статья Э. Томпсона была уже опубликована

в мае 1972 г. в «Анналах» [5, р. 285-312]. Э. Томпсон объяснил, что его интерес к проблеме не иссяк, повторив, что планирует расширить статью до главы в будущей монографии об «Общинных обычаях: исследования английской народной культуры» [4, р. 261]. По первому пункту, относительно брачного пула, я полагаю, что «между нами теперь небольшая разница. Сейчас я думаю, как бы я «боднул» (take a poke) Леви-Стросса, что, впрочем, и сделал в своей статье [4, р. 261].

Как известно, Э. Томпсон и Н. Дэвис имели опыт исследования социальной истории, а также интерес к методам антропологии, их применения к прошлому [1, 3, 6]. К моменту переписки Э. Томпсон был признанным исследователем социальной истории Англии и грандиозного труда «Возникновение английского рабочего класса» [1, р. 15]. Н. Дэвис, как считает М. Кирби, от первоначальных исследований истории женщин эпохи Раннего Нового времени обратилась к проблемам гендерной нетерпимости, повторным бракам и обычаям шаривари, а также к исследованию группового поведения и народного протеста [3, р. 45-46]. Вместе с тем интеллектуальный климат в период написания статей и собственно переписки ученых определяли не только теории антропологов и К. Леви-Стросса, но и концепции карнавальской культуры М. Бахтина и Э. Ле Руа Ладюри [6, р. 6].

Э. Томпсон и Н. Дэвис взаимно высоко оценивали уровень мастерства и дискуссионность исследовательских позиций, демонстрируя внимание и понимание обсуждаемых материалов статей [4, р. 262]. Вместе с тем корреспонденция двух ученых свидетельствует о теоретических и стилистических особенностях написания истории, чем воодушевлялся как Э. Томпсон, прекрасный стилист и знаток английского языка, так и Н. Дэвис, более активно апеллировавшая к новациям исследований антропологов. Достаточно продолжительно обсуждалась приверженность Н. Дэвис к теории К. Леви-Стросса, которую Э. Томпсон считал не подтвержденной содержанием исторических документов, с чем в конечном итоге она согласилась.

Большой интерес представляют суждения Э. Томпсона о воображаемой аудитории автора статьи, монографии. С одной стороны, в письме от 1 июля 1972 г. он писал фактически о популярной истории, хотя такое название еще не использовал: сделать свои работы доступными «для обычной образованной аудитории людей, интересующихся историей» [4, р. 262]. С другой стороны, Э. Томпсон передал свою обеспокоенность меняющейся аудиторией историка, что он наблюдал от начала своей научной деятельности до 70-х гг. XX в.: «я пишу и ловлю краем глаза...анонимного селектора для

больших финансирующих фондов», что вызывало у него чувство противостояния [4, р. 262].

Письменное общение и дискуссии американского и британского исследователей не только демонстрировали их общие интересы в поиске новых путей в сходной проблематике исследований народной культуры, но и возможности создания новых способов интерпретации текстов, в частности, от абстракций К. Леви-Стросса к собственной исторической концепции исследования народной культуры.

Библиография

1. Corfield P.J. E.P. Thompson, the historian: an appreciation. *New Left Review*, No 201, 1993. P. 10-17. – URL: <https://newleftreview.org/issues/i201/articles/penelope-corfield-e-p-thompson-the-historian-an-appreciation> (дата обращения: 10.11.2021).
2. Davis, Natalie Zemon. The Reasons of Misrule: Youth Groups and Charivaris in Sixteenth-Century France. *Past & Present*, Volume 50, Issue 1, 1971. P. 41-75. – URL: <https://doi.org/10.1093/past/50.1.41>.
3. Kirby M. R. The academic trajectory of Natalie Zemon Davis from 1955 to 2019. *Queen's University Kingston, Ontario, Canada* (April, 2019). 134 p. – URL: https://qspace.library.queensu.ca/bitstream/handle/1974/26152/Kirby_Megan_R_2019_04_MA.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 10.11.2021).
4. Rough music and charivari: letters between Natalie Zemon Davis and Edward Thompson, 1970-1972. *Past and Present*, No. 235, 2017. P. 249-262.
5. Thompson E.P. "Rough music": Le Charivari anglais. *Annales. Histoire. Science Sociales*. N° 27, 1972. P. 285-312.
6. Vanden Broucke P.J. From Carnival to Charivari: Youth Groups in the City. A comparative study of late medieval and early modern English, French and Brabantine cities. *Leuven* 2012-2013. – URL: <https://www.academia.edu/8684291/> (дата обращения: 08.11.2021).
7. Walsham A. Rough music and charivari: letters between Natalie Zemon Davis and Edward Thompson, 1970-1972. *Past and Present*. 2017, No.235. P. 243-248. – URL: <https://doi.org/10.1093/pastj/gtx027>

Леонова Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан; leonotan@mail.ru

Scientific dialogue in the letters of historians of the pre-information era

The publication is devoted to identifying the features of communication among leading researchers who were at the origin of modern historical anthropology. The study of the problem is based on the research of impersonal communication of scientists in the form of a series of letters before the computer era that conveys the thinking process and its motivation in the correspondence of famous scientists N.Z. Davis and E.P Thompson in 1970s of the 20th century.

Keywords: historical anthropology, correspondence of scientists, youth misrules, marriage pool, remarriage

Leonova Tatyana Alekseevna, Candidate of History, Associate Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Acmullah, Ufa, Russia; leonotan@mail.ru

Мартынов Д.Е.

**Джозеф Левенсон – историк:
презентизм и самоидентификация**

Историческое мышление Джозефа Левенсона (1920–1969) формировалось в русле американского презентизма. Будучи по образованию медиевистом, Левенсон получил известность как китаевед, который рассматривал китайскую цивилизацию в широком контексте. Левенсон отделял историю от ценностей, рассматривая историю как «опрокидывание текущего момента в прошлое». Китай служил для обоснования еврейской самоидентификации Левенсона, который рассматривал конфуцианскую и античную цивилизации как мертвые, а базис иудаизма определял как «выбор жизни».

Ключевые слова: Джозеф Левенсон, конфуцианство, иудаизм, античная цивилизация, презентизм, историография

Американский синолог Джозеф Ричмонд Левенсон (1920–1969), несмотря на краткость своего жизненного пути – всего 48 лет, при жизни был одним из самых заметных американских интеллектуалов. Не случайно и название сборника трудов в его честь, название которого мы бы перевели как «Моцартирующий историк» [4]. Его наследие подверглось существенной критике после кончины [3; 4; 5], однако по-прежнему изучается и время от времени служит предметом нового переосмысления [2]. В России его наследие практически не известно, что и послужило отправной точкой для данного сообщения.

Наследие Левенсона следует рассматривать с двух принципиальных позиций: во-первых, его еврейской религиозной идентичности, которая определяла весь его жизненный путь [4, р. 177]; во-вторых, его формированию как историка-медиевиста, которое проходило в стенах Гарвардского колледжа [3, р. 71-72]. Бакалаврская работа Левенсона была посвящена использованию средневекового наследия в публичных институтах власти Франции эпохи романтизма («Коронация Карла X: исследование почитания Средневековья во Франции начала XIX в.») [4, р. 202]. Однако в дальнейшее развитие историка вмешалась Вторая мировая война, во время которой он был призван в Корпус морской пехоты и направлен для изучения японского языка. Отбыв срок службы во фронтовой разведке Тихоокеанского фронта, Левенсон вернулся в Гарвардский университет как востоковед, защитив в 1949 г. докторскую диссертацию по интеллектуальному наследию выдающегося китайского реформатора Лян Ци-чао (1873–1929) [4, р. 27-28]. Роковым обра-

зом это совпало с победой Коммунистической партии Китая в гражданской войне, из-за чего Левенсон смог побывать в 1951 г. лишь в Гонконге (в дальнейшем он еще несколько раз побывал в Японии, Гонконге и на Тайване). Пока шла его зарубежная стажировка, научный руководитель – Джон Фэрбэнк с великим трудом добился для своего талантливого ученика места преподавателя в Калифорнийском университете в Беркли. С тех пор вся жизнь Левенсона была связана с этим университетом, где в 1960 г. он удостоился профессорского звания. В Пасхальное воскресенье 20 апреля 1969 г. ученый трагически погиб во время катания на каноэ во время разлива реки в Калифорнии.

Принципиальной особенностью интеллектуального наследия Левенсона было его равнодушие к новейшим течениям европейской историографии, особенно Школе Анналов, а также сугубо американская нелюбовь к теоретизированию. Экономические, политические и социальные изменения в современном Китае он называл «внешними», тогда как его интересовало «внутреннее»: как китайские интеллектуалы осознавали меняющийся мир. В духе американского презентизма Левенсон разделял ценности и историю. Ценности, в его понимании, были стационарными конструктами, которые данное поколение унаследовало от предшественников; история есть порождение сиюминутных потребностей настоящего. Иными словами, Левенсон полагал, что традиционная китайская цивилизация не знала конфликта истории и ценностей, тогда как знакомство с Западом в XIX в. привело к тому, что радикалы стали полностью отрицать традицию (воплощенное единство ценностей), а консерваторы «мумифицировали» ту же традицию, лишив ее стимулов к развитию. Западная цивилизация, по словам П. Коэна, в теории Левенсона играла двоякую роль: служила «растворителем» традиционных ценностей и одновременно была моделью для подражания, на которую всё более и более ориентируется новая китайская культура [1, p. 79].

Историк А. Макдональд утверждал, что выбор предмета исследования – традиционного Китая – всецело определялся еврейством ученого. Его одинаково интересовал культурный опыт, одинаково основанный на преемственности общепонятных ценностей (как он их понимал), не следующий современным западным тенденциям и при этом претендующим на космополитизм. Это и был «исторический императив» Левенсона, который утверждал, что для китайского конфуцианца и для религиозного иудея очевидно единство культурных и этнических корней при чуждости любому окружению [3, p. 72-73]. Румынская исследовательница Вера Шварц отмечала, что это обстоятельство привело к «спазму критического со-

знания» у современников, которые сводили анализ его трудов лишь к фактологической конкретике или даже эстетической оценке [5, р. 367]. Равным образом презентизм, стремление опрокинуть в прошлое текущий момент В. Шварц признает специфически еврейской чертой исторического мышления Д. Левенсона, как и его пристальное внимание к отчуждённому от сиюминутного китайским интеллектуалам [5, р. 361].

В области методологии Левенсон разрабатывал концепцию «кризиса-и-ответа», которую планировал сопоставить на китайском и еврейском культурном материале. Кризис, в его понимании, мог иметь любые источники, как внешние, так и внутренние, которые требовали интеллектуального ответа, происходящего из той культурно-этнической среды, которая породила кризис [2, р. 7-8].

Показательна в этом отношении его статья «Выбор еврейской идентичности» (*The Choice of Jewish Identity*), опубликованная посмертно в сборнике 1976 г. Изложение Левенсон начинал с провокационного вопроса: «Почти каждый, кто вообще интересуется евреями, иногда задаётся вопросом: “Евреи – это народ или секта?”» [4, р. 180]¹. Ответ таков: иудаизм – это национальная идентичность, маскируемая религией, а еврейство – культурная идентичность. С точки зрения Левенсона, иудаизм разделяет конфуцианское «совпадающее единство знания и действия» [4, р. 180]. В указанном контексте конфуцианство, как и иудаизм, противостоит современной либеральной демократии, так как либерализм требует культурно-ценностного релятивизма, признания изменений, а рационалистическая этика провозглашает освобождение от рамок традиции [4, р. 181]. Главный императив евреев – жизнь как таковая, поэтому Десять заповедей – «это конец, а не начало». «Быть – значит не быть, но желать быть – и быть желанным [Богу]» (*To be is not to be, but to will to be – and to be willed*) [4, р. 182]. То есть еврейство – это религиозная позиция, а не «социальное предпочтение», и полная противоположность «культурному плюрализму» [4, р. 182].

Для разъяснения последнего тезиса Левенсон прибегает к сопоставлению иудейской традиции не с китайской, а с античной. Он начинает с тезиса, что Бог един в двух сферах творения – природы и истории. Природа универсальна и едина для всех народов, и, будучи сотворенной, не является предметом поклонения. История – всегда частная (здесь ссылка на Аристотеля, который противопоставлял вечность поэзии эфемерности истории, и одновременно на Вольтера, у которого деизм эссенциален, а библейская

¹ Здесь и далее переводы цитат из работ Дж. Левенсона выполнены нами. – Д.М.

история партикулярна) [4, р. 183]. Согласно Левенсону, еврейская идентичность основана на витальных основаниях, поскольку празднование Субботы (которую профессор соблюдал неизменно) напоминает о сотворении одновременно вселенной и народа. Отсюда исключительность представлений о Земле (*Эрец*), которая сама по себе подтверждает сотворенность человечества через его укоренение на ограниченном участке суши. Иными словами, природа и история, всеобщее и частное в этом моменте сводятся воедино [4, р. 184]¹.

По мысли Левенсона, «Природа без истории предполагает циклическое мышление, отсутствие понятия прогресса, а цикличность в ритме времен года не предполагает понимания “начала»» [4, р. 184]. Это означает отсутствие «разрыва» и отчуждения: человек ищет примирения с природой и утрачивает самосознание, немислимое вне противопоставления «Я – Ты», здесь немислимо и творческое изменение. «У евреев существует запрет на *imitatio Dei* [«изображая Бога». – Д.М.]. Бог начинает историю. Евреи делают историю» [4, р. 184]. Историческое самосознание евреев воссоединяет природу и историю в Творении, но цикличность в нем тоже присутствует в виде цепочки ритуалов и годовичного чтения Торы, в котором встречаются Сотворение неба и земли, радость обретения Закона и смерть Моисея на пороге Земли Обетованной. Христианство Левенсон воспринимал как эллинизацию иудейства, цитируя роман «Смерть богов» Д.С. Мережковского как эталонное сравнение «эллинства» и «еврейства» [4, р. 185]. Впрочем, Левенсон усматривал наличие в эллинской культуре прозелитизма, но возводил его к Исократу, а не Платону, поскольку Исократ определял «эллинство» как содержание образования. Платон, противопоставляющий полисные войны эллинов как легитимный «гражданский конфликт», который следует максимально умягчать и гуманизировать, войнам эллинов и «варваров», сравнивается с патриотом династии Мин Ван Фу-чжи (1619–1692), боровшимся против захватчиков-маньчжуров. Ван Фу-чжи точно так же противопоставлял гражданскую войну и войну на истребление, разница между которыми – в степени беспощадности. Однако варвары, приняв, соответственно, китайскую или эллинскую культуру и язык, сами по себе цивилизовались и становились «своими». Налицо полное совпадение с той только разницей, что Исократ на

¹ Даже помимо воли вспоминается «Апокалипсис нашего времени» В.В. Розанова: «Вечная история, всё сводится к Израилю и его тайнам». Опровержение христианского хилиазма много места занимает в статье Левенсона, но место не позволяет остановиться на этом сюжете.

века определил культурные стандарты, тогда как до XX в. наследие Ван Фу-чжи было известно мало [4, p. 186].

По мысли Дж. Левенсона, между еврейством и эллинизмом имеется существенная разница и в ином отношении. Под «эллинизмом» в историографии подразумевается конкретный исторический период, в котором греческая культура превратилась в по-настоящему универсальную и транснациональную, носителями которой были далеко не только греки. Именно в эту эпоху обрела идентичность и еврейская община, причем установившие талмудическое преемство раввины отвергли эллинизацию Филона Александрийского («или Платон филонизирует, или Филон платонизирует»)¹, делая это сознательно, «спасая еврейскую историю от бессмыслицы интеллектуальной бестелесности» [4, p. 186-187].

Левенсон, совершенно в духе О. Шпенглера (не называя его по имени) проводит чёткую границу между «эллинистическим» и «эллинистическим», как ранее между иудаизмом и еврейством. Подчинение евреев Закону обеспечило им сохранение идентичности после утраты Земли и Храма. Это и было библейским «выбором жизни»², то есть принятием истории и последовательного стремления к действию, что полностью противоположно неоплатоническому трансцендентному антигисторизму. Левенсон цитирует Ницше, который провозглашал жизненность партикулярного, а не абстрактно-всеобщего [4, p. 188-189]. В другой рукописи, посвященной проблеме «кризиса-и-ответа», Левенсон сравнивал традиционную китайскую цивилизацию, античную и современную еврейскую, констатируя, что две первых – мертвы, тогда как еврейство живо во всех проявлениях. Конфуцианство, эпос Гомера и платонизм в равной степени постигла «музеефикация» (неологизм Левенсона *museumification*, сочетающий корни «музей» и «мумификация») [2, p. 11]. Традиция жива лишь тогда, когда побуждает своих носителей к активным действиям.

Библиография

1. Cohen P.A. Discovering history in China: American historical writing on the recent Chinese past. N.Y.: Columbia University Press, 1984. LXV, 245 p.
2. Dong Madeleine Yue, Zhang Ping. Joseph Levenson and the possibility for a dialogic history // Journal of Modern Chinese History. 2014. Vol. 8, Iss. 1. P. 1-24.
3. McDonald A. The historian's quest: Joseph R. Levenson // Bulletin of Concerned Asian Scholars. 1970. Vol. 2, Iss. 3. P. 71-82.
4. Meisner M., Murphey R. (eds.) The Mozartian Historian: Essays on the Works of Joseph R. Levenson. Berkeley: University of California Press, 1976. 224 p.

¹ Не обозначенная цитата из блаженного Иеронима: обычный для Левенсона индикатор уровня начитанности.

² Дж. Левенсон напоминает о знаменитом еврейском тосте «За жизнь!» (*ле-хайим*), далее еще раз повторяя эту отсылку.

5. Schwarcz V. [Review: The Mozartian Historian. Essays on the Works of Joseph R. Levenson by Maurice Meisner and Rhoads Murphey] // History and Theory. 1978. Vol. 17, Iss. 3. P. 349-367.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры алтаистики и китаеведения, Казанский федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; dmartynov@yandex.ru

Joseph Levenson as a Historian: The Presentism and Self-identification

The historical thinking of Joseph Levenson (1920–1969) was formed in the mainstream of American presentism. A medievalist by his education, Levenson gained fame as a Chinese studies scholar who viewed Chinese civilization in a broad context. Levenson separated history from values, viewing history as “the overturning of the present moment into the past.” Chinese civilization experience served him to substantiate the own Jewish self-identification by Levenson, who viewed Confucian and Classical antiquity civilizations as dead, and defined the basis of Judaism as “the choice of life.”

Keywords: Joseph Levenson, Confucianism, Judaism, Classical antiquity, presentism, historiography

Martynov Dmitry Evgenyevich, Doctor of History, Professor of the Department of Altai and Chinese Studies, Kazan Federal University, Kazan, Tatarstan Republic, Russia; dmartynov@yandex.ru

УДК 930:94(485)”19”

Топтендаль-Сальчева Т.А.

Братья Вейбулли и их ученики в шведской исторической науке XX века

В первой трети XX века историки из Лунда, братья Лауриц и Курт Вейбулли, стали основателями либеральной исторической школы, которая противопоставила себя консервативной школе из Уппсалы. Наибольшую известность братья Вейбулли получили в связи с методологическими битвами с другими историками Северной Европы по вопросам критики источников и выводов, вытекающих из этой критики. В 1940-х годах ученики братьев Вейбуллей заняли ведущие позиции в университетах страны. К концу 1950-х годов было достигнуто определенное примирение между двумя направлениями, когда один из вейбуллианцев был избран председателем Шведского исторического общества.

Ключевые слова: шведская историография, историческая школа, историческое направление, братья Вейбулли, критика источника, доказательный позитивизм, теоретическая модель

В деле институционализации профессиональных объединений историков Швеция оказалась последней среди стран Северной Европы. В Дании Историческое общество появилось еще в 1839 году, в 1970 году в Норвегии была создана подобная организация, а че-

рез пять лет, в 1975 году, заявило о себе финское объединение историков в масштабе всей страны. Первым председателем созданного только в 1880 году Шведского исторического общества (ШИО) стал патриарх тогдашней исторической науки страны Фредрик Фердинанд Карлсон (Fredrik Ferdinand Carlson, 1811–1887), который в свое время был участником семинара Леопольда Ранке в Германии.

Среди членов Шведского исторического общества доминировал авторитет не занимавшего официальных постов в этой организации Харальда Эрне (Harald Hjärne, 1848–1922). Эрне был историком-исследователем, историком-педагогом, известным политиком, а также политическим журналистом. С 1885 г. и до самого выхода на пенсию в 1913 г. он работал в должности профессора (с 1889 – ординарного) истории в университете Уппсалы. На рубеже XIX – XX веков печатный орган ШИО *Historisk tidskrift* был завоеван изнутри последователями Харальда Эрне [10, S. 109]. Кружок этих историков вполне может быть соотнесен с понятием «школы», однако эти ученые никогда не постулировали единой программы, хотя и следовали общим принципам при написании работ по тематике из политической истории своей страны.

В XX веке историки из Лунда Лауриц Вейбуль (Lauritz Weibull, 1873–1960) и его младший брат Курт Вейбуль (Curt Weibull, 1886–1991) стали основателями другой исторической школы в Швеции. Лауриц еще в 1919 году получил профессуру по истории в университете Лунда, а Курт в 1927 году занял соответствующую кафедру в Гётеборге. В своей «инаугурационной» речи по случаю вступления в должность профессора Лауриц Вейбуль четко подчеркнул свое намерение представить новый тип историко-критического исследования [14, S. 118].

В советской и российской скандинавистике этих историков именовали «вейбуллианцами», или «школой Вейбуллей», добавляя при этом слово «гиперкритическая». Исходя из того, что «гиперкритиками» Вейбуллей называли их противники, которые делали это с четко прослеживаемой недоброжелательно-ироничной и критической коннотацией, я отказалась от этого устоявшегося в советско-российской традиции клише.

Следует указать на то, что среди шведских историков в последнее время стала побеждать точка зрения Рольфа Тоштендаля, считающего, что приверженцев взглядов братьев Вейбуллей следует называть не «школой», а «направлением». Тоштендаль убедил в этом Биргитту Уден, и они вместе представили эту позицию в коллективном труде по шведскому историописанию, в котором авторы говорят не о школе, а о «вейбуллианском направлении»

в шведской историографии [14, S. 107]. Основанием для подобного определения, по мнению ученых, служит тот факт, что ученики Вейбуллей, хоть и формировали свои взгляды в одном методологическом пространстве, однако каждый из них работал над собственной темой вне рамок общего семинара. У последователей Вейбуллей, как отмечают Тоштендаль и Уден, не было единого представления о том, что является «плодотворным исследованием», а кроме того, они не сформулировали общих требований к методам для достижения поставленной исследовательской цели.

И все же – и это главное – представители этого направления отошли от доминировавшей в шведской историографии традиции написания работ только по сюжетам политической истории. Новаторский вклад Лаурица Вейбулля в развитие шведской исторической науки, по мнению Биргитты Уден, был сделан в 1911–1918 годы, а также в годы профессорства в Лунде [9]. Лауриц Вейбулл был связан с французской и датской традицией 1880-х годов и теми историками, у которых присутствовал естественно-научный идеал науки. Оба брата – Лауриц и Курт – стали известны прежде всего как сторонники радикальной критики источников. Они творчески восприняли идеи из работы 1898 года французских историков Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в историческую науку».

Публикация в 1911 г. книги Лаурица Вейбулля «Критические исследования в области Североевропейской истории в период около 1000 года» (Weibull L. Kritiska undersökningar i Nordens historia omkring år 1000) положила начало новому явлению в исторической науке Швеции. Произошел отход от идеалистического подхода при оценке роли государства. «Когда Вейбулл в 1919 г. стал профессором истории, впервые со времен Гейера эту кафедру занял представитель совсем иных взглядов по сравнению с гейерскими», – пишет Рольф Тоштендаль в своем фундаментальном труде 1964 года «Критика источника и научный обзор шведских исторических исследований 1820–1920 годов» [11, S. 378].

Смена парадигмы в шведской историографии произошла в конце 1920-х годов, когда начал выходить журнал «Scandia. Tidskrift för historisk forskning» («Скандия. Журнал исторических исследований»). Ученые из университета Лунда бросили вызов консервативному историческому сообществу научной столицы страны в Уппсале. Можно полагать, что идеологическая платформа ученых нового журнала зиждилась на радикально-либеральных позициях и демократических взглядах. Личные и творческие контакты шведского историка Лаурица Вейбулля и датчанина Эрика Арупа сыграли решающую роль в вопросе рождения нового журнала. Вейбуллианскому направлению было присуще экстремально

критическое отношение при оценке материала источника. Созданный Л. Вейбуллем и Э. Арупом в 1928 году журнал «Scandia» стал периодическим изданием с иным пониманием. Информация, которые не могла быть доказана, не имела права, по мнению Вейбуллей, быть представленной на страницах научных работ.

Весьма показательна для понимания методов исследования, которые проповедовал новый журнал, может быть статья Лаурица Вейбулля «Смерть Карла XII», опубликованная во втором номере «Scandia». Для решения острого вопроса, кто убил шведского короля – солдат противника из норвежской армии, или измученный войной шведский воин – автор представляет подробный отчет, напоминающий протокол следственных органов, в котором детально анализируется дислокация войск, местонахождение фигуры короля, траектория полета пули, положение упавшего тела и т.д. И только после проделывания подобных «следственных процедур», историк делает вывод о том, что, хотя и «нет решающего доказательства», нельзя все же отрицать, что «существуют веские основания» для вывода об убийстве Карла XII кем-то из шведского лагеря [15, S. 248].

В 1948–1949 годах труды Лаурица Вейбулля были изданы в трех томах (Weibull L. Nordisk Historia. Forskningar och undersökningar). Во многих работах автор приводил двухступенчатые рассуждения: а) доказательная часть основных фактов; б) расширенная перспектива. Появилась необходимость в методе для определения того, что является корректным. Именно при этом подходе сформулированное Рольфом Тоштендалем понятие «минимальные требования», стало всеохватывающим для понимания системы «доказательного позитивизма» Л. Вейбулля: «Доказательный позитивизм предполагал существование строгой системы правил для научного выполнения исторического исследования с тем, чтобы всегда можно было решить, что являлось верным, а что ошибочным. При этом минимальные требования к историческому исследованию развивались по нескольким направлениям. Во-первых, определялись и применялись строгие правила к критическому рассмотрению повествовательных источников, во-вторых, вырабатывались определенные правила по поводу того, как единичные утверждения относительно исторического прошлого могли быть установлены (подтверждены фактами), в-третьих, выдвигались категорические правила, которые относились к процедуре реконструкции более общего порядка на основе единичных утверждений, в-четвертых, появилось, в конечном счете, требование о возможности в результате научных процедур принять решение о правильности выводов» [12, S. 80].

Работы Лаурица Вейбулля, о чем бы в них ни шла речь, прямо или косвенно касались политики, причем часто это проявлялось в изучении идей. И здесь автор выступал не как классический позитивист типа Конта и даже Маркса, он исходил не из социальных отношений, а отталкивался от правовых и политических идей. При этом у него имелся определённый крен в сторону переоценки значения этих идей. По существу, Лауриц Вейбуль ставил вопросы по-старому, да и тематика исследований была традиционной, однако, решались эти вопросы по-новому, с позиций доказательного позитивизма. Братья Вейбулли были оптимистами в вопросе о возможности достижения истины путем тщательного отбора источников и, тем самым, нахождения доказательной основы, подкрепляющей каждое мнение и утверждение, с которым выступает исследователь.

Творчество Курта Вейбулля пронизывает тот же, что и у Лаурица «доказательный позитивизм», при этом можно утверждать, что он зачастую шёл даже впереди брата, а не только следовал за ним. Здесь необходимо подчеркнуть, что Лауриц в основном писал научные работы, эмпирически разрабатывая исторический материал, в то время как Курт больше теоретизировал и формулировал новые принципы исторического исследования. Курт Вейбуль сравнивал документальные источники с повествовательными, изучая вопрос о едином государстве Швеции и Дании с XI века. Докторскую диссертацию К. Вейбуль написал о Саксоне Грамматике – датском хронисте-летописце XII – XIII веков. В споре с датским профессором Кнудом Фабрициусом (Knut Fabricius) ярко проявились метод и методология шведского ученого. Анализируя этот труд Курта Вейбулля, читатель знакомится с программным заявлением автора, следуя букве которого Лауриц Вейбуль осуществлял идеи брата в исследовательской практике 20–30-х годов.

Королева Кристина – главное действующее лицо двух других работ Курта Вейбулля: одна книга является собственно биографией королевы (Drottning Christina. Studier och forskningar. Stockholm, 1931), а другая повествует о казни её придворного Мональдеско (Drottning Christina och Monaldesco. Stockholm, 1936). Курт Вейбуль пишет о Кристине как об исторической личности, не допуская никаких фантазий или догадок, исходящих из вживания в канву событий. Автор исходит из сопоставления почерпнутых из источников планов и свершенных действий. Вопрос о намерениях Кристины был для Вейбулля проблемой критического рассмотрения материалов источников. Так, например, он отбросил версию о ее индифферентности к религии, а также о возможном любовном

романе с Мональдеско. Отвечая на вопросы, почему Кристина вела себя так или иначе, Курт Вейбульль выстраивал систему доказательств по двум схемам: 1) в том случае, когда события и высказывания были известны и ясны, необходимо было лишь их сопоставить; 2) когда же имелись различные мнения о развитии событий или его побудительных причинах, то требовалось критическое толкование источников.

Ученик Лаурица Вейбулля Стуре Булин (Sture Bolin, 1900–1963) после ухода на пенсию своего учителя в 1938 году, в конкурентной борьбе за профессорскую кафедру Лундского университета победил воспитанника Курта Вейбулля Ингвара Андерссона.

На примере двух историков, разделявших и развивавших принципы основателей вейбуллианского направления – С. Булина и И. Андерссона, можно увидеть, насколько разнообразные и порой далеко отстоящие друг от друга по типу исследования труды выходили из-под пера ученых, воспитанных в семинарах братьев Вейбуллей. По мнению Биргитты Уден: «Оба ученых принимали исследовательский метод Вейбуллей, однако у них был совершенно разный стиль репрезентации. Если Булин использовал теоретический и аналитический тип, то Андерссон был представителем гуманитарного нарратива» [14, S. 121]. Уден выделяет значение и широту научного поиска Булина, унаследованного им от Лаурица Вейбулля.

Еще в 1927 году Стуре Булин защитил докторскую диссертацию о кладах римских монет в Германии (Fynden av romerska mynt i det fria Germanien. Lund, 1926). Надо сказать, что Булин на всю жизнь сохранил увлечение историей нумизматики.

При написании диссертации, опубликованной накануне защиты, полностью раскрылись математические способности автора. Интерес Булина к развитию объясняющих теорий постепенно (после опубликованных рецензий на книгу, написанную на шведском языке) привели к международному вниманию к его работе. «Булин представил новое *теоретическое* истолкование содержания кладов монет. Они свидетельствовали не о периодах богатства и международной торговли, как думали прежде, а показывали беспокойные времена и войны, в которые люди пытались схоронить свои запасы», – пишет в коллективной монографии «Историописание в Швеции» Биргитта Уден [14, S. 118]. Работа Булина, кроме всего прочего, послужила источником для описания путей, связывавших европейские страны в Средние века.

В применяемых Булином исследовательских подходах можно найти примеры, ведущие свое начало от литературной традиции анализа источников, что было характерно и для творчества самих

братьев Вейбуллей. Однако у Стуре Булина была уникальная методика, а именно – он использовал логико-математические модели для решения чисто исторических проблем, для чего составлял и решал систему уравнений. Основным элементом рассуждений Булина всегда сводился к тому, что он «старался определить, какие возможные решения данной проблемы существуют, а уже затем, на основе фактов и логики, элиминировать эти варианты до одного» [12, S. 81]. Этот метод сравнения моделей известных и неизвестных источников (модельный компаративизм) развивали дальше его ученики, например, Гуннар Т. Вестгин [16].

В 1930-е годы Стуре Булин продолжил изучение кладов монет в раннем Средневековье, расширив при этом географию находок от Лидии (территория нынешней Турции) до России. Результаты исследований объемом в 15 000 рукописных листов были обобщены в его знаменитой лекции «Мухаммед, Карл Великий и Рюрик», прочитанной по случаю получения профессуры в 1938 году. Анализ источников показывает, что автор использовал не только археологическую и нумизматическую статистику, но и методы политической и национальной экономики. После перевода работы со шведского на другие языки имя Булина стало широко известно в мире профессиональных историков [14, S. 119].

В работах по истории средневековой Дании Булину удалось с помощью продвинутых математических методов (диофантовы уравнения) решить проблему расхождения в показаниях двух основных источников XIII века относительно Халландского списка из книги перечня земельных владений короля Вальдемара.

В годы Второй мировой войны, кроме новаторских публикаций по истории короля Густава IV Адольфа [4], Стуре Булин, глубоко и тщательно проработав источники иного, чем прежде, типа (газеты и правительственные «белые книги»), издал в 1944 году монографию о начале войны «Одностороннее насилие» [5]. В этой публикации автор еще раз проявил себя как истинный «вейбуллианец», строго и дотошно сравнивая все факты и соотнося их с показаниями других источников. Важно отметить, что одной из причин, побудивших взяться Булина за эту тему, было желание автора свести счеты с заблуждениями молодости. Дело в том, что в 1920-е годы, находясь под влиянием французской консервативной мысли, он активно участвовал в «Шведском национальном союзе молодежи» (Svenska nationell ungdomsförbund), известным своими корпо-

ративно-консервативными взглядами и в конце концов скатившимся на пронацистские позиции¹.

Упомянутый выше ученик Курта Вейбулля и соперник Стуре Булина за место профессора в Лунде Ингвар Андерссон (Ingvar Andersson, 1899–1974)², получив вейбуллианские импульсы и вдохновившись идеями своего наставника, внес существенный вклад в источниковедческие проблемы изучения шведских Хроник XIII–XV веков. Но после защиты докторской диссертации Андерссон оставил тематику средневековья и сосредоточился на шведской истории XVI века. Как пишет Ларс Эрикссон Вольке в статье «Ученый-медиевист, выдающийся популяризатор», «Ингвар Андерссон начинал свой путь исследователя из круга лундских вейбуллианцев с их критикой источника, но позже оставил академическую карьеру. Вместо этого он стал одним из наиболее читаемым историком Швеции XX века, писавшим в жанре популярной истории» [7, S. 497]. Вслед за Куртом Вейбуллем им была продолжена традиция сочинения биографических работ. Вейбульль написал о королеве Кристине, Андерссон – об Эрике XIV. Ингвар Андерссон обладал ярким талантом, и его книга о старшем сыне основателя шведской династии Васа представляет из себя одну из лучших работ биографического жанра.

Уже во введении к биографии Эрика XIV Ингвар Андерссон поставил перед собой задачу «реконструировать образ человека из прошлого», однако, автор специально не обсуждал проблему доказательности фактов, а сосредоточился на идеях, почерпнутых у Макиавелли и астрологов. И все же, следуя вейбуллианцам, он оговаривал каждый свой вывод, увязывая его с поведением своего героя. Если сравнить работы Андерссона с трудами его современника, одного из противников вейбуллианцев, стокгольмского профессора Нильса Анлунда (Nils Ahnlund, 1889–1957), то становится очевидно, что последний совершенно избегал обсуждения проблемы понимания как проблемы с ограниченными доказательствами. Этот автор брал весь материал, составляющий фон исторических событий, без критического анализа [12, S. 85–86].

Другой ученик Курта Вейбулля – Эрик Лённрот (Erik Lönnroth, 1910–2002) принадлежал к тому же поколению, что Стуре Булин

¹ См. подробнее: Odén B. Sture Bolin – historiker under andra världskriget. Stockholm. Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien. Historiska serien 27. 2011. 101 s.; 2, с. 272–274.

² Позже Ингвар Андерссон стал Главным архивариусом Швеции и членом Шведской академии. В России широкому кругу скандинавистов он известен благодаря переведенной на русский язык «Истории Швеции» (М., 1951). (Ingvar Andersson. Sveriges historia. Stockholm, 1943).

и Ингвар Андерссон. Защитив в возрасте 23 лет диссертацию по истории Кальмарской унии (Sverige och Kalmarunionen 1397–1457), Лённрут сначала работал в должности доцента в Гётеборге. В 1942 году, когда ему только что исполнилось 32 года, Лённрут получил место профессора в Уппсале, где он оставался до 1953 года, а затем занимал (вплоть до ухода на пенсию в 1977 году) ту же должность в университете Гётеборга. Здесь он в качестве профессора сменил своего учителя Курта Вейбулля.

Карьера Лённрута была яркой, стремительной и во всех отношениях блестящей. Шесть лет спустя после защиты докторской диссертации им были написаны практически все его новаторские работы, среди которых необходимо назвать книгу 1940 года «Государственная власть и государственные финансы в средневековой Швеции» (Statsmakt och statsfinans i den medeltida Sverige. Studier över skatteväsen och länsförvaltning). В этой работе автор еще в большей степени, чем в диссертационном исследовании, использовал теоретические модели, с помощью которых можно было показать, что государственная власть была функцией от экономических и военных ресурсов.

В трудах Лённрута четко прослеживается влияние вейбуллианской школы, однако их автор продвинулся значительно дальше своих учителей по форме исполнения – он ярко заявил о себе как о литературном даровании и тонком стилисте. Особенно ему удавались произведения небольшого формата – статьи, эссе, заметки. Его искусство четких и элегантных формулировок сделало его известным автором в разделе культуры на страницах крупнейшей утренней газеты Швеции «Dagens Nyheter».

Особенно интересна по форме и оригинальна по содержанию его книга о короле-артисте, авторе пьес и вообще большом поклоннике искусств – Густаве III [8], трагическая судьба которого вдохновила Джузеппе Верди на сочинение оперы «Бал-маскарад». Ведь именно на балу в так любимой им опере шведский король был убит заговорщиками. Эта работа Лённрута была переведена на русский язык [1]. Книга интересна своим психологическим толкованием действий короля, показом влияния на развитие личности Густава его матери – королевы Лувисы Ульрики. Однако, как отмечает Р. Тошгендаль, теоретическая объяснительная модель «дает новаторский результат, но теоретический фундамент относится к такому типу, который никогда не применялся и вряд ли принимался Лаурицем и Куртом Вейбуллями» [14, S. 125].

В 1962 году Эрик Лённрут был избран в Шведскую академию. Вообще же в течение всей своей многолетней деятельности он был членом 13 ученых обществ и академий, входил в правительствен-

ные комиссии, кроме научных трудов по истории, сочинял стихи и песни, публиковал эссе и дорожные заметки. Как написал Петер Энглунд, занявший после смерти Лённрута его кресло под номером 18 в Шведской академии, «его единственным ограничением была нехватка ограничений» [6, S. 579].

Замечательный историк, профессор Уппсальского университета Свен А. Нильссон (Sven A. Nilsson, 1914–1997) успел пройти школу и самого Лаурица Вейбулля и заниматься в семинаре Стуре Булина. Уже своей статьей в журнале «Scandia» о форме правления 1634 года в Швеции (1634 års regeringsform), опубликованной за 10 лет до защиты диссертации, Свен А. Нильссон заявил о себе, как об активном участнике научных баталий двух направлений в шведской историографии – «уппсальского» и «вейбуллианского». Защита докторской диссертации «Государство и дворянство в Швеции в 1523–1594-х годах. Военная служба, ленная система, имущественная политика» (Krona och frälse i Sverige 1523–1594. Rusttjänst, länsväsende, godspolitik) состоялась в 1947 году. Эта работа, а также вышедшая в 1952 году книга о борьбе за дворянские привилегии в XVI веке (Kampen om de adliga privilegierna 1526–1596) стали развитием и уточнением системного анализа, примененного Лённрутом на материале средневековья. Борьба шла за то, какими ресурсами будет владеть и иметь право распоряжаться государство, а какими – дворянство и аристократия.

В 1955 году, оставив Лунд, Нильссон занял профессорское кресло в университете Уппсалы. Здесь он сам и его ученики много сделали, чтобы с помощью постановки новых вопросов и использования системного анализа изучить историю страны XVI века, а также период шведского Великодержавия XVII века. Благодаря их трудам, понятие «военное государство» получило центральное место при описании Швеции того времени. Как полагает Р. Тоштендаль, «Эти проблемы больше отвечали новым требованиям к общественно-теоретической базе исследования, чем требованиям вейбуллианцев, основанным на научном методе предъявления фактов и получения достоверных выводов» (14, S. 126). Хотя позднее, при написании первой части и редактировании всего трехтомного труда по истории своего родного города Хальмстада, Нильссон оказался гораздо ближе к теоретической основе своих учителей [14, S. 127].

Свен А. Нильссон собрал вокруг себя группу молодых ученых, среди которых были будущие деканы исторического факультета университета Уппсалы Карл-Йоран Андре и Рольф Тоштендаль, будущий Главный архивариус Швеции Свен Лундквист, профессор исторической кафедры Уппсальского университета Торкель

Янссон и Ян Линдегрэн, а также другие его ученики, со временем занявшие руководящие посты в государственных учреждениях, связанных с гуманитарными науками. Свен А., как его называли ученики, проявлял неусыпное внимание к научной и личной судьбе своих подопечных. По его настоянию, например, Рольф Тоштендаль оставил профессорскую кафедру в Стокгольмском университете и в конкурентной борьбе получил ее в Уппсале вместо ушедшего на пенсию учителя. «Он является одним из немногих шведских историков, о которых можно сказать, что они в каком-то смысле этого слова создали "школу"» – написал Р. Тоштендаль в некрологе, опубликованном в ежегоднике Шведской королевской академии литературы, истории и древностей, членом которой многие годы был Свен А. Нильссон [13, S. 44].

Среди учеников Стуре Булина не могу не назвать и первую в Швеции женщину – профессора истории Биргитту Уден (Birgitta Odén, 1921–2016), о которой я неоднократно писала [2, с. 200–222; 3, с. 249–279]. Уден сменила Булина в должности заведующего кафедры истории в Лунде. Она, таким образом, является прямой «внучкой» Лаурица Вейбулля. Учеником Стуре Булина был также сын Курта Вейбулля – Йорген Вейбуль (Jörgen Weibull, 1924–1998), много лет проработавший профессором истории в Дании, а позже – после выхода на пенсию Эрика Лённрута – унаследовавший профессорскую кафедру в Гётеборгском университете, которую когда-то занимал его собственный отец.

Более половины XX века шведская историография развивалась в постоянной борьбе между двумя историческими школами: либеральной из Лунда и консервативной из Уппсалы. В 1957 году, когда Свен А. Нильссон и Эрик Лённрут вошли в правление Шведского исторического общества, а на следующий год Э. Лённрут был избран его председателем, стало очевидно, что борьба двух направлений в шведской историографии закончилась победой вейбуллианцев.

Библиография

1. Лённрут Э. Великая роль. Король Густав III, играющий самого себя / Перевод Ю.Н. Беспятых. СПб., 1999. 431 с.
2. Салычева Т.А. Биргитта Уден: ментальность действия // Диалог со временем: историки в меняющемся мире. М., 1996. С. 200–222.
3. Тоштендаль-Салычева Т.А. Гармония личного и общественного в творчестве Биргитты Уден // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2013. Вып. 44. С. 249–279.
4. Bolin S. Gustaf IV Adolf i svensk historisk opinion // Svensk tidskrift. 1941.
5. Bolin S. Det ensidiga våldet: Spelet om krig och fred 1938–1939. Lund, 1944.

6. Englund P. Fixstjärna i svensk historieforskning // Svenska historiker från medeltid till våra dagar (red. Ragnar Björk, Alf W Johansson). Stockholm: Nordstedts, 2009. S. 572-583.
7. Ericson Wolke L. Lärd medeltidshistoriker, framstående popularisator // Svenska historiker från medeltid till våra dagar (red. Ragnar Björk, Alf W. Johansson). Stockholm: Norstedts, 2009. S. 497-513.
8. Lönnroth E. Den stora rollen. King Gustaf III speed av honor själv. Stockholm: Norstedts, 1986.
9. Odén B. Lauritz Weibull och forskarsamhället. Lund: Bibliotheca Historica Lundensis XXXIX, 1975. 280 S.
10. Schüick H. "Centralorgan för den svenska historiska forskningen". Historisk Tidskrift från sekelskiftet till 1960-talets början // Historisk tidskrift. 1980. Nr. 1–2. S. 92-139.
11. Torstendahl R. Källkritik och vetenskapssyn i svensk historisk forskning 1820–1920. Studia Historica Upsaliensia XV. Stockholm: Norstedts, 1964. 426 s.
12. Torstendahl R. Minimikrav och optimumnormer i svensk historieforskning 1920–1960 // Torstendahl R., Nybom Th. Historievetskap som teori, praktik, ideologi. Stockholm: Författarförlaget, 1988. S. 72-92.
13. Torstendahl R. Sven A. Nilsson // Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Årsbok 1998. Stockholm, 1998. S. 39-44.
14. Torstendahl R. Odén. Den Weibullska riktningen // Historieskrivningen i Sverige (red. Gunnar Artéus, Klas Åmark). Lund: Studentlitteratur, 2012. S. 106-134.
15. Weibull L. Carl XII: s död. Scandia, 1929. B. II. H. 2. S. 229-274.
16. Westin G.T. Olaus Petri som historieskrivare. Lund, 1946.

Тоштендаль-Салычева Тамара Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, почетный доктор Упсальского университета (Швеция), директор Русско-шведского учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), г. Москва, Россия; tamarats@inbox.ru

The Brothers Weibull and Their Disciples in Swedish History-Writing during the 20th Century

During the first three decades of the 20th Century two historians – the brothers Lauritz and Curt Weibull from Lund – became the founders of a historical school. This school confronted another school with its origin in Uppsala. While the latter was a conservative direction, the new school in Lund was liberal. Most famous are the brothers Weibull for their methodological struggles with other Nordic historians on source criticism and the consequences, which should be drawn from this criticism. The disciples of the brothers Weibull obtained leading positions in history at several Swedish universities from the 1940s and onwards. A certain reconciliation was obtained in the late 1950s, when the Swedish historical association elected a member of the Weibull School as its president.

Keywords: Swedish historiography, historiographical school, historiographical direction, the Weibull brothers, strict scrutiny of sources, theoretical model

Torstendahl Salytjeva Tamara, Candidate of History, Assistant Professor, Honorary Doctor of Uppsala University (Sweden), Director of the Russian-Swedish Educational and Scientific Center of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia; tamarats@inbox.ru

Ерохин В.Н.

Изучение истории Реформации в Англии в современной британской историографии

В статье рассмотрены подходы к изучению религиозной Реформации в Англии в современной британской историографии. Проанализированы основные идеи и достижения либерального и ревизионистского направлений в изучении Реформации. Показано, что результаты научной деятельности современных британских либеральных и ревизионистских историков в понимании Реформации дополняют друг друга.

Ключевые слова: Реформация в Англии, современная британская историография, либеральное направление, ревизионистское направление

Религиозная Реформация – одно из важнейших явлений английской истории раннего нового времени. В современной британской историографии английской Реформации сосуществуют и взаимодействуют два основных методологических направления: либеральное и ревизионистское. Ни одно из этих направлений не может доказать ненужность другого направления и полностью исключить интерпретацию, предлагаемую оппонентами.

Развитие либерального направления во второй половине XX века происходило под влиянием концепции, разработанной Артуром Джеффри Диккенсом (1910–2001). Его главный обобщающий труд «Английская Реформация» [1] благодаря систематичности содержания и стилю изложения стал фактически играть роль авторитетного учебника. Реформация в работах Диккенса понимается как следствие упадка позднесредневекового католицизма, как возникновение новой формы церковной организации и религиозности, которые соответствовали новым историческим условиям. Концепции Диккенса присуща характерная для либерального историзма вера в общественный прогресс, проявляющийся также и в сфере религиозных отношений в обществе. В либеральной концепции главным фактором, способствовавшим появлению реформационных идей в Англии и утверждению в стране протестантской церковной организации, независимой от Рима, считаются идейные влияния со стороны Реформации на европейском континенте. Действия короля Генриха VIII Тюдора (1509–1547), разорвавшего с Римом в 1534 году и законодательно оформившего создание протестантской церкви Англии, по мнению либеральных историков, будучи важным политическим фактором утверждения Реформации, достигли цели и не вызвали серьезного противодействия в стране потому, что протестантизм был идейно привлекате-

лен для англичан. В обсуждении вопроса о темпах распространения протестантизма либеральные историки отстаивают мнение, что уже в начале 1550-х годов Англия была протестантской страной, а с восшествием на престол королевы Елизаветы в 1559 году протестантизм установился в стране окончательно и бесповоротно.

Значение деятельности представителей либерального направления состоит в том, что установки либеральных историков способствовали изучению идейных влияний в происхождении английской Реформации и анализу идейно-смыслового, богословского содержания реформационных учений. Гораздо меньше внимания либеральные историки уделяют анализу социально-экономических причин Реформации и материальных интересов различных социальных групп. Влияние материальных интересов как мотив исторического действия полностью не выпадает из сферы внимания либеральных историков, но не находится в разрабатываемой ими объяснительной схеме человеческого поведения на первом плане – их отличает идеалистическое понимание причин исторических событий.

Ревизионистское направление в изучении английской Реформации стало оформляться в 1970–1980-е годы. По своим основным идейно-теоретическим взглядам историки-ревизионисты принадлежат к одному из традиционных направлений в британской исторической науке – консервативному. Наиболее известными представителями этого направления стали Кристофер Хейг (р. 1944) [3], Джек Скарисбрик (р. 1928) [4], Имон Даффи (р. 1947) [2], продолжающие свою научную деятельность по сей день. В общетеоретическом плане ревизионисты отрицают, что исторический процесс по своему содержанию представляет собой реализацию тех или иных внутренне присущих ему или заранее кем-то сформулированных целей. Ревизионисты уделяют большое внимание роли случайностей в истории общества, скептически относятся к идее общественного прогресса и возможности выявления исторических закономерностей. По их мнению, лишь в ретроспективе, зная, чем завершился тот или иной процесс, можно выделить ту линию в развитии событий, которая стала главной. В развитии же общества реализуется тот сценарий, который проявляется из множества актов конкретных выборов, которые люди делают в складывающихся ситуациях, приспосабливаясь к этим ситуациям.

Ревизионисты, в отличие от либеральных историков, считают вполне жизнеспособной позднесредневековую английскую католическую религиозность и рассматривают церковь Англии предреформационных десятилетий XVI века как институт, удовлетворявший духовные потребности англичан этого времени, в результате отказываясь рассматривать Реформацию как результат победы

нового истинного прогрессивного протестантизма над старым, ложным, неадекватным новым историческим условиям католицизмом. Выявленная на европейском континентальном материале «порча церкви», против которой выступил в 1517 году известный немецкий реформатор Мартин Лютер (1483–1546), рассматриваемая как одна из причин Реформации в Западной Европе, по мнению ревизионистов, не имеет отношения к церкви Англии.

Ревизионисты интерпретируют английскую Реформацию как политическое явление, связанное со стремлением короля Генриха VIII укрепить королевскую власть, что было ему необходимо на рубеже 1520–1530-х годов для решения брачной проблемы (у него не было наследника престола мужского пола, без чего он не мыслил передачу королевской власти по наследству) и увеличения финансовых поступлений в государственную казну. Реформация, как считают ревизионисты, также отвечала материальным интересам некоторых групп в английском обществе – предпринимателей и землевладельцев, которые стремились ограничить роль церкви в общественной жизни, лишить её части материального богатства, а также юристов общего права, стремившихся ограничить юрисдикцию церковных судов и увеличить свои доходы путем расширения сферы судопроизводства судов общего права. В ревизионистской трактовке, Реформация в Англии была результатом многочисленных актов выбора в конкретных ситуациях, складывавшихся в политической истории страны XVI века. В связи с этим К. Хейг характеризует то, что происходило в Англии в 1530–1550-е годы, как «спотыкающуюся Реформацию», совокупность «Реформаций» в результате столкновений придворных политиков, перемен во внешней политике Англии, а не как явление, ранее традиционно обозначавшееся в британской историографии единым понятием, предполагавшим единство в ходе этого процесса (the Reformation). В истории Англии XVI–XVII веков, как отмечают историки-ревизионисты, в целом ряде случаев буквально стечение обстоятельств, перипетии в наследовании престола имели для религиозно-политической истории страны значительные последствия. Действительно, историческая случайность прямо-таки играла альтернативами английской истории тех лет, продемонстрировав парад уникальных ситуаций, задававших направление происходившего в реформационную эпоху. Так, основателю династии Генриху VII Тюдору (1485–1509) наследовал начавший Реформацию его сын Генрих VIII, которого, вообще говоря, не должно было быть на английском престоле, поскольку у него был старший брат Артур, но Артур умер в 1502 г. У Генриха VIII и его жены Екатерины Арагонской не появилось наследника престола мужского пола.

Это спровоцировало развод, выход Англии из церковного подчинения Риму. От брака со второй женой Генриха VIII Анной Болейн наследник престола мужского пола тоже не появился, что повлекло за собой казнь Анны Болейн по обвинению в мнимой супружеской неверности и новые браки короля. Сын Генриха VIII от брака с третьей женой Джейн Сеймур слабый здоровьем король Эдуард VI (1547–1553), в правление которого в Англии стали активно распространяться идеи континентальной Реформации, так что церковь Англии могла принять строй управления и доктрину, более близкую континентальному протестантизму и последующим идеям пуритан, не прожил даже полных 16 лет. Исповедовавшая католицизм дочь Генриха VIII от первого брака королева Мария Тюдор (1553–1558), восстановившая было католическое исповедание в Англии, не произвела на свет никакого потомства и в возрасте 42 лет скончалась, так что религия в стране вновь переменялась. Королева Елизавета I Тюдор (1558–1603), оказавшись на престоле после смерти сводной сестры, вдобавок к своим личным протестантским наклонностям, была вынуждена стать протестанткой буквально по обстоятельствам рождения, так как брак Генриха VIII с ее матерью Анной Болейн никогда не признавали в Риме. Из-за бездетности Елизаветы I на английском престоле оказалась династия Стюартов (1603–1714) – родственники Тюдоров через брак дочери Генриха VII Тюдора Маргариты и шотландского короля Якова IV (1488–1513), которые не смогли бы попасть на английский престол в случае, если бы у Елизаветы I были дети. В правление второго представителя династии Стюартов Карла I (1625–1649) обострились отношения короны с парламентом, на что в определённой мере повлияло, в том числе и то, что Карл I в течение всей жизни сильно заикался, что мешало ему быть полноценным публичным политическим деятелем. В сознании англичан второй половины XVI – начала XVII века даже возникло поверье, что буквально все потомки Генриха VIII оказались бездетными в наказание за то, что Генрих VIII расправился с католической церковью. Эта цепь событий – удивительный пример того, как только лишь фертильно-демографические аспекты и обстоятельства жизни лиц из королевских династий могут повлиять на ход исторических событий.

Ревизионисты оспорили мнение либеральных историков о быстром утверждении в Англии реформированной религии и привлекают свидетельства источников о том, что протестантизм утверждался в массе народа медленно, отстаивая мнение, что лишь к 1580-м годам, когда протестантское исповедание было воспринято представителями властных элит на местном уровне в графствах, были достигнуты заметные успехи в процессе внедрения реформи-

рованной религии в стране. Ревизионисты также убеждены, что исключительное значение в общественной жизни имеет то, в каком направлении ведет народ монарх, политическая элита. Целенаправленная деятельность социальной верхушки может способствовать укоренению того, чего первоначально, на первый взгляд, никто не хотел, как в начальной стадии Реформации в Англии – ведь в начале 1530-х годов никакого активного общественного движения под протестантскими лозунгами в Англии не было, но в стране в итоге утвердился протестантизм.

Новым в трактовке религиозного положения в Англии реформационного периода в концепции ревизионистов стало и то, что они нашли место в религиозной истории Англии реформационного времени для католиков. Англия отличается от всех европейских протестантских стране тем, что здесь после законодательного утверждения протестантизма в 1559 году так и не исчезло католическое сообщество. Так что, находясь на положении притесняемого меньшинства, выплачивая штрафы за непосещение служб в официальной церкви, в реформационный и послереформационный периоды в Англии всё же можно было жить, исповедуя католицизм. Впоследствии в 1829 году дискриминационные законы против католиков были отменены, а с 1850 года в Англии была воссоздана католическая церковно-иерархическая структура с епископатом. Католицизм сохранился в Англии, по мнению ревизионистов, в связи с тем, что протестантизм в стране насаждался властями сверху, но этот процесс не увенчался полным успехом. В ревизионистской трактовке, Реформация не превратила Англию в протестантскую страну: для ревизионистов Англия стала в результате Реформации страной, расколотой в религиозном отношении. Католики перестали рассматриваться ревизионистами как носители вероисповедания, которое пытались, как утверждали либеральные историки, воспрепятствовать прогрессивному ходу самого исторического процесса. В ревизионистской концепции католики перестали исключаться из истории английской Реформации и были интегрированы в неё как предмет исследования, без изучения которого понимание реформационного и постреформационного периодов в истории Англии нельзя считать полноценным.

Ревизионистские подходы не стали в современной британской историографии господствующими в изучении истории английской Реформации, но они оказали заметное стимулирующее влияние на исследование связанных с нею проблем. Объяснение истории Реформации стало возможным без предположения о существовании в стране при Генрихе VIII активного протестантского движения. Нашлось более адекватное объяснение долгому сохранению в стране

в реформационный период относительной популярности католицизма, и тому, что католицизм в итоге сохранился в Англии и был полностью легализован в середине XIX века. Протестантизация и евангелизация страны происходили сверху и, хотя с течением времени они принесли свои плоды, в Англии сохранялись и приверженцы традиционной религиозности, католики, не поддававшиеся на попытки обращения со стороны властей. Английское католическое сообщество при такой трактовке переставало выглядеть как собрание закоснелых невежественных противников «истинной веры». Исходя из подхода либеральных историков, католиков оставалось только пожалеть как неблагоприятных жертв исторического процесса, в то время как они просто оставались приверженцами другого направления в христианстве, которое тоже не исчерпало свой потенциал, как видно, даже и в настоящее время, не говоря уже о XVI–XVII веках, когда спор между католицизмом и протестантизмом разворачивался полным ходом без подведения окончательных итогов. В известном смысле, из трудов ревизионистов стали уходить остатки протестантских конфессиональных пристрастий в оценке английской Реформации, которые сохранялись у либеральных историков.

Библиография

1. Dickens A.G. The English Reformation. New York: Schocken Books, 1964. X, 374 p.
2. Duffy E. The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400–1580. New Haven; London: Yale University Press, 1992. XII, 654 p.
3. Haigh C. English Reformations. Religion, Politics and Society under the Tudors. Oxford: Clarendon Press, 1993. XI, 367 p.
4. Scarisbrick J.J. The Reformation and the English People. Oxford: Basil Blackwell, 1984. 203 p.

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Россия; erohin_vladimir@inbox.ru

Study of Reformation in England in Contemporary British Historiography

The article deals with the approaches practiced in the study of Reformation in England in contemporary British historiography. The main ideas and achievements of liberal and revisionist trends are considered. The author of the article shows that the results of the scientific activity of contemporary British liberal and revisionist historians in the understanding of the Reformation complement each other.

Keywords: Reformation in England, contemporary British historiography, liberal trend, revisionist trend

Yerokhin Vladimir Nikolaevich, Doctor of History, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, North-Eastern State University, Magadan, Russia; erohin_vladimir@inbox.ru

Раздел 5

Проблемы исторического образования: судьбы традиций и перспективы новаций в цифровую эпоху

УДК 372.878

Недашковская Н.И., Сиразетдинова Т.И., Фахриева Н.М.

Дореволюционное музыкально-методическое наследие и образовательные практики в контексте интеллектуальной истории образования в России

Статья посвящена проблематизации отечественного дореволюционного музыкально-методического наследия в широком контексте интеллектуальной истории образования. Проанализирован потенциал расширения историографического контекста истории музыкального образования, возможность интегрированного изучения истории его идей в контексте глобальных процессов производства знания в эпоху Modernity. Данная проблематика имеет особую значимость в контексте современных запросов общества на построение новых актуальных образовательных моделей, базирующихся на понимании традиции, логики и достижений эпистемы Modernity.

Ключевые слова: историография, история образования, музыкальное образование, музыкальное просвещение, ресурсное обеспечение, музыкально-методическое наследие

В истории отечественного образования весьма значительное место занимает музыкальное образование, закономерно имеющее на сегодняшний день обширную историографию, прежде всего связанную с исследованием истории институций, с биографическими и научно-методическими исследованиями [1; 2; 5; 8; 20; 21]. Собран, систематизирован и частично опубликован источниковый корпус по данному направлению [10; 11; 18; 19; 24; 25; 27]. История музыкального образования/педагогике оформилась и как особая учебная дисциплина, которая входит в программы средних и высших учебных заведений соответствующего профиля [2; 7; 8; 9; 16; 17; 22; 23].

Исследователями неоднократно отмечалась сложная природа объекта истории музыкального образования, находящегося одновременно в проблемных полях истории общества, образования,

педагогике, истории и теории искусств [6; 7; 16; 26]. Однако до настоящего времени для этого объекта не было создано органичной междисциплинарной аналитической модели. Более того, в эпоху специализации гуманитарных наук такие междисциплинарные объекты зачастую искусственно редуцировались, что сформировало определенную инертность исследовательских подходов. Во многом это объясняется тем, что музыкально-методическое наследие не проблематизировано в контексте истории идей и интеллектуальной культуры Modernity как одна из важных областей производства общественно значимого знания. А между тем, оно серьезно повлияло на формирование корпуса идей и мета-языка, определивших ход развития интеллектуальной истории Евразии, определило «тот мир идей, в котором мы и сегодня обитаем» (Л. Вульф).

Музыкальное образование в России, как и в других странах, имело четко выраженный сословный характер со всеми вытекающими отсюда особенностями генезиса каждой из его версий. Однако для эпистемы Modernity определяющим источником стала интеллектуальная мысль Романтизма. Поэтому традиционный и общепринятый подход в истории музыкального образования, ведущий дисциплинарную историю от основания «больших» институций (прежде всего, Императорского Русского музыкального общества, двух российских консерваторий под руководством двух великих Рубинштейнов) не может установить глубокую связь между идеями, создавшими и питавшими образовательную практику, и самим развитием музыкальной культуры, что наглядно подтверждается периодизацией самой истории музыки. Признавая же этот источник конституирующих идей, мы снимаем и противоречие «долгого» романтизма в развитии музыкального искусства.

Остановимся на аспектах романтической мысли, важных для понимания эвристического потенциала музыкального искусства и образования в этом контексте. Прежде всего, для деконструкции базовых установок романтической концепции искусства и культуры необходимо учитывать специфику взаимоотношений романтизма с текстом и риторикой [15]. Текст представлял для романтиков не результат, продукт мысли, а эвристический инструмент, провоцирующий процесс поиска мысли и сам одновременно являющийся этим процессом. Мысль, в противовес античной риторике, для романтиков не «пред-задана», а «пред-стоит» как перспектива. Однако не происходит и разрыва с предшествующими практиками, это скорее ревизия и присвоение новых функций, поэтому романтическая мысль и искусство тесно связаны со всеми предшествующими открытиями и опытом культуры. И одновременно она обра-

щена в будущее – поскольку подлинная жизнь образов, созданных художником, их эвристический потенциал – для романтиков неисчерпаемы и бесконечно продуктивны. Обращаясь к размышлениям гениев, стоявших у истоков музыкального искусства и образования в России – А.Г. и Н.Г. Рубинштейнов, П.И. Чайковского и др. – мы обнаруживаем созвучные этой системе трактовки музыкального творчества, теории и обучения [18; 19; 24; 25; 27]. Закономерно, что сами европейские романтики, в контексте идей которых работает вся интеллектуальная мысль России XIX столетия, провозгласили идею приоритета музыки среди искусств и других форм познания. Они открыли картину мира, понятого как музыкальное единство. Музыка у ранних романтиков определялась как тайный язык природы, сокровенная суть искусства, религии, любви, речи [14]. Она перестала быть для человека Modernity «только музыкой» и получила трансмузыкальную форму существования, растворившись в философских системах, эстетике, литературе, мире воображения, поступков. Отблески такого мировидения мы видим как в биографии Чайковского (в его собственных высказываниях о процессе творчества и понимании искусства), так и в творчестве мыслителей, поэтов и художников младших поколений вплоть до начала – середины XX века. Не случайно знаменитый антрополог Клод Леви-Стросс, стоявший у истоков структурализма как сверхметодологии, охватившей все гуманитарное знание XX века, на закате жизни переосмысляет свою рациональную «гармонию» в труде о культуре «Мифологии» [12], взяв в качестве метаязыка – язык музыкальной теории. Как и у романтиков, у Леви-Стросса музыкальное выступает и как предмет, постигаемый или создаваемый сознанием, и как орудие, обслуживающее поэтическое воображение человека, постижение природы, самовыражение, творчество. Обратим внимание и на то, что все базовые метафоры музыкального и его мифологемы также созданы романтиками. «Великий оркестр романтизма», «Весь мир – симфония» – с этими и другими метафорами музыка вошла в систему воспитания и образования, открывая пути познания/сотворения мира, что неразрывно связано с оперированием категорией «Другой», чрезвычайно значимой для формирования эпистемы Modernity, в том числе и национальных ее версий [26].

Итак, музыка как феномен мировоззрения и область производства знания о мире появляется раньше «практики», институций и школы. Во многом этим объясняется выпадение истории музыкального образования из общего направления «университетских» исследований как исследований эпистемы Modernity. К постановке этой проблемы исследователей истории музыкального образова-

ния и музыкально-методического наследия во многом подтолкнула фундаментальная систематизация корпуса источников в контексте активно развивающихся исследований интеллектуальной культуры. Показательно, например, что исследователь истории отечественного музыкального образования В.И. Адищев, посвятил ряд фундаментальных исследований именно средней музыкальной школе, и в частности, закрытым учебным заведениям [1; 2; 3]. А издавая коллекцию источников, счел необходимым уделить особое внимание научно-методическому наследию средней школы, которая сложилась хронологически раньше высшей. Исследователь впервые опубликовал учебные программы и планы по пению, обучению игре на музыкальных инструментах для всех основных видов дореволюционных начальных и средних школ, совместив в одном издании и коллекции делопроизводственных документов, источников личного происхождения (мемуаров, воспоминаний выпускников школ), что открывает большие возможности для исследования истории музыкального образования как полноценного объекта интеллектуальной истории. Пример такой структуры коллекции источников наглядно демонстрирует органичную связь музыкальной школы со всеми областями жизни различных сословий в России XIX века.

Антропологическая историография этого периода невозможна без создания не просто междисциплинарного инструментария для изучения такого всепроникающего объекта как язык музыки и музыкального образования, но инструментария совершенно нового типа, пересобранного в соответствии с его природой. Изучение истории музыкального образования позволяет рационализировать и осмыслить ускользающую аналитическую категорию – «мир» человека XIX столетия, сумевшего произвести уникальную и до сих пор не расшифрованную интеллектуальную культуру, наследниками которой мы являемся и мыслительные инструменты которой до сих пор создают нашу реальность.

Библиография

1. Адищев В.И. Музыкальное образование в женских институтах и кадетских корпусах России второй половины XIX – начала XX в.: теория, концепции, практика. М.: Музыка, 2007. 344 с.
2. Адищев В.И. Концепции музыкального образования, опыт их реализации (на материалах школ закрытого типа). Пермь, 2006. 168 с.
3. Адищев В.И. Историография и источниковедение музыкального образования в отечественных школах закрытого типа (80-е годы XIX — начало XXI вв.). М.: Изд-во «ТЦ Сфера», 2004. 110 с.
4. Апраксина О.А. Из истории музыкального воспитания: Хрестоматия. М.: Просвещение. 1990. 206 с.
5. Баренбойм Л.А. Антон Григорьевич Рубинштейн. Жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-общественная деятельность. Л.: Музгиз, 1957. Т. 1. 450 с.

6. Варламов Д.И. Динамика парадигм музыкального образования в контексте академизации искусства // Педагогика искусства. 2014. Т. 2. № 3. – URL: http://www.art-education.ru/sites/default/files/journal_pdf/varlamov.pdf
7. Гетьман В.В. Направления профессионализации в развитии отечественной школы музыкального образования на рубеже XIX–XIX вв. // Педагогика и психология образования. 2019. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-professionalizatsii-v-razviti-i-otechestvennoy-shkoly-muzykalnogo-obrazovaniya-na-rubezhe-hih-hh-vv>
8. Глушкова О.Р. Образовательная деятельность Московской консерватории: становление и развитие (1866–1916): дис. ...канд. искусствоведения. М., 2020. 247 с.
9. История и теория музыкальной педагогики и образования: Учебное пособие. В 2 ч. СПб.: Образование, 1994. Ч. 1–3.
10. История отечественного музыкального образования в документах и материалах: учебные пособия / ред.-сост. В.И. Адищев. 2-е изд., стер. СПб.: Лань: Планета музыки, 2019. 224 с.
11. История русской музыки. В 3-х вып. / ред. А. Кандинский, Е. Сорокина. М.: Музыка, 1999–2002.
12. Леви-Стросс К. Мифологии: Сырое и приготовленное. М.: ИД «Флюид», 2006. 399 с.
13. Мариупольская Т.Г. Проблемы традиций и новаторства в современной теории и методике преподавания музыки. М.: Прометей МПГУ, 2002. 204 с.
14. Махов А.Е. Ранний романтизм в поисках музыки: Слух, воображение, духов. быт. М.: Лабиринт, 1993. 126 с.
15. Махов А.Е. Реальность романтизма: очерки духовного быта Европы на рубеже XVIII–XIX веков. Тула: Аквариус, 2017. 305 с.
16. Николаева Е.В. Музыкальное образование в России: историко-теоретические аспекты. Исследование. М.: Прометей, 2002. 346 с.
17. Никольская-Береговская К.Ф. История становления и развития вокально-хорового искусства в России. М.: Прометей МПГУ, 2005. 350 с.
18. Рубинштейн А.Г. Автобиографические воспоминания А.Г. Рубинштейна, 1829–1889 гг.: ред. журн. "Рус. старина", ценз. 1889. 97 с.
19. Рубинштейн А.Г. О музыке в России // Рубинштейн А.Г. Литературное наследие. М.: Музыка, 1983. Т.1. С. 46–53.
20. Русское музыкальное общество (1859–1917): История отделений. М.: Языки славянской культуры, 2012. 536 с.
21. Сартакова Е.И. История фортепианного отдела Санкт-Петербургской консерватории. 1862–1872: дис. ...канд. искусствоведения. СПб., 2008. 331 с.
22. Слуцкая Л.Е. Становление и трансформация педагогических и художественно-эстетических парадигм в системе современного музыкального образования. Автореф. дис. ... доктора пед. наук. М., 2013.
23. Терентьева Н.А. История и теория музыкальной педагогики и образования: В 2 ч СПб.: Образование, 1994.
24. Чайковский П.И. Музыкальные эссе и статьи. М.: «Э», 2015. 448 с.
25. Чайковский П.И. – Н.Ф. фон Мекк: переписка: в 4-х тт.: 1876–1890 / сост., науч.-текстологическая ред., коммент. П.Е. Вайдман; Гос. Дом-музей П.И. Чайковского, Науч.-изд. коллегия им. П.И. Чайковского. Челябинск: МРІ, 2007.
26. Юдин А.П. Национальная идея в русской музыкальной педагогике XIX века: дис. ...доктора пед. наук. М., 2004. 467 с.
27. Яворский Б.Л. Сборник материалов: В 2 т. / Ред.-сост. И.С. Рабинович; общ. ред. Д.Д. Шостаковича. Т. 1: Статьи, вспоминая, переписка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1972.

Недашковская Надежда Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории и истории гуманитарного знания, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; n.nedashkovskaya@yandex.ru

Сиразетдинова Татьяна Иосифовна, учитель высшей квалификационной категории, МБОУ ДО «Детская музыкальная школа № 23», г. Казань, Россия; dmsh23@yandex.ru

Фахриева Наиля Мунировна, преподаватель по классу специального фортепиано, г. Москва, Россия; nfahrieva@mail.ru

Pre-revolutionary musical and methodological heritage and educational practices in the context of the intellectual history of education in Russia

The article is devoted to the problematization of the Russian pre-revolutionary musical and methodological heritage in the wide context of the intellectual history of education. It analyzed the potential for expanding of the historiographic context of the history of musical education, the possibility of an integrated study of the history of its ideas in the context of global processes of knowledge production in the Modernity era. This problem is of particular importance in the context of modern requests from society to build new current educational models based on the understanding of the tradition, logic and achievements of the Modernity episteme, which has formed modern culture.

Keywords: historiography, history of education, music education, music enlightenment, resource support, musical and methodological heritage

Nedashkovskaya Nadezhda Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of theory and history of humanitarian knowledge Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; n.nedashkovskaya@yandex.ru

Sirazetdinova Tatyana Iosifovna, teacher of the highest qualification category MBOU DO 'Children's Music School No. 23', Kazan, Russia; dmsh23@yandex.ru

Fakhrieva Nailya Munirovna, music teacher, piano class, Moscow, Russia; dmsh23@yandex.ru

УДК 930 (1)

Метель О.В.

Омский государственный педагогический институт им. А.М. Горького в 1930–1950-е гг.: некоторые проблемы институционального строительства¹

В статье рассматриваются основные особенности организационного строительства Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького в пер-

¹ Исследование проводилось при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10095. Материалы, характеризующие деятельность исторического факультета ОмГПИИ в указанный период времени, были собраны в рамках гранта Президента РФ, проект МК-309.2020.6.

вые годы его работы. Автор обращается к планово-отчетным документам института, сохранившимся в Историческом архиве Омской области, и анализирует кадровую политику его руководства, особенности материально-технического обеспечения институции и некоторые другие аспекты ее работы во второй половине 1930-х – 1950-е гг. в целом, автор полагает, что омский пединститут в годы своего становления сталкивался с теми же проблемами, что и аналогичные учреждения в других городах СССР.

Ключевые слова: Омский государственный педагогический институт им. А.М. Горького, советская наука, кадровая политика, научно-техническая политика, научно-образовательная система СССР

Первые годы работы нередко бывают непростым периодом в жизни любого научно-образовательного учреждения. Однако в рамках традиционных «юбилейных текстов», приуроченных к той или иной «круглой дате» зачастую непринято говорить о подобных проблемах, фиксируя внимание читателя на ключевых достижениях рассматриваемого центра. Тем не менее, для истории науки такой избирательный подход оказывается мало применим, и специалист-историограф нуждается в детальном освещении прошлого избранной институции. Именно поэтому в рамках настоящей статьи, поставив перед собой задачу реконструировать процесс институционального строительства Омского государственного педагогического института им. А.М. Горького (далее – ОмГПИ), мы постарались обратить внимание читателя на те сложности, с которыми столкнулись представители данной структуры в период ее организационного становления, который, на наш взгляд, пришелся на вторую половину 1930-х–1950-е гг. Для решения поставленной задачи мы обратились к фондам ОмГПИ, сохранившимся в Историческом архиве Омской области (далее – ИАОО), и хотя специфика представления информации в университетских архивах, о которой неоднократно говорили специалисты [1, с. 14-16], не позволяет нам восстановить события того времени во всей их полноте, базовые особенности институционального строительства в ОмГПИ на их материале все же могут быть выделены.

История ОмГПИ началась осенью 1932 г., когда в Омске по решению Совета народных комиссаров появился педагогический институт в составе трех отделений: русского языка и литературы, физико-математического и естествознания. В 1936 г. в составе ОмГПИ был открыт исторический факультет, с 1938 г. готовивший будущих историков не только на вечернем, но и на дневном отделении [2, с. 12]. И именно в этот период институт столкнулся с двумя основными организационными проблемами, без решения которых было невозможно представить его дальнейшее успешное функционирование.

В первую очередь речь идет о **кадровых сложностях**, с которыми ОмГПИ столкнулся уже в середине 1930-х гг. Как пишет М.К. Чуркин, в это время факультеты института подверглись критике со стороны различных инстанций за отсутствие должных условий для организации научной работы сотрудников, без которой, по мнению советских руководителей, было невозможно обеспечить высокое качество лекций [3, с. 14]. Однако возможности ОмГПИ в сфере решения кадрового вопроса во второй половине 1930-х гг. были ограничены. В одной из своих недавних работ мы уже обращались к данному сюжету и на примере исторического факультета показывали, что первыми сотрудниками ОмГПИ становились специалисты, далеко не всегда обладавшие квалификацией, сопоставимой с квалификацией их коллег из университетов и институтов, имевших давние научные традиции [3]. Кроме того, негативное влияние на процесс формирования устойчивой кадровой структуры ОмГПИ оказывали репрессии второй половины 1930-х гг. Так, в 1937 г. на историческом факультете был арестован Э.Ю. Ник, член ВКП(б), бывший выпускник немецкого отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, преподававший в ОмГПИ историю древнего мира, а в 1938 г. – С.А. Сливко, специализировавшийся впоследствии в области истории средних веков. И хотя названные ученые в дальнейшем все же смогли вернуться к работе, Э.Ю. Ник в 1940 г. предпочел покинуть Омск [4], а С.А. Сливко продолжил научно-педагогическую деятельность лишь во второй половине 1940-х гг. [3, с. 13-14].

Сложная ситуация в решении кадрового вопроса в ОмГПИ сохранялась и в 1940-е гг. В годы войны институт был эвакуирован в Тобольск, где его сотрудниками стали некоторые аспиранты и преподаватели вузов европейской части страны, оказавшиеся в эвакуации в Сибири. Так, в состав исторического факультета был зачислен А.И. Козаченко, ранее принимавший участие в подготовке учебника по истории СССР в составе группы А.В. Шестакова [5, с. 14]. Однако материалы обследования института, характеризующие его деятельность после реэвакуации в Омск, вновь свидетельствуют о кадровых проблемах вуза, которому требовалось в три раза больше сотрудников, чем было в его распоряжении в конце 1945 г. [6]. В 1945–1946 гг. профессорско-преподавательский состав ОмГПИ пополнился демобилизованными из рядов РККА (14 чел.), специалистами, командированными в Омск Министерством просвещения РСФСР (4 чел.), приглашенными на работу учителями школ и преподавателями педучилищ (21 чел.), а также выпускниками ОмГПИ (15 чел.) [7]. Подобные меры, безусловно, привели к положительным изменениям в области кадровой политики, од-

нако они не могли в полной мере решить кадровый вопрос. Ведь к вузовским преподавателям предъявлялись достаточно высокие квалификационные требования, которым соответствовали далеко не все приглашенные специалисты. Недаром, к концу 1940-х гг. в отчете ОмГПИ было прямо указано, что более 50 % его сотрудников работают в вузе менее 5 лет, и многие преподаватели только приступили к подготовке диссертаций [8], но из-за высокой учебной нагрузки им не всегда удается даже приступить к сдаче кандидатского минимума.

Решение кадрового вопроса в ОмГПИ, как и во многих других вузах РСФСР, стало возможно в 1950-е гг., когда, как справедливо отмечает С.Г. Карпюк, в стране были выстроены системы подготовки и распределения кадров историков [9, с. 41]. В результате в ОмГПИ не только были направлены бывшие выпускники и аспиранты из других городов, но и были установлены твердые связи с научно-образовательными центрами Москвы, Ленинграда, Томска, Свердловска и др., представители которых могли бы оказать помощь сотрудникам омского пединститута в подготовке и защите кандидатской диссертации. В результате, если в 1947/1948 учебном году в ОмГПИ работало 10 кандидатов наук, то в 1954 г. – 24 (табл. 1).

Табл. 1

Кадровый состав ОмГПИ в 1945–1961 гг.

	Преподаватели без степени и без звания	Доценты	Доценты, кандидаты наук	Кандидаты наук	Профессора	Профессора, доктора наук
1945 г.	48	3	13			1
1946 г.	67	5	6			1
1954 г.	107	1	10	14		2
1961 г.	104		17	18		2

Кадровые проблемы не могли не сказаться и на **организационных сложностях**, с которыми ОмГПИ столкнулся в 1930–1950-е гг. [5, с. 8]. О них свидетельствуют, в частности, документы второй половины 1940-х гг., сообщающие о деятельности института после реэвакуации из Тобольска. Недаром, отчетных документах и материалах обследования ОмГПИ, подготовленных для различных партийных структур, было указано, что в институте есть сложности с организацией и научной, и учебной деятельности. Так, если о говорить об учебной работе, то в ОмГПИ не велись занятия по целому ряду дисциплин, не было твердого расписания, ощущалась нехватка учебной литературы и др. В таких условиях в институте не просто было организовать и научную деятельность профессор-

ско-преподавательского состава [8, л. 97]: учебная работа занимала основную часть рабочего времени сотрудников, научные командировки были затруднены, а возможности для публикации полученных выводов были ограничены. Однако, как и в случае с кадровыми трудностями, к концу 1950-х гг. эти проблемы, в целом, были преодолены: большинство сотрудников, начинавших свою деятельность в ОмГПИ в 1930–1940-е гг., защитили диссертации, в институте сложилась система организации научной деятельности и публикации ее результатов в периодических изданиях (в первую очередь, в сборниках), учебная работа была организована в рамках твердых программ и др.

Наряду с кадровыми и организационными проблемами, институциональное строительство ОмГПИ было осложнено **материально-техническими сложностями**, которые, в силу вполне понятных причин, были особенно заметны после реэвакуации, во второй половине 1940-х гг. Так, именно в этот период институт располагался в здании одной из школ г. Омска [2, с. 21], которое не позволяло эффективно организовать учебный процесс, а неблагоприятные погодные условия и вовсе делали невозможным посещение учебных занятий студентами и преподавателями. Впрочем, и после переезда в просторное здание в центре города, в котором в годы войны располагался госпиталь [2, с. 22], ОмГПИ сталкивался со сложностями материально-бытового характера. Если верить документам, представленным сотрудниками вуза в 1945/1946 и 1946/1947 учебных годах в различные инстанции, то учебные занятия в ОмГПИ приходилось проводить в три смены (с 8:00 до 24:00), мебели в здании практически не было, в общежитии проживало почти в два раза больше студентов, чем было запланировано изначально (167 человек вместо 90), преподаватели, приехавшие в Омск, нередко не могли получить даже комнату в общежитии и др. [9]. Решение этих материальных проблем во многом стало возможным в 1950-е гг., когда материальное обеспечение ОмГПИ было существенно улучшено.

Проблемы, с которыми столкнулся ОмГПИ в период своего институционального оформления, не были уникальными. Работы отечественных специалистов, занимавшихся изучением истории высшего образования в СССР [10; 11], в целом свидетельствуют о том, что схожие сложности испытывали многие советские университеты и пединституты в 1930–1950-е гг. Они были преодолены к концу 1950-х – началу 1960-х гг., когда в СССР уже функционировала система научно-образовательных учреждений, механизмы работы которой, несмотря на отдельные изменения, отличались устойчивостью.

Библиография

1. Биографии университетских архивов / под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной, В.С. Парсамова. М.: ВШЭ, 2017.
2. О времени и о себе. К 80-летию факультета истории, философии и права ОмГПУ / авт.-сост. М.К. Чуркин. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016.
3. Демьянов К.В., Метель О.В. Формирование кадрового состава исторических факультетов вузов западной Сибири во второй половине 1930-х – начале 1950-х годов (на материалах Омска и Новосибирска) // Преподаватель XXI век. 2021. № 1. Ч. 2. С. 245-256.
4. ИАОО. Ф. 1027. Оп. 4. Д. 142. Л. 6.
5. Николаев П.Ф., Самосудов В.М. Исторический факультет Омского государственного педагогического университета (1936–1996 гг.) / под ред. В.Н. Худякова. Омск: [Б.и.], 1996.
6. ИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4341. Л. 1.
7. ИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5226. Л. 17.
8. Карпюк С.Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930–1960-е годы. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2021.
9. ИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4680. Л. 2; ИАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4960. Л. 33-34.
10. Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983.
11. Дацышен В.Г. Кафедра всеобщей истории КГПИ. Первый этап истории // Молодежь и наука XXI века. XVIII международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых. Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-летию исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск: [Б.и.], 2017. С. 15-32.

Метель Ольга Владимовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; olgametel@yandex.ru

A.M. Gorky Omsk State Pedagogical Institute in the 1930s–1950s: Some Problems of Institution Building¹

This article discusses the main features of the organizational construction of the Omsk State Pedagogical Institute named after A. M. Gorky in the first years of his work. The author refers to the planning and reporting documents of the institute, preserved in the Historical Archive of the Omsk Region, and analyzes the personnel policy of its leadership, the peculiarities of the logistics of the institution and some other aspects of its work in the second half of the 1930s – 1950s. In general, the author believes that the Omsk Pedagogical Institute in the years of its formation faced the same problems as similar institutions in other cities of the USSR.

Keywords: A. M. Gorky Omsk State Pedagogical Institute, Soviet science, personnel policy, scientific and technical policy, scientific and educational system in the USSR

Metel Olga Vadimovna, Candidate of History, Associate Professor, Senior Researcher, Russian State University for the Humanities, Moscow; Russia; olgametel@yandex.ru

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation, project № 20-78-10095. Materials about the history of the Faculty of History of the OmGPI in 1930-s – 1950-s were collected as part of the Grant of the President of the Russian Federation, project № МК-309.2020.6.

Гронский А.Д.

**Медиевализм по-белорусски:
представление о средневековье в белорусском
учебнике истории**

История Средних веков изучается в белорусской школе в 6 классе. В учебниках по всемирной истории изучаются чужие государства, в учебнике по отечественной истории – белорусские. Древняя Русь изучается в учебнике по всемирной истории, а часть Древней Руси изучается отдельно в учебнике по отечественной истории.

Ключевые слова: Белоруссия, школьный учебник, средневековье, древняя Русь, Полоцкое княжество

В белорусской средней школе история изучается в двух вариантах: как всемирная, и как отечественная. К отечественной истории относятся государства, которые принято считать своими, всемирная история изучает те государства, которые своими считать нельзя. Самым ранним государством на нынешних белорусских землях была Древняя Русь. Т.к. нынешние белорусские территории входили в состав Руси, она упоминается как в учебнике по всемирной, так и по отечественной истории за 6 класс. В учебнике отечественной истории Полоцк – самый древний из городов на территории современной Белоруссии – впервые упоминается как главный город полоцких кривичей [1, с. 55]. Чуть позже в учебнике снова упомянут Полоцк, но уже как город, в котором правил первый известный полоцкий князь Рогволод [1, с. 61]. А еще через более чем десяток страниц учебник возвращается к раннему периоду и сообщает, что «князь Рюрик посадил своих людей в Полоцке» [1, с. 75-76]. Если Рюрик – князь Новгорода посадил своего наместника в Полоцке, как и в других городах, можно предположить, что Полоцк подчинялся Новгороду, т.е. не был самостоятельным. Но это не прописывается, т.к. существует расхожий миф о первом белорусском государстве Полоцкое княжество. Подчеркивание того, что полоцкий престол занимали наместники соседнего князя, бросает тень на самостоятельность «первого белорусского государства».

В учебнике по всемирной истории при перечислении славянских союзов племен упоминаются полочане. Замечено, что они были частью большого союза кривичей [4, с. 112], но в перечне союзов племен кривичей нет, есть лишь их полоцкая часть [4, с. 111-112]. В принципе в перечне племенных союзов не упомянуты и некоторые другие, например, вольняне. Таким образом, полоцкие кривичи выделяются из общей массы кривичей, что дает возможность

обосновать их дальнейшую сепарацию. Это же присутствует на карте «Границы Древнерусского государства», представленной в учебнике по истории Белоруссии. На карте наложены и современные белорусские границы, чтобы дети представляли, какие племена жили в пределах нынешней белорусской территории. Также на карте подписаны названия племенных союзов, занимавших то или иное пространство. Внутри современных белорусских границ указаны полочане, но не упоминается, что это часть кривичей. Кривичи на карте также присутствуют, но за пределами современных белорусских границ [1, с. 75]. Т.е. полочане отделены от остальной массы кривичей, а остальные кривичи представлены под одним названием, хотя они также разделялись регионально. Это создает впечатление о явном противопоставлении полоцкой ветви кривичей остальным кривичам, выступающим под общим названием и о независимости Полоцка от остальной Руси, что соответствует новой парадигме истории белорусской государственности, по которой Полоцкая земля вообще не являлась Древней Русью (В «Истории белорусской государственности» описывается Полоцкая земля, названная колыбелью белорусской государственности. Отдельно описываются другие территории, «чья история государственного становления связана с Киевской Русью» [3, с. 158]). Но необходимо отметить, что учебники по истории Средних веков были выпущены в 2016 г., а пятитомник «История белорусской государственности» начал издаваться в 2018 г. В других местах учебник противоречит концепции, заложенной в «Истории белорусской государственности», хотя бы тем, что авторы учебников включают Полоцкое княжество в состав Древней Руси и в некоторых случаях подчеркивают древнерусское единство. Один из вопросов параграфа о древнерусском периоде называется «Древняя Русь – общее государство восточных славян» [1, с. 78-79]. Указано, что хотя Древняя Русь и распалась, но она «сохраняла относительное единство. Даже в период политической раздробленности все земли восточных славян за границей называли “Русь”» [1, с. 78]. Перечислены признаки, которые говорят о единстве – единая церковная организация, единая правящая династия, совместные действия князей [1, с. 78]. Также о единстве Руси говорят и другие факты: «сходство в хозяйственной деятельности и образе жизни, прочные торговые связи, близость происхождения и историческая судьба. Много общего было и в культуре славянского населения. [...] литературный язык у восточных славян был общим» [1, с. 79]. В учебнике по всемирной истории объединительными признаками указаны «единый правящий род, общий свод законов Русская Правда, одна церковная организация». После пе-

речисления этих признаков авторы учебника задают школьникам вопрос: «Подумайте, что еще было общим у всех древнерусских княжеств» [4, с. 119].

Изначально школьники получают информацию, что восточнославянские племенные союзы имели общее происхождение, но в учебнике по всемирной истории полочане выделяются из общей массы кривичей, а остальные – псковские и смоленские кривичи – в учебнике по всемирной истории не упоминаются. Хотя это компенсируется учебником по истории Белоруссии, где о них упомянуто [1, с. 55]. Союзы славянских племен имели отличия в культуре. Например, отличались женские украшения. В учебнике по истории Белоруссии описываются височные кольца представительниц племен радимичей, дреговичей и полочан [1, с. 56]. Но подпись к иллюстрации указывает, что подобные кольца носили все кривичанки, а не только представительницы полоцкой части [1, с. 56]. Учебник по истории Белоруссии резко ограничивает территорию распространения височных колец одного типа. Так, браслетообразные височные кольца с завязанными концами носили не только в районе Полоцка (о чем можно узнать из учебника), но даже в пределах расселения финно-угорского племени мурома, перенявшее подобный вид колец у пришедших славян [7, с. 397-402]. А семилучевые кольца, которые приписаны лишь радимичанкам, встречаются и у северянок [8]. Таким образом, распространение украшений определенного внешнего вида говорит о том, что привязка каких-либо средневековых реалий к современным границам государств постсоветского пространства некорректна, но именно неупоминание о таких же видах украшений на других, «небелорусских» территориях, подталкивает школьника к выводу, что культурные отличия «нашей» территории сформировались еще в Средневековье.

Одной из серьезных проблем «белорусского» Средневековья является этническая. Кем были те люди, которые жили в Древней Руси, отличались ли чем-то радикальным жители Полоцкого и Туровского княжеств от жителей Черниговского или Смоленского княжеств, насколько сильно отличались, например, радимичи и северяне, отличались ли кривичи-полочане от остальных кривичей? Учебники этот вопрос стараются подать достаточно обтекаемо. То, что жители Руси представляли собой некую общность, учебники указывают, но как называли сами себя жителями Древней Руси, авторы предпочитают не говорить. Как указано в учебнике по истории Белоруссии, признаки единства этнической общности (язык, культура и т.д.) дали ученым «основание утверждать, что существовала восточнославянская общность. Иногда ее назы-

вают «древнерусская народность»» [1, с. 79]. Но, помимо этого предложения, жителей Древней Руси больше ни в одном учебнике не названы древнерусской народностью. Используется либо общее название «восточные славяне», либо племенные названия поляне, радимичи и т.д. Однако российские медиэвисты вполне спокойно говорят о том, что «в противоречивых и исторически изменчивых отношениях с хазарами и варягами (и греками) выкристаллизовывалось в IX–XI вв. самосознание руси – русского народа. Объединению славянских племен, Новгорода и Киева под эгидой русских (варяжских по происхождению) князей способствовало, очевидно, то обстоятельство, что эти разрозненные и населившие Восточную Европу разными путями племена сохраняли общеславянское самосознание (напомним об общеславянском самоназвании словен новгородских). Эта же общеславянская основа способствовала распространению у восточных славян единого названия русь» [6, с. 294]. Это «дохристианское имя русь (с производными – русские, русины)» сохранилось и после крещения [6, с. 417-418]. Таким образом, учебники по средневековой истории стараются обходить упоминание того, что в Древней Руси существовал единый этнос с общим самосознанием.

Отдельная проблема белорусских учебников – запутанность и противоречивость терминологии. В первой части учебника по истории Белоруссии упомянута древнерусская народность, названная восточнославянской общностью [1, с. 79]. Здесь же приведена схема, которая отражает общие признаки этнической общности: язык, территория расселения, культура, а также быт и обычаи [1, с. 79]. В конце учебника есть словарь исторических понятий. В нем нет термина «народность», но есть термин «Этнос (народ)». Под ним понимается «группа людей, которая сложилась исторически, объединена общим происхождением, территорией, самосознанием, языком, бытом и культурой» [1, с. 159]. Во второй части учебника по истории Белоруссии за 6 класс также присутствует словарь, в нем нет термина «этнос», зато есть термин «народность» – «устойчивое сообщество людей, основанное на общности языка, территории, хозяйственной и культурной жизни» [2, с. 141]. Помимо того, существует «Школьный словарь по истории Беларуси», где есть оба термина. Народность – это «исторически сложившаяся устойчивая общность, которая характеризуется единством используемого языка, общей территорией проживания, хозяйственной жизнью, культурой. Следует за племенем, предшествует нации. Складывалась на территории Беларуси начиная с XIII в. и до рубежа XVIII–XIX в.» [5, с. 79]. Этнос – «исторически сложившаяся общность людей с общей культурой, языком и самосознанием.

Термин близкий к понятию народ. Формирование этноса происходит постепенно и последовательно через такие формы общности людей, как племя, народность, нация. [...] До XIII в. происходило складывание предпосылок становления белорусской народности, которая существовала примерно до рубежа XVIII–XIX в. [...]» [5, с. 133]. Таким образом, в первой части учебника по истории Белоруссии за 6 класс народ и этнос выступают как полные синонимы, а в «Школьном словаре...» подчеркивается, что это термины близки, но не идентичны.

Если применить определение народности к «восточнославянской общности», как ее описывают в учебнике, тогда стоит сделать вывод, что эта общность подпадает под описание, т.е. является народностью. Отсюда можно сделать вывод, что древнерусская народность являлась реальностью. Но древнерусская народность также подходит под данное в учебнике определение сложившейся исторически группы людей, объединенной общим происхождением, территорией, самосознанием, языком, бытом и культурой. Т.е. можно говорить и о древнерусском этносе (народе). Однако наличие древнерусского народа мешает схеме развития белорусского этноса, прописанной в «Школьном словаре по истории Беларуси». Стандартная схема «племя-народность-нация» в белорусском варианте подразумевает развитие «белорусских» племен в белорусскую народность, которая дорастает до белорусской нации. Т.е. между этими элементами этноса не должно быть разрывов. И естественно, что такая схема не укладывается в представления о существовании древнерусской народности. Ведь эта народность должна была бы существовать в то же время и на той же территории, что и белорусская народность. И если племена кривичей, радимичей, северян и прочих представляли собой древнерусскую народность, то почему три из них – полочане-кривичи, радимичи и дреговичи одновременно были и белорусской народностью. На этот вопрос учебник не отвечает.

В белорусской схеме этногенеза есть еще одна проблема, которая не обозначена в учебниках, но вытекает из сопоставления периодов существования той или иной общности. Если белорусской народности предшествуют «белорусские» племена, а формирование этноса происходит последовательно, т.е. без каких-то разрывов, тогда возникает странный хронологический зазор. Зарождение белорусской народности относят к XIII в. Но в первой половине XIII в. не было, как минимум, одного признака для появления народности. Белорусские земли были в состоянии феодальной раздробленности, т.е. не выполнялось необходимое для существования народности условие общей территории проживания.

Они вошли в состав Великого княжества Литовского во второй половине XIII–XIV в. Таким образом, о формировании народности корректно говорить в лучшем случае со второй половины XIII в. Но народности предшествует племя. А упоминание племен в летописях прекращается примерно в 60-е гг. XII в. Те. примерно с середины XII в. племенная идентичность исчезает настолько, что ее не фиксируют летописцы. Возникает вопрос, что за общность существовала в эти почти сотню лет от исчезновения упоминаний племен и до формирования Великого княжества Литовского?

Белорусские школьные учебники, описывающие историю периода Древней Руси, при всех их достоинствах, все же иногда страдают отсутствием логики и противоречиями. Помимо того, остается непонятным, так кто же жил в Древней Руси, особенно во второй половине XII – первой половине XIII в., древнерусский народ или какое-то переходное от племен к белорусской народности этническое образование. Попытка найти белорусские черты того прошлого, в котором еще не существовало белорусской идентичности, не позволяет выстроить стройную концепцию исторического развития этнического сообщества Древней Руси.

Библиография

1. Бохан Н.Ю., Темушев С.Н. История Беларуси с древнейших времен до конца XV в.: учебное пособие для 6-го кл.: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Ю.Н. Бохана. Минск: Издательский центр БГУ, 2016. 163 с.
2. Бохан Н.Ю., Темушев С.Н. История Беларуси с древнейших времен до конца XV в.: учебное пособие для 6 го кл.: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Ю.Н. Бохана. Минск: Издательский центр БГУ, 2016. 146 с.
3. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / отв. ред. тома: О.Н. Левко, В.Ф. Голубев. Минск: Беларуская навука, 2018. 598 с.
4. История Средних веков: учебное пособие для 6-го кл. / под ред. В.А. Федосика. Минск: Народная асвета, 2016. 198 с.
5. Лозицкий В.Л., Панов С.В. Школьный словарь по истории Беларуси. 6–11-е классы; под общ. ред. С.В. Панова. Минск: Народная асвета, 2015. 143 с.
6. Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.
7. Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры: 2002. 624 с.
8. Шпилев А.Г. Лучевые и лопастные височные кольца Курского края (IX–начало XIII вв.) // Славяно-русские древности Днепровского Левобережья. Материалы конференции, посвященной 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск. Изд-во Курского государственного университета. 2007. С. 189 – 201

***Гронский Александр Дмитриевич**, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, г. Москва, Россия, заместитель заведующего Центром евразийских исследований филиала Российского государственного социального университета в Минске, Белоруссия; agronskij@yandex.ru*

Medievalism in Byelorussian: the Idea of the Middle Ages in the Byelorussian school history textbook

The history of the Middle Ages is studied in the Byelorussian school in the 6th grade. Foreign states are studied in textbooks on world history, Byelorussian ones are studied in the textbook on national history. Ancient Russia is studied in a textbook on world history, and part of Ancient Russia is studied separately in a textbook on national history.

Keywords: Byelorussia, school textbook, Middle Ages, Ancient Russia, Polotsk Principality

Gronsky Aleksandr Dmitrievich, Candidate of History, Associate Professor, Leading Researcher, Center for Post-Soviet Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow, Russia. Deputy Head of the Center for Eurasian Studies of the branch of the Russian State Social University in Minsk, Byelorussia; agronskij@yandex.ru

УДК 316.4.051.63

Грошева И.А., Грошев И.Л.

Образы прошлого в исторической памяти молодёжи

Авторы рассматривают роль исторической памяти в сохранении событий прошлого в сознании молодёжи. На основании письменных историй проводится анализ современного состояния исторической памяти студенческой молодёжи. Подтверждается тот факт, что в формировании образов прошлого важное место занимает личностный канал, по которому сведения передаются из уст очевидцев своим слушателям – детям, внукам, друзьям, соседям и др. В ходе исторического нарратива выявляются признаки культурной травмы поколений.

Ключевые слова: историческая память, молодёжь, культурная травма, поколение, семья, социальная память

Изучение памяти поколений в философском, историческом, социологическом дискурсах актуализирует необходимость выявления особенностей восприятия социального опыта, сложившегося на основе рефлексии последствий пережитых событий. Многие исследователи отмечали, что в условиях постмодернистской реальности тему исторической и социальной памяти игнорировать невозможно. Изучение мнемонической специфики восприятия различных исторических периодов представителями поколений на индивидуальном и коллективном уровнях является важной исследовательской задачей, решение которой позволит выявить влияние памяти на социальную, политическую, культурную практику [5, с. 25].

В гуманитарных науках встречается отождествление понятий «историческая», «народная», «социальная» и «коллективная» память. В рамках феноменологического подхода Э. Гуссерль рассмат-

ривал культурную память как основу преемственности, отождествляя её с «мудростью поколений». В её отсутствие разрушение традиций неизбежно, жизнь превратится в элементарную «смесь фактов». Он предостерегал, что «мы не должны жертвовать вечностью...» ради сиюминутного эффекта [4, с. 236]. Представитель отечественной семиотической школы Ю.М. Лотман, обращаясь к понятию «культурная память», определял его как «надындивидуальный механизм хранения» текстов [6, с. 335]. В его понимании культурная память близка к социальной. Основываясь на идее Ю. Лотмана, немецкий историк религии и культуры Я. Ассман предложил понятие «коммуникативная память», под которым подразумевал воспоминания о недавнем прошлом, разделяемые с современниками [1, с. 52]. Согласно его мнению, культурная память близка по своей сущности к исторической, поскольку фиксирует определённые моменты в прошлом [1, с. 54]. Она не распространяется сама собой, а развивается в пределах строго очерченных границ.

Французский философ, социолог и социальный психолог М. Хальбвакс оперировал понятием «коллективная память», близким по значению к социальной, что выразилось в обращении к так называемой «социальной рамке памяти». Воспоминания человека intersубъективны, коллективные воспоминания выступают фундаментом индивидуальных. История появляется в тот момент, когда социальная память исчезает, в том числе и в результате сознательного конструирования. Как следствие, знания о прошлом размываются, при этом неизбежно изменяется индивидуальная память [8, с. 134]. Дополняя концепцию М. Хальбвакса, немецкий историк А. Ассман предложила выделить в структуре коллективной памяти три составляющих: социальную, культурную и политическую [9, р. 32], рассматривая при этом соотношение коллективной и социальной как общего и частного. В отечественных исследованиях некоторые авторы придерживаются мнения, что коллективная, культурная, этническая, историческая есть виды памяти социальной, исходя из предмета исследования [3]. В постструктуралистской традиции (П. Нора) история и социальная память, объединяясь, создают так называемые места памяти, в качестве которых могут выступать не только географические точки, но и книги, события [7]. В ходе теоретического анализа представляется очевидным, что вопрос о соотношении различных видов памяти остаётся открытым для дальнейших дискуссий. Единство в подходах среди ученых различных научных школ проявляется в том, что культурная память трактуется как носитель традиций, а социальная спо-

существует передаче социального опыта, ретроспективную составляющую которого отражает историческая память. Также признаётся тесная связь между социальной памятью, индивидуальной и коллективной идентичностью. Социальная память – это механизм преемственности, историческая – основа преемственности.

Коллективное сознание поколений, опираясь на прошлый социальный опыт, порождает новую социальную реальность, которую нельзя назвать однородной, поскольку, во-первых, представители различных социальных общностей имеют неодинаковые воспоминания об одних и тех же событиях, по-разному их интерпретируют. Во-вторых, память о прошлом может иметь «разрывы», «пустоты», складывающиеся по различным причинам. Этому способствует «мнемический вакуум», возникший в связи с нежеланием представителей старшего поколения делиться воспоминаниями о «неудобных» событиях. В некоторых случаях, имеет место элементарное отсутствие межпоколенного общения.

Семейно-родовые воспоминания выступают хранителями событийного прошлого, способствуют созданию социокультурного кода поколений. В зависимости от сформированного кода возникает реакция на существующий мир повседневности: будь то забвение, молчаливый протест или социальная ностальгия. Следы памяти мы обнаруживаем на микроуровне в личных биографиях, а также на макроуровне в коллективном сознании общности. В связи с этим представляет научный интерес оценка влияния семейных каналов трансляции на формирование образа эпохи в представлениях молодого поколения.

С 2019 по 2021 гг. авторы статьи провели исследование среди тюменской молодёжи на тему: «Образ прошлого в моей семье: советский и постсоветский периоды» (N = 130 (2019), N = 38 (2020), N = 21 (2021), количество участников в возрасте от 18 до 30 лет – 92 %, метод письменной истории). Молодым людям, согласившимся принять участие в исследовании, предлагалось описать события, оставившие след в семейной истории в течение двух периодов, названных советским (с 1917-го года до начала 1990-х) и постсоветским (с начала 1990-х по настоящее время). Повествование должно было строиться на основании интерпретации рассказов, услышанных в семье от представителей трёх поколений, условно названных как «прадеды», «деды» и «отцы».

В ходе исследования некоторые информанты демонстрировали синкретический подход, допуская смешение понятий и обобщение особенностей жизни до и после 1990-х: *«В СССР было импортзамещение, содержали себя сами, было много качественных заводов»* (м., 20 лет). Некоторые студенты откровенно призна-

вали, что ничего не знают о периоде жизни своей семьи до 1990-х: «Ближе к развалу Советского Союза мало что знаю и даже никакого образа тех времён не сформировалось» (м., 21 год); «Мои родители редко затрагивают тему положения или устройства страны» (ж., 18 лет); «Я не имею конкретного представления о прошлом нашей страны, ведь я не жила в том времени...» (ж., 18 лет). Но таких оказалось не так много, не более 2 % опрошенных. В основном ребята пытались осмыслить события, происходившие в их семьях в течение двух обозначенных периодов.

В историях отдельных студентов (12 %) прослеживаются негативные ассоциации с жизнью в советскую эпоху, транслируемые в семье. Во-первых, истории раскрывают жёсткую насильственную политику военного времени, создавшую массу травмирующих событий, с которыми столкнулись семьи информантов: «...из прошлого мне родители рассказывали именно про депортацию, а не про светлые времена. Депортация Чечено-Ингушского народа 23 февраля 1944 г. Потому, что в то время многие потеряли детей, отцов, матерей» (м., 19 лет); «...это были голодные времена, и одна из сестер моей прабабушки отбывала срок за то, что она украла пшеничные колосья, чтобы прокормить своих детей...» (ж., 18 лет). В коллективной семейной памяти воспоминания тяжёлых событий тех лет держатся достаточно прочно, ощущаются последствия культурной травмы. Однако в рассказах чувствуется оптимизм: у «прадедов» отняли всё, кроме гордости и чести. Сегодняшняя молодёжь живёт благодаря им, несмотря ни на что любит и помнит их.

Во-вторых, негатив выявлен в оценках управленческо-идеологической деятельности советского государства, а точнее – политического режима: «...перед войной жили бедно, так как попали под раскулачивание...» (ж., 21 год); «...никому ничего плохого не делая, ты можешь попасть в лагерь. Тебя легко запишут во «врага народа», и ты с этим ничего не сделаешь...» (ж., 18 лет); «...образ страны до 90-х предстаёт передо мной как тоталитарное государство, где запрещалось абсолютно всё, а люди были фактически рабами, за любой неправильный взгляд могли отправить в концлагерь или лишиться жизни без суда и следствия» (м., 19 лет).

В-третьих, информанты выделяли недостатки плановой экономики: «из слов родителей о том времени, времени до и после 1990-х гг., у меня сложилась картинка о том, что в то время был дефицит на определённые продукты и товары...» (ж., 20 лет); «у меня в голове стоит образ СССР, когда, к примеру, люди имели 3/п в 10 рублей, когда в магазине приобретали продукты по та-

лонам. Когда колбаса являлась каким-то необычным продуктом...» (ж., 18 лет). Пятая часть студенческой молодёжи дала негативную оценку периоду развития нашей страны во времена существования Советского Союза.

Каждый десятый вспомнил о кровопролитных событиях Великой Отечественной войны. В рассказах наблюдается гордость, с которой студенты описывали жизнь своих родственников в то непростое время: «...в 1941–1943 году была война в оккупации в Киевской области. И тогда моей прабабушке Лиде было всего 12 лет. Она, несмотря на свои страхи и слёзы, бежала к раненым солдатам, успевая отворачиваться от пуль. Так же Лида по вечерам готовила кашу и кормила своих раненных бойцов. Моя прабабушка была самая смелая из своих сверстников» (ж., 19 лет). Лаконичностью отличались сведения о тех из них, кто был угнан в концентрационные лагеря.

Однако большая половина молодых людей оценила советский период положительно (52 %). Прослеживается интересная закономерность: чем старше информанты, тем больше позитивных оценок можно было встретить в их рассказах: «по рассказам моих родителей, бабушек, дедушек жизнь раньше была лучше, проще, ценности у людей были совершенно другие, люди довольствовались малым и радовались тому, что имеют» (ж., 24 года); «мой отец в СССР работал заграничным моряком, а мать трудилась на заводе. По их воспоминаниям я могу судить, что жизнь в то время казалась интереснее, была уверенность в завтрашнем дне, люди были гуманнее и жизнерадостнее» (ж., 29 лет). Во многих рассказах юношей, независимо от возраста, отмечались позитивные аспекты, связанные с советской социальной политикой: «...была работа для каждого человека, и все работали, чтобы обеспечивать свою семью, не ленились...» (м., 19 лет); «было проще получить образование, не было безработицы. После получения образования у людей была гарантированная работа. Медицина была не такой как сейчас: заболев ты мог не бояться, что тебе не хватит денег на какую-либо операцию и ты умрешь...» (м., 19 лет).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что выросли новые поколения, никак не связанные с прошедшей эпохой, однако как бы не были мозаичны представления о советском периоде, в рассказах присутствует социальная ностальгия, транслируемая по семейным каналам коллективной памяти: «...в советское время люди относились друг к другу намного лучше. Раньше ценились дружба, доверие, а также сплочённость...» (м., 19 лет); «бабушки и дедушки рассказывали мне о былой экономике, о крепком и ста-

бильном рубле, хорошем образовании и постоянных рабочих местах. ...Люди были другими, добрыми, отзывчивыми...» (ж., 20 лет); «в СССР сотни людей могли пить газировку в автомате из одного стакана. Большую часть своего времени люди проводили на улице...» (м., 19 лет). В каждой второй работе встречалось упоминание о бесплатном образовании и медицине. «По рассказам моей мамы во времена пионеров у неё был смысл учиться, чтобы получить значок октябрёнка» (ж., 23 года). Причём оценки также меняются в зависимости от возраста. Чем старше ребята, тем в большей степени проявлялась социальная ностальгия, поскольку молодым людям чаще удавалось общаться с поколением «дедов». В основном «трансляторами прошлого» выступали бабушки. Собственные ощущения проявились в сравнительной перспективе: оценка своего детства и детства сегодняшних детей: «...дети на сегодняшний день стали терять то детство, которое было у нас. Телефоны, планшеты забрали у нас те согревающие моменты» (ж., 26 лет); «...детство запомнилось играми на площадке, прятками и догонялками, было много друзей. Нынешним детям это неинтересно, они ищут развлечение в телефоне» (ж., 25 лет). Следует отметить, что в целом ностальгические нарративы советского прошлого, в отличие от «разобщённого» российского настоящего, являли собой не только идеал «коллективной сплочённости», но и демонстрировали достойные коллективные цели, что подтверждается результатами других исследований [2].

Постсоветский период после 1990-х годов в историях подавляющего числа студенческой молодёжи (86 %) получил негативные оценки: «1990-е годы были не лучшим временем. Бандиты, мошенники, такие как Лёня Голубков, дефицит продуктов. Начиная с 2000 г. и по сей день – время довольно спокойное, стабильное (м., 21 год); «...мафия, убийства, страной правило не государство, а люди, занимающие высокую ступень в «пищевой цепочке» (м., 21 год). В рассказах об этом периоде можно было встретить леденящие душу истории о грабежах, убийствах, голоде, с которыми столкнулись семьи информантов. Были и те, в чьих рассказах отражены позитивные характеристики («стали лучше жить», «получали хорошую зарплату», «улучшились технологии»), но их было значительно меньше, чем негативных оценок.

В заключение отметим, что современные молодые люди имеют неоднозначные представления о советском и постсоветском периодах развития России, складывающиеся на основе семейных каналов трансляции образов повседневности, которые возникли из социальных практик старшего поколения. Обращает на себя внима-

ние то обстоятельство, что чем старше молодые люди, тем более тесными были контакты между поколениями. Среди нынешнего поколения 17-18-летних представителей студенческой молодёжи чаще встречались те, кто был не в состоянии изложить семейную историю, ввиду отсутствия тесного контакта с «прадедами» и «дедами». И если в случае «прадедов» – это объективные причины (уход из жизни), то в отношении «дедов» – отсутствие желания обсуждать или предмета обсуждения как такового. В сознании молодёжи сложилось два образа СССР: один связан с великими достижениями (героический), продуманной социальной политикой и тёплыми человеческими отношениями (ностальгический), а другой (критический) – с бедностью, репрессиями и отсутствием свободы слова. Воспоминания о тоталитарном прошлом постепенно утрачивают эффект посттравматического синдрома. «Социальные рамки памяти» постепенно сдвигаются, поскольку по-настоящему травматическим для коллективной семейной памяти оказался постсоветский период. Личная травма постепенно перешла в культурную (в терминах П. Штомпки) и приобрела следующие признаки: наличие эмоциональной сопричастности к травмирующему событию, ввиду короткой временной дистанции с момента возникновения травмирующих событий; наличие потребности сообщества в солидарности и соответствующее воспроизведение со стороны массмедиа. На основе проведённого анализа авторы статьи утверждают, что в исторической памяти молодёжи восприятие постсоветского периода (с начала 1990-х до начала 2000-х) имеет признаки культурной травмы.

Библиография

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Бараш Р.Э. О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Том 5. №4 (20). С. 124-151.
3. Грязнова Е.В. Социальная память как элемент культуры // Человек и культура. 2015. № 5. С. 92-106.
4. Гуссерль Э. Избранные работы / сост. В.А. Куренной. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 464 с.
5. Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции её изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23-32.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2000. 704 с.
7. Нора П. Проблематика мест памяти // П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюинмеж, М. Винок. Франция-память / Пер. с франц. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17-50.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

9. Assmann A. Re-framing memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // K. Tilmans, F. van Vree and J. Winter (eds.). *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*. Amsterdam University Press, 2010. P. 35–50.

Грошева Ирина Александровна, кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, гуманитарных и естественно-научных дисциплин, Филиал АНО ВО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень, Россия; grosh@nextmail.ru

Грошев Игорь Львович, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин, Тюменское высшее военное инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия; grosh@nextmail.ru

Images of the past in the historical memory of youth

The authors consider the role of historical memory in preserving the events of the past in the minds of young people. On the basis of written histories, an analysis of the current state of the historical memory of student youth is carried out. It confirms the fact that in the formation of images of the past, an important place is occupied by the personal channel, through which information is transmitted from the eyewitnesses to their listeners – children, grandchildren, friends, neighbors, etc. In the course of the historical narrative, signs of cultural trauma of generations are revealed.

Keywords: historical memory, youth, cultural trauma, generation, family, social memory

Grosheva Irina Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, head Department of Theory and History of State and Law, Humanities and Natural Sciences, Branch of ANO VO "Business Career Institute" in the Tyumen region, Tyumen, Russia; grosh@nextmail.ru

Groshev Igor Lvovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanitarian and General Scientific Disciplines, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakova, Tyumen, Russia; grosh@nextmail.ru

УДК 930.2

Зернов Д.В., Николаи Ф.В.

Лекции, родители и Википедия: представления о прошлом студентов исторических и неисторических специальностей

Статья подводит частичные итоги социологического исследования учащейся молодежи, проведенного авторами осенью 2021 г., целью которого стало изучение трансформации исторической памяти под влиянием «новых медиа». В анкетном опросе приняло участие 849 студентов, представляющих разные группы учащейся молодежи. Статья предлагает компаративный анализ представлений о прошлом студентов, получающих профильное историческое и не историческое образование в вузах Нижнего Новгорода.

Ключевые слова: исследования памяти, историческое сознание, нарратив, культурная память, новые медиа

По данным ежегодного глобального исследования «Digital 2022 Global Overview Report» за 2021 г. число пользователей интернет увеличилось на 192 млн (4 %) и составляет теперь 4,95 млрд человек (62,5 % населения мира) [2]. Рост числа пользователей социальных сетей продолжается двузначными темпами (10,1 %). В 2021 г. к социальным сетям присоединилось ещё 424 млн пользователей, их общее число теперь составляет 4,62 млрд человек (58,4 % мирового населения).

В России за 2021 г. число пользователей интернет выросло на 5,8 млн (4,7 %) и достигло 129,8 млн человек, что составляет 89 % от всего населения страны [3]. Число новых пользователей социальных сетей, так же, как и во всём мире, растёт интенсивнее: их увеличилось на 7 млн (7,1 %). И на начало 2022 г. их число составляет 106 млн человек (72,7 % от всего населения).

По данным отечественной компании Brand Analytics, в октябре 2021 г. число активных авторов (т.е. тех, кто активно пишет) в социальных медиа в России составило 66,4 миллиона человек [6]. Всего за месяц ими было произведено 1,1 млрд публичных сообщений (постов, репостов и комментариев).

Среднестатистический пользователь ежедневно проводит в интернете 6 часов 58 минут, то есть более 40 % своей бодрствующей жизни. К сожалению, данных по России за 2021 г. ещё нет, но уже год назад, согласно «Digital 2021: The Russian Federation», среднее время у российских пользователей составляло 7 часов 52 минуты [1]. По данным исследования, проведённого среди студентов нижегородских вузов в ноябре 2021 г. (n=1464), молодёжь ежедневно тратит на интернет не менее 7 часов, из которых почти 5 часов приходится на социальные сети. То есть, за вычетом времени учёбы в вузе, приёма пищи и гигиенических процедур, практически всё остальное время.

В сентябре 2021 г. нами было проведено социологическое исследование учащейся молодёжи, целью которого стало изучение трансформации исторической памяти под влиянием «новых медиа». В анкетном опросе приняло участие 849 студентов, представляющих разные группы учащейся молодёжи. В докладе будут рассмотрены две группы: студенты, получающие историческое образование в Мининском университете (133 человека) и студенты, получающие любое, но не историческое образование в вузах Нижнего Новгорода (320 человек). В выборке представлены студенты всех курсов, однако следует отметить, что отдельные выводы носят

предварительный характер и требуют уточнения на более крупных выборочных совокупностях.

Оценивая уровень собственных знаний отечественной истории, студенты исторических специальностей чаще говорят о том, что знают достаточно много, тогда как большинство студентов неисторических специальностей – скорее о фрагментарном знании. Единичны и в той, и в другой группе называют себя знатоками истории или, напротив, говорят, что практически ничего не знают из отечественной истории. Отметим, что число знатоков истории среди студентов, получающих историческое образование, от курса к курсу не растёт, однако они начинают появляться среди обучающихся в магистратуре и аспирантуре (17 %).

Студенты обеих групп среди источников исторической информации чаще всего указывают на лекции и семинары в вузе (72 % студентов-историков 44 % студентов других специальностей), а также на разговоры с преподавателями (соответственно, 54 % и 48 %). Однако у студентов неисторических специальностей уже в тройку главных источников попадают художественные фильмы, на которые студенты указывают столько же часто, как и на занятия в вузе (43 %). В пятёрке лидеров у студентов-историков находятся документальные фильмы (47 %) и специализированные исторические сайты (36 %). Студенты неисторических специальностей также часто указывают на документальные фильмы, как на источник исторических знаний (40 % и пятое место в рейтинге), но редко ищут информацию на специализированных исторических сайтах (11 % и шестнадцатое место в рейтинге). Зато за информацией по истории студенты неисторических специальностей часто обращаются к своим родителям (41 %) и в Википедию (38 %). Причем роль Википедии как источника знаний по истории у студентов неисторических специальностей от курса к курсу только укрепляется. Если на первом–втором курсах, когда студенты в обязательном порядке изучают историю, на Википедию указывают 35–36 %, то на третьем – уже 44 %, а на пятом – 50 % и чаще, чем все остальные источники исторической информации. У студентов исторических специальностей Википедия как источник знаний по истории только на двенадцатом месте (27 %), а разговоры с родителями – на четырнадцатом (23 %).

О высокой значимости внеучебных источников исторической информации также свидетельствуют ответы студентов на вопрос о предпочтительном источнике, который предполагал выбор только одного варианта ответа. Студенты исторических специальностей одинаково часто выбирают лекцию профессионального историка и художественный фильм на эту же тему (по 35 %), тогда как

у студентов неисторических специальностей художественные фильмы однозначно являются лидером из предпочтительных источников (39 %). На лекцию профессионального историка указали только 16 %.

Лекции историков в интернете, хотя и основательно проигрывают лекциям в вузе, но всё-таки для студентов исторических специальностей являются важным источником информации (35 % и шестое место в рейтинге). А вот для студентов неисторических специальностей они практически не имеют никакого значения (12 % и пятнадцатое место). О том, что такие лекции существуют, знают студенты обеих групп. Большинство студентов-историков смотрит их время от времени (52 %), а большинство студентов других специальностей отвечает, что видели когда-то один или несколько раз (46 %). Сравнивая плюсы онлайн и очных лекций, студенты обеих групп выстраивают примерно похожие иерархии. Основными плюсами онлайн лекций является их функциональное удобство: можно самим выбирать время просмотра и можно в любой момент прерваться и досмотреть потом. Основные плюсы очных лекций связаны с живой коммуникацией: можно задавать уточняющие вопросы, высказать своё мнение и обсудить материал с однокурсниками.

В сравнении лекции в интернете с очными, первенство остаётся всё-таки за очными, однако тех, кто придерживается противоположной точки зрения, также немало. Среди студентов исторических специальностей отдают предпочтение очным лекциям 49 % и лекциям в интернете – 27 %, среди студентов неисторических специальностей 41 % за очные и 31 % – за онлайн формат. Значение традиционного очного формата лекций постепенно теряется. Об этом свидетельствует и то, что большинство студентов из обеих групп чаще соглашаются, чем не соглашаются, с тем лекции в дистанционной форме в целом удобнее очных, за ними будущее (среди студентов-историков согласны 44 % и не согласны 33%, среди студентов других специальностей согласны 52 %, а не согласны всего 22 %). Ратующие за дистанционный формат, говоря о плюсах онлайн-лекций, усиливают, по сравнению своих оппонентов, такие качества как: максимальная простота и понятность материала (26 % против 5 %), наглядность и яркие демонстрации (37 % против 18 %), большая эмоциональность (13 % против 2 %), а также то, что материал в них обычно излагается короче, чем в традиционных лекциях (22 % против 14 %). Единственны, что они усиливают в очных лекциях, это то, что материал из них точно понадобится на экзамене или зачёте (38 % против 30 %). С другой стороны, сторонники традиционных занятий, среди плюсов очных лекций чаще

указывают на живой контакт с лектором и возможность высказать своё мнение (71 % против 43 %), больший эмоциональный отклик, который они вызывают (35 % против 16 %), возможность задавать уточняющие вопросы (85 % против 67 %), их мобилизующие условия (33 % против 16 %), а также и то, что материал на таких занятиях более глубокий, чем аналогичный в онлайн формате (31% против 15%). Выигрышным моментом дистанционных лекций, по их мнению, является то, что они более безопасны в условиях пандемии (30 % против 22 %). Сравнение этих двух групп студентов говорит о том, что, выбирая цифровой формат обучения, студенты не выбирают глубину и адекватность знаний по истории, а гонятся за яркостью и простотой, то есть форматом, привычным им по социальным сетям.

Как уже отмечалось, в рейтинге источников информации художественные фильмы на исторические темы занимают третье место у студентов неисторических специальностей и седьмое – у студентов-историков. При этом регулярность просмотра подобных фильмов у вторых даже выше, чем у первых. Регулярно смотрит исторические художественные фильмы 23 % студентов исторических специальностей, а ещё 59 % – смотрят их иногда, когда появится настроение. Среди студентов неисторических специальностей 9 % смотрят регулярно и 42 % – иногда, по настроению. Студенты-историки и студенты других специальностей, оценивая достоинства и недостатки художественных фильмов на исторические темы, также выстраивают похожие иерархии, как это было с очными и онлайн лекциями. Среди достоинств у тех и у других на первых местах отражение фильмами духа эпохи, интересный сюжет и общая визуальная эстетика. Среди недостатков на первом месте оказывается недостоверная подача фактов. При этом подавляющее большинство студентов обеих групп отмечают, что им нравятся некоторые исторические фильмы вне зависимости от того, насколько точно они передают события, о которых идёт повествование (75 % студентов-историков и 67 % студентов других специальностей). Как видно из ответов дух эпохи студенты совершенно не связывают с точностью событий, о которых фильмы рассказывают.

Последний момент показывает низкую рефлексивность представлений студентов: очевидные логические противоречия их не смущают, не подталкивают к комментариям при ответе на открытые вопросы. Акцент на воспроизводство лекционного материала, отсутствие разделения источников и литературы свидетельствует о слабости критичности мышления, стремлении к воспроизводству авторитетного источника информации. Коммуникативный характер памяти (ориентация на «разговоры с преподавателями»),

родителями или сверстниками) не провоцирует аналитическое мышление. История превращается в линейный (редуцированный к фавуле) нарратив [4], а сложность и гетерогенность позиций разных социальных групп при этом остаются за рамками рефлексии, заслоняются знакомой картинкой или клишированным штампом, который можно легко воспроизвести по Википедии или с чужих слов. Такой тип знания не очень интерактивен, – он превращает память в воспроизводство информации без какого-либо ее самостоятельного анализа. Различие между историей и памятью при этом стирается. Более того, память в определенном смысле оказывается направлена против истории [5] как критического и саморефлексивного *знания* о прошлом, которое подменяется набором случайно собранных фактов устойчивых в коммуникативном плане клише.

Библиография

1. Digital 2021: The Russian Federation (дата публикации: 11.02.2021). – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-russian-federation>
2. Digital 2022: Global Overview Report (дата публикации: 26.01.2022). – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report>
3. Digital 2022: Local Country Headlines Report (дата публикации: 26.01.2022). – URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-local-country-headlines> (слайд 189).
4. Линченко А. Мыслить историю разумно. Интервью с Йорном Рюзеном // Диалог со временем. 2020. № 70. С. 351-365.
5. Решина Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2. С. 6-16.
6. Чёрный В. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021 (дата публикации: 18.11.2021). – URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021/>

Зернов Дмитрий Васильевич, кандидат политических наук, доцент, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; zerdv@mail.ru

Николаи Федор Владимирович, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; fnvik@list.ru

Lectures, parents and Wikipedia: students of historical and non-historical specialties and their representations of the past

The article summarizes the results of a sociological study of students, conducted by the authors in the fall of 2021. Its purpose was to study the transformation of historical memory under the influence of "new media". The survey involved 849 students representing different groups and specialties. The article offers a comparative analysis of the ideas about the past of students who receive specialized historical and non-historical education in the universities of Nizhny Novgorod.

Keywords: memory studies, historical consciousness, narrative, cultural memory, new media.

Zernov Dmitry Vasilyevich – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia; zerdu@mail.ru

Nikolai Feodor Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; fvnik@list.ru

УДК 94(3); 378

Сивкина Н.Ю.

Преподавание дисциплин по античной истории для поколения Z

В последние годы педагоги и психологи часто пишут о поколении Z, о необходимости использования интерактивных форм обучения в преподавании. В данной работе автор делится опытом проведения семинарских занятий по античной истории. По мнению автора, успешный результат современного процесса обучения кроется в решении многофункциональных задач, в разнообразии форм проведения занятий, в динамике самого занятия.

Ключевые слова: античная история, интерактивные методы, ролевая игра, проектная деятельность, групповая работа, поколение Z

Поколение сегодняшних студентов относится к так называемому поколению Z, а каждое поколение обладает собственными ценностями и психологическими особенностями. Непонимание «отцов и детей» в настоящее время усугубляется еще одним фактором, который не был решающим для предшествовавших поколений. Нынешний студент – «цифровой абориген», потребитель цифрового контента, как принято его называть. Он много времени проводит в киберпространстве, где живое общение заменяется виртуальным, где можно найти информацию по любому интересующему вопросу. Поэтому многие старые формы проведения занятий не находят отклика у нынешних первокурсников, что заставляет искать другие пути преподнесения материала и активизации работы студентов. Современный преподаватель вынужден учитывать эти обстоятельства в образовательном процессе. Особенно когда речь идет о ставших уже классическими дисциплинах, таких как «История древней Греции и Рима», «Всемирной истории» и т.п.

Какие особенности современного поколения преподаватель должен учитывать, разработывая свои занятия? Поколению Z свойственна высокая познавательная активность, информированность, любознательность, т.е. перед ними можно ставить сложные, неординарные задачи. С другой стороны, у них «клиповый» характер мышления, обуславливающий высокую скорость восприятия

образов, повышенную эмоциональность и поверхностность. Но это не означает обеднение фантазии, напротив, это свидетельствует о большом творческом потенциале, который преподаватель может использовать в процессе обучения. Как недостаток современного поколения обычно отмечают рассогласованность речевого и когнитивного развития. И в будущей жизни этот фактор может иметь негативные последствия. Поэтому одной из задач преподавания должно быть развитие навыков устной и письменной речи, навыков коммуникации.

Классические исторические дисциплины требуют работы с первоисточниками, запоминания большого объема учебного материала, усидчивости в выполнении заданий. Далеко не все первокурсники справляются сейчас с этими требованиями. И дело не в том, что современный студент не хочет или не может учиться; дело в методике преподавания, которую следует менять в соответствии с изменившимися участниками образовательного процесса.

От современного студента часто можно услышать тот же вопрос, что и от школьников – «зачем это нужно?». И традиционный ответ преподавателя – для повышения культурного уровня – не найдет отклика у большинства студентов. Они обратятся к сети Интернет, если им понадобится узнать, кто такой Сервий Туллий или в чем сущность реформ Солона. Тогда как заинтересовать обучающихся историей, тем более древней? Самым очевидным ответом будет необходимость начинать со школы, погружать детей в атмосферу древности, средневековья, закладывать фундамент для осознания значимости исторических процессов и явлений. И если в школы придут нынешние выпускники вузов, то они должны быть готовы к выполнению такой задачи. С другой стороны, исторические дисциплины в вузе не должны сводиться к заучиванию дат и фактов, обучающихся интересует практическое применение знаний и умений.

Показать практическое применение легче всего в интерактивном формате, когда акцент смещается на умение общаться и взаимодействовать в процессе обучения [8; 9]. Большинство современных студентов комфортно воспринимают интерактивные методы обучения, поскольку проводят много времени в киберпространстве – новой среде обитания молодежи, а оно, в свою очередь, также является и пространством взаимодействия [5, с. 65]. Кроме того, эти методы соответствуют лично-ориентированному подходу в преподавании [4, с. 2]. Среди множества разработанных интерактивных методов популярностью пользуются метод «мозгового штурма», кейс-задачи, проектная деятельность и т.п. [6; 7]. Они эффективно применяются в работе со старшими курсами. Исполь-

зование их со студентами первых курсов следует дополнять игровыми элементами и мультизадачностью.

Интересным форматом может быть междисциплинарное взаимодействие, тогда полученные знания в предметном поле одной дисциплины они смогут применить в другой.

В условиях пандемии некоторые преподаватели стали активно внедрять в учебный процесс дистанционные курсы на платформе Moodle. Поэтому с целью выяснения отношения первокурсников к обучению с применением дистанционных технологий был проведен небольшой опрос, в котором приняло участие 35 человек, обучающихся по направлению «История».

Первый вопрос – «С какими разделами дистанционных курсов по всемирной истории вам понравилось работать?». Студенты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Проведенный опрос показал, что интерактивные тесты, конечно, могут повысить надежность оценок учебных достижений [1], но для студентов тестовые задания – это, прежде всего, форма контроля, они слабо мотивируют познавательную деятельность. Столь же мало голосов получил раздел «семинары», что неудивительно, т.к. в Moodle он не предусматривает «живого общения» и предполагает лишь взаимную проверку докладов и презентаций студентов. Гораздо больше голосов получает раздел с творческими заданиями, позволяющий проявить креативность и отвечающий желанию выделиться в глазах однокурсников и преподавателя. Наполнение курса различными видеоматериалами, реконструкциями древних городов, фрагментами телевизионных передач на исторические темы получило большинство голосов обучающихся, поскольку соответствует психологическим особенностям поколения Z. Таким образом, опрос показывает, какие формы работы со студентами младших курсов способствуют развитию интереса к предмету и углубленному изучению материала.

Кроме того, качественное преподавание дисциплины невозможно без эффективных семинарских занятий, которые для первокурсников удачнее проводить в такой интерактивной форме, как ролевая игра, викторина, рецензирование и обсуждение видеоматериалов и т.п. [3, с. 156]. В таком формате возрастает роль и эффективность групповой работы [11], соответственно преподаватель имеет возможность указать на практическую значимость таких занятий – на умение работать в слаженном коллективе, распределять задания и прекращать конфликты и т.п. Эти компетенции будут необходимы выпускнику в его будущей жизни и профессии.

Дисциплины античного цикла позволяет уже на первом курсе широко применять разнообразные варианты интерактивных методов. Например, занятие «Афины и Спарта» правильнее проводить в форме диспута. Сущность и замысел данного занятия состоят в том, чтобы научить студентов работать в команде, аргументированно защищать свою точку зрения, искать наилучший способ решения поставленной задачи, овладеть навыками работы и анализа разных типов источников, а также оценивать качество результатов своей деятельности. При подготовке к диспуту студенты делятся на 2 группы – команды изучают тему с позиции жителей Афин и Спарты. Основная задача участников – показать преимущества «своего» государства. В заключение дискуссии подводятся итоги, в котором дается оценка слабым и сильным сторонам этих государств. Таким образом, в рамках данного занятия достигается несколько целей: обучающая – глубокое знание материала способствует победе команды; воспитывающая – побеждает обычно та группа, которая работала более слаженно, показала умение договариваться и искать общее решение; творческая – креативный подход к поставленной задаче также содействует победе над противником. А игровой элемент развивает мотивацию.

Подобный диспут можно провести по темам «Диктатура Цезаря» и «Принципат Августа», которые предполагают изучение большого объема литературы.

Однако для современных студентов таких форм проведения семинарских занятий явно недостаточно. Их психологические особенности требуют смены деятельности, многозадачности. Поэтому другие темы следует преподносить, например, в форме решения логических задач, построения логических схем, таблиц [10]. Такие занятия развивают творческий и самостоятельный характер, отрабатывают навыки работы с фактическим материалом, облегчают его восприятие [2]. Прежде всего, в такой работе студенты отрабатывают алгоритм, лежащий в основе научного исследования: выяснять сущность события; найти причины его происхождения; пока-

зять влияние этого явления на разные стороны жизни общества и объяснить отношение к этому событию разных слоев населения; определить значение и последствия события. В таком формате можно построить, например, занятие по теме «Реформы Солона».

Тема «Движение братьев Гракхов» можно провести и в виде викторины, содержащей разнообразные задания – узнать действующее лицо, работа с текстом, выступление от лица братьев Гракхов и т.п. Ролевые действия здесь являются важным элементом в формировании навыков публичного выступления, поскольку именно этот вид деятельности вызывает у первокурсников одни из наиболее серьезных трудностей.

По темам, посвященным Цезарю и Октавиану можно также рекомендовать просмотр и обсуждение с исторической точки зрения видеоматериалов, написание рецензий, аннотаций и т.п. Для этого заранее предлагается посмотреть материал, подготовить индивидуальную рецензию или заметки, а непосредственно на занятии ответить на поставленные вопросы.

Конечно, не каждое практическое занятие должно проходить в форме игры, таких крайностей также следует избегать, но групповая форма работы может быть очень разнообразной, стать ведущей и дополняться индивидуальной. С целью диагностирования студентами развития своих навыков был задан второй вопрос опроса – «Какие навыки, по вашему мнению, вы приобрели или развили в ходе интерактивных занятий?»

Можно отметить, что только 8 % опрошенных указали, что не приобрели никаких новых навыков. Это можно объяснить тем, что

эти навыки у них уже были сформированы или они так считают. Тогда как остальные признают пользу интерактивных занятий.

Таким образом, оптимальной формой работы со студентами поколения Z являются диспут, ролевая игра, реконструкция исторической атмосферы – это не только попытка посмотреть на мир глазами предшествовавших поколений, но и развитие креативных способностей студентов, развитие навыков работать в команде, создание эмоционально положительного настроения. Интерактивный и групповой формат проведения занятий решает несколько важных задач: углубление знания об изучаемом предмете, даже по классическим историческим дисциплинам, развитие творческих и коммуникативных способностей, формирование неординарного мышления.

Библиография

1. Авдеева Т.И., Высоков М.И., Зыкова С.И. Применение интерактивных методов в преподавании // Вестник АГУ. 2017. 1(193). С. 68-71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primeneniye-interaktivnyh-metodov-v-prepodavanii/vestnik-avgu>
2. Ващева И.Ю., Сивкина Н.Ю. Применение алгоритмов в изучении событий всемирной истории студентами младших курсов // Международный академический вестник. 2020. № 7-8 (51-52). С. 30-39.
3. Вопросы педагогики и психологии. Чебоксары: Издательский Дом «Среда». 2021. 192 с.
4. Гуцин Ю.В. Интерактивные методы обучения в высшей школе // Психологический журнал международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 2. С. 1-18.
5. Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 1. С. 52-70.
6. Корнеева Л. Интерактивные методы обучения // Высшее образование в России. 2004. № 12. С. 105-108.
7. Пермякова Н.Е., Чекашова А.А. Организация групповой работы со студентами: традиции и инновации // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2010. № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-grupповой-raboty-so-studentami-traditsii-i-innovatsii>
8. Сафонова Л.Ю. Методы интерактивного обучения. Методические указания. Великие Луки, 2015. 86 с.
9. Титова С.В. Информационно-коммуникационные технологии в гуманитарном образовании: теория и практика: пособие для студентов и аспирантов языковых факультетов университетов и вузов. М.: П-Центр. 2009. 240 с.
10. Чернух И.Н. Логические схемы и таблицы в обучении истории // Теория и практика образования в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). Т. 1. СПб., 2012. С. 237-239.
11. Sivkina N.Yu. Effectiveness of group work of junior students // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration. Beijing, 4 august 2021. Melbourne, 2021. P. 60-64.

Сивкина Наталья Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и Средних веков Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник научно-образовательного центра Нижегородского государственного лингвистического универ-

ситета имени Н.А. Добролюбова «Славяно-греко-латинский кабинет», г. Нижний Новгород, Россия; natalia-sivkina@yandex.ru

Teaching courses on ancient history for Generation Z

In recent years, educators and psychologists have often written about Generation Z, about the need to use interactive forms in teaching. In this paper, the author shares his experience of conducting seminars on ancient history. According to the author, the successful result of the modern learning process lies in the solution of multifunctional tasks, in the variety of forms of classes, in the dynamics of the lesson itself.

Keywords: Ancient history, interactive methods, role-playing, project activity, group work, generation Z

Sivkina Natalia Юрьевна, Doctor of History, Professor of the Department of history of the Ancient world and the Middle Ages, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod; senior researcher at the research and educational center of the Dobrolyubov national University «Slavic-Greek-Latin cabinet», Nizhny Novgorod, Russia; natalia-sivkina@yandex.ru

УДК 378.14.015.62

Грошева Л.И.

Конструирование новой исторической действительности в средствах массовой информации

В статье представлен анализ изменения восприятия населением исторических событий посредством специфических форм и содержательных особенностей статей в средствах массовой информации. Рассмотрены данные контент-анализа, который позволяет оценить степень интенсивности применения манипулятивных приёмов с целью трансформации сознания населения в контексте искажения исторического наследия. Автор классифицирует инструменты информационного воздействия в зависимости от целевой аудитории и политической обусловленности исторического факта.

Ключевые слова: историческая память, манипулирование, информационная политика, конструирование памяти, воспитание молодёжи

Массовое распространение портативных устройств существенно расширило целевую аудиторию как для маркетингового, так и для воспитательного воздействия. Специфика распространения информации в значительной мере обусловлена теми трендами, которые сопряжены с политической, социальной и экономической средой социальных процессов. В то же время помимо обширной группы потребителей, формируются сообщества генераторов контента, которые ориентированы на получение дохода и реализацию личных интересов посредством обогащения данными виртуальной среды. Современная система воспитания сталкивается с различными вызовами медиа-среды, противодействие которым зачастую

не представляется возможным. В условиях концепции непрерывной подачи контента, его создатели также поставлены перед сложным выбором: длительным поиском фактологического материала, либо продуцированием собственной информацией, косвенно опирающейся на действительные события и факты. Таким образом, виртуальное пространство насыщается различными неverified данными, а также проблемным полем субъективного характера, анализ и восприятие которого остаётся в рамках компетенций конечного потребителя.

Согласно позиции Э. Тоффлера, указанная тенденция характерна для супериндустриального общества, в котором национальная идентичность размывается и вбирает в себя социальный контекст глобализированного сообщества [5, с. 19]. По этой причине происходит нивелирование формирования культурных идеалов. Таким образом, историческое и культурное наследие транслируется либо случайным образом, либо в зависимости от трендов, формирующихся лидерами системы информирования. Учитывая тот факт, что критичность восприятия виртуальной информации как таковой, в особенности среди молодёжи, остаётся достаточно специфичной, вероятность манипулирования населением особенно остро проявляется при наличии заданных политических и социальных установок в обществе в целом.

Таким образом, конструирование исторической памяти характеризуется общими тенденциями превалирования виртуальных форм коммуникации.

1. Подача материала осуществляется в короткой и дискретной форме ввиду характера спроса со стороны потребителей. По этой причине в рамках короткого видеоряда возможно формировать акцент не более, чем на 1–2 аспектах описываемой ситуации.

2. Для захвата и удержания внимания в условиях высокой информационной насыщенности виртуальных сетей авторам контента требуется создание провокативного или нестандартного контента. Хотя в целом подобный подход вносит значительное разнообразие в характер подачи академических знаний, с другой стороны, расстановка акцентов в отдельных случаях существенно деформирует основное содержание рассматриваемых проблем [3].

3. Вирусное распространение отдельных фрагментов информации обусловлено недостатком времени владельцев сообществ и тематических групп на самостоятельный поиск данных. Тем самым наиболее острые темы (или выбранные в случайном порядке) массово тиражируются либо в исходном состоянии, либо с изменённым видеографическим сопровождением, либо с внесением

дополнительного смысла или акцентов посредством включения «стороннего соавтора» посредством добавления эффекта присутствия комментаторов.

4. Вышеуказанный аспект, с другой стороны, мотивирует отдельных авторов формировать противоположную позицию, опираясь на исходную или привнесённую фактологическую базу. Тем самым первоначально положительное смысловое ядро трансформируется в противоположный по значению массив, что, в свою очередь, снижает возможность определения достоверности предлагаемых данных.

5. Также следует учитывать динамическое развитие исторического знания. Хотя сами факты прошлого не могут быть изменены, трансформация знания о них обусловлена поиском свидетельств и документов, раскрывающих происходившие явления в более комплексном формате, что в ряде случаев трансформирует исходные представления о событиях прошлого [2].

6. В той или иной мере виртуальное пространство отражает установки и интересы либо подавляющей части людей, либо групп с субъективными интересами и целевыми установками. Результатом указанной тенденции является рост фальсифицированных сообщений, а также материалов, отражающих каузальные особенности истории в рамках субъективно заданных позиций, не рассматривая аспекты, опровергающие предлагаемую теорию [4]. Подобная ситуация в особенности актуализировалась ввиду перехода информирования от централизованных источников (официальных СМИ, преподавателей) к частным импульсным информаторам (блогерам, стримерам и пр.). Конкуренция внутри тематической среды создателей контента побуждает их анализировать материал конкурентов и формировать наиболее оппозиционные данные, которые в ряде случаев могут противоречить объективным фактам.

Представленные тренды сопряжены с общей информационной усталостью аудитории, которая ввиду загруженности в офлайн-задачах или ввиду субъективных параметров предпочитает знакомиться с информацией поверхностно, запоминая наиболее эмоционально окрашенные аспекты. Масштаб возможности охвата виртуального информирования обусловлен широким распространением сети Интернет. Данные исследовательского агентства Hootsuite в России показывают, что на настоящий момент насчитывается 109,6 миллионов интернет-пользователей. По уровню проникновения интернета в стране охвачено 76 % населения. При этом 85 % всех онлайн-пользователей в России используют виртуальные сети на ежедневной основе, в то время как 11 % прибегают к их помощи не менее раза в неделю. В наибольшей степени влияние виртуаль-

ного пространства затрагивает молодых людей, статистика показывает, что пользователи в возрасте 16–30 лет составляют 62,5 % от всей аудитории, что говорит о высокой активности именно молодёжи в рамках информационного общества [1].

С целью анализа проблемы освещения исторических фактов в сети Интернет в рамках оценки манипулятивного потенциала, автором в составе исследовательской группы было проведено исследование методом контент-анализа. В качестве базовой темы анализируемого информационного массива выступила проблема оценки деятельности государств в рамках Второй Мировой войны. Данный вооружённый конфликт был выбран по причине его актуализации на фоне международной нестабильности, сложившейся вокруг территорий стран, входивших ранее в состав Советского Союза, и интенсивном процессе пересмотра её базовых итогов.

В рамках контент-анализа было проанализировано:

- 150 новостных российских информационных сводок, посвящённых Победе в Великой Отечественной войне.
- 150 новостных белорусских информационных сводок, посвящённых Победе в Великой Отечественной войне.
- 110 новостных американских информационных сводок, посвящённых победе во Второй мировой войне.
- 110 новостных европейских (преимущественно английских) информационных сводок, посвящённых победе во Второй мировой войне.

Все источники были отобраны в соотношении: 50 % – новостные газеты и официальные исторические порталы (Times, Красная Звезда, Новая Газета и пр.), 50 % – тематические группы в социальных сетях (Вконтакте, Facebook, Инстаграм).

В качестве временного периода анализа информационного поля был выбран 2019 календарный год. Анализ источников производился на языке оригинала: русском и английском, без применения автоматического или ручного перевода.

Количественный анализ производился посредством подсчёта единиц значимого контента построчно. В качестве единиц анализа использовались слова и словосочетания, содержащие упоминания войны, Победы, боевых действий, символов или памятных мест боевых действий и событий жизни в тылу военного времени.

В российских и белорусских СМИ в качестве виновников военного противодействия выступает преимущественно Германия (74,2 %), в то время как ряд источников также рассматривает вклад США (10,2 %). Определённая доля вины со стороны СССР рассматривается в 4,2 % случаев и расценивается как результат недостаточной политической дальновидности и нерационального геополитического

литического прогнозирования. С точки зрения англоязычных источников соотношение вины представляется не столь очевидным. В среднем начало войны, как инициативные действия Германии рассматривают 32,4 %, в то время как причинная составляющая конфликта со стороны стран Советского пространства оценивается в 29,3 % статей. Следует отметить, что в зарубежной литературе зачастую в графическом ряду отображение фашистских и советских войск происходит в одинаковой манере, что визуально приравнивает стороны конфликта друг к другу. Заслуживающим внимания является тот факт, что в 15,3 % исследуемых статей содержали обвинения России (а не СССР) и русских (в рамках контекста интерпретируется с точки зрения национальной принадлежности, а не гражданской идентичности), что с фактологической точки зрения является недостоверным.

Причины начала конфликта представлены достаточно широким рядом аспектов. Наиболее упоминаемые предпосылки развития конфликта в русскоязычных источниках ориентировались на накопление воинского потенциала в Германии (43,5 %), наличие прямого противостояния капиталистической и социалистической парадигм (31,4 %), а также вмешательство сторонних государств (31,7 %), преследующих свои экономические и геополитические интересы. В зарубежных источниках в качестве причин чаще представлена захватническая установка СССР (57,2 %). Следует подчеркнуть, что в данном случае Германия рассматривается как сдерживающий фактор данных настроений советской стороны, в данных статьях намеренно опускается вопрос начала войны и первоочередности нападения. Другая наиболее часто упоминаемая причина в научном переводе может быть представлена как «агрессивность» социалистического строя (41,6 %), что объясняется зарубежными авторами самой природой данного строя, а также национальными особенностями народов, входивших в СССР. Необходимо отметить, что в статьях не упоминаются другие народы, кроме собственно русских, что автоматически распространяет предложенные характеристики исключительно на них. Однако положительным является тот факт, что в 42,3 % статей признаётся наличие фактов экспериментальных опытов и геноцида в отношении еврейского и славянского населения, которые реализовывались фашистскими группами.

Если анализ соотношения действующих сторон является вопросом субъективного восприятия, то наличие фактологических неточностей демонстрирует некавалифицированный подход к представлению данных. В 24,3 % русскоязычных источников были обнаружены содержательные ошибки и неточности, искажающие общую

идею сообщений. Для белорусских источников подобные неточности встречались в 1,5 раза реже российских. Наиболее распространённой ошибкой было несоблюдение последовательности событий и неточное отображение дат событий (ошибка в пределах 1–2 лет). Подверглись изменению характеристики вооружённости подразделений, а также их роль в военных конфликтах (19,3 %). Чаще всего фиксировалась замена наименований полков и воинских соединений. Англоязычная литература продемонстрировала меньшую внимательность по отношению к деталям. Были выявлены многочисленные ошибки в фамилиях, вплоть до замены полководцев Второй мировой войны на действующих лиц Первой мировой войны (11,2 %). Каждая третья статья содержала неточности в наименовании мест сражений, а каждая пятая присваивала победу в сражениях (с фактологически установленным победителем) другому государству. В 8,3 % статей победа присуждалась союзным войскам в тех сражениях, которые произошли существенно раньше их участия в конфликте.

Полученные результаты в целом коррелируют со спецификой политических установок, характерных для современной истории. Формируемые представления о противоборствующих сторонах в значительной мере уделяют внимание субъективно близкой позиции страны в рамках современного видения межгосударственного взаимодействия. Достаточно показательным выступило выявление в статьях негативной коннотации фактов замены обозначения СССР на Россию, что в значительной мере является предпосылкой к формированию специфических установок у целевой аудитории за счёт расширения исторических границ деятельности конкретного государства.

Библиография

1. Вся статистика интернета на 2019-2020 – в мире и в России // Портал web-canape. – URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-na-2019-god-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 18.12.2020).
2. Вторая мировая глазами западных СМИ: уроки медиахронологии // Информационный портал Правмир. – URL: <https://www.pravmir.ru/vtoraya-mirovaya-glazami-zapadnyh-smi-uroki-mediakhronologii/> (дата обращения: 15.01.2020).
3. Кихтан В.В., Мамиева Б.Ю. К вопросу о манипулировании в современных СМИ // Вестник ВУиТ. 2018. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-manipulirovanii-v-sovremennyh-smi> (дата обращения: 16.01.2021).
4. Сулейманов Э.А. Отражение политической реальности в СМИ // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-politicheskoy-realnosti-v-smi> (дата обращения: 16.01.2021).
5. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

Грошева Любовь Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин, Тюменское высшее военно-инженерное

Construction of a new historical reality in the media

The article presents an analysis of the change in the perception of historical events by the population through specific forms and content features of articles in the media. The data of content analysis are considered, which allows assessing the degree of intensity of the use of manipulative techniques in order to transform the consciousness of the population in the context of distorting the historical heritage. The author classifies the tools of information influence depending on the target audience and the political conditionality of the historical fact.

Keywords: historical memory, manipulation, information policy, memory construction, youth education

Grosheva Lyubov Igorevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and General Scientific Disciplines, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of the Engineering Troops A.I. Proshlyakov, Tyumen, Russia; iren3016@yandex.ru

УДК 378.4:930(045)

Мельникова О.М.

Университетская кафедра истории в цифровую эпоху (субъективные размышления заведующего кафедрой)

Рассматривается место университетской кафедры в современном классическом университете в условиях меняющихся образовательных стандартов, возникновения новых образовательных технологий, оптимизационных процессов. Может ли кафедра оставаться коммуникативной площадкой для историка-преподавателя? Как переживают изменения преподаватели разных поколений?

Ключевые слова: кафедра, историческое образование, цифровизация образования, преподаватель университета

На одной из недавних научных конференций в КФУ Т.Н. Поповой предложена эффективная исследовательская программа изучения кафедральной корпорации. Она предполагает рассмотрение ее контуров, анализ кафедрального научного сообщества, эволюции научных исследований и статуса кафедры, а также историографии истории кафедры [2, с. 130-133]. Эта работа подтолкнула к размышлениям о бытии современной университетской кафедры исторического профиля в ситуации часто меняющихся образовательных стандартов, оптимизационных процессов в вузах, а в последнее время испытывающей на себе воздействие агрессивной цифровизации всех сфер общественной жизни. Возможно, они не отражают общих тенденций существования исторических кафедр в других университетах, но не исключено, что эти мысли могут ока-

заться полезными как фиксация индивидуального опыта заведующего кафедрой для будущих исследователей истории исторической науки и исторического образования.

Классическое представление о кафедре как структурном подразделении вуза состоит в том, что она «объединяет преподавателей учебных дисциплин, относящихся к какой-либо одной образовательной области (одной или нескольким родственным дисциплинам), имеющих достаточно высокую квалификацию и ведущих учебную, учебно-воспитательную, учебно-методическую и научно-исследовательскую деятельность» [1, с. 133].

Сегодня деятельность кафедры во многом определяется процессом цифровизации, который устойчиво вошел в повестку, требующую решения разных задач: от реализации в структуре ФГОСз++ цифровых компетенций до необходимости присутствия университетского преподавателя в электронной образовательной среде вуза. Оцифровываются исторические источники, научные труды публикуются в электронных изданиях, трансформируются коммуникации как между преподавателем и студентом, так и внутри преподавательского сообщества. Методическое сопровождение учебного процесса в обязательном порядке становится составной частью сайта университета: от учебных планов до рабочих программ дисциплин. Дистанционное обучение обострило такие дидактические вопросы как чему и как учить.

Решение этих и других задач в университетском пространстве во многом ложится на плечи кафедр, в свою очередь, порождая необходимость решения широкого круга задач: организационных, методических, исследовательских, просветительских, нравственных, психологических и даже физиологических.

Отметим проблемные области, в которых воздействие цифровизации на деятельность кафедры проявляется наиболее остро.

1. Это стремительность темпов цифровизации. Начало ей было положено робким использованием презентаций на учебных занятиях и научных конференциях. Затем постепенно стала формироваться информационная среда вуза, в которой преподаватели учились пользоваться своей личной страницей на сайте университета, главным образом, посредством обязательств выставлять рабочие программы и фонды оценочных средств. Потом последовали требования включенности преподавателя в систему электронного обучения (e-Learning). На «доковидном» этапе эти процессы нередко носили принудительный характер.

В период локдауна цифровизация приобрела характер необходимости для преподавателя: онлайннизация исторического образования стала историческим фактом.

Все эти процессы практически не успевают отрефлексироваться. На заседаниях кафедры или в текущей практике происходит обмен мнениями по поводу наиболее удачных форм преподавания исторических дисциплин онлайн, но он не носит глубокого характера в силу стремительности происходящих процессов. Эти движения зачастую носят хаотичный характер, преподаватель в условиях значительной контактной нагрузки стихийным образом включается в эти процессы: он должен оперативно находить необходимые цифровые ресурсы, анализировать электронные библиотеки, искать соответствующие электронные курсы, разрабатывать собственные и т.п.

2. Гуманитария не просто осваивать цифровые технологии, тем более что их внедрение в научно-образовательный процесс изначально носило директивный характер. Сформулировать действенные мотивационно-ценностные механизмы освоения преподавателем этих технологий, если это не составляет существо его личных потребностей, достаточно проблематично. Тем более, как показывает обмен мнениями между коллегами, для преподавания исторических дисциплин сложно признать ведущую роль цифровых технологий. Как оказалось, в студенческой аудитории происходит не просто трансляция научного знания, но и осуществляется эмоциональное восприятие изучаемого материала, а образ преподавателя, его манера изложения, коммуникация с аудиторией во время занятия является важным обучающим компонентом в университетском образовании.

В этой ситуации был бы полезен обмен опытом заведующих историческими кафедрами, связанный с адаптацией преподавателей к обучению историков в цифровой среде, определению эффективных способов ее использования на разных этапах образовательного процесса.

Университет создает систему обязательного повышения квалификации и переподготовки преподавателя, однако, как правило, такого рода обучение носит формальный характер, он не ориентирован на специфику предметного содержания исторических дисциплин. Возможно, есть коллеги, готовые предложить такие программы, но их необходимо отслеживать, что требует еще дополнительных временных усилий. Очевидно, что нужна каталогизация подобных курсов повышения квалификации для преподавателей-историков.

3. На эти процессы накладываются трансформации контуров современной исторической кафедры (по крайней мере, в Удмуртском университете). Зачастую они являются результатом административных решений сверху (т.н. называемый процесс «оптимиза-

ции»). Кафедра, которой я руковожу, стала результатом недавних слияний на протяжении последних четырех лет кафедры истории Удмуртии, кафедры этнологии и регионоведения, кафедры истории древнего мира и средних веков, кафедры археологии и истории первобытного общества. Этот без того болезненный процесс одновременно сопровождался вынужденным расставанием с возрастными коллегами и постепенным омоложением кафедры.

Т.Н. Попова, характеризуя контуры кафедрального научного сообщества, выделяет ее «ядро» – специалистов по доминирующей проблематике исследований, специализации профессионального образования, и «периферию», которая включает разные по удаленности от «ядра» сферы [2, с. 131-132]. В условиях директивного образования новых кафедр размывается «ядро» и «периферия», осложняется определение специфики дисциплинарного поля кафедры (по Т.Н. Поповой), затрудняются процессы самоопределения и коллег, и кафедры, определения своих социальных ролей внутри нового коллектива и института в целом.

Необходимость профессиональной коммуникации, сглаживание конфликтных ситуаций во многом, как кажется, стало возможным благодаря сохранению общей коллективной памяти об истоках исторического образования. Практически все коллеги – выпускники УдГУ, были учениками или учителями друг друга, знают и ценят опыт своих предшественников в рамках двух исходных «дедовских» кафедр Удмуртского университета – всеобщей истории и отечественной истории.

4. По моим наблюдениям историки с большой долей консерватизма относятся к цифровой трансформации основных профессиональных образовательных программ вследствие расширения универсальных компетенций историков, в том числе за счет цифровых компетенций. Не вызывают восторга и решения управленцев образованием в вузе связывать их формирование с введением т.н. ядра дисциплин, изучение которых осуществляется преподавателями профильных кафедр (цифровых технологий, цифровой экономики, т.п.), без учета специфики направления подготовки в общем потоке студентов разных направлений. Все это происходит на фоне сохранения общего объема часов, выделяемых на освоение образовательных программ, т.е. общеобязательные дисциплины вводятся за счет сокращения профессиональных. Напрашивается вопрос: а могли бы сами историки в рамках своих учебных дисциплин формировать цифровые компетенции, и иные универсальные компетенции?

5. Ответ на этот вопрос осложняется поколенческим неравенством преподавателей. Электронные формы ведения учебно-

методической документации, необходимость освоения систем электронного обучения, вынужден переход на онлайн обучение, использование разных платформ, особенно актуализировавшееся в условиях пандемии, поиск информационных ресурсов для организации работы студентов в условиях дистанционного обучения оказались весьма сложны для освоения нашими старшими коллегами.

Преподаватели старшего поколения, обладающие значительным практическим профессионально-педагогическим опытом, к сожалению, не всегда с должным пониманием относятся к необходимости обретения и развития своих ИТ-компетенций. Это ставит заведующего кафедрой в очень непростую и деликатную ситуацию, связанную с распределением учебной нагрузки между разными поколениями коллег.

Прекрасно владеющие предметом, умеющие методически корректно организовать образовательный процесс возрастные коллеги вынуждены уступать дорогу более молодым. И эта проблема отцов и детей весьма болезненна. Одновременно это приводит к тому, что молодая часть кафедры оказывается загруженной по полной программе, а это, к сожалению, предполагает, главным образом, контактную работу со студентами, т.е. постоянную работу в аудитории по несколько часов в день. Даже при активном использовании цифровых технологий и разнообразных ресурсов это приводит к эмоциональному выгоранию, к невозможности глубоко погружаться в научные исследования, которые публикуются зачастую время от времени лишь в преддверии конкурсного отбора преподавателя.

5. Особая роль в организации работы кафедры принадлежит специалистам по учебно-методической работе. Успешность их координирующей деятельности также зависит от степени владения цифровыми компетенциями. Но зачастую это возрастные люди, которым сложно осваивать различные цифровые технологии коммуникации как внутри, так и вне кафедры.

6. Еще одна проблема вырисовывается на фоне изменчивости ФГОС. В современных условиях ключевой единицей финансирования становится образовательная программа. Она, в соответствии с компетенциями, диктуемыми ФГОС, предполагает изучение широкого спектра дисциплин. Кафедра, если она руководит образовательной программой, вынуждена для обеспечения работой своих сотрудников, максимально загружать их нагрузкой, нежели отдавать часы на другие кафедры, на которых могут трудиться более квалифицированные специалисты. Т.е. возникает парадокс: ставки выделяются на образовательную программу, а нагрузка распределяется по кафедре. Т.о. теряется качество образования. И если это так, то кафедра теряет свою роль как единица университетской

структуры? Возможно, преподаватели разных дисциплин должны объединяться в особые коллективы для реализации образовательной программы, что логично. А с ее закрытием этот коллектив должен распасться? Кафедра остается лишь местом приписки преподавателя?

...Есть ли жизнь у кафедры в цифровую эпоху?...

Библиография

1. Анимица Е.Г. Кафедра в университете – ведущее звено в системе высшего профессионального образования // Известия УрГЭУ. 2008. № 3 (22). С. 133-136.

2. Попова Т.Н. Кафедральная корпорация: к проблеме изучения // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 130-134.

Мельникова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Удмуртская Республика, Россия; superlvovich2012@yandex.ru

University Department of History in the Digital Age (subjective reflections of the head of the Department)

The report comprehends the place of the university department in a modern classical university in the context of changing educational standards, the emergence of new educational technologies, optimization processes. Can the department remain a communicative platform for a historian-teacher? How do teachers of different generations experience changes?

Keywords: department, historical education, digitalization of education, university lecturer

Melnikova Olga Mikhailovna, Doctor of History, Head of the Department of History of Udmurtia, Archeology and Ethnology, Udmurt State University, Izhevsk, Udmurt Republic, Russia; superlvovich2012@yandex.ru

Раздел 6

Историография античности и средневековья

УДК 378(80)(94)

Дементьева В.В.

Истоки антиковедения в Ярославле (первая треть XIX в.)¹

В докладе рассматривается деятельность в Ярославском Демидовском высших наук училище (официальное название *Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense*) филологов-классиков И.Е. Срезневского, Ф. Шмидта и М.О. Ханенко, а также А.Ф. Клименко и С.А. Вилинского, преподававших древнюю историю. Автор связывает появление антиковедения в Ярославле с их учебно-научными занятиями, которые послужили важной составной частью становления высшего образования в городе.

Ключевые слова: Демидовский Атенея, классическая филология, античная история, профессора, преподавание

Антиковедение как комплекс научных дисциплин, относящихся к изучению греко-римской цивилизации (классическая филология, античная история, древнее право и др.) развивалось в России XIX в. преимущественно в университетах. В Ярославле же на средства П.Г. Демидова было открыто Училище высших наук, имевшее официальное латинское название *Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense*, занятия в котором начались в 1804 г.

Латинской словесности обучал студентов Атенея с первого учебного года по 1812 г. профессор И.Е. Срезневский (1770–1819) [1; 8; 12], который был известен переводом “*Trisia*” Овидия; сам переводчик использовал его в учебных целях. Образование Иван Евсеевич получил в Московском университете и «по поступлении в университет, невзирая на жестокую нужду, Срезневский предался серьезному изучению классиков» [8]. В Ярославль Срезневского лично пригласил П.Г. Демидов.

Представление о преподававшихся Срезневским предметах и о содержании дисциплин дает объявление, составленное в начале

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

первого учебного года [10, с. 250.], где говорилось, что он изложит «общие правила о суждении авторов, потом будет преподавать историю изящных наук, с самого начала оных до времен Августовых, представляя по возможности во всяком роде примеры, как в прозе, так и в стихах, более же времени употребит на изъяснение писателей златого века, последуя славным критикам из древних – Квинтилиану, из новейших – Лагарпу, Блеру, Батте и прочим». Подробнее виды аудиторных занятий Срезневского перечислены в «Catalogus lectionum et exercitationum...», в котором давался анонс дисциплин с 17 августа 1806 по 28 июня 1807 г. В нем по поводу преподавания латинского языка и литературы Срезневским говорится следующее (при цитировании текстов XIX в. по оригиналу сохраняю их орфографию, кроме исключенных из алфавита букв, и пунктуацию): «... а для большего усовершенствования оных (своих слушателей – В.Д.) в Латинском языке, в правилах изящных творений и в Мифологии, будет читать Превращения Овидиевы, кн. I, третью книгу о Поэзии Иеронима Виды, и особенно постарается занять своих слушателей обработыванием различных тем. Естьлиж сколько нибудь останется времени, преподаст Историю Еврейской и Греческой Литературы, с приведением отборных примеров, как из того, так из другого народа, соответственно Хронологическому порядку, также и других лучших Латинских Писателей не оставит без внимания. – Он же по понедельникам, средам и пятницам, в те же часы, в нижнем классе с успевающими более других воспитанниками будет читать Аннея Флора, или Корнелия Непота; преподаст им правила о сочинении периодов, изъяснит Российскую и Латинскую Просодию и не оставит их без упражнения в переводах с Российскаго на Латинской язык. Остальных будет занимать Этимологию, Синтаксисом и разными переводами» [13, р. 3-5]. В этом же документе говорится о преподавании Срезневским других дисциплин, из текста источника следует, что оно строилось с учетом возможностей разных групп обучающихся, степени их усвоения материала: если «продвинутым» студентам давались сложные разделы фонетики и языкознания, то для остальных – синтаксис как самое основное.

Мы можем оценить учебную нагрузку Срезневского в Демидовском училище: в пересчете на привычные нам академические часы – в неделю не менее 13 часов в аудитории в первый учебный год, и не менее 16 в третий. К тому же, кроме занятий в Атенее, Срезневский преподавал в народном училище, а по средам читал еще публичные лекции. В совокупности у него получалось порядка 20–24-х часов занятий в неделю.

Срезневский в Ярославле занимался в исследовательском плане всемирной историей литературы, в которой он обращал специальное внимание на античную эпоху, но основной его вклад – это рифмованные переводы римских авторов: Овидия, Горация Вергилия, Авсония. Сохранились сведения и о его переводах с древнегреческого – Феокрита и начала «Одиссеи», а также библейских текстов. Срезневский был прекрасным оратором, поэтому его преподавание риторики подкреплялось ярким примером самого лектора. В 1812 г. Срезневский переехал в Харьков, и факт этого приглашения свидетельствует о его высокой профессиональной репутации.

Вторым филологом-классиком из числа профессоров «первого набора» был Фридрих Иоганн Шмидт, который лекционные курсы читал на латинском языке. Шмидт был родом из Саксонии, в 1789 г. закончил университет в Лейпциге, еще до университета в училище Св. Фомы «столько успел в греческом и латинском языках, что мог преподавать сам начало оных своим товарищам» [5, с.58-59]. Наряду с указанием на успехи Шмидта в науках в его аттестате отмечалось и бедное его состояние. Видимо, последнее обстоятельство и заставило Шмидта отправиться в Россию. Должность профессора в Ярославле он получил тоже по личному приглашению П.Г. Демидова.

Сначала Шмидт преподавал философию, но не позднее августа 1806 г. у него добавились лекционные и практические занятия по древнегреческому языку: «Фридрих Шмидт, Доктор и Профессор Философии и Греческого языка, по понедельникам от 4 до 6 часов после обеда, преподавать будет своим слушателям Метафизику по Федорову руководству; а по средам в те же часы Этику по Мейнерсову руководству; по субботам в те же часы на лекциях Греческого языка толковать будет Разговор Есхинов, и древности греческия; по вторникам в те же часы будет продолжать переводы с Греческого на Русской язык и грамматически разбирать нравоучительные места Новаго Завета» [13, р. 4-5]. Из содержания занятий Шмидта следует, что при обучении древнегреческому языку большое внимание уделялось переводу оригинальных древних произведений.

Ф. Шмидт провел в Демидовском училище четверть века, уйдя в отставку в 1830 г. Он стал первым заслуженным профессором Атеней, поскольку «вместе с глубоким образованием соединял и громадную преданность своему делу» [9, с. 61].

В 1812 г. преподавателем древних языков в училище стал Михаил Осипович Ханенко (1779–1839), которого направил в Ярославль Московский университет. Ханенко был родом из Чернигов-

ской губернии, в 1796–1805 гг. обучался в Киево-Могилянской академии, а затем до 1809 г. в Московском университете [11]. Филолог по призванию, математик по университетскому образованию Ханенко в Ярославле занял должность профессора древних языков и российской словесности и проработал 27 лет, вплоть до своей кончины. По характеристике С.П. Покровского, он был «не менее талантливый», чем Срезневский. В Ярославле Ханенко в исследовательском отношении занимался искусствоведческой и литературоведческой тематикой; из 4-х опубликованных его речей [7, с. 71] две были посвящены ей.

Преподавать в училище всеобщую историю стал не позднее 1806 г. Алексей Фомич Клименко, уроженец Полтавской губернии, выпускник Московского университета, будущий первый директор Демидовского учебного заведения в течение 10 лет (1828–1838). В *Catalogus* [14, р. 4-5], говорится: «Алексей Клименко, Философии Магистр, по понедельникам и четвергам от 2 до 4 часов по полудни Всеобщей Истории по руководству обучать будет Иог. Мат. Шрекка и Всеобщей Географии». Имелось в виду переводное пособие Иоганна Матиаса Шрёкка (1733–1808) «Древняя и новая всеобщая история...», автор которого был серьезным специалистом, его пособие отражало уровень науки рубежа XVIII – XIX вв. А.Ф. Клименко, направленный попечителем Московского учебного округа М.Н. Муравьевым в Ярославскую гимназию на должность старшего учителя, получил в качестве «поручения» и преподавание истории в Демидовском училище. Официально в штат училища Клименко был принят на ставшую вакантной профессорскую должность в марте 1809 г., но при этом исторические дисциплины перешли к Степану Алексеичу Вилинскому.

С.А. Вилинский (1757 или 1759 – после 1824), трудившийся в Атенее в 1809–1824 гг., происходил из семьи священника, закончил Ярославскую духовную семинарию, в ней учился «латинскому языку и на оном – пиитике, риторике, философии и богословию, а сверх того истории, географии, богословию и еврейскому языку» [5, с. 61; 6, с. 65]. Назначение профессором произошло в мае 1808 г. по решению Московского университета, когда Вилинскому было уже порядка 50 лет. Необычность такого назначения состояла в том, что Вилинский не имел степени магистра и не оканчивал университета.

Сохранились три речи Вилинского [2; 3; 4], анализ которых позволяет оценить уровень его представлений о древней истории и, соответственно, содержании преподавания ее. В «Речи о началах или источниках благоденствия народного...» Вилинский классифицировал эти источники так: естественные, гражданские и нрав-

ственные. Интерес представляет трактовка Вилинским гражданских начал народного благоденствия. Он употреблял понятие «гражданское общество» [2, с. 7], подчеркивал социальную значимость законодательства, а для внешней безопасности общества – военного ополчения [2, с. 9]. То, что мы сейчас называем гражданской солидарностью применительно к общинам древности, Вилинский определял «взаимной любовью» сограждан и соплеменников, верно характеризуя эту черту идеологии античных социумов. Вилинский передавал суть законов Ликурга в Спарте и Солона в Афинах, последний, по его словам, дал Афинской республике «лучший и прочнейший образ правления» [2, с. 8].

С пиететом отзывался Вилинский о морали римлян «средних времен», использовал понятие «нравственные и гражданские добродетели», отмечал, что римляне «злату предпочитали честное убожество» [2, с. 11-12]. Просвещение римлян, на взгляд автора речи, шло медленно, пока завоеванная ими Греция не поспособствовала тому, что «древо просвещения» было пересажено «под чистое небо Италии» [2, с. 12]. Вилинский выражал суждение, что философия римлян уступала греческой, тем не менее Лукреций, Сенека и Плиний Старший, на его взгляд, «заслуживают особого внимания».

Таким образом, С.А. Вилинский представил обобщенный взгляд «успехов просвещения» трех древних народов – египтян, греков и римлян (очевидным образом, отдавая дань веку своему), протянув цепочку исторического развития и придав тексту риторическую форму.

В целом, есть все основания характеризовать истоки антиковедения в Ярославле отнюдь не как «тонкий ручеек», а как изначально насыщенный поток, послуживший важной составной частью проложенного Демидовским Атенеом русла высшего образования в городе.

Библиография

1. Богатова Г.А. И.Е. Срезневский – один из основателей-строителей Ярославского высших наук училища // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: Тез. докл. / Отв. ред. А.М. Селиванов. Вып. 1. Ярославль: ЯрГУ, 1994. С. 13-15.
2. Вилинский С.А. Речь о началах или источниках благоденствия народного. М.: Унив. тип., 1816. 34 с.
3. Вилинский С.А. Речь о начале, ходе и успехах нравственного и гражданского образования некоторых древних народов. М.: Унив. тип., 1824. 32 с.
4. Вилинский С.А. Слово о принадлежностях истории вообще. М.: Унив. тип., 1809. 14 с.
5. Головщиков К.Д. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803–1886). Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1887. 225 с.

6. Гущина Е.В., Морозов Д.К., Салова Ю.Г. Биографический сборник Демидовского университета. Ярославль; Рыбинск, 2008. 253 с.
7. Зиновьев А.З. Акты Ярославского Демидовского училища высших наук, с основания онога до преобразования в лицей (1805–1834) // Журнал Министерства народного просвещения. 1845. Т. XLVII. С. 59-76.
8. Срезневский Иван Евсеевич // Половцов А.А. Русский биографический словарь. Т. 19. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-19/151> (дата обращения: 29.10.2021).
9. Покровский С.П. Демидовский лицей в Ярославле в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914. VIII, 264, XV, 4 с.
10. Программа курса лекций в Ярославском высших наук училище, основанном П.Г. Демидовым. Август 1804 г. // Ярославль: История города в документах и материалах от первых упоминаний до 1917 г. / Под ред. А.М. Пономарева. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. С. 249-250.
11. Ханенко Михаил Осипович // Половцов А.А. Русский биографический словарь Т. 21. – URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-21/328>. (дата обращения: 29.10.2021).
12. Шеина Ю.В. Деятельность И.Е. Срезневского как ритора и поэта в Ярославском высших наук училище // Высшее образование в России: история, проблемы, перспективы: Тез. докл. / Отв. ред. А.М. Селиванов. Вып. 1. Ярославль: ЯрГУ, 1994. С. 15-16.
13. Catalogus lectionum et exercitationum, in Athenaeo litterarum Demidowiano Jaroslaviensi a d. XVII Augusti anni MDCCCVI ad d. XXVIII Iunii a. MDCCCVII habendarum. М.: Унив. тип., 1806. 7 р.

Дементьева Вера Викторовна, доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия; vv_dementieva@mail.ru

The Origins of Classical Studies in Yaroslavl (First Third of the 19th Century)

The report examines the activities at the Yaroslavl Higher School (official name Athenaeum litterarum Demidowianum Jaroslaviense) of classical philologists I.E. Sreznevsky, F. Schmidt and M.O. Khanenko, as well as A.F. Klimenko and S.A. Vilinsky, who taught ancient history. The author connects the emergence of classical studies in Yaroslavl with their educational and scientific studies, which served as an important part of the formation of higher education in the city.

Keywords: Athenaeum of P.G. Demidov, classical philology, ancient history, professors, teaching

Dementyeva Vera Viktorovna, Doctor of History, Professor of the Department of General History, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia; vv_dementieva@mail.ru

Жуковская Т.Н., Стуколов Ф.И.

**Профессор-классик Христиан Фридрих Грефе
и его школа в Санкт-Петербургском университете:
по мемуарным и архивным источникам**

Христиан Фридрих Грефе (1780–1851) воспитал в стенах Петербургского университета несколько поколений филологов-классиков. Будучи приверженцем критико-грамматического подхода Готфрида Германа, Грефе преподавал античную литературу в соответствии с принципами этого направления и стал основателем школы антиковедения в университете. В статье на документальном материале рассмотрены роль Готфрида Германа в становлении Грефе как ученого, стиль преподавания Х.Ф. Грефе, этапы складывания его собственной научной школы в лице ее основных представителей.

Ключевые слова: Ф.Б. Грефе, классическая филология в Петербургском университете, критико-грамматический подход Готфрида Германа, латинский и древнегреческий языки

Христиан Фридрих (Федор Богданович) Грефе родился в саксонском г. Хемниц 1 июля 1780 г. Его мать, Кристиана Фредерика Грефе (урожд. Герхард), умерла через два дня после родов. Его отец, Иоганн Готхельф Грефе (1750–1821) был пастором и готовил своего сына к этому же званию. Однако, когда Христиан поступил в лицей, то обнаружилась его тяга к знаниям и к древним языкам, и планы стать пастором изменились. В 1799 г. он поступает на философский факультет Лейпцигского университета, где под руководством талантливого филолога Готфрида Германа основательно взялся за латынь и древнегреческий.

Готфрид Герман в 1801 г. основал в Лейпциге филологическое общество – студенческий кружок «с целью упражнений в латинском стиле и диспутах, так и в занятии древними писателями» [14, с. 218]. Участие в работе этого кружка, получившего в 1805 г. название Греческого общества, сформировало Х.Ф. Грефе как ученого; здесь он получил всестороннюю подготовку, которая включала переводы с латинского языка на древнегреческий и наоборот, а также сочинение стихов на древних языках. Усердная творческая и научная работа с текстами должны были обеспечить участникам кружка основательное знание грамматики, уверенное понимание всех тонкостей языка, – без всего этого нельзя было приступить к комментированию письменных памятников и их подлинной текстологической критике, которая была в основе закладываемого Г. Германом подхода в классической филологии.

Грефе был очень трудолюбив и выделялся своим старанием среди других учеников Германа, который так отзывался о нем: «Если и есть у меня кто-нибудь из тех, кто занимается моей дисциплиной, кого я бы полюбил за его выдающийся талант, за его внимательное обучение, за его честность и манеры, то это – Христиан Фридрих Грефе...» [12, с. 254]. Г. Герман ставил критику текста превыше всего в филологии, он был убежден, что это тонкое искусство, требующее от исследователя проницательности и ловкости, усидчивости, внимания и совершенного владения языком, а также досконального знания его законов [15, с. 24-25]. Студенты в его кружке учились чувствовать стиль письма античных авторов и, полагаясь на это чутье и основательное знание грамматики, редактировать поздние вставки в древних текстах и предлагать конъектуры для испорченных мест. При этом Герман оказывал на своих учеников и большое моральное влияние – «он делал их не только искусными, но и нравственными людьми» [14, с. 218]. Подопечные Германа становились его друзьями – и Грефе на протяжении всей жизни сохранял связи со своим учителем и, бывая в Лейпциге, всегда навещал его.

2 мая 1803 г. Ф.Х. Грефе успешно сдал экзамен в Дрездене и получил степень кандидата богословия, а 28 февраля 1805 г. в Лейпциге стал доктором философии и магистром свободных наук.

В 1810 г. по приглашению А.Н. Голицына Х.Ф. Грефе приехал в Петербург преподавать греческий язык в Духовной академии, а в 1811 г. С.С. Уваров, только что назначенный попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, пригласил его преподавать латынь в Педагогическом институте. Конференция института, управлявшая учебными делами, сообщила попечителю: «Поелику в верхнем отделении студенты довольно сведущи в латинском языке, то Конференция возложила на г-на Грефе преподавать в сем отделении латинскую словесность, разбирая красоты классических прозаических писателей и стихотворцев и занимая учащихся сочинением на латинском языке» [9, л. 9]. В 1815 г., уже став ординарным профессором, Грефе взялся и за преподавание древнегреческого языка. После преобразования Педагогического института в С.-Петербургский университет в 1819 г. он сохранил за собой кафедру и занимался древними языками со студентами «верхнего» отделения, то есть старшего курса, где были наиболее сведущие учащиеся, как правило, выходцы из духовных семинарий.

Первым учеником Грефе был Дмитрий Прокофьевич Попов (1790–1864), поступивший в Педагогический институт в 1810 г. после окончания Тверской духовной семинарии. В Институте он изучал древние языки в «верхнем» отделении под руководством Гре-

фе и был оставлен в качестве преподавателя. В декабре 1814 г. Попов стал магистром греческой словесности, а 9 марта 1818 г. «публичной защитой своего рассуждения к совершенному удовлетворению всего собрания окончил испытание на степень адъюнкт-профессора» [10, л. 7]. В 1822 г. он получил звание экстраординарного профессора и заместил Грефе на кафедре греческой словесности (Грефе продолжал преподавать латинскую словесность) [2, с. 40].

В университете Попов прослужил до кадровой реформы С.С. Уварова в 1836 г., его научная деятельность проходила преимущественно в стенах Публичной библиотеки, где он работал с 1814 г. до самой своей смерти. Здесь по поручению А.Н. Оленина он занимался с «археологической и частью педагогической целью» прозаическим переводом «Илиады» и «Одиссеи» Гомера [4, с. 543]. Знаменитый Н.И. Гнедич в то время работал в библиотеке вместе с Д.П. Поповым и пользовался его консультациями при создании литературного перевода «Илиады», ставшего классическим [1]. Попов также преподавал древние языки в 1-й Петербургской гимназии в 1830–1849 гг., он был создателем латинской и греческих грамматик.

Среди первых учеников Грефе были Александр Иванович Брут (1800–1873) и Иван Яковлевич Соколов (1794–1848). Оба поступили в Педагогический институт в 1817 г., в таблице «разбора» студентов по успехам и нравственности 1822 г. отмечаются их «очень хорошие знания» в греческом, латинском и немецком языках и в других предметах [5, с. 314]. В 1823 г. они выпустились и были оставлены для преподавания в университете. А.И. Брут вел занятия по латинскому языку у студентов первого отделения, в 1828 г. он стал адъюнктом; его больше интересовала древняя география, в 1831 г. он выпустил «Атлас древнего света» с картами и таблицами. В декабре 1835 г. Брут был отстранен от преподавания латыни в связи с пересмотром штата, но продолжал работу в качестве секретаря в правлении университета.

И.Я. Соколов вел занятия по древнегреческому языку, но, по свидетельству мемуаристов, на своих лекциях часто пускался в досужие рассказы и вызывал ироническое отношение. Студенты прозвали его «Жан-Жаком» [7, с. 23; 13, с. 130]. В 1831 г. Соколов стал адъюнкт-профессором, а в 1834 г. издал «Руководство по переводам с греческого языка на русский». Комиссия при историко-филологическом факультете с участием Грефе и Попова сочла, что «сия учебная книга составлена сообразно с целью и не только всегда полезна, но совершенно необходима для учащихся древнегреческому языку» [8, л. 1]. При содействии Грефе книга Соколова

была одобрена в Ученом комитете при Департаменте народного просвещения в качестве учебного пособия.

В 1836 г. Грефе был избран деканом 1-го отделения философского факультета на четыре года, его секретарем и помощником был адъюнкт Соколов. Грефе в то время пользовался колоссальным авторитетом среди своих коллег и студентов не только как крупнейший знаток древностей, но и благодаря своим человеческим качествам. Личным примером Грефе устанавливал дисциплину среди коллег и студентов. Ф.Н. Фортунатов, учившийся в университете в 1830–1833 гг., пишет, что Грефе на занятиях «...не упустил ни одной минуты, являясь в университет постоянно ранее времени назначенного для его лекций. Ему старались подражать в этом отношении ближайшие его сотрудники Попов, Брут и Соколов: и потому не опаздывали приходом на лекции, как это водилось у других профессоров...» [7, с. 11-12]. Немецкая пунктуальность, добросовестность и педантизм, свойственные натуре Грефе, проявляли себя и в его научных делах – к концу жизни он взялся за сравнительное языкознание, изучение санскрита и славянских языков и этим он «не был похож на своих немецких коллег-филологов, которые обыкновенно не желали ничего знать кроме классической древности» [3, с. 50].

Грефе до конца жизни был верен научным и методологическим принципам, которые он воспринял от Готфрида Германа в Лейпциге в свои студенческие годы. На 1830-е гг. в немецком антиковедении приходится расцвет критико-грамматического направления, проводником которого в России стал Грефе. Его сосредоточенность исключительно на стилистической и грамматической стороне текста без всяких экскурсов в историю и археологию отмечается во многих воспоминаниях его студентов. Г.С. Дестунис, подчеркивая множество положительных качеств Грефе, пишет о нем: «В объяснение эпохи или предмета им изображаемого, в объяснение быта греков и вообще в какие-либо подробности относительно их положения географического, исторического, религиозного или политического Грефе никогда не входил, ни в своих изданиях, ни на лекциях...» [2, с. 229]. Это давало повод для критики в его адрес: одни называли образованность Грефе «односторонней» [5, с. XC], другие упрекали его в «детскости понятий» [11, с. 105]. Сухость педагогической манеры и сосредоточенность Грефе на сугубо грамматических вопросах, с особым его пристрастием к этимологии и составляли ценность сообщаемых им знаний. Как отмечает Ф.Н. Фортунатов, «объяснения Грефе были филологические в обширном значении этого слова» [7, с. 24]. Следует также сказать, что Грефе все свои лекции читал исключительно

на латинском языке, на котором «объяснялся он с такою же свободой и непринужденностью, как на своем природном языке» [7, с. 14].

В последнее десятилетие работы Грефе в университете его ближайшим учеником был Иван Богданович Штейнман (1819–1872). Сразу после выпуска из университета в 1840 г. Штейнман поехал за границу для совершенствования своих знаний в классической филологии: он слушал лекции в Берлине, а в Лейпциге также занимался под руководством Готфрида Германа. По возвращении в 1845 г. он получил степень магистра греческой и римской словесности, а в 1847 г. в качестве приват-доцента приступил к преподаванию греческих и римских древностей в Петербургском университете. Штейнмана и Грефе сближала не только приверженность одной научной школе, но и личные, семейные отношения, что не было редкостью в университетской среде того времени. Дочь Х.Ф. Грефе Минна (1819–1893) вышла замуж за ученика и коллегу своего отца. Когда Грефе скоропостижно скончался на пороге Академии наук 12 декабря 1851 г., то на кафедре греческой словесности его заменил Штейнман, ставший через два года экстраординарным профессором университета.

Граф С.С. Уваров в некрологе, посвященном Х.Ф. Грефе, с которым он долгие годы дружил и сотрудничал, писал: «Получив филологическое образование в такой школе, где все трудности грамматики, понимаемой в ее высшем значении, разрешены были вполне, Грефе с этой специальной эрудицией соединял утонченность вкуса и проницательность ума, – такие качества, при которых совершенно способен был доказать, что эти, так называемые, мертвые языки, на известной высоте понимания их, одушевлены более, чем когда-либо, и что многие из новейших языков пользуются против них гораздо меньшим правом называться живыми» [6, с. 48]. За годы служения науке в Педагогическом институте, Санкт-Петербургском университете и Академии наук Грефе сумел создать серьезную научную школу исторического языкознания. Он воспитал два поколения филологов-классиков, которые, следуя критическому методу, изучили и освоили все богатство лексики и особенности грамматики древних языков. Первым поколением учеников Грефе, в лице Д.П. Попова, А.И. Брута и И.Я. Соколова были созданы учебные пособия по греческому и латинскому языкам, а также выполнены переводы античных памятников на русский язык. Ученики Грефе укрепили традиции университетского преподавания классических языков, несмотря на то что двое из них оставили преподавание в университете в конце 1835 г., а Соколов не пережил Грефе, скончавшись за три года до смерти своего учителя. Наиболее известным продолжателем дела Грефе стал его та-

лантливый ученик И.Б. Штейнман. И хотя критико-грамматическое направление, последователем которого был Грефе, во второй половине XIX в. постепенно сходило с академической сцены, научный и общественный интерес к античности только возрастал. Этому интересу соответствовала деятельность «школы» Грефе в Петербурге, соединявшей владение богатствами языка письменных памятников с глубоким историзмом в понимании античного наследия и стремлением к его популяризации.

Библиография

1. Бахтина П.Л. Попов Дмитрий Прокофьевич. [Электронный ресурс] // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 1–4: [сайт]. – URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=1424
2. Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. Историческая записка. СПб., 1870. 679 с.
3. Пыпин А.Н. Мои заметки / под ред. В.А. Ляцкой. М.: Изд. Л.Э. Бухгейм. 1910. 312 с.
4. Русский биографический словарь. Т.: Плавильщиков – Примо / Изд. А.А. Половцова. СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1910 [2]. Т. 14. 800 с.
5. Санкт-Петербургский университет в первое столетие. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835 / Под ред. С.В. Рождественского. Пг., 1919. 780 с.
6. Уваров С.С. Воспоминание об академике Фр. Грефе. Письмо президента имп. Академии наук графа С.С. Уварова (читано в заседании 6 февраля 1852 г.) // Ученые записки имп. Академии наук по I и II отделениям. Т. I, вып. 1, 1852. С. 46–50.
7. Форгунатов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830 – 1833 годы: По поводу пятидесятилетия его юбилея: [Писано в нояб. 1868 г.]. М.: тип. Т. Рис, 1869. [2], 36 с.
8. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп.1. Д. 2419: Утверждение кандидата Соколова в адъюнкты по кафедре греческой словесности при Санкт-Петербургском университете. 1831.
9. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 659: Об определении в Педагогический институт профессора Грефе для преподавания латинского языка и словесности. 1811.
10. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1921: О производстве магистра Попова в адъюнкты. 1818.
11. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15 т. М.: Госполитиздат, 1939. Т. 1. 839 с.
12. Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб: Типография Я. Трея. 1857. 458 с.
13. Чумиков А.А. Петербургский университет полвека назад. Воспоминания бывшего студента // Русский архив. 1888. [Т. 67]. Кн. 3. Вып. 9. С. 120–150.
14. Ян О. Готфрид Герман // Прополи. Сб. ст. по классической древности. Т. 2. Ч. 2, П. Леонтьев (ред.). М., 1851. С. 197–224.
15. Hermann G. Über Herrn Professor Böckhs Behandlung der griechischen Inschriften. Leipzig: Gerhard Fleischer, 1826. 238 S.

Жуковская Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Новой истории России, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия; tzhukovskaya@yandex.ru

Стуколов Федор Иванович, студент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; fedor.stukolov.2015@mail.ru

Classics Professor Christian Friedrich Graefe and his School at St. Petersburg University: Based on Memoirs and Archival Sources

Christian Friedrich Graefe (1780–1851) educated several generations of classical philologists within the walls of St. Petersburg University. Being an adherent of the grammatical and critical approach of Gottfried Hermann, Graefe taught in accordance with all the principles of this direction and was the founder of antiquity at the university. In the article, on the basis of documentary material, the role of Gottfried Hermann in the development of Graefe as a scientist, the teaching style of H.F. Graefe, the stages of the formation of his own scientific school represented by its main representatives.

Key words: Graefe, classical philology at St. Petersburg University, grammatical and critical approach of Gottfried Hermann, Latin and ancient Greek languages

Zhukovskaya Tatyana Nikolaevna, Candidate of History, Senior Research Fellow of the Department of New History of Russia, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; tzhukovskaya@yandex.ru

Stukolov Fedor Ivanovich, Student of the Institute of History of Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; fedor.stukolov.2015@mail.ru

УДК 930

Гончаров В.А.

Антиковедение в Воронеже: основные этапы истории

В статье вкратце рассматривается история антиковедческих исследований в городе Воронеже с 1918 г. и до настоящего момента. Особое внимание уделяется деятельности А.И. Немировского, которому удалось создать в Воронеже научную школу по изучению истории Древнего мира. При этом также делается акцент на том, что данная школа была не собственно воронежской, а представляла собой более широкое явление, и после отъезда Немировского антиковедение в Воронеже развилось достаточно прерывисто (так же, как и до его приезда).

Ключевые слова: антиковедение, Воронеж, Воронежский государственный университет, А.И. Немировский, научная школа

История развития антиковедения в старинном русском городе Воронеже, который в настоящий момент является «миллионником» и крупным университетским центром, в чем-то типична и симптоматична для российской науки об античности, а в чем-то — несколько отличается от истории изучения Древней Греции и Древнего Рима в основных антиковедческих центрах нашей страны — Москве, Санкт-Петербурге, Саратове, Нижнем Новгороде, Казани.

Прежде всего следует отметить, что воронежское антиковедение изначально представляло собой явление, привнесенное извне. Его история по сути дела начинается с появления в городе универ-

ситета, который был основан не «с нуля», с опорой на местные кадры, а на базе русской части Юрьевского (Дерптского) университета, эвакуированной из захваченной немецкими войсками Прибалтики. Произошло это летом-осенью 1918 г. [13, с. 132]. До этого момента, судя по имеющимся источникам, научно-педагогическая деятельность, связанная с античностью, в Воронеже ограничивалась преподаванием латинского и древнегреческого языка в местной классической гимназии, учрежденной в 1865 г. [10, с. 311].

В конце июля и начале сентября 1918 г. в центр Черноземья прибыло около 100 сотрудников Юрьевского университета, среди которых был ряд довольно известных исследователей античной истории – М.Н. Крашенинников, специалист по римской религии, эпиграфике и палеографии [3; 18; 19], Э.Р. Фельсберг, автор труда о братьях Гракхах [28], этрусколог и папиролог А.Г. Бекштрем [4]. Впрочем, антиковедению не удалось пустить в Воронеже глубокие корни. В 1919 г. скончался А.Г. Бекштрем, Э.Р. Фельсберг эмигрировал в Латвию (где, кстати, стал одним из основателей Латвийского университета [2]), М.Н. Крашенинников в 1929 г. был вынужден уйти с профессорской должности, в 1930 г. был арестован и отправлен в ссылку в Северный Казахстан, где и скончался год спустя. Более того, никто из них так и не издал в Воронеже никаких сколько-нибудь значительных научных работ. Впрочем, определенное антиковедческое наследие в столице Черноземья от Юрьевского университета всё же осталось: это, конечно же, его художественное собрание, включающее немало памятников античной культуры и ставшее основой для создания сначала Музея древностей и изящных искусств Воронежского университета, а затем Воронежского музея изобразительных искусств [1].

Новые ростки антиковедения начали пробиваться в Воронеже в 1940-е гг. и были связаны с деятельностью С.Н. Бенклиева, приглашенного из Томска и занимавшегося изучением заговора Катилины [см., например: 6], и московского профессора И.Н. Бороздина, видного востоковеда и специалиста по изучению античных памятников на территории нашей страны [см., например: 7]. Последний, впрочем – как и его предшественники из Юрьевского университета – во время работы в Воронеже так и не издал ни одной значительной работы по истории античности, однако немало сделал для привлечения в университет талантливых молодых специалистов, среди которых в 1957 г. оказался выпускник МГУ А.И. Немировский, с именем которого сейчас связываются основные страницы в развитии антиковедения в столице Черноземья [16; 17; 22].

Уже в первые годы после своего прихода на истфак ВГУ А.И. Немировский развернул весьма активную научную и органи-

зационную деятельность. В 1962 г. им была выпущена монография «История раннего Рима и Италии» [24], в 1964 г. – «Идеология и культура раннего Рима» [23], в 1969 г. – «Этруски. Введение в этрускологию» [25]. Это были по сути дела первые книги по истории античности, изданные в Воронеже. В 1965 г. А.И. Немировский защитил докторскую диссертацию, в 1968 г. – основал кафедру истории древнего мира и древних языков и стал ее первым заведующим [12, с. 39], в 1971 г. организовал издание научного сборника «Норция: Проблемы истории древнейших классовых обществ европейского Средиземноморья», в 1977 и 1985 гг. совместно с М.Ф. Дашковой выпустил переводы сочинений Луция Аннея Флора [21] и Веллея Патеркула [8]. И, конечно, он занимался активной педагогической работой – читал целый ряд основных и специальных курсов, связанных с историей античности, занимался со студентами изучением древних языков, руководил студенческим кружком по древней истории, организовал выпуск газеты «Гермес», вывозил учащихся на археологическую практику в Херсонес [17, с. 28-30].

Основным результатом этой работы стало то, что вокруг А.И. Немировского постепенно сложился весьма устойчивый круг талантливых учеников, продолживших его исследования в самых разных сферах: истории и идеологии Древнего Рима (Я.Ю. Межеричский), в том числе раннего христианства (А.П. Скогорев), истории древнейших цивилизаций Западного Средиземноморья (Л.С. Ильинская, Т.П. Кац, В.И. Козловская, Л.М. Коротких) и Малой Азии (Т.А. Моисеева), историографии античности (Г.Я. Веллас), этрускологии (В.Ф. Кузнецов, Н.К. Тимофеева), истории греческих городов Северного Причерноморья (С.А. Беляев, И.А. Лисовой, позднее – А.П. Медведев) и античного мореплавания (Н.П. Писаревский). Это позволяет исследователям говорить о формировании «научной школы А.И. Немировского» [17, с. 31], которая, впрочем, была явлением, выходящим за рамки собственно Воронежа. Во-первых, большинство учеников Александра Иосифовича после выпуска из ВГУ (или несколько позднее) продолжило научную и педагогическую деятельность в других городах: Москве и Владимире (В.И. Козловская), Куйбышеве и Тюмени (В.Ф. Кузнецов), Калуге и Кёльне (Я.Ю. Межеричский), Тамбове и Брянске (А.П. Скогорев), Афинах (Г.Я. Веллас). А во-вторых, некоторых из вышеупомянутых ученых – к примеру, Л.С. Ильинскую, Т.П. Кац, С.А. Беляева – связывала с Воронежем только личность учителя. Более того, целый ряд учеников появился у Немировского уже после его ухода из ВГУ и переезда в Москву в 1977–1978 гг.

В самом же Воронеже после отъезда А.И. Немировского продолжили работу Т.А. Моисеева, Н.П. Писаревский, А.П. Медведев и Л.М. Коротких. При этом, однако, кафедра истории древнего мира довольно существенно поменяла направление своей деятельности и переориентировалась преимущественно на археологические исследования, что отразилось и на ее названии: уже в 1977 г. она начала называться кафедрой истории древнего мира и археологии, а в 1979 г. – археологии и истории древнего мира [14]. По археологии же защитили свои кандидатские диссертации А.П. Медведев и Н.П. Писаревский.

При этом в 1980-х гг. зарождается антиковедческое направление в Воронежском педагогическом институте (ныне – ВГПУ), что было связано с деятельностью выпускников ЛГУ Л.А. Сахненко и А.С. Крюкова, которые до этого некоторое время работали на кафедре истории древнего мира ВГУ. Л.А. Сахненко начинает читать курс истории древнего мира, спецкурс по истории античной культуры, организует студенческий кружок по истории античности [11, с. 66], выпускает ряд статей по истории Афин классического периода [26, 27]. В 1997 г. выходит монография А.С. Крюкова, посвященная исторической прозе Тацита [20].

В ВГУ определенная активизация антиковедческих исследований происходит на рубеже 1990–2000-х гг. В 1999 г. возобновляется выпуск сборника «Норция», с 2002 г. студенты вновь получают возможность работать на античных археологических памятниках (прежде всего, в Фанагории), защищают кандидатские диссертации ученики А.П. Медведева (В.А. Гончаров [9]), Л.М. Коротких (П.В. Колесникова [15], Ю.В. Харченко [29]), Н.П. Писаревского (Д.М. Баранов [5]), в 2010–2012 гг. работает диссертационный совет по истории древнего мира. На данный момент научные исследования в сфере антиковедения в Воронеже ведут А.П. Медведев (античная археология, античная цивилизация и варварский мир), Н.П. Писаревский (история античного мореплавания) и В.А. Гончаров (римское жречество, рецепция античного наследия) в ВГУ, а также О.В. Кармазина, ученица Л.А. Сахненко и И.Л. Маяк (историография античности, история Капуи), в ВГПУ. В 2021 г. в ВГУ возобновилась работа кружка истории древнего мира.

Библиография

1. Dorpat – Yuryev – Tartu and Voronezh: the Fate of the University Collection. Catalogue. I. Tartu: Ilmamaa, 2006. 390 p.
2. Patron of the Month. The Felsbergs Family Contribution to the UL and Advancement of Humanitarian Science. – URL: <https://www.fonds.lv/en/about-us/news/detail-view/t/58763/> (дата обращения: 20.11.2021).

3. Акиншин А.Н., Немировский А.И. Михаил Никитич Крашенинников – историк литературы и педагог // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 33-47.
4. Акиншин А.Н., Немировский А.И. Этрусколог Альберт Бекштрем // Норция. 2007. Вып. 5. С. 12-17.
5. Баранов Д.А. Политическая и социальная история Ликии в V–IV вв. до н.э. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Воронеж, 2012. 24 с.
6. Бенклиев С.Н. Второй заговор Катилины и его характер // Труды ВГУ. 1957. Т. 47. С. 70-107.
7. Бороздин И.Н. Античная культура на юге России. М.: Практические знания, 1918. 48 с.
8. Веллей Патеркул. Римская история. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. 211 с.
9. Гончаров В.А. Древнейшие сакральные сообщества Рима. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Саратов, 2003. 16 с.
10. Историко-культурное наследие Воронежа. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2000. 576 с.
11. Кармазина О.В. О настоящих людях. Воспоминания о Л.А. Сахненко и А.С. Крюкове // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России. Воронеж: ВГПУ, 2021. С. 65-69.
12. Карпачев М.Д. Исторический факультет: вехи истории // Исторический факультет Воронежского государственного университета. К 70-летию юбилею. Воронеж: Истоки, 2010. С. 15-49.
13. Карпачев М.Д. Основание Воронежского государственного университета // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 8-9. С. 126-134.
14. Кафедра археологии и истории древнего мира. О кафедре. – URL: <http://www.hist.vsu.ru/str/ka/info.htm> (дата обращения: 20.11.2021)
15. Колесникова П.В. История романизации Испании II в. до н.э. – IV в. н.э.: административно-правовой аспект. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2007. 29 с.
16. Коротких Л.М., Пряхин А.Д. А.И. Немировский и изучение античности в Воронежском государственном университете // Вестник ВГУ. Серия: История. Социология. Политология. 2007. №1. С. 147-151.
17. Коротких Л.М., Пряхин А.Д. Изучение древней истории на историческом факультете Воронежского государственного университета // Норция. 2004. Вып. 4. С. 26-36.
18. Крашенинников М.Н. Августалы и сакральное мастерство. СПб., 1895. 338 с.
19. Крашенинников М.Н. Римские муниципальные жрецы и жрицы. СПб., 1891. 158 с.
20. Крюков А.С. Летопись первого века: Историческая проза Тацита. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. 194 с.
21. Луций Анней Флор. Эпитомы. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977. 167 с.
22. Медведев А.П. Классическая археология в Воронежском университете (прошлое и настоящее) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2007. № 2. С. 37-47.
23. Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1964. 207 с.
24. Немировский А.И. История раннего Рима и Италии. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1962. 299 с.
25. Немировский А.И., Харсекин А.И. Этруски. Введение в этрускологию. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1969. 191 с.
26. Сахненко Л.А. Аристофан и Калликрат // ВДИ. 1983. № 3. С. 115-121.
27. Сахненко Л.А. Демагог Клеон // ВДИ. 1991. № 4. С. 71-81.
28. Фельсберг Э.Р. Братья Гракхи. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1910. 253 с.

29. Харченко Ю.В. Социально-политическая эволюция Римского общества во 2-й пол. IV в.: по данным Аммиана Марцеллина. Автореф. дис. ...к.и.н. Белгород, 2012. 29 с.

Гончаров Владимир Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры археологии и истории древнего мира, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия; vg01011978@gmail.com

Classical Studies in Voronezh: A Timeline

The article contains an overview of history of classical studies in Voronezh from 1918 and up to the present moment, with a particular focus on the activity of A.I. Nemirovsky who created a scientific school dedicated to studying various problems of ancient history. The emphasis is also placed on the fact that this school was not local, but represented a wider phenomenon, and after Nemirovsky left Voronezh, classical studies in this city have been developing quite intermittently (just as before he had come).

Keywords: classical studies, Voronezh, Voronezh State University, A.I. Nemirovsky, scientific school

Goncharov Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Archaeology and Ancient History, Voronezh State University, Voronezh, Russia; vg01011978@gmail.com

УДК 930.1

Ротермель Л.Р.

Йохен Бляйкен как историк античности

В статье рассматриваются основные этапы жизненного пути и научного творчества одного из ведущих немецких антиковедов второй половины XX в. Й. Бляйкена. Центральной темой его исследований является государственно-политический строй Древнего Рима в различные периоды его исторического развития, при этом он стремился соединить правовой и исторический анализ государственного устройства. Тот же подход он использовал в своих работах по истории афинской демократии. Вместе с тем Й. Бляйкен полагал, что историческая наука не должна ограничиваться лишь сугубо академическими исследованиями, видя ее основную задачу в формировании исторического сознания общества и поднимая проблему моральной ответственности историков за состояние общества.

Ключевые слова: историческая наука, немецкая историография, XX век, античность, Й. Бляйкен

Йохен Бляйкен (1926–2005) является одним из видных представителей современного антиковедения.

Начав обучение в 1947 г. в Высшей школе в Нибюлле, он через год стал студентом университета им. Христиана Альбрехта в Киле, в котором имел возможность изучать не только историю, но и классическую филологию, что было необходимым условием удовлетворения его интереса в истории античности [11, p. 91] (хотя он и при-

знавал определенную девальвацию ценности классического образования у послевоенного поколения студентов [7, р. 64].

В Киле его учителем стал А. Хойсс, и после защиты в 1954 г. диссертации по народному трибунату в эпоху Средней республики Й. Бляйкен вслед за ним перебрался в Гёттинген. С 1962 по 1967 гг. он работал в Гамбургском университете, приглашение в который принял вопреки планам в отношении него Хойсса. Как отмечает У. Вальтер, хотя Бляйкен и сохранил лояльность к своему учителю до самой смерти последнего, но не идеализировал его [11, р. 91]. Тем не менее, он стал преемником Хойсса в Гёттингенском университете после его смерти в 1977 г. В промежутке между Гамбургом и Гёттингеном был 10-летний период работы во Франкфуртском университете им. Гёте. В 1991 г. он ушел на пенсию, однако и в дальнейшем продолжал время от времени читать лекции и занимался исследованиями (последняя большая его работа, посвященная биографии Августа, была опубликована в 1998 г.).

Помимо преподавания и исследовательской деятельности, Й. Бляйкен принимал активное участие в решении задач развития науки о древности за пределами университета: был членом редколлегии журналов «Hermes» и «Historische Zeitschrift», входил в правление «Союза историков Германии» и в Комиссию по древней истории и эпиграфике Немецкого археологического института и другие научные общества [11, р. 93].

Й. Бляйкен причислял себя к промежуточному поколению немецких историков древности. Рубеж между самым старшим поколением («деды») и следующим («отцы») образует, как он полагал, 1914 г. Самые старшие – это те, кто получил степень еще до первой мировой войны, как, например, Матиас Гельцер. Они олицетворяли собой связь между исторической наукой XIX в. и последующими поколениями историков: «В его личности (Гельцера) соединилась традиция великого времени исторической науки в XIX в. с сегодняшним временем; но в то же время через него, кажется, передалась духовная раздвоенность, которая, начиная с Первой мировой войны, наложила отпечаток на все поколение и отчетливо сохранилась в духе науки в наше время» [цит. по: 7, р. 61]. Поколение «отцов», к которому Бляйкен относил своего учителя Альфреда Хойсса, принадлежало уже другому времени: они пережили Веймарскую республику «как живой, функционирующий политический мир» и господство национал-социализма, будучи уже взрослыми людьми. Бляйкен четко отделяет себя и своих сверстников от этого поколения, поскольку, в отличие от него, они не понесли больших потерь [5, р. 248], но все же, как отмечает Уве Вальтер, Бляйкен принадлежал к самой старшей

из когорт, переживших войну (в конце войны он был призван на военную службу, на короткое время оказался в плену) [11, р. 90].

Об отношении самого Бляйкена ко времени национал-социализма можно судить по его заключительному слову в завершение Гёттингенского коллоквиума в честь его 70-летия (1996 г.), в котором он сформулировал четкую оценку поколения своих учителей, выразив сомнения относительно заверений А. Хойсса и других представителей того поколения, что немецкие университеты пережили эпоху «Третьего рейха» без особых потерь: «Я никогда не понимал, ни будучи студентом, ни сегодня, как можно так смотреть, учитывая изгнание еврейских коллег с факультета» [5, р. 249; 6, р. 352]; по его мнению, это не могло не наложить глубокий отпечаток на человека, во всяком случае, он говорил о том, что это породило в нем отчуждение еще в студенческие времена [7, р. 66].

Но все-таки основная его мысль – о преемственности традиций немецкого антиковедения и, как отмечал учившийся у него во Франкфуртском университете Юстус Кобет, в его личности эти традиции продолжали жить и передавались следующим поколениям историков [7, р. 63]. Сохранение преемственности в науке о древности Бляйкен считал главным условием ее развития.

Еще одна проблема, которую затронул в своем заключительном слове Бляйкен, – влияние на историческую науку времени, в котором живут и работают историки: «все или почти все, что действительно происходит в исторической науке, что в ней изменяется, что означает качественный скачок по сравнению с предшествующими исследованиями, связано с собственным временем, является рефлексией на время, которое говорит, что нужно видеть иначе условия, с другими акцентами, другой центр тяжести и т.д.». Здесь он видит опасность «тяжелейшей трансформации» истории, подчинения ее политике, от чего не застрахованы даже историки древности, более других сдерживаемые своими источниками, о чем свидетельствует не такое уж далекое прошлое [5, р. 244], и об этом нужно помнить. Но это отнюдь не опровергает связь истории и «духа времени», и одну из важнейших задач исторической науки Бляйкен видит в том, чтобы показать связь прошлого и настоящего. Отсюда его убежденность в значимости исторической науки, и науки о древности в том числе, в формировании исторического сознания общества.

В понимании задач исторической науки и, соответственно, историка Бляйкен разделял точку зрения Хойсса, который видел их не только в реконструкции прошлого, но и в формировании исторического сознания общества, подходов к пониманию современ-

ности [7, р. 350]. Возможно, в этом – одна из причин сохранения лояльности к своему учителю, несмотря на все их разногласия.

Именно поэтому для Бляйкена так важна была преподавательская деятельность. Для него идеал лекции по древней истории – лекция, которая бы привлекала не только студентов, занимающихся историей, но и студентов других направлений. В своих лекциях по истории античности он открывал этот мир студентам, в них «продуманные рассуждения об исторических связях всегда основывались на живом изображении событий и личностей» [11, р. 93]. Другой стороной его преподавательской деятельности стало создание учебников: «Государственное устройство Римской республики», двухтомное «Государственное устройство и социальная история Римской империи», «История Римской республики» (последняя вышла в серии «Ольденбургские исторические очерки», одним из инициаторов издания которой был Блякен) – все они выдержали несколько переизданий. И важно подчеркнуть, что автор не только заботился о том, чтобы они соответствовали современному уровню исследований, но и замечал, что высказанные в них отдельные мысли и рассуждения постарается развить и обосновать в будущих специальных исследованиях [7, р. 69]. Добавим, что извлечения из этих учебников были использованы в подготовке материалов для уроков истории в старших классах гимназии.

Вся эта работа, включая и последний его труд об Октавиане Августе, выражала его убежденность в том, что все исторические исследования должны быть, так или иначе, адресованы обществу [11, р. 93].

Но научное наследие Бляйкена, думаю, не менее важная часть его деятельности, он был одним из ведущих немецких антиковедов второй половины XX в.

Основной сферой научных интересов его была история Рима. Сам Й. Блякен отмечал, что большая часть его работ по римской истории может пониматься как спор с «Римским государственным правом» Т. Моммзена (писал он это, правда, в 1979 г., но это справедливо и для его работ, написанных позже), которую он, с одной стороны, защищал от несправедливой, по его мнению, в ряде пунктов критики, а с другой – хотел подвергнуть ревизии в отношении некоторых высказанных Моммзеном предположений [10, р. 150] (но при этом возражал против того, что будто бы хотел критиковать этот труд как «неисторический» [11, р. 93]).

Прежде всего это относится к трактовке института народных трибунов: он возражает против точки зрения Моммзена, что народный трибунат и после окончания сословной борьбы продолжал выполнять функции контролирующей власти в Римской рес-

публике благодаря сохранению за собой исключительных полномочий. Бляйкен же доказывает, что в эпоху Средней республики трибуна́т выступает как помощник сената и проводник сенатской политики в целом либо интересов отдельных групп сенаторов или даже отдельных нобилей. Ввиду отсутствия четко определенной сферы компетенций, чтобы сохранить свое участие в политической жизни, народный трибуна́т берет на себя выполнение функции поддержки государственной политики, однако это поставило его в зависимость от сената или отдельных групп сенаторов.

Это особенно относится к его трактовке народного трибуна́та: он оспорил тезис Моммзена, что народный трибуна́т и после окончания сословной борьбы благодаря сохранению исключительных полномочий играл роль контролирующей власти в римском государстве. Бляйкен же приходит к выводу, что в эпоху Средней республики трибуна́т выступает как помощник сената и проводник сенатской политики либо отдельных групп сенаторов или даже отдельных нобилей. Трибуна́т, чтобы сохранить свое участие в общественной жизни, при отсутствии четко определенной сферы компетенций, взял на себя задачу поддержки государственной политики, но это поставило его в зависимость от сената или отдельных групп сенаторов [4, р. 150-152].

В своих дальнейших исследованиях Бляйкен скорректировал свою точку зрения: различные политические функции, которые выполняли народные трибуны и которые вытекали из сохранения за ними исключительных прав, так или иначе, являются разными аспектами одной и той же функции – обеспечение стабильности римской политической системы. Вместе с тем особое положение трибуна́та (многообразие правовых возможностей в сочетании с неопределенностью полномочий позволяло трибунам проявлять практически неограниченную активность) могло превратить его в инструмент разрушения государственного порядка [3, р. 107].

Основательный анализ моммзеновских предположений Бляйкен предпринял в монографии «*Lex publica*. Закон и право в Римской республике» (Г.А. Леманн считает этот труд кульминацией предпринятой Бляйкеном корректировки моммзеновской концепции [8, р. 136]). В ней он представил сам римский общественный порядок как правообразующий, который за долгое время своего существования закрепился в живой практике и своде аристократических норм, обеспечивая, таким образом, устойчивость институциональной структуры [11, р. 93; 9, р. 828]. Однако разложение социального порядка и подрыв консенсуса привели к возрастанию роли законов (позитивного права), которые исследователь рассматривает как попытку стабилизировать политическую систему.

Однако это не привело к положительному результату, т.к. само это право в условиях ослабления роли народных собраний вылилось в инструмент управления массами могущественными магистратами, что вело к разрушению основ политического строя [11, р. 93-94; 10, р. 151-152]. Проводимое Бляйкеном различие между *lex* и *jus*, с одной стороны, и социальным порядком – с другой, вызвало оживленную дискуссию, которая, однако, так и не привела к выработке какой-либо согласованной точки зрения.

С конца 1970-х гг. Бляйкен обратился к древнегреческой истории, причем его внимание привлекла лишь одна тема – афинская демократия, вопросам истории которой он посвятил ряд статей и опубликованный в 1985 г. обширный труд [1], который затем многократно переиздавался и был признан в качестве образцового изложения институционального порядка в классических Афинах [10, р. 154]. Подход Й. Бляйкена к истории и оценка им характера афинской демократии отличается как от традиционного взгляда на нее, закрепившегося в антиковедении еще с XIX в., так и от появившихся в последние десятилетия новых точек зрения, относящихся к политическому строю позднеклассических Афин.

В концепции афинской демократии Бляйкена можно выделить три базовые идеи. Первая: при оценке афинской демократии следует исходить из того, что сами афиняне понимали под демократией. Такой подход позволяет ему показать ее достижения и определяет в целом позитивную ее оценку. Вторая идея – демократия в Афинах возникает спонтанно, под влиянием внешнеполитических процессов, которые и способствовали главным образом повышению политической активности демоса. И третья идея, которую отстаивает Бляйкен, – сформировавшийся политический порядок был «радикальной» демократией, и именно этот политический порядок афиняне именовали демократией, и именно его сам Й. Бляйкен признает в качестве единственной демократии в Афинах, сохраняющейся вплоть до ее падения в 322 г. до н.э. Отвергая точку зрения о постепенном формировании афинской демократии, исследователь отрицает и ее эволюцию, хотя, подчеркивая преемственность политического строя Афин в V и IV вв. [2], все-таки показывает определенные изменения, которые произошли в политических институтах и механизмах демократических Афин, начиная с рубежа V–IV столетия. Но отказ от признания качественных различий в политическом строе Афин в V и IV вв. заставляет его вести речь о симптомах ослабления афинской демократии, несмотря на доказываемый им тезис о стабильности демократии на всем протяжении ее существования и упрочении в IV веке механизмов защиты демократического порядка.

Возвращение к римской истории было отмечено двумя монографиями, изданными в 90-е гг., – одна «Константин Великий и христиане», вторая, как уже говорилось, посвящена времени Августа. И это отнюдь не единственные его исследования по истории конца республики и перехода к принципату, а также по самой эпохе принципата.

Как можно видеть, в центре внимания Й. Бляйкена практически на всем протяжении его научной деятельности находилась политическая организация античных обществ, анализ которой он осуществлял во многих исследованиях в государственно-правовых категориях (в том числе делая понятия предметом специального анализа, например, через понятие свободы пытается подойти к пониманию государственного порядка Римской республики, рассматривая это понятие в его историческом развитии и стоявшую за ним систему ценностей римского государства). Следует, однако, подчеркнуть, что в своих работах Бляйкен стремился соединить правовой и исторический анализ государственного устройства, подчеркивая включенность последнего в социально-исторические связи [10, р. 155], исследуя не только структуры, но и процессы.

Исследователь Бляйкен всегда проявлял интерес к новым направлениям в исторической науке, но сам почти не участвовал в обсуждениях и весьма скептически относился к «научной моде». «Однако он, – как отмечал Уве Вальтер, – может быть сильнее, чем осознавал, – открывал в древней истории также и новые перспективы и содействовал включению ее в дискуссионный контекст других исторических дисциплин. И если сегодня для историка древности является непреложным заниматься не только толкованием источников и реконструировать эмпирические связи событий, но и обращаться к абстрактным, систематизированным, отрефлексированным понятиям и понимать государственное устройство в античности как в высшей степени комплексный, исторически выросший синтез права и общества, институтов, менталитета и практики, то в этом есть и его заслуга» [11, р. 95].

Библиография

1. Bleicken J. Die athenische Demokratie. Paderborn, München, Wien, Zürich: Schöningh, 1986. 432 p.
2. Bleicken J. Die Einheit der athenischen Demokratie in klassischer Zeit // Bleicken J. Gesammelte Schriften. Bd. 1. Griechische Geschichte; Römische Geschichte (Anfang). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. P. 41-67.
3. Bleicken J. Das römische Volkstribunat. Versuch einer Analyse seiner politischen Funktion in republikanischer Zeit // Chiron. Mitteilung der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts. Bd. 11. München, 1981. P. 87-108.
4. Bleicken J. Das Volkstribunat der klassischen Republik. München: Beck, 1955. 166 p.

5. Bleicken J. Schlußwort // Althistorisches Kolloquium aus Anlaß des 70. Geburtstags von Jochen Bleicken / 29.–30. November 1996 in Göttingen / hg. von T. Hantos, G.A. Lehmann. Baderborn: Schönigh, 1996. P. 239-252.
6. Bleicken J. Zum Tode von Alfred Heuß // Historische Zeitschrift. Bd. 262. H. 2. P. 337-356.
7. Cobet J. Der Gelehrte als Lehrer in der Zeit der Anfechtung. Ansprache auf der Gedenkfeier für Jochen Bleicken am 29. Oktober 2005 in Göttingen // Göttinger Forum für Altertumswissenschaft. 2005. Bd. 8. Pp. 59-72.
8. Lehmann G.A. Nachruf Jochen Bleicken. 3. September 1926 – 24. Februar 2005 // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen. Jahrgang 2005. P. 334-338.
9. Leppin H. Jochen Bleicken (1926–2005) // Historische Zeitschrift. 2005. Bd. 281. H. 3. P. 826-833.
10. Nippel W. Jochen Bleicken (1926 – 2005) // Rechtsgeschichte – Legal History. 2006. H. 8. P. 150-156.
11. Walter U. Jochen Bleicken // Gnomon. 2006. Bd. 78. H. 1. P. 90-95.

Ротермель Людмила Роландовна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; worldhistory2002@mail.ru

Jochen Bleicken as a Researcher of Ancient History

The article shortly touches upon the major life and career milestones of J. Bleicken, one of the leading German antiquity researchers of the second half of the 20th century. His key research topic was the political system of ancient Rome in different periods of its historical development. Notably, he did not try to put together legal and historical analyses of the political system. The researcher used the same approach in his works on the history of Athenian democracy. At the same time, J. Bleicken was convinced that historical science must not be limited to pure academic research only. He believed that history's primary objective is to form historical consciousness in a society and raised the problem of historians' moral responsibility for the state of society.

Keywords: historical science, German historiography, 20th century, antiquity, J. Bleicken

Rotermel Lyudmila Rolandovna, Candidate of History, head of World History Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia; worldhistory2002@mail.ru

УДК: 930.1

Гицевич Е.С.

Заграничные командировки антиковедов: специфика, содержание и модели построения маршрутов в конце XIX – начале XX вв.

В статье рассматриваются заграничные командировки отечественных антиковедов в дореволюционной России в конце XIX – начале XX вв. Для профессионального становления ученого-антиковеда значение заграничных командировок было крайне велико. В результате проведенной работы удалось выделить две модели построения маршрутов заграничных командировок антиковедов. Первая модель, предполагавшая посещение передовых европейских научных центров, сформирова-

лась в первой половине XIX в. и была наиболее распространённой до 1880-х гг. Ей на смену пришла «новая» модель, в рамках которой произошел отказ от посещения передовых научных центров в Европе, а вместо этого проведение всего отведенного на командировку срока в странах классической древности.

Ключевые слова: заграничные командировки, аспирантура, дореволюционная Россия, антиковедение, маршруты

Для развития дореволюционного антиковедения был крайне значим институт «заграничных командировок с целью приготовления к профессорскому званию». Значительные успехи, достигнутые представителями данной отрасли исторической науки, во многом были обусловлены теми возможностями, которые открывались перед учеными благодаря функционированию рассматриваемого института. Мы разделяем мнение А.Ю. Трохимовского, утверждавшего, что такие командировки можно считать «заграничной аспирантурой», являющейся альтернативой послевузовскому образованию внутри страны [20, с. 165].

Для профессионального становления ученого-антиковеда значение заграничных командировок было крайне велико по ряду причин. Во-первых, в ходе командировки будущий ученый получал возможность прикоснуться к материалам интересующей его эпохи во время посещения музеев, участия в археологических раскопках, изучения памятников. Здесь он мог непосредственно наблюдать места, в которых происходили исследуемые им исторические события, проникнуться атмосферой и духом этих мест [19, с. 409]. Во-вторых, для молодого ученого были чрезвычайно важны контакты с ведущими зарубежными профессорами Германии, Франции, Англии, Италии. Во время таких академических контактов наши ученые перенимали у зарубежных коллег новые, передовые теории, а также осваивали ранее неизвестные методы научной и преподавательской работы [16, с. 6].

Срок командирования, согласно Правилам 1867 г., устанавливался строго не более двух лет для представителей всех наук [15, стлб. 444]. Исследовавший заграничные командировки представителей школы Куторги М.С. Скворцов утверждает, что в 50–70 гг. XIX в. продление командировок считалось большой удачей и допускалось крайне редко лишь на незначительный срок от одного до нескольких месяцев. Часто ради этого приходилось ссылаться на реальную или выдуманную болезнь [19, с. 410]. Однако с 1880 г. для антиковедов устанавливаются особые условия прохождения заграничных командировок. Долгое время служивший посланником в Греции П.А. Сабуров подал ходатайство с предложением создать в Афинах постоянно действующий

русский научный институт по типу уже существующих и работающих в Греции и Италии Германского археологического института и Французской археологической школы [12, с. 949-954]. Главная задача такого учреждения должна была заключаться в обеспечении возможности для отечественных антиковедов и археологов непрерывно заниматься исследованиями в самом сердце бывшего античного мира. Ходатайство Сабурова не было в полной мере удовлетворено, но при участии Ф.Ф. Соколова вопрос был решен в пользу возможности продления срока командирования до трех лет [21, с. 147]. Решение о продлении, судя по всему, принималось по каждому конкретному случаю отдельно и должно было быть обосновано в ходатайстве или отчетах. В действительности начиная с 1880 г. мы видим ряд таких трехгодичных командировок антиковедов (М.И. Ростовцев, В.К. Ернтштедт, В.В. Латышев, А.Н. Щукарев [3, с. 350], Р.Х. Лепер [2, с. 228], М.Н. Крашенников [4, с. 437.], В.А. Шеффер [22, с. 543]).

Институт заграничных командировок сформировался в до-революционной России еще в первой половине XIX века [9, с. 17-18] и продолжал функционировать вплоть до 1917 года. Первым отечественным ученым-антиковедом, отправившимся в такую командировку в 1833 г. был признанный родоначальник данного направления исторической науки в России М.С. Куторга. С этого момента вплоть до 1880-х гг. командировки специалистов по античной истории, античной археологии и классической филологии осуществлялись по некоторой схеме, определяющей их маршрут и содержание и, в свою очередь, обусловленной спецификой науки и особенностями ее развития в нашей стране и за рубежом. Данную схему построения маршрутов мы обозначим как «классическую».

Основная суть этой «классической» схемы заключалась в совмещении двух целей в рамках одной командировки: 1) усовершенствовать свои научно-исследовательские знания и навыки посредством обучения у зарубежных корифеев науки (преимущественно речь о Германии и Франции); 2) посетить страны ареала античной цивилизации (Грецию и Италию). При этом первая цель имела больший приоритет. Примеры таких командировок антиковедов мы можем наблюдать со времени Куторги и в вплоть до начала 80-х годов XIX века.

В исследуемый нами хронологический период конца XIX – начала XX вв. происходят изменения в построении маршрутов командировок антиковедов, в связи с чем существенно меняется их содержание. Уже с начала 1880-х гг. большая часть исследователей античного мира отдает предпочтение странам классиче-

ской древности Греции и Италии, реже – обеим, в то же время осознанно отказывается от посещения передовых научных центров Европы. Подобные изменения мы, вслед за мнение современников, связываем с успешным развитием отечественного антиковедения и его выходом на один уровень с европейской наукой, что сделало менее актуальным дополнительное обучение у зарубежных профессоров. В данном ключе показательны утверждения М.Н. Крашеникова и С.А. Жебелева.

Крашеников всю свою командировку (1891–1893 гг.) посвятил Италии, при этом прямо заявляя: «никаких лекций по предметам избранной специальности у заграничных знаменитостей не слушал, считая посещение таковых совершенно излишней роскошью после своих университетских занятий под руководством четырех русских корифеев классической филологии: В.К. Ернштедта, К.Я. Люгебиля, П.В. Никитина, И.В. Помяловского» [1, с. 34]. Жебелеву не удалось побывать в заграничной командировке во время подготовки диссертации по семейным обстоятельствам. Тем не менее он разделял мнение Крашеникова по вопросу отсутствия необходимости дополнительной учебы за рубежом. Сам он писал в своем автонекрологе: «О том, что Жебелев не “штудировал” в заграничных университетах, он никогда особого сожаления не испытывал, т.к. считал пройденную им в С.Петербургском университете “школу” вполне достаточной и хорошей. Но о том, что ему не удалось в начале своей деятельности на ученом поприще провести, подобном большинству его сотоварищей по специальности два-три года в классических странах – Греции и Италии – он сожалел постоянно и видел в этом большой минус в своей научной подготовке» [7, с. 178].

Другой фактор, определивший изменение в маршрутах командировок антиковедов, на наш взгляд, заключается в улучшении наполняемости библиотек, по крайней мере столичных [17, с. 1-2]. Ранее одной из важных причин, побуждавших историков ехать в европейские научные центры, была необходимость в работе с новейшей литературой по своей тематике. В конце XIX – начале XX вв. мы видим, что на пополнение библиотеки Петербургского университета выделяются внушительные средства [18, с. 38]. Более того, сами современники оценивали наполняемость столичных библиотек как удовлетворительную для того, чтобы исследователь мог быть в курсе новейших научных достижений [11, с. 1-4]. Кроме того, идеи зарубежных коллег становились более доступными для ознакомления благодаря деятельности периодических изданий, тематически специализирующихся на вопросах, связанных с античным миром, таких как «Филологическое обозрение» и «Гер-

мес». На страницах данных журналов публиковались оригинальные статьи и переводы статей европейских ученых, а также обзоры, отзывы и рецензии на их исследования.

Рассмотреть командировки «новой» модели можно на примерах В.К. Ернштедта [8, с. 50-63], Н.И. Новосадского [6, с. 173], А.В. Никитского [23, с. 176], Р.Х. Лепера [2, с. 228], В.В. Латышев [13, с. 186; 14, с. 178].

Тем не менее выделенная нами «новая» модель построения маршрутов командировок не должна быть абсолютизированной для данного периода. По словам Жебелева, большинство его коллег отдавали предпочтение странам классической древности, но не все [7, с. 178]. Еще в 1880–1882 гг. Зелинский придерживался «классического» варианта, были и другие исключения. Командированный в 1883–1885 гг. Г.Ф. Шульц все отведенное ему время провел в Германии и Франции, преимущественно в Бонне, при этом не посетив Грецию – родину Софокла, исследованием которого он занимался и посвятил ему свою диссертацию, что совершенно не типично [5, с. 118-122]. Аналогичным образом М.М. Покровский с 1892 по 1894 гг. находился в Германии и Франции. Однако стоит отметить, что его исследование имело чисто филологический характер и было посвящено грамматике латинского языка.

Исключением другого порядка были командировки М.С. Ростовцева и А.М. Миронова. Оба исследователя провели свое время за границей крайне плодотворно, не оставаясь по долгу на одном месте, они успели посетить достаточно широкий круг стран. Пребывая за границей, Ростовцев успел побывать в Афина, Константинополе, Малой Азии, на островах Эгейского моря, в городах Пелопоннеса; в Италии Ростовцев провел много времени в Риме и на раскопках Помпей, а также посетил Верону и Милан, семестр обучался в Вене, был в Париже и Лондоне, посетил места многочисленных раскопок в Испании и совершил экскурсию в «римскую Африку» – Тунис и Алжир [10, с. 56-57].

Опыт Ростовцева среди других антиковедов можно сравнить только с А.М. Мироновым, исследовавшим греческую вазовую живопись. В течении двух лет пребывания за границей он посетил Германию, Францию, Англию, проехал почти всю Италию от Венеции до Неаполя, Константинополь, Афины, города Пелопоннеса и территорию всей Аттики. Подобные командировки встречались чрезвычайно редко не только среди антиковедов, но и представителей других наук, поэтому мы считаем целесообразнее не выделять их в отдельный тип или еще одну модель построения маршру-

та наравне с уже выделенными «классической» и «новой», но отметить, как редкие исключения из существующих практик.

Подводя итог сказанному, мы можем отметить, что на протяжении почти столетия командирования за границу отечественных антиковедов сформировалось две модели построения маршрутов командировок, определяющих их содержание: «классическая», абсолютно преобладавшая до 1880-х гг., и «новая», пришедшая ей на смену и вытеснившая первую в период с конца XIX по начало XX вв. Такая смена моделей была обусловлена особенностями развития и состояния отечественного антиковедения. В свою очередь, выбор схемы построения маршрута командировки на прямую влиял на ее содержание, опыт, навыки и знания, которые получал ученый, определяло степень его знакомства с материалом и в итоге сказывалось на том, какой вклад в науку он может сделать.

Библиография

1. Акинъшин А.Н., Немировский А.И. Михаил Никитич Крашенников – историк литературы и педагог // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2003. № 1. С. 33-47.
2. Басаргина Е.Ю. К биографии Р.Х. Лепера // История и практика археологических исследований: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения А.А. Спицына. СПб, 2008. С. 228-231.
3. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования 1869–1894: Т. 2, М. – Я. СПб.: Изд-во «Тип. Б.М. Вольфа», 1898. 373 с.
4. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902). Том II. Юрьев: Изд-во «Типография К. Маттисена», 1903. 656 с.
5. Бузескул В.П. Г.Ф. Шульц (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XIV. 1908. С. 118-122.
6. Граков Б.Н. Николай Иванович Новосадский (80 лет жизни и 55 лет ученой деятельности) // Вестник древней истории. 1939. № 2. С. 173.
7. Жебелев С.А. Автонекролог // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 187-202.
8. Жебелев С.А. В.К. Ернштендт (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть ССХХХХIII. 1902. С. 50-63.
9. Зипунникова Н.Н. Правовое регулирование научных стажировок в Российской Империи (к характеристике государственной политики в области образования и науки) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3 (24). С. 17-29.
10. Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев. Годы в России: биографическая хроника // Скифский роман. М., 1997. С. 50-85.
11. Идея редакции // Гермес. Иллюстрированный научно-популярный вестник античного мира. 1907. № 1. С. 1-4.
12. Латышев В.В. Ф.Ф. Соколов 1841-1909 (некролог) // Известия Императорской Академии наук. 1909. Серия IV. Том 3. Вып. 14. С. 949-954.
13. Никитский А.В. Василий Васильевич Латышев // Вестник древней истории. 1972. № 4. С. 181-188.

14. Тункина И.В. В.В. Латышев: Жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин. 1999. С. 172-282.
15. О правилах для отправления за границу молодых людей с целью приготовления к профессорскому званию // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Т. 4. Царствование императора Александра II, 1865–1870. СПб. 1871. № 194.
16. Обидина Ю.С. Роль академической мобильности в формировании русской науки об античности в XIX веке // Запад – Восток. 2013. № 6. С. 5-11.
17. От редакции // Филологическое обозрение. 1894. Т. 1. С. 1-2.
18. Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета № 51 за 1895 год. СПб., 1896. 56 с.
19. Сворцов А.М. Заграничные командировки как этап профессиональной подготовки антиковедов (на примере научной школы М.С. Куторги) // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2012. № 11. С. 403-418.
20. Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки учёных Московского университета в 1856 – 1881 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 236.
21. Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1990. №3. С. 143-165.
22. Шеффер Валерий Александрович. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XXXIXA (78). Шенье – Шуйский монастырь. СПб.: Изд-во «Семановская Типолитография», 1903. С. 543-544.
23. Яйленко В.П. А.В. Никитский (к 50-летию со дня смерти) // Вестник древней истории. 1972. № 4. С. 175-188.

Гитевич Евгений Сергеевич, аспирант, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; mkultomskgic@yandex.ru

Overseas business trips of scholars of antiquity, the content and the models for building routes at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries

This article examines the overseas business trips of domestic antiquities in pre-revolutionary Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. For the professional development of a scholar of antiquity, the importance of foreign business trips was extremely great. As a result of the work carried out, it was possible to distinguish two models of building the routes for overseas business trips of antiquities. The first model, which involved visiting leading European scientific centers, was formed in the first half of the 19th century and was the most widespread until the 1880s. It was replaced by a "new" model, within the framework of which there was a refusal to visit advanced scientific centers in Europe, and instead of it spending the entire period allotted for a business trip in the countries of classical antiquity.

Keywords: overseas business trips, postgraduate studies, pre-revolutionary Russia, antiquity, routes

Gitsevich Evgeniy Sergeevich, post-graduate student of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; mkultomskgic@yandex.ru

Пустовойт И.С.

Представления С.С. Уварова о месте классической древности в университетском образовании: проекты 1810-х гг. и их реализация

Попечительская деятельность С.С. Уварова в Санкт-Петербургском учебном округе, оказавшаяся во многом в историографии забытой, заслуживает своего внимания по многим причинам. В статье рассматривается один из важнейших эпизодов биографии С.С. Уварова – утверждение им классического образования в Российской империи. Уваров, воспитанный на идеалах эры Просвещения, был поклонником периода античности, в особенности его увлекали древние языки. В связи с этим, заняв должность попечителя, он приложил немало усилий для перехода подведомственных ему учебных заведений на новые учебные программы с увеличением в них преподавания латыни. Это дополнялось новыми правилами приема в университет с требованием знания латыни. Кроме того, в столицу были приглашены известные специалисты по греческой и латинской словесности. Деятельность и проекты Уварова встречали поддержку со стороны министра народного просвещения А.К. Разумовского, а Санкт-Петербургский учебный округ вскоре пришёл в «цветущее состояние», став центром изучения античности.

Ключевые слова: С.С. Уваров, классическое образование, реформы, попечитель, Санкт-Петербургский учебный округ, изучение античности

Сергей Семенович Уваров (25.08.1786 – 04.09.1855) – русский мыслитель и государственный деятель двух царствований, в 1811–1821 гг. руководивший Санкт-Петербургским учебным округом. Фигура С.С. Уварова остается объектом научного внимания благодаря исследованиям его роли в развитии общественно-политической мысли, науки и образования в николаевское царствование, а также идеологических проектов в 1830–1840-х годов [3; 2]. Однако более ранняя административная деятельность С.С. Уварова на посту попечителя столичного учебного округа, ее идейное обоснование, его представления того времени о путях развития отечественного просвещения, по достоинству еще не оценены. Для нас в данной работе на основе архивных и опубликованных [12, т. 1.] источников важно проследить, как личные установки Уварова, проявлявшиеся в открытой симпатии к классическому образованию, отразились на его реформах в отношении Санкт-Петербургского университета и его предшественниках, а также на Санкт-Петербургской гимназии.

С.С. Уваров получил прекрасное домашнее образование под руководством аббата Мангена [9, с. 6], еще в юности усвоил идеи Просвещения и воспринимал европейскую культуру как развитие античного наследия. При этом молодого Уварова отличал последо-

вательный интерес к классическим древностям и древним языкам, в изучении которых проявились его «необыкновенные способности» [14, с. 82]. Уваров так вспоминал свои занятия с аббатом Мангеном: «Мы учили латынь с большим или меньшим успехом. Затем довольно поверхностный курс истории, соединенный с очень тщательно отделанным курсом литературы, формировали основу образования» [4, с. 135].

С.С. Уваров последовательно занимался классическими языками, уже на государственной службе. Став попечителем Санкт-Петербургского округа, он брал частные уроки и в течение восьми лет углублённо осваивал древние языки под руководством выдающегося филолога-классика Фридриха Грефе. Грефе помог Уварову «восполнить пробел» в познаниях, обусловленный «ранним вступлением на поприще деловых занятий» [14, с. 82-83]. В итоге, получив при помощи Ф.Б. Грефе основательные представления о литературе и культуре античности, С.С. Уваров заявил о себе собственными научными исследованиями, которые были высоко оценены европейскими историками и филологами [13]. Среди работ Уварова были и научно-публицистические трактаты, такие как «Проект Азиатской академии», посвящённый тестю Уварова министру А.К. Разумовскому [16, S. 517] и пропагандирующий изучение древних языков и античности [15, с. 80-81].

Историко-философские и общественно-политические взгляды Уварова, как и его представления о задачах российского просвещения не могли не отразиться на его деятельности как руководителя учебного округа, он сделался последовательным сторонником классического образования. Так, 20 марта 1811 г. Уваров делает представление министру А.К. Разумовскому, настаивая на улучшении уровня преподавания латинского и греческого языков в подведомственном ему Педагогическом институте (далее – ПИ). Он пишет: «...Весьма нужно было для Педагогического института иметь преподающего греческую словесность и особенно латинский язык, ведь с сей стороны институт так беден» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Л. 11]. 22 сентября 1811 г. Уваров представил министру доклад о необходимости иметь в ПИ «особенного профессора латинского языка и словесности», мотивируя это слабостью знаний воспитанников в латинском языке [12, стб. 672-673].

Долго искать необходимых Институту профессоров-классиков не пришлось. В первую очередь Уваров пригласил из Харьковского университета в Педагогический институт почётного профессора Я.Я. Баллена де Баллю, который был крупным специалистом по греческой словесности. Инициатива попечителя 25 июля 1811 г. получила одобрение министра А.К. Разумовского [РГИА. Ф. 733.

Оп. 20. Д. 105. Л. 2-3]. Латинская словесность так же не осталась без внимания, профессором по этой части согласился стать наставник Уварова Ф.Б. Грефе. Попечитель отмечал «отличное знание им классических языков, опыт его и доверие со стороны учёного совета». Министр с одобрения императора Александра I утвердил Ф.Б. Грефе профессором [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 106. Л. 7]. «Можно считать за счастье, – писал, оценивая профессора Грефе, историк образования Е.К. Шмид, – что нашёлся такой человек, который в течение своей долголетней и драгоценной для его слушателей учёной деятельности образовал большую часть русских филологов» [14, с. 84].

Помимо ПИ Уваров занялся реорганизацией Санкт-Петербургской губернской гимназии, ставшей в итоге первой классической гимназией Российской империи [1, с. 59]. Предлагая на рассмотрение министру А.К. Разумовскому 31 октября 1811 г. свой план преобразования системы обучения в этой гимназии, Уваров подчеркивал, что в предлагаемом им расписании для гимназии «классические языки признаны одним из главных способов образования», тогда как прежде они «почитались только вспомогательными предметами». Теперь древние языки смогут занять центральное место, «которое им всегда принадлежало» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 110. Л. 8-9].

Действительно, знание латинского языка было признано необходимым, так как «доказывало приобретение глубоких и твёрдых сведений в словесности вообще, истории, археологии, мифологии и прочих подобных сим науках» [8, с. 315]. На этот предмет в учебном плане гимназии теперь отводилось 32 часа в неделю [14, с. 88]. Уже 22 ноября 1811 г. Уваров сообщал министру, что он нашёл для высшего класса гимназии профессора латинского языка. Им стал «известный Уварову по знаниям и поведению» доктор философии Ф.Ф. Гёдике [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 234. Л. 5]. Уваров надеялся, что гимназия благодаря такому обновлению придёт в «цветущее состояние» [1, с. 57], министр Разумовский разделял эти чаяния, утвердив все предложения попечителя [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 110. Л. 2-4]. По мнению биографов Уварова, введение классической программы в гимназиях стало «важнейшим этапом в истории образования» [3, с. 37].

После преобразования ПИ в 1816 г. в Главный Педагогический институт (далее – ГПИ) уклон в сторону классического образования ещё более усилился. Во-первых, согласно §49 устава ГПИ латынь значилась среди основных предметов, преподающихся в Институте «строго и без исключения» для всех учащихся. Параграф 20 устава требовал от всех поступающих в ГПИ знание латин-

ского языка [12, стб. 832, 837]. Когда 8 февраля 1819 г. ГПИ был по инициативе Уварова был преобразован в Петербургский университет, Уваров стремился еще больше повысить престиж столичной высшей школы в дворянской среде [6, с. 64] и еще более последовательно выстраивал классическую программу преподавания. Древние языки преподавались на всех «отделениях» (факультетах), а не только на историко-филологическом, поскольку считались инструментом познания. Некоторые профессора-предметники (например, профессор всеобщей истории Э. Раупах) пытались читать лекции на латыни, несмотря на то что усвоение их слушателями было далеко не идеальным. В этой связи биограф Уварова М.П. Погодин замечал, что Уваров «много труда положил, чтобы учение в этом новом заведении было основательное и классическое» [10, с. 2104].

Преданность Уварова идеям классического образования отразилась на разработанном им лично в 1819 г. проекте устава Санкт-Петербургского университета и на правилах приёма вольнослушателей в столичное высшее образовательное учреждение. В этом проекте латынь играла ключевую роль, на ней строился в значительной степени процесс обучения. Так, некоторые параграфы уваровского проекта устава С.-Петербургского университета были посвящены именно латинскому языку. § 294 устанавливал «непременное требование защиты магистерской и докторской диссертации исключительно на латинском языке, § 187 требовал от поступающих в университет «изъясняться письменно и словесно на латинском языке», а § 210 предполагал, что соискатель даже представляет «по-латыни описание жизни» (автобиографию) [9, с. 57]. Однако, усиление латинского элемента не вызывало сочувствия ни в среде профессоров, ни в руководстве Министерством народного просвещения. Историк С.В. Рождественский отмечал, что «в университете Уваров попытался дать латинскому языку такое широкое употребление, что запротестовали сами профессора», а также и студенты [11, с. XXIII-XXIV].

Справедливости ради, заметим, что столь суровые требования к уровню знания латыни не были неожиданными. Еще университетский устав 1804 г. предусматривал хорошее знание латинского языка абитуриентами, и это было важным условием подготовки юношей к слушанию лекций. К сожалению, на деле оказывалось, что достаточные знания в языке имеют лишь отдельные студенты, как правило, семинаристы. Гимназии 1800-х гг. давали поверхностные знания, а юноши, получившие «домашнее образование» и вовсе не имели понятия о древних языках. Поэтому обычным было определение в студенты юношей, сдавших основные предме-

ты, но не владевших латынью [7, с. 61-62]. Теперь же по инициативе Уварова от такой практики начали отказываться.

Однако Уваров, отмечая «общую недостаточность познаний в латинском языке тогдашнего юношества», решил пойти по пути компромисса и предложил удовлетворяться при приеме в университет первые два года лишь «начальными сведениями» в латыни, а «надлежащего знания» требовать уже при третьем приёме (т.е. в конце 1821 г.) [5, с. 30-31]. Кроме того, каждый вольнослушатель из первых двух приёмов получил право заниматься латинским языком «приватным образом, где и у кого заблагорассудит» [РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 221. Л. 1-3.]. Этим Уваров дал возможность поступать в университет даже тем, кто не был совсем знаком с латынью, при условии, что они достигнут надлежащего ее знания к 1821 г. Проходящие предварительный курс латыни должны были, однако каждые шесть месяцев «испытываться» историко-филологическим факультетом в языке.

Таким образом, в результате реформ С.С. Уварова в Санкт-Петербургском университете и его предшественниках: ПИ и ГПИ, а также в Санкт-Петербургской гимназии были пересмотрены программы преподавания гуманитарных дисциплин в сторону углубленного изучения древности и классических языков, в особенности латыни. Для постановки преподавания в эти учреждения были приглашены ведущие специалисты-иностранцы, создавшие со временем школу филологов-классиков в стенах университета. Высокие требования С.С. Уварова к знанию латинского языка студентами стали своеобразным инструментом при их отборе, однако на первых порах достаточно мягким. Во всяком случае, сам Уваров был способен скорректировать свои требования и проекты, учитывая сложности начального периода развития университета. В целом же его роль в пропаганде и организации изучения классических древностей и языков трудно переоценить. Учитель С.С. Уварова академик Грефе на склоне лет, в 1843 г., восхищался успехами своего подопечного: «С юношеских лет хорошо усвоивший латинский язык, впоследствии ревностно и с увлечением занимавшийся греческой литературой, столь близкой направлению его ума, он верно ценил значение классического образования... Со времени его мудрой и неутомимой деятельности как попечителя учебного округа началась новая эра – господство классицизма» [14, с. 83].

В целом, анализ практики реформирования структуры и характера отечественной системы образования, осуществленной С.С. Уваровым в годы попечительской деятельности, позволяет утверждать, что в основе новой образовательной парадигмы С.С. Уварова лежала идея формирования и развития классической

модели в сфере народного просвещения России. Новаторский характер основных положений реформаторских проектов С.С. Уварова в полной мере содействовал эффективному решению задач развития прежде всего светского образования и их преломление в практике государственной образовательной политики.

Библиография

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 103. Дела об утверждении расписания занятий в Педагогическом институте и об изменениях в учебном курсе, по предложению попечителя Петербургского учебного округа С.С. Уварова. 22 января 1811 г. – 20 марта 1816 г. 13 л.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 105. Дело о назначении профессора Харьковского университета Я.Я. Баллен де Баллю профессором греческого языка и словесности Педагогического института. 21 июля – 24 декабря 1811 г. 17 л.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 106. Дело о назначении профессора духовной академии Г. Грефе профессором латинского языка и словесности Педагогического института. 30 сентября – 24 октября 1811 г. 9 л.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 110. Дела об утверждении измененного по проекту С.С. Уварова плана преподавания в Петербургской гимназии. 2 ноября 1811 г. – 16 июля 1817 г. 26 л.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 221. Дела о правилах приема вольнослушателей в университет и о порядке преподавания им. 5 декабря 1819 г. – 12 июня 1827 г. 27 л.

РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 234. Дело об увольнении профессора Петербургского университета Ф.Ф. Гедике. 9 мая – 24 июля 1820 г. 14 л.

1. Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: Издание О. Богдановой, 1912. 346 с.

2. Бондарева А.В. Граф С.С. Уваров и его роль в истории России XIX века // Молодой ученый. 2015. № 23. 2. С. 88-91.

3. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проспект, 1999. 350 с.

4. Гаврилов И.Б. Сергей Семенович Уваров. Жизнь. Труды. Мировоззрение. // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии: научный журнал. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2017. № 2 (4). 2019. С. 131-191.

5. Григорьев В.В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. 679 с.

6. Жуковская Т.Н. Петербургский университет в городском пространстве первой трети XIX в. // Социальная история. Ежегодник. 2009 / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. СПб., 2010. С. 41-67.

7. Казакова К.С. Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в.: дис. ...канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2010. 256 с.

8. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры: Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. 365 с.

9. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: в 4 кн. Кн. 2, ч. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX века. М., 1998. 388 с.

10. Погодин М.П. Для биографии гр. С.С. Уварова // Русский архив. 1871. № 12. С. 2100-2105.

11. Рождественский С.В. Первоначальное образование С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 года и его ближайшая судьба // С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Ред. С.В. Рождественского. Пг., 1919. С. III-CXLVII.

12. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения / Россия. М-во народ. просвещения. Т. 1. 1802–1825. СПб., 1864. 1864 стб.
13. Уваров С.С. Исследование об Элевсинских таинствах // Православие. Самодержавие. Народность. М.: Изд-во «Э», 2016. С. 99–133.
14. Шмид Е.К. История средних учебных заведений в России. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1878. 683 с.
15. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
16. Whittaker, Cynthia H. The Impact of the Oriental Renaissance in Russia: The Case of Sergej Uvarov // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1978, Neue Folge, Bd. 26, H. 4 (1978). S. 509–524.

Пустовойт Иван Сергеевич, магистрант, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; botanpustovoit@gmail.com

S.S. Uvarov's ideas about the place of classical antiquity in university education: projects of the 1810s and their implementation

The guardianship of S. S. Uvarov in the St. Petersburg educational district, which has largely been forgotten in historiography, deserves attention for many reasons. The article examines one of the most important episodes of S. S. Uvarov's biography – his approval of classical education in the Russian empire. Uvarov, brought up on the ideals of the Enlightenment era, was a fan of the period of antiquity, especially he was fascinated by ancient languages. In this regard, having taken up the position of trustee, he made a lot of efforts to transfer the educational institutions under his jurisdiction to new curricula with an increase in Latin teaching in them. This was supplemented by new rules of admission to the university with the requirement of knowledge of Latin. In addition, well-known experts in Greek and Latin literature were invited to the capital. Uvarov's activities and projects were supported by the minister of public education A.K. Razumovsky, and the St. Petersburg educational district soon came to a "flourishing state"

Keywords: S.S. Uvarov, classical education, reforms, trustee, St. Petersburg educational district, study of antiquity

Pustovoit Ivan Sergeevich, Master's Student, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; botanpustovoit@gmail.com

УДК 94(37).03

Черкасов А.И.

Самнитские войны в дореволюционной российской историографии

В статье освещается процесс изучения Самнитских войн в российской историографии XIX – начала XX вв. Вклад отечественных антиковедов в исследование данной темы раскрывается посредством рассмотрения их подходов к работе с источниками, выводов и гипотез по дискуссионным вопросам. На основе этого можно проследить общие тенденции в изучении Самнитских войн. Рассмотрение научной деятельности отдельных историков также позволяет выявить особую роль И.В. Негуши в исследовании римско-самнитского противостояния.

Оценки отдельных трудов отечественных историков и характеристика периода даются только с позиции изучения Самнитских войн, вследствие чего выводы могут расходиться с общими тенденциями в антиковедении и не отражать в полной мере вклад тех или иных авторов в исследование античности в целом.

Ключевые слова: нарративный подход, гиперкритика, Рим, ранняя Республика, Самнитские войны

Становление и развитие отечественного антиковедения проходило в условиях постоянных перемен, вызванных как идейно-политическими факторами, так и переосмыслением общепринятых научных взглядов, преобладавших в определённые периоды времени. В то же время изучение античной истории происходило неравномерно, одни события привлекали повышенный исследовательский интерес, другим же уделялось незаслуженно мало внимания. К числу последних можно отнести тему Самнитских войн.

В первой половине XIX в. происходит становление антиковедения в России, благодаря преподавательской деятельности Д.Л. Крюкова (1809–1845 гг.) и М.С. Куторги (1809–1886 гг.) в 1830-е гг., перенявших ценный опыт немецкой исторической науки и критический метод Б.Г. Нибура [14, с. 75]. Постепенно к середине XIX в. в России начинают появляться первые труды по римской истории, правда, пока только в форме учебных пособий. Тем не менее дореволюционные учебники представляли собой в первую очередь авторское исследование, которое отражало не столько общепринятые положения, сколько индивидуальный взгляд самого историка, написавшего пособие [5, с. 21]. Вследствие этого учебники данного периода можно рассматривать как полноценное отражение развития научной мысли и авторского взгляда на различные проблемы.

Одной из первых подобных работ стала изданная в 1850 г. «Древняя история» Василия Алексеевича Модестова (XIX в.¹) [6] – преподавателя всеобщей истории в Императорском воспитательном обществе благородных девиц (более известном как Смольный институт). Автор крайне сжато освещает Самнитские войны, полностью принимая сведения Ливия, в том числе в таких дискуссионных вопросах, как достоверность событий Первой Самнитской войны 343–341 гг. до н.э. и отказ сената ратифицировать Кавдинский мир 321 г. до н.э. [6, с. 80]. Несмотря на то что В.А. Модестов не выдвинул принципиально новых положений, его работа явля-

¹ К сожалению, точные годы жизни Василия Алексеевича Модестова неизвестны. Не путать с крупным специалистом по римской истории Василием Ивановичем Модестовым (1839–1907 гг.).

лась одним из первых шагов в изучении темы Самнитских войн в России.

В русле нарративного подхода также работал генерал и военный историк Николай Сергеевич Голицын (1809–1892 гг.), опубликовавший в 1873 г. вторую часть «Всеобщей военной истории древних времён» [2]. По сравнению с исследованиями своего времени в России Н.С. Голицын относительно подробно рассмотрел период Самнитских войн [2, с. 165–186]. Несмотря на то что он безоговорочно и некритически следовал за описанием Ливия, в его работе присутствуют некоторые важные положения, которые впоследствии станут общепринятыми. В их числе тезис о заключении союза Рима только с частью апулийских общин в 326 г. до н.э. [2, с. 171], а не всей Апулией, как это пишет Ливий (VIII.25.2–3). Данный вывод являлся новым не только для отечественной историографии, но и частично для зарубежной, в которой до этого времени только лишь Т. Арнольд обратил внимание на данную проблему [16, р. 195]. Также Н.С. Голицын первым в российской историографии совершенно справедливо выделил разобщённость италийских народов как одну из причин победы Рима в борьбе с самнитами [2, с. 187].

Переход от нарративного подхода к критическому методу в изучении Самнитских войн во многом был связан с началом научной деятельности выпускников Санкт-Петербургского университета, обучавшихся под руководством М.С. Куторги. В их числе был Яков Григорьевич Гуревич (1843–1906 гг.), специалист широкого профиля по всеобщей истории, в 1875 г. издавший курс лекций по «Истории Древней Греции и Рима» [3]. В своей работе он первым из отечественных исследователей критически оценивает сведения Ливия о Первой Самнитской войне как «крайне сбивчивые и недостоверные», тем не менее отрицая только военные действия, но не сам факт существования конфликта [3, с. 172], который в это время ставили под сомнение сторонники зарождающегося гиперкритического направления на Западе [7, с. 349–350; 12, с. 66; 17, S. 299; 26, р. 340]. Но, к сожалению, критический анализ источников, предпринятый Я.Г. Гуревичем, не затронул событий Второй и Третьей Самнитских войн, описание которых у него является просто пересказом сведений Ливия [3, с. 173–175].

Ещё один выдающийся ученик научной школы М.С. Куторги Фёдор Фёдорович Соколов (1841–1909 гг.) продолжил развивать методические принципы своего учителя. Он придерживался умеренно-критического подхода при работе с источниками, категорически не принимая гиперкритицизм [4, с. 128], возобладавший в антиковедении на рубеже XIX–XX вв. Несмотря на собственную

специализацию с уклоном на древнейшую историю Сицилии, Ф.Ф. Соколов посвящал свои исследования различным периодам и проблемам античной истории. Зачастую его обращение к «непрофильной» тематике являлось следствием появления нового эпиграфического или папирусного материала [15, с. 189]. Одной из работ такого рода явилась статья 1904 г. «Хронология событий Римской истории IV в. до Р.Х.» [13], которая стала откликом на открытие Оксиринхских папирусов, начавших публиковаться с 1898 г. [33]. Ф.Ф. Соколов в данной работе поднимает две важные хронологические проблемы, напрямую связанные с периодом Самнитских войн: 1) «диктаторские годы» 333, 324, 309, 301 г. до н.э.; 2) нестандартная датировка «римских» событий в Оксиринхском папирусе. Относительно первого вопроса Ф.Ф. Соколов в попытке разрешить проблему расхождения римской (варроновской) и греческой хронологии совершенно оправдано отмечает, что «диктаторские годы», зафиксированные в Капитолийских Фастах, «выдуманы», и если отказаться от них, то обе временные системы к концу IV в. до н.э. приходят в полное соответствие [13, с. 297-299]. Данное положение являлось новаторским для своего времени, но, к сожалению, оно не получило распространения среди исследователей. Только на современном этапе изучения и уже через работы зарубежных историков «диктаторские годы» как искусственное привнесение были признаны ведущими специалистами [19, р. 399-402; 20, р. 567; 25, р. 192-193]. Однако стоит отметить и недостатки работы: во-первых, Ф.Ф. Соколов несколько неточно выстраивает синхронизм римской и греческой хронологии во второй половине IV в. до н.э., отмечая разницу лишь в три года [13, с. 299], вместо правильных четырёх лет; во-вторых, датировка Первой Самнитской войны в рамках 340–338 гг. до н.э. и части событий второго конфликта (например, Кавдинскую битву он относит к 320 г. до н.э.) основывается на неоднозначной хронологии Оксиринхского папируса [13, с. 314-315], который, вероятно, содержит в себе не столько раннюю традицию, сколько ошибки при соотнесении римских и греческих фактов античным автором.

Одновременно свой вклад в изучение Самнитских войн внесла «московская научная школа». Владимир Иванович Герье (1837–1919 гг.), выпускник Московского университета, а впоследствии и его профессор, в 1887 г. издал собственный курс лекций по римской истории, которые он читал на Московских высших женских курсах [1]. Несмотря на небольшой объём, уделённый Самнитским войнам, В.И. Герье первым в отечественной историографии подметил возрастание роли стратегии в римских конфликтах в данный период в связи с увеличением масштаба военных действий

[1, с. 138]. Но одновременно он выдвигает и несколько дискуссионных гипотез, таких как «случайность» начала Первой Самнитской войны и формирование «первой антиримской коалиции» в составе самнитов и этрусков, когда последние вели войну с Римом в 311–308 гг. до н.э. [1, с. 135, 140]. В целом же В.И. Герье при работе с источниками придерживался нарративного подхода, лишь изредка ставя под сомнение сведения Ливия. В частности, в отношении битвы при Лавтулах 315 г. до н.э. он справедливо отдаёт предпочтение версии Диодора, согласно которой самниты одержали победу над римлянами [1, с. 139].

Настоящим прорывом в изучении Самнитских войн в отечественной историографии явилась научная деятельность Ивана Васильевича Нетушила (1850–1928 гг.). Первоначально сферой его интересов были классические языки, однако вскоре он обратился к изучению римской истории, преимущественно ранних периодов. Уже в первых своих работах, посвящённых данной тематике, И.В. Нетушил выдвигает новую для своего времени гипотезу о разграничении сфер влияния между римлянами и самнитами по договору 354 г. до н.э. [8, с. 16; 9, № 8, с. 383]. Данное положение впервые начнёт появляться в зарубежных работах только в 1920–1930-е гг. [18, р. 40; 31, р. 110] и лишь после публикации монографии Э. Сэлмона в 1967 г. [30, р. 192] попадёт в исследовательский объектив ведущих историков [21, р. 284–285; 24, р. 165; 27, р. 12; 29, р. 198]. Заслуга И.В. Нетушила в формировании нового взгляда на проблему, к сожалению, осталась неизвестна зарубежным исследователям.

Помимо этого, И.В. Нетушил в статье 1893 г., посвящённой истории монетного дела у римлян [8], подчёркивает важное значение в данном процессе присоединения Капуи по окончании Первой Самнитской войны. По его мнению, медная монета асс появляется в Риме вскоре после 338 г. до н.э. под сильным влиянием монетной чеканки Капуи [8, с. 18, 21].

Разностороннее изучение отдельных вопросов, затрагивающих Самнитские войны можно также найти в «Очерках римских государственных древностей», изданных в 1894 г. [11]. И.В. Нетушил в рамках данной работы подкрепил существующую гипотезу о политической раздробленности Апулии нумизматическим материалом, а также выдвинул новое убедительное предположение о переходе на сторону Рима апулийских Арп в 326 г. до н.э. [11, с. 559] Последняя гипотеза, как и в случае с договором 354 г. до н.э., осталась неизвестна на Западе, и только после появления специальной статьи по Апулии, опубликованной В. Сираджо в 1963 г. [32, р. 285], данное предположение начало появляться в трудах зарубежных исследователей [23, р. 270; 22, р. 413; 28, р. 65].

Первое в отечественной историографии детальное рассмотрение Первой Самнитской войны появляется в 1904 г. в статье И.В. Нетушила «Начало мировой политики Римской республики и конец Лация» [9, № 8–10]. Несмотря на то что сам автор позиционирует свой подход к работе с источниками как «умеренно-скептический» [15, с. 308], по факту, в статье прослеживается сильное влияние гиперкритицизма. Основные взгляды И.В. Нетушила по данной теме можно свести к следующим положениям:

1. Договор 354 г. до н.э. с разграничением сфер влияния был заключён по инициативе самнитов, которые стремились «парализовать противодействие союзной с Римом федерации латинов и аврунков в области Лириса», Рим, в свою очередь, надеялся укрепить собственную гегемонию над ними [9, № 8, с. 381–383, 387].

2. Отрицается *deditio* кампанцев 343 г. до н.э. на том основании, что они сохранили право собственной монетной чеканки, в Капуе продолжили существовать свои законы, сенат и магистратура *meddix tuticus*, также из кампанцев составлялись «особые легионы». По мнению И.В. Нетушила, в 343 г. до н.э. был заключён договор с кампанскими всадниками, по которому им предоставлялось двойное гражданство (римское и кампанское) [9, № 9, с. 391–396].

3. Историчность Первой Самнитской войны 343–341 гг. до н.э. признаётся, однако какие-либо военные действия в Кампании отрицаются. И.В. Нетушил приводит собственную реконструкцию событий: римляне находились в состоянии войны только с самнитами на Лирисе, но не с горными племенами. В 343 г. до н.э. римские войска были отправлены к границам Кампании, но на её территорию они так и не вступили, остановившись в аврунжской Свессе. Вскоре после 343 г. до н.э. в Капуе произошла «демократическая революция», в ходе которой от власти были отстранены всадники – союзники Рима. Однако военного вмешательства не потребовалось, поскольку самниты уступили римлянам Кампанию по причине «каких-либо внутренних осложнений в их собственной стране», вследствие чего противоречия разрешились «дипломатическим путём». Последовавшие волнения римских гарнизонов в Кампании в 342 г. до н.э. отрицаются, как и вторжение консула Луция Эмилия Мамерка в Самний в 341 г. до н.э. [9, № 9, с. 403–415].

Безусловно, сильной стороной исследования И.В. Нетушила является глубокий анализ источников в лучших традициях позитивизма, однако гиперкритический подход, основанный на выявлении «повторов» событий и исправлениях текста античных авторов, оказался контрпродуктивным. Вся реконструкция И.В. Нетушила, по сути, разрушается в результате одной ошибки или намеренного исправления текста источника – римские гарнизоны оста-

новились не в Свессе (земли аврунков), а Свессуле (Кампания) (Liv.VII.38.4). Отсюда можно говорить о наличии римских гарнизонов в Кампании, которые в любой момент времени могли подавить неугодную им «демократическую революцию» и защитить уже фактически подконтрольные им кампанские земли от самнитов военным, а не дипломатическим путём. Помимо этого, сложно отрицать нахождение римских войск в Капуе, без контроля над которой было бы невозможно установить власть над Северной Кампанией. С другой стороны, договор Рима с кампанскими всадниками и наличие битв в ходе Первой Самнитской войны по-прежнему являются дискуссионными вопросами.

Гипотезы, изложенные И.В. Нетушилом в собственной статье, легли в основу более обширной работы «Обзор Римской истории», опубликованной в 1912 г. [10]. Первая Самнитская война рассматривается в сжатой форме, однако в труде также затрагивается второй и третий римско-самнитский конфликт, которые освещены в русле общеевропейского гиперкритического подхода. Рассмотрение взглядов И.В. Нетушила на Вторую и Третью Самнитскую войну можно ограничить несколькими узловыми проблемами: 1) в вопросе об ответственности за нападения на союзные Риму кампанские земли в 328 г. до н.э. отдаётся предпочтение сведениям Дионисия, который пишет о вине Неаполя, в то время как сообщение Ливия о набегах Палеполя, по мнению И.В. Нетушила, «является лишь плодом недоразумения» [10, с. 80]; 2) относительно «Неаполитанского конфликта» 327–326 гг. до н.э. он придерживается позиции о наличии в городе социального конфликта между аристократическими и демократическими элементами, которые поддерживали римлян и самнитов соответственно. Одновременно делается вывод о традиционной поддержке Римом аристократических элементов на протяжении всего республиканского периода [10, с. 80]; 3) отказ сената от соблюдения кавдинских соглашений в 321 г. до н.э. отрицается, по версии И.В. Нетушила, мир сохранялся до 315 г. до н.э. [10, с. 81]; 4) в битве при Лавтулах 315 г. до н.э. римляне потерпели поражение [10, с. 81]; 5) существовало две отдельные группы самнитов – горные и на Лирисе, с последними Рим воевал во время Второй Самнитской войны и по её окончании присоединил их. Третья Самнитская война велась уже с горными самнитами [10, с. 82-83]; 6) в трактовке эпитафии Сципиона И.В. Нетушил считает, что под фразой «подчинил всю Луканию» следует подразумевать только то, что Сципион «отправился на границу Лукании, но до войны дело не дошло, т.к. они выдали римскому консулу заложников» [10, с. 84]; 7) отрицает участие самнитов в битве при Сентине в 295 г. до н.э. [10, с. 85]; 8) по окончании

Самнитских войн самнитам были предоставлены права римских союзников и оставлена небольшая территория на севере Самния с отделением племени гирпинов [10, с. 85].

Подробный анализ всех выдвинутых выше положений занял бы слишком много места в статье, поэтому отметим лишь то, что только четвёртый пункт о битве при Лавтулах на сегодняшний безоговорочно принимается в историографии, в то время как от гиперкритических гипотез в пунктах 1, 5, 7 полностью отказались, все остальные вопросы по-прежнему являются дискуссионными.

Несмотря на неоднозначность большинства выводов И.В. Нетушила, его научная деятельность являлась крупным и важным вкладом в развитие отечественного антиковедения, в том числе и в изучение Самнитских войн. Немалая часть его положений по данному периоду продолжала оказывать влияние на развитие уже советского антиковедения вплоть до 1950-х гг. и легла в основу главных учебников 1930–1940-х гг.

Для развития отечественного антиковедения в изучении Самнитских войн в дореволюционный период были характерны определённые тенденции: 1) более позднее начало исследований по сравнению с европейской историографией: во второй половине XIX в. тема освещается преимущественно в рамках учебных пособий или курсов лекций, и только на рубеже XIX – XX вв. появляются первые специальные научные труды. Данное положение дел в немалой степени обусловило определённое отставание от зарубежной историографии; 2) влияние немецкой исторической науки: сначала критического метода Б.Г. Нибура, а затем и гиперкритического направления; 3) периодическое появление новаторских гипотез, часть из которых впоследствии станут общепринятыми. Однако все достижения отечественных историков в изучении Самнитских войн оставались неизвестными зарубежным исследователям, а распространение их гипотез в мировом антиковедении происходило только после появления аналогичных идей в немецких, английских и других иностранных работах более позднего времени.

Библиография

1. Герье В.И. История римского народа. М.: Просвещение, 2002. 349 с.
2. Голицын Н.С. Всеобщая военная история древних времён. Ч. 2. СПб.: Типография А. Траншеля, 1873. 234 с.
3. Гуревич Я.Г. История Греции и Рима. 6-е изд. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1894. 276 с.
4. Кузищин В.И., Фролов Э.Д. Изучение античности в России // Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1980. С. 124-138.
5. Лубков А.В., Савельев П.Ю. Владимир Иванович Герье: человек, учёный, педагог и общественный деятель // Герье В.И. История римского народа. М.: Просвещение, 2002. С. 14-27.

6. Модестов В.А. Древняя история. СПб.: Типография Я. Трея, 1850. 125 с.
7. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 640 с.
8. Нетушил И.В. К истории монетного дела у римлян // Филологическое обозрение (журнал классической филологии и педагогики). 1893. Т. 5. С. 3-29.
9. Нетушил И.В. Начало мировой политики Римской республики и конец Лация // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 8. С. 357-390; № 9. С. 391-437; № 10. С. 469-482.
10. Нетушил И.В. Обзор Римской истории. Харьков: Типография Печатник, 1912. 410 с.
11. Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Т. 1. Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2014. 704 с.
12. Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения / Пер. с 3-го нем. изд. под ред. М.И. Ростовцева. СПб.: Общественная польза, 1908. 556 с.
13. Соколов Ф.Ф. Хронология событий Римской истории IV в. до Р.Х. // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 7. С. 296-321.
14. Фролов Э.Д. Изучение античности в России дореформенного периода // Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1980. С. 70-80.
15. Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. СПб.: Гуманитарная академия, 2006. 604 с.
16. Arnold T. History of Rome. Vol. 2. 3rd. ed. London: B. Fellowes et al., 1845. 676 p.
17. Beloch K.J. Campanien, Geschichte und Topographie des antiken Neapel und seiner Umgebung. Breslau: Morgenstern, 1890. 472 S.
18. Boak A. A History of Rome to 565 AD. N.-Y.: The Macmillan Company, 1921. 592 p.
19. Cornell T.J. The Beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000-264 BC). London; N.-Y.: Routledge, 1995. 507 p.
20. Drummond A. The Dictator Years // Historia. 1978. Vol. 27, № 4. P. 550-572.
21. Forsythe G. A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War. Berkeley; L.A.; London: University of California Press, 2005. 400 p.
22. Fronda M.P. Livy 9.20 and Early Roman Imperialism in Apulia // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2006. Vol. 55, № 4. P. 397-417.
23. Histoire romaine. T. 1: Des origines à Auguste / Sous la direction de F. Hinard. Paris: Fayard, 2000. 1075 p.
24. Humbert M. Municipium et civitas sine suffragio. L'organisation de la conquête jusqu'à la guerre sociale. Rome: École française de Rome Palais Farnèse, 1978. 457 p.
25. Humm M. Rome face à la menace d'Alexandre le Grand // Guerre et diplomatie romaines (IVe-IIIe siècles): pour un réexamen des sources. Provence: Université de Provence, 2006. P. 175-196.
26. Ihne W. The History of Rome. Vol. 1. London: Longmans, Green, and Co, 1871. 575 p.
27. Lomas K. Roman Italy, 338 BC-AD 200: a Sourcebook. London: UCL Press, 1996. 274 p.
28. Nedu D. Rome and Tarentum in Apulia, 326-320 B.C. // Peuce S.N. 2009. Vol. VII. P. 63-72.
29. Oakley S. A commentary on Livy books VII-VIII. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1998. 880 p.
30. Salmon E.T. Samnium and the Samnites. Cambridge: University Press, 1967. 447 p.
31. Scullard H.H. A History of the Roman World: 753-146 BC. 5th ed. London; N.-Y.: Routledge, 2014. 552 p.

32. Sirago V. L'Apulia dall'indipendenza all'occupazione romana // *Extrait des Études Étrusco-Italiques du Recueil de Travaux d'Histoire et de Philologie* 4e ser., fasc. 31. Louvain, 1963. P. 269-319.

33. The Oxyrhynchus Papyri. Part I / Ed. with tr. by B. Grenfell, A. Hunt. London: Egypt Exploration Fund, 1898. 284 p.

Черкасов Артём Игоревич, магистрант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Ставропольский край, Россия; artemcherckasov@mail.ru

Samnite Wars in Pre-Revolutionary Russian Historiography

The article highlights the process of studying the Samnite Wars in Russian historiography of the 19th – early 20th centuries. The contribution of Russian scholars of antiquity to the study of this topic is revealed by considering their approaches to working with sources, conclusions and hypotheses on controversial issues. Based on this, one can trace general trends in the study of the Samnite Wars. Consideration of the scientific activities of individual historians also allows us to identify the special role of I.V. Netushil in the study of the Roman-Samnite confrontation.

Assessments of individual works of Domestic historians and the characteristics of the period are given only from the position of studying the Samnite wars, as a result of which the conclusions may diverge from the general trends in classical studies and not fully reflect the contribution of certain authors to the study of antiquity as a whole.

Keywords: narrative approach, hypercriticism, Rome, early Republic, Samnite wars

Cherkasov Artem Igorevich, master student of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Stavropol Krai, Russia; artemcherckasov@mail.ru

УДК 929Дусинский:027.7:378.4(477.74)

Левченко В.В.

Несломленность духа: жизнь и смерть одесского ученого-антиковеда И.И. Дусинского

В статье на основе массива научной литературы и впервые вводимых в научный оборот архивных материалов, осуществлена попытка фрагментарной реконструкции интеллектуальной биографии и безвременного ухода из жизни антиковеда и геополитика И.И. Дусинского. Рассмотрены исторические условия увлечения и формирования научных интересов ученого в области геополитики, приведшие к преждевременной смерти ученого.

Ключевые слова: И.И. Дусинский, Одесса, антиковедение, геополитика, жизнь и смерть

События 1917–1920 гг., порожденные революциями 1917 г. и ставшие определяющими для дальнейшего развития русской культуры, стали одними из самых трагических периодов в истории России, которые включают в себя две революции, Гражданскую войну, интервенцию армий европейских государств (Австро-

Венгрия, Германия, Франция, Греция и др.) представлявших противоборствующие стороны Первой мировой войны, последовательные смены власти разных политических режимов и как следствие изменение общественной формации и государственного устройства. Эти события унесли жизни тысячи людей, привели ко всякого рода конфликтам, участники которых были представителями разных социальных групп и культур, носителями различных политических взглядов, вероисповеданий и исторических памятей. Отдельным сегментом населения России, попавшего в водоворот коллизий этих лет и ощутившего их кардинальные последствия, является научное сообщество. События революций 1917 г. упразднили традиционную корпоративную отчужденность людей науки от текущих интересов и практики повседневности, они радикально изменили характер их повседневной деятельности, которая утратила сугубо академическую направленность и окунулась в повседневные жизненные нужды, ставшие трагическими реалиями и причинами преждевременной смерти многих ученых, в том числе и представителей одесской научной корпорации (И.И. Дусинский, Н.Н. Ланге, В.Н. Мочульский, В.Н. Палаузов, Е.Н. Щепкин), среди которых первой жертвой стал антиковед, библиотековед, геополитик и публицист Иван Иванович Дусинский (1979–1919). Короткая, но многогранная и насыщенная биография малоизвестного русского ученого, чья жизнь и научная деятельность составляет не только неотъемлемые страницы истории одесского научного сообщества, но и всей отечественной науки, заслуживает на то, чтобы вспомнить о его интеллектуальном творчестве, вкладе в науку и тем самым воздать ему дань памяти.

В научной литературе личность И.И. Дусинского известна как геополитика и панслависта [3; 6; 10; 11], библиотековеда [4; 8], антиковеда [1; 5], зачинателя «бициллиеведческого процесса» [9, с. 285–287]. Несмотря на это его имя относится к числу забытых, известных лишь узкому кругу представителей науки и политики. Личность ученого представляет интерес во многих аспектах его интеллектуальной деятельности, в том числе и в формировании их приоритетов.

При весьма разнообразном круге интеллектуальных интересов и занятий, жизнь И.И. Дусинского на протяжении почти двадцати лет – второй половины его жизни – с 1899 по 1919 гг., была связана с одной государственной институцией – Императорским Новороссийским университетом (ИНУ), в которой он провел четыре года в качестве студента, три года в статусе профессорского стипендиата и более четырнадцати лет на разных должностях в университетской библиотеке.

Штудирование классиков антиковедения в качестве профессора стипендиата И.И. Дусинский осуществлял в 1903–1906 гг., в итоге, не защитив магистерской диссертации. Несмотря на это им была проделана объемная научная работа, о которой сохранились отзывы известных в научном мире специалистов античной филологии профессоров А.Н. Деревицкого и И.И. Луньяка [1; 5]. На сегодня остается открытым вопрос о причинах «поворота» И.И. Дусинского от академической работы в сторону публицистической и общественно-политической деятельности. Вследствие чего не позднее 3 мая 1919 г. без предъявления обвинения он был арестован особым отделом III Украинской советской Красной армии по обвинению в «контрреволюционной и погромной деятельности», за что 8 мая (на пятый день после ареста) был подвергнут личному задержанию и содержанию под стражей в тюрьме в одиночном заключении [7, с. 125, 134]. На сегодня не выявлены материалы (документы о пересмотре дела и реабилитации отсутствуют), которые свидетельствовали бы о его дальнейшей жизни, поэтому его судьба остается неизвестной. Исходя из сложившейся политической ситуации в Одессе в период весны – лета 1919 г. (с 8 апреля по 23 августа установление советской власти и введение мер борьбы с контрреволюцией) позволим себе предположить, что И.И. Дусинский был бессудно расстрелян большевиками.

На наш взгляд, увлечение И.И. Дусинского общественно-политическими вопросами и геополитикой формировалось одновременно с его интеллектуальным развитием на основе патриотического российского самосознания, чему способствовала его первичная социализация, которая пришлась на период 1880 – 1890-х гг., ознаменовавшегося для Российской империи интенсивным экономическим ростом, процессом урбанизации, превращением из аграрной в аграрно-индустриальную страну, удержанием ведущих позиций на международной арене, что привело к обострению противоречий с другими европейскими державами (Англией, Францией, Германией, Австро-Венгрией), поиску союзников для создания военно-политических блоков с целью поддержания мира на своих границах и сохранения статуса великой державы.

Увлечение всемирной историей стало поводом для выбора И.И. Дусинским во время обучения на классическом отделении историко-филологического факультета ИГУ в качестве специализации классической филологии, непосредственным предмет изучения которой являлись классические языки (древнегреческий и латинский), а также все, что на них было написано: сочинения литераторов, философов, историков, политиков, юристов, ученых и т.д. Осваивая азы классической филологии И.И. Дусинский зна-

чительное внимание уделял изучению вопросов развития институтов власти и государства в античности, в которых со временем стал известным специалистом. Подтверждением этого является опубликованная им рецензия на сборник статей в честь профессора ИНУ Э.Р. фон-Штерна [2]. В этой публикации из рецензируемых 24 статей на 21 странице молодой ученый уделил особенное внимание на 5 страницах анализу трех трудов, посвященных исследованию вопросов государственного устройства Древней Греции и Древнего Рима соответственно в трудах Аристотеля и Тацита [2, с. 222-224, 227, 237-239]. Содержание рецензий отчетливо характеризует отношение И.И. Дусинского к разбираемым вопросам не только как к предмету научного исследования, а равно как и к актуальной политической проблеме Российской империи в начале XX в. Например, рецензию на статью П.М. Бицилли он закончил фразой: «Словом, Тацит – вполне римский патриот, действующий с большой широтой кругозора исключительно во имя римского национального чувства и римской имперской идеи» [2, с. 239].

На укрепление патриотических чувств И.И. Дусинского также повлияло его знакомство в ИНУ с профессорами А.Н. Деревницким и И.И. Луньяком, известными своими монархическими взглядами и ставшими для него наставниками в науке и единомышленниками в вопросах политики. Этому также содействовало его знакомство с авторитетным популяризатором славянофильских идей профессором А.С. Будиловичем. Свидетельством этого являются пять статей И.И. Дусинского о политической ситуации в Одессе в период с февраля по сентябрь 1908 г. с правками и пометками А.С. Будиловича, хранящимися в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки [НИОР РГБ. Ф. 40. Оп. 19. Д. 6. 4 л.; Д. 7. 5 л.; Д. 8. 7 л.; Д. 9. 7 л.].

Безусловно, на утверждение общественно-политической позиции И.И. Дусинского как русского патриота и защитника славянофильских идей оказало влияние активизация революционной ситуации в начале XX в., события Первой русской революции и нарастающие предпосылки Первой мировой войны. Ученый сам об этом писал так: «...я сосредоточился... на вопросах внешней и славянской политики России в связи с международными отношениями вообще. К этому побуждало меня еще убеждение в особой необходимости разработки вопросов этой категории ввиду надвигающегося перелома – великой мировой войны. Ее приближение я ясно ощущал еще с Боснийского кризиса 1908 года, сознавая в то же время, как слабо подготовлена русская общественность и даже русская государственность к разрешению всех связанных с этим вопросов... В связи с этим я напечатал

в газете «Русская речь» ряд статей по разным внешнеполитическим вопросам» [7, с. 126].

Увлеченность международной ситуацией подтолкнула И.И. Дусинского взять на себя обязанности заведующего иностранным отделом популярной газеты либерального направления «Одесский листок», которые исполнял в период с 1910 г. по август 1917 г. Революционные события октября 1917 г. подтолкнули И.И. Дусинского к созданию собственного органа независимой мысли под названием «Свободное слово», выходявшего в период с ноября 1917 г. по февраль 1918 г., в котором он являлся редактором-издателем [7, с. 126]. Апогеем общественно-политической деятельности И.И. Дусинского стало инициирование и руководство им Русским народно-государственным союзом, на первом общем собрании которого, состоявшегося 25 июня 1917 г., была представлена основная идея его создания: «...слить воедино интересы народные с интересами государственными вопреки обычному до тех пор разъединению их и противопоставлению общества государству» [7, с. 127].

Таким образом, «поворот» И.И. Дусинского от академической работы в сторону публицистической и общественно-политической деятельности имел поэтапное формирование на основе развития его идей о правовом государстве, славянском братстве, оплоте и могуществе Российской империи и был предопределен внутренней и внешней политической ситуацией.

Библиография

1. Березин С.Е. Антиковед, библиотекарь, публицист: новые материалы к биографии И.И. Дусинского // Вісник Одеського національного університету. Серія: Біблієкознавство, біблієграфознавство, книєкознавство. 2011. Т. 16, вип. 1/2 (5/6). С. 243-252.
2. Дусинский И. [Рецензия] Пролетаріа. Сборник статей, изданный Императорским Одесским обществом истории и древностей в честь почетного члена Эрнеста Романовича фон-Штерна (=Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XXX). Одесса, 1912. XXIV+413+II стр. // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 5. С. 222-243.
3. Ковтуненко М.К. Концепция политического панславизма И.И. Дусинского: Автореф. ... канд. полит. наук. М., 2015. 22 с.
4. Левченко В.В. Судьбы сотрудников научной библиотеки Одесского университета на фоне социально-политических трансформаций первой трети XX века // Вісник Одеського національного університету. Серія: Біблієкознавство, біблієграфознавство, книєкознавство. 2013. Т. 13, вип. 8. С. 11-22.
5. Левченко В.В. Новые архивные материалы к изучению интеллектуально-го наследия одесского антиковеда и геополитика И.И. Дусинского // Мир Евразии: от древности к современности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Т. 1 / отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 93-99.
6. Левченко В.В. К истории формирования политических суждений российского геополитика И.И. Дусинского // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Десятой Всероссийской (с международным

участием) научно-практической конференции. Барнаул / под ред. М.А. Широковой, А.В. Иванова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 62-68.

7. Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и Одесской области за годы советской власти. Т. 3 / Составители Л.В. Ковальчук, Г.А. Разумов. Одесса: ОКФА, 2005. 896 с.

8. Подрезова М.А., Самодурова В.В. Библиотекари Одесского (Новороссийского) университета – мировой науке // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2008. Т. 18, вип. 1 (9). С. 11–22.

9. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 456 с.

10. Самодурова В.В. Геополитический изгой. Жизнь и смерть И.И. Дусинского (1879–1919) // Вісник Одеського національного університету. Серія: Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2013. Т. 18, вип. 2 (10). С. 9-18.

11. Смолин М.Б. Панславистский политический теоретик в истории русской геополитики // Дусинский И.И. Геополитика. М.: «Москва», 2003. С. 5-22.

Левченко Валерий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин Одесский национальный морской университет, г. Одесса, Украина; levchenkolav@yandex.ua

Unbroken spirit: life and death of an Odessa antiques scholar I.I. Dusinsky

In the article, on the basis of an array of scientific literature and archival materials introduced into scientific circulation for the first time, an attempt was made to fragmentary reconstruction of the intellectual biography and the untimely departure from the life of antiquities scholar and geopolitician I.I. Dusinsky. The historical conditions of enthusiasm and the formation of scientific interests of a scientist in the field of geopolitics, which led to the premature death of a scientist, are considered.

Keywords: I.I. Dusinsky, Odessa, ancient studies, geopolitics, life and death

Levchenko Valery Valeryevich, Candidate of History, Associate Professor of the Department Ukrainian studies, historical, legal and linguistic disciplines Odessa National Maritime University, Odessa, Ukraine; levchenkolav@yandex.ua

УДК 930

Каранаев М.Н.

Государство Хасмонеев в дореволюционных работах Н.М. Никольского¹

В статье рассматриваются взгляды Н.М. Никольского на общественное устройство древневосточных обществ на примере государства Хасмонеев. Автор обращается к малоизученной первой работе Н.М. Никольского «Иудея при Маккавеях и Асмонеях». Он сопоставляет ранние взгляды историка с его более поздними тези-

¹ Представленная публикация выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-41001 «Палестина».

сами, представленными в переписке с А.Б. Рановичем в 1930-х гг. Автор делает следующий вывод: взгляды Н.М. Никольского не претерпели значительного изменения в 1930-е гг., а лишь сообразно времени были облечены в форму марксистско-ленинской риторики.

Ключевые слова: государство Хасмонеев, восстание Маккавеев, эллинизм, иудаика, историография, Н.М. Никольский

Выдающийся отечественный исследователь Н.М. Никольский известен большинству ученых не только как популяризатор античной истории, но и как участник заметной академической дискуссии 30-40-х гг. XX в. с В.В. Струве. Суть дискуссии можно свести к следующему: В.В. Струве обосновывал идею о рабовладельческом характере древневосточных обществ и древневосточной истории [10, с. 422], в то время как Н.М. Никольский отстаивал идею об их феодальном характере [10, с. 423], при этом считая античные общества (Древнюю Грецию и Древний Рим) рабовладельческими. Сама дискуссия тщательно исследована С.Б. Крихом в ряде публикаций, где детально разобраны перипетии проблемной дискуссии между В.В. Струве, Н.М. Никольским и другими советскими учеными [11]. Отметим, что для изучения взглядов Н.М. Никольского в первую очередь используются работы, изданные в СССР, однако более ранние издания практически не анализируются.

По определению С.Б. Криха, Н.М. Никольского можно отнести к «периферийной» части советских ученых-историков [13]. Они были в меньшей степени причастны к «передовой» отечественной науке: имели меньший доступ к современной литературе и к возможностям для публикаций своих исследований, а также к участию в общественно-исторических дискуссиях. Но это окупалось правом иметь точку зрения, которая могла отличаться от доминирующих в то время в историографии представлений об исторических процессах. Однако это не давало им возможности взять на себя функцию выразителей абсолютно верной позиции с идеологической и фактической стороны [8, с. 152-153].

В текущей статье планируется обращение к локальной части весьма широких исторических интересов Н.М. Никольского, а именно к изучению истории государства Хасмонеев. Если «советский» этап работы Н.М. Никольского часто становился предметом внимания отечественных историков, то его дореволюционные работы, затрагивающие эллинистическую Иудею Хасмонеяского периода, не входили в круг интересов ученых.

Источником сведений о взглядах Н.М. Никольского стали не только сами его работы, но и не так давно опубликованная переписка Н.М. Никольского с А.Б. Рановичем [1]. Благодаря этой

публикации, в научный оборот было введено множество документов, характеризующих деятельность и научные взгляды не только А.Б. Рановича, но и других ученых, в том числе Н.М. Никольского. В письмах к А.Б. Рановичу Н.М. Никольский отстаивал свою позицию о преобладании феодального строя над рабовладельческим на Древнем Востоке.

Н.М. Никольский был научным редактором и рецензентом работы А.Б. Рановича «Очерк истории древнееврейской религии» [24]. В серии писем, написанных Н.М. Никольским в 1935–1936 г., и ответах А.Б. Рановича [1, с. 78-100] можно найти формулировку того, что Н.М. Никольский называл «ведущей ролью феодализирующих моментов» в Палестине [1, с. 98]. В переписке они были обозначены Н.М. Никольским следующим образом: 1) восприятие Иудеи как «полупатриархального, полуфеодального» общества [1, с. 85]; 2) смешение/соотнесение в понятии «Восток» Вавилонии и Палестины, при том что сами по себе они нетождественны в своих особенностях [1, с. 86]; 3) признаком феодальных отношений является наличие феодальной собственности; 4) рента – это элемент феодальных отношений, даже в виде натуральных податей [1, с. 87]; 5) наличие отношений между сеньором и крепостным [1, с. 87, 97-98]; 6) важность значения общины и общинной собственности на землю и незначительность частной собственности [1, с. 88, 92]; 7) восточные общества общинные, но не рабовладельческие, поскольку в них рабство не является системой господствующего труда. Это не применимо к Палестине, где наличествуют рабовладельцы и эксплуатируемые при помощи феодально-крепостнических методов общинники [1, с. 94]. Н.М. Никольский отказался от однозначного определения древневосточных обществ как феодальных еще до 1941 г., но утверждал, что развитию классического рабовладения на Востоке препятствовали именно общины. При этом долговое рабство на Востоке так и не эволюционировало до классического, сопоставимого с античными примерами [11, с. 17].

Определенный итог этой дискуссии был подведен в письме Н.М. Никольского (от 31.07.1936 г.): «Вы обосновываете Вашу «рабовладельческую» точку зрения специальными условиями возникновения еврейского царства (это спорно, но дело Ваше)...» [24, с. 104]. Кроме того Н.М. Никольский понимал жизненную необходимость введения в текст большого количества ссылок на классиков марксизма-ленинизма, и в этом вопросе Н.М. Никольский остается непоколебим. Последнее вполне соотносилось с историческим контекстом второй половины 1930-х гг. в СССР. В этом ключе нельзя не вспомнить работу Н.М. Никольско-

го «История русской церкви» 1930 г. [19], где он ни разу не сослался на К. Маркса и Ф. Энгельса и лишь эпизодически упомянул В.И. Ленина. Это может служить доказательством того, что Н.М. Никольский критически оценивал исторический процесс, но был вынужден подчиняться идеологическому давлению [7, с. 25; 9, с. 12]. При внимательном изучении работ историка видно, что активное цитирование Н.М. Никольским классиков марксизма-ленинизма начинается именно с середины 30-х гг. XX в. На это уже обращали внимание отечественные историки [11, с. 19].

Из дискуссии со В.В. Струве и другими советскими историками видна искренняя убежденность Н.М. Никольского в верности своего научного подхода. Хотя его взгляды были признаны научным сообществом ошибочными и неверными, подобная убежденность достойна не только уважения, но и самого пристального изучения. Исследование ранних работ историка, где его позиция не затенена доминированием марксистско-ленинского учения, поможет понять глубину его взглядов и их продиктованность исключительно спецификой советской идеологической парадигмы. Представляется, что обращение к узкой теме Хасмонейского государства, которое было едва ли не первым объектом научного интереса Н.М. Никольского, позволит оценить вышесказанное с большей точностью и объективностью (исследование «Иудея при Маккавеях и Асмонеях» было дипломной работой Н.М. Никольского при выпуске из Московского университета в 1900 г.) [7, с. 22].

Н.М. Никольский интересен как один из немногих дореволюционных авторов, обращавшихся к Хасмонейской истории и стремившихся нейтрально подойти к оценке исторического процесса. Это был нестандартный подход в контексте отечественных работ того времени, рассматривавших этот период истории Иудеи преимущественно через призму религиозного восприятия (в первую очередь это работы, изданные до 1901 г.) [3; 4; 14]. Впрочем, существовал не менее значимый нарратив в виде работ западных авторов, в том числе переведенных на русский язык [6; 26; 30].

Н.М. Никольский рассматривает Иудею Хасмонейского периода в своих двух работах, изданных до 1917 г.: в статье «Иудея при Маккавеях и Асмонеях» 1901 г. [20] и в монографии «Древний Израиль» 1911 г. [17]. Монография оформлена в публицистическом стиле и не содержит справочно-ссылочного аппарата. Сам автор в предисловии указывает на популярный характер издания и впоследствии еще раз специально отмечает это в статье 1933 г. [15]. Мы можем предполагать влияние взглядов немецкого исследователя Ю. Велльгаузена на эту монографию, поскольку за два года

до этого, в 1909 г., Н.М. Никольский перевел его работу, хотя в тексте отсутствуют прямые ссылки на него [5].

Почти сразу после «Древнего Израиля» Н.М. Никольский в том же издательстве опубликовал еще одну свою работу – «Древний Вавилон» [16]. Вероятно, оба труда по Израилю и Вавилону были работами коммерческого характера, по инициативе издательства, опубликованные в публицистическом стиле. Вполне возможно, что они и сформировали в некоторой степени поверхностное восприятие истории Древнего Израиля и Вавилона, что отразилось на взглядах Н.М. Никольского, впоследствии признанных ошибочными.

Первые годы научно-публицистической активности Н.М. Никольского в целом были пронизаны интересом к Древнему Израилю. Кроме указанных работ, им была подготовлена монография, опубликованная в книжной серии «Религия и церковь в свете научной мысли и свободной критики», в которой исследовалась личность царя Давида [23].

В своей монографии «Древний Израиль» Н.М. Никольский касается истории Хасмонеев. Описание этого периода еврейской истории является большей частью пересказом Маккавейских книг и «Иудейских древностей» Иосифа Флавия. При этом Н.М. Никольский использовал как очевидные допущения, так и приводил сведения, которые сейчас считаются ошибочными. Наиболее ярким примером служит подпись к одному из рисунков: «Серебряный шекель Симона Маккавея» [17, с. 277]. Н.М. Никольский ссылается на серебряную монету эпохи Иудейской войны (66–73 гг. н.э.), поскольку в XIX в. господствовало ее соотнесение с Симоном Маккавеем [29, р. 24]. Сейчас мы знаем, что Хасмонеи не чеканили серебряных монет. Впрочем, подобная неточность вполне прощительна дореволюционному историку, т.к. расцвет изучения Хасмонейской нумизматики приходится на вторую половину XX в.

В тексте работы по Древнему Израилю 1911 г. Н.М. Никольский привел краткий и упрощенный материал по истории Хасмонеев из своей статьи 1901 г. В ней заметны устойчивые взгляды Н.М. Никольского, сформированные, очевидно, еще в университетские годы. Ученый совершенно не упоминает рабство как социальное явление в Иудее, наоборот, он пишет, что ессеи были противниками рабства [20, с. 424].

Вопрос о важности роли общины в истории Древнего Востока был один из немногих, который Никольский продолжал отстаивать после победы В.В. Струве в научной дискуссии феодализм / рабовладение. Даже А.Б. Ранович, который отверг значительную часть редакционных замечаний Н.М. Никольского в его моногра-

фии «Очерк истории древнееврейской религии», признал свое недостаточное внимание к феномену древнееврейской общины [13, с. 215]. Н.М. Никольский же в статье «Община в древнем Двуречье» указывал, что В.В. Струве недооценил роль общины, а это более важно, чем рабовладение, бывшее, по его мнению, лишь локальным элементом во взаимодействии между общиной и государством [22, с. 72-98; 10, с. 425]. Именно роль общины была одной из важнейших проблем, которую изучал Н.М. Никольский. Он специально подчеркивал ее устройство и стойкость к историческим изменениям, указывал, что Второй Иерусалимский Храм был прежде всего центром общины [20, с. 407-408].

Следующий тезис, столь важный для Н.М. Никольского в переписке с А.Б. Рановичем, – это соотнесение Вавилонии и Палестины в понятии «Восток». С него же начинается Н.М. Никольский повествование в статье 1901 г.: «Еврейский народ жил первоначально на почве ассиро-вавилонской культуры, и вопрос о его месте и отношения к этой культурной среде является первым из основных вопросов истории Израиля» [20, с. 407].

В последующем Н.М. Никольский в своей концепции «феодального» Востока соотносил Египет и Месопотамию, а не Палестину [21, с. 7, 11]. Но в переписке с А.Б. Рановичем он упоминает именно Палестину, которая выступает связующим звеном между Египтом и Месопотамией. К слову, именно в 1901 г. Н.М. Никольский впервые в своих работах выделяет Египет из числа других эллинизированных стран Средиземноморья, оставляя в качестве связующего элемента лишь Александрию [20, с. 408].

Пожалуй, наиболее важной частью работы, необходимой нам для восприятия взглядов Н.М. Никольского, является эпизод, в котором он рассматривает истоки восстания. Ученый видит их не столько в религиозном или культурном противоречии отдельных групп иудейского общества, сколько в социально-экономическом [20, с. 410]. Разделение «асидим» и «решаим» (обеспеченная часть иудеев «разочаровавшаяся в законе», в экономической зависимости от которых пребывали «асидим») [20, с. 410] на отдельные социальные классы само по себе очень спорно с точки зрения современного исследователя, но для дореволюционной истории это было едва ли не новаторство. Дело в том, что большая часть работ отечественных авторов до 1917 г., касавшихся истории Хасмонеев, написана с позиции религиозного мировоззрения, поэтому определяющей причиной конфликта, приведшего к восстанию, по их мнению, было религиозное противостояние (опираясь на текст Маккавейских книг) [2, с. 31; 4, с. 81, 123; 25, с. 306, 437]. В целом они весьма неглубоко погружаются в социально-экономическую

проблематику, кроме Ф.П. Арфаксадова, который один из первых рассматривает политическую элиту времен Хасмонеев («асмо-нейскую аристократию»), обозначая ее как носителей умеренно-эллинистических взглядов [2, с. 32, 70-76]. Н.М. Никольский в этом вопросе заметно отличается от других ученых начала XX в., но вполне соответствует марксистской философии истории. С ней Н.М. Никольский очевидно был прекрасно знаком: помимо её идейных основ он использовал такое понятие, как «базис», а общину ессеев называл «религиозно-коммунистической сектой» и «монашеской коммунистической общиной» [20, с. 414, 424-425]. По тексту отчетливо видно, как автор сопереживает ессейской общине, видя именно в ней перспективу будущего протеста, который впоследствии перерастет в распространение новой религии – христианства [20, с. 425].

Не менее важен отрывок, посвященный началу Маккавейского восстания. Здесь Н.М. Никольский определял происхождение Маккавеев из народного провинциального иудейства, вышедшего на борьбу с угнетателями [20, с. 410], под которыми понимались эллинизированные иудеи и Селевкиды. Так или иначе, первостепенной причиной восстания Маккавеев Н.М. Никольский считал социально-политический конфликт со значительным влиянием религиозного фактора. Это вполне соотносится с современным взглядом на причины восстания, приведенного к образованию государства Хасмонеев [27, с. 61; 28, р. 16-17].

Хасмонейское государство оценивалось Н.М. Никольским как эллинистическое, противостоящее иудейской традиции [20, с. 425]. Подобный подход нельзя назвать неверным, но и здесь Никольский все сводит к конфликту внутри общины, которая была разделена на три течения: саддукейство, фарисейство и ессейство. Очень интересен в этом ключе завершающий тезис в работе Никольского. Для него Хасмонейское государство – это лишь некоторый контекст, который стал триггером для иудейской общины так же, как и эллинистическая традиция. Это привело к появлению важнейшего социокультурного феномена – христианства [20, с. 425]. Известно, что именно изучение новой религии стало объектом пристального внимания Н.М. Никольского, а истоками его интереса к христианству была древнееврейская религия [18, с. 8].

Таким образом, Н.М. Никольский в период своей дискуссии с В.В. Струве активно использовал марксистско-ленинскую доктрину, чтобы обосновать соотнесение рабовладельческой и феодально-крепостнической формации. Эту доктрину он включает не только в научные тексты для официальных изданий, но и в переписку с другими учеными. Поэтому может сложиться мнение,

что именно в советские годы под воздействием марксистско-ленинского учения складываются воззрения Н.М. Никольского. С.Б. Крих, изучая феномен периферийности, определил особенность советской исторической науки существованием «настоящих» и «ненастоящих ученых», где первые «писали позитивистского типа работу, затем дополняя ее минимальным набором цитат», а вторые – «партийные идеологи манипулировали исключительно набором терминологических штампов, привлекая исторические факты лишь ради иллюстрации» [12, с. 166]. Очевидно, что нельзя оценивать Н.М. Никольского как партийного идеолога. Основы его взглядов весьма четко прослеживаются в первой опубликованной им научно-исследовательской работе, которая была издана задолго до октябрьской революции. Марксистско-ленинско-сталинская риторика в его трудах, написанных начиная с середины 1930-х гг., была лишь вынужденным приемом обоснования взглядов, которые отстаивал Н.М. Никольский с начала своей научной деятельности.

Библиография

1. Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / сост., предисл. и примеч. А.И. Ключева, О.В. Метель; науч. ред. С.Б. Крих. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. 263 с.
2. Арфаксадов Ф.П. Иерусалимский синедрион: Историко-археологическое исследование. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1903. XVI, 246 с.
3. Богородский Я.А. Еврейские цари. Казань: тип. Имп. ун-та, 1884. VI, 443 с.
4. Буткевич Т.И. Язычество и иудейство ко времени земной жизни господина нашего Иисуса Христа. Харьков: тип. Окр. штаба, 1887. 240 с.
5. Вельггаузен Ю. Введение в историю Израиля / пер. с нем. Н.М. Никольского, со вступ. ст. и 3 прил. СПб.: Пирамида, 1909. XXII, XVI, 428 с.
6. Гольцман О. Падение Иудейского государства / пер. с нем. М.: типо-лит. Рус. т-ва печ. и изд. дела, 1899. VI, 368 с.
7. Евтухов И.О. Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ: К 80-летию создания. Минск: БГУ, 2015. 223 с.
8. Карпюк С.Г. История советской науки о древности на октябрьских конференциях 2017 г. // Вестник древней истории. 2018 г. Т. 78, № 1. С. 152-155.
9. Корзун М.С. Две концепции истории русской православной церкви // Матэрыялы выкладчаска-студэнцкай канферэнцыі «Лістападаўскія сустрэчы» у гонар М.М. Нікольскага і У.М. Перцава (14–15 лістап. 1995 г.). Мінск, 1996. С. 11-18.
10. Крих С.Б. Борьба за прошлое: В.И. Авдиев, Н.М. Никольский и В.В. Струве о своей роли в ранней советской историографии // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 7. М., 2018. С. 420-432.
11. Крих С.Б. История поражения: Н.М. Никольский в борьбе за понимание общественного строя древневосточных обществ // Восток (Oriens). 2018. № 1. С. 13-22.
12. Крих С.Б. Феномен периферийности в советской историографии // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 164-169.
13. Крих С.Б., Метель О.В. «Парадоксы периферийности»: Н.М. Никольский в материалах переписки с А.Б. Рановичем // Лістападаўскія сустрэчы – XII: матэрыялы Міжнар. навук. выкладчыц.-студэнц. канф. у гонар акад. М. М. Нікольскага і У.М. Перцава: да 140-годдзя з дня іх нараджэння. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2017. С. 214-218.

14. Миролюбов А.П. Быт еврейских царей: Опыт библейско-археологического исследования. Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1898. XVI, 132 с.
15. Никольский Н.М. Как я работал над стабильным учебником древней истории // Народный учитель. 1933. № 4. С. 114-116.
16. Никольский Н.М. Древний Вавилон: Популярно-научные очерки по истории культуры Сумера, Вавилона и Ассура. М.: Изд. т-ва «Мирь», 1913 г. 440 с.
17. Никольский Н.М. Древний Израиль. Популярные очерки по истории евреев в научном освещении. М.: Изд. т-ва «Мирь», 1911 г. VI, 324 с.
18. Никольский Н.М. Избранные произведения по истории религии. М.: Мысль, 1974. 270 с.
19. Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Атеист, 1930. 248 с.
20. Никольский Н.М. Иудеи при Маккавеях и Асмонеях // Помощь евреям пострадавшим от неурожая. Литературно-Художественный сборник. СПб., 1901. С. 407-425.
21. Никольский Н.М. К какой общественно-экономической формации принадлежит общество Древнего Востока // История в средней школе. 1934. № 2. С. 13-22.
22. Никольский Н.М. Община в древнем Двуречье // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 72-98.
23. Никольский Н.М. Царь Давид и Псалмы. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1908. 82 с.
24. Ранович А.Б. Очерки истории древнееврейской религии / Ввод. ст. акад. Н.М. Никольского. М.: ГАИЗ, 1937. LXXXIV, 400 с.
25. Троицкий И. Г. Библейская археология. СПб: Синод. тип., 1913. X, 479 с.
26. Фаррар Ф.В. Жизнь Иисуса Христа / пер. с англ. А.П. Лопухина. СПб.: изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1885. XL, 682 с.
27. Четыре книги Маккавеев / под общ. ред. Н.В. Брагинской; науч. ред. М. Туваль; пер. с древнегреч. введ. и коммент. Н.В. Брагинской, А.Н. Коваля, А.И. Шмаиной-Великановой. М.: Мосты культуры, 2014. 630 с.
28. Dąbrowa E. The Hasmoneans and Their State: A Study in History, Ideology, and the Institutions. Krakow: Jagiellonian University Press, 2010. 232 p.
29. Meshorer Ya. Treasury of Jewish Coins: From the Persian Period to Bar Kokhba. Nyack, NY.: Amphora Books, 2001. 356 p.
30. Schürer E. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi: in 2 Bd. Leipzig: Hinrichs, 1890. Bd. 1: Einleitung und politische Geschichte Palastina's vom J. 175 vor Chr. bis 135 nach Chr. etc. 751 S.

Каранаев Михаил Николаевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия; karanaevmk@mail.ru

The Hasmonean State in the pre-Revolutionary works of N.M. Nikolsky

The article considers to the N. M. Nikolsky's views on social structure of the ancient Near East societies by the case of the Hasmonean State. The author refers to the first work of N.M. Nikolsky "Judea under the Maccabees and Hasmonians" which is little explored. He compares early views of the historian with the later ones, which were presented the correspondence with A.B. Ranovich during 1930's. The Author concludes the N.M. Nikolsky's views has not changed significantly in 1930's, but they simply took the form of Marxist-Leninist rhetoric according to the time.

Keywords: The Hasmonean State, Maccabean Revolt, Hellenism, Jewish Studies, Historiography, N.M. Nikolsky

Каранаев Mikhail Nikolaevich, Candidate of History, independent researcher, Moscow, Russia; karanaevmk@mail.ru

Бикеева Н.Ю.

Образы франкских королей Брунгильды и Фредегонды в современной французской исторической беллетристике

В статье рассматриваются особенности репрезентации образов меровингских королей второй половины VI века в современной французской исторической беллетристике. Выявляются причины интереса создателей художественных произведений к Брунгильде и Фредегонде. Делается вывод о влиянии современной политической и общественной ситуации во Франции на популярность обращения к образам женщин далеких эпох.

Ключевые слова: франки, Меровинги, Брунгильда, Фредегонда, раннее средневековье, историческая беллетристика

Эпоха Меровингов, характеризующаяся большим числом драматических событий, привлекала и продолжает привлекать большое внимание. Особое значение эта эпоха имеет для французов. Она связана не только с конкретными событиями, но и «встроена» в национальный миф, общественное сознание как период зарождения будущей Франции.

Уже с начала XIX в. французские историки не просто изучали события тех далеких времен, а рассматривали их в контексте широкой общественной полемики о роли и месте Франции.

Один из известных эпизодов эпохи Меровингов связан с «борьбой двух королей» Брунгильды и Фредегонды (568-584 гг.). Основой для изучения событий второй половины VI в. стали труды галло-римского епископа Григория Турского, современника тех событий. Сохранились и другие, более поздние труды раннесредневековых авторов, которые повлияли на зарождение так называемой «черной легенды» о «жестокой Брунгильде» и «коварной Фредегонде». Данный сюжет, конечно, прекрасно подходит для написания исторического романа.

Одно из первых исторических сочинений, в котором была представлена красочная картина событий противостояния этих двух королей, – «Рассказы из времен Меровингов» (*“Récits des temps mérovingiens”* [5; 25]). Книга была опубликована в 1840 г. французским историком О. Тьерри. Автор настолько ярко и эмоционально описал эпоху, что его работа читалась как художественный роман. Задача историка, по мнению О. Тьерри, – «рассказывать, а не доказывать» [Цит. по: 4, с. 87]. На страницах его книги королевы Фредегонда и Брунгильда представлены как типичные пред-

ставительницы своего «темного» времени, воплощения жестоких и грубых нравов франкского общества VI в., пролившие немало крови своих современников. Соперничеством двух этих женщин традиционно объяснялись нестабильность, хаос и междоусобицы в этом королевстве во многих научных и популярных работах XIX – первой половины XX вв.

Но уже в тот период встречались и другие подходы. Например, французский историк К. Пфистер, автор одной из глав книги «История Франции в раннее Средневековье», вышедшей в 1893 г. под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо [3; 19], писал: «Какова была настоящая причина войн второй половины VI в. между внуками Хлодвига? Объясняли ее соперничеством двух женщин, Брунгильды и Фредегонды. Быть может, их взаимная ненависть обострила эту долгую распрю, но трудно думать, что она ее создала» [3, с. 355]. Однако в целом сюжет соперничества двух королей в научном и популярном дискурсах рассматривался в русле взглядов, сложившихся в первой половине XIX в., примерно до 80-х гг. XX в.

За последние три десятилетия понимание истории взаимоотношений Брунгильды и Фредегонды переживает определенные трансформации. На смену относительно однообразию пришла более объемная картина изображения этих событий в исторических исследованиях, но более явно это изменение прослеживается на страницах художественных произведений. В данной статье рассмотрим наиболее показательные примеры.

Брунгильде и Фредегонде посвящены произведения, относящиеся к различным жанрам исторической беллетристики: романы (в том числе любовные романы), детективы, комиксы, биографии.

В 1987 г. во Франции был опубликован исторический роман Ж. Катушевского и А. Терон «Предательство Фредегонды» [21]. В аннотации к книге написано, что «Фредегонда, женщина, добившаяся всего сама, – одновременно и Рокфеллер, и Аль Капоне». Здесь явно прослеживается новая интерпретация этого персонажа. Теперь она не просто «коварная соблазнительница» – один из традиционных стереотипов описания женщин. Являясь активным участником событий, она не боится вмешиваться в войну за власть, которую ведут представители рода Меровингов. Авторы романа создают нечто среднее между исторической реконструкцией и художественной литературой. Авторы не имеют специального исторического образования, однако, научное историческое знание доступно широкому кругу населения Франции, поскольку французские историки традиционно активно взаимодействуют с обществом через научно-популярную историческую литературу, телевидение и другие каналы публичной истории.

Другой интересный пример современного французского исторического романа – биография «Брунгильда. Первая королева Франции» Р.-К. Лантери [22]. Книга вышла в 1995 г. Автор получил историческое образование, позднее работал журналистом. Был послом по иностранным делам французского агентства Франс Пресс, главным редактором известных журналов и газет, в частности «Antenne 24» [24]. Книга написана на стыке двух жанров – биографии и исторического расследования.

Р.-К. Лантери указывает в предисловии к своей книге, что отказывается следовать взглядам О. Тьерри, чьи «Рассказы из времен Меровингов» долгое время были практически единственной книгой о франкских королевах. Если О. Тьерри в своем сочинении был безжалостен к Брунгильде и Фредегонде, то Р.-К. Лантери, наоборот, превозносит свою героиню. Он называет её первой французской королевой, чье главное стремление – построить уникальную и неделимую Францию. Красивая, скромная, любезная, умная, щедрая, добрая, впечатляющая своим остроумием, чертами лица и благородством – такая Брунгильда предстает перед нами на страницах книги Р.-К. Лантери. Автор отказывается от отрицательного образа кровожадной ведьмы, воительницы, опьяненной властью, который был создан в раннесредневековых источниках после гибели Брунгильды, когда к власти пришли её враги. Однако при жизни королевы о ней вполне благожелательно писали такие авторы-современники Брунгильды, как Венанций Фортунат и Григорий Турский. Но этот образ на долгие века был забыт, и только в наше время он снова возрождается, когда историки и писатели отходят от однозначных оценок и стараются создать более разносторонний портрет. По мнению Р.-К. Лантери, обладая большой политической дальновидностью, Брунгильда вдохновила своего мужа короля Сигеберта на ряд стратегически важных и правильных решений. Главной целью жизни королевы, считает автор, было создание сильного государства. Писатель считает, что после смерти Брунгильды в 613 г. начался долгий период упадка и разложения. По мнению Р.-К. Лантери Брунгильда изобрела французскую модель государства противоположную германской модели. Вероятно, на создание данной исторической биографии повлияла политическая ситуация во Франции в конце XX в. Также большое влияние оказали феминизм и гендерные исследования, пробудившие интерес к роли и месту женщины в истории.

Образ Брунгильды, созданный Р.-К. Лантери, хотя и слишком комплиментарен, тем не менее он больше соответствует современным взглядам историков на политическую роль королевы, которая попыталась установить правило передачи власти одному наслед-

нику, а не делить её между несколькими претендентами. Р.-К. Лантери провел много лет в библиотеках и архивах, проведя настоящее журналистское расследование. В XXI в. появились труды историков, посвященные Брунгильде, но, пожалуй, первым создателем новой интерпретации образа Брунгильды был не историк, а журналист. До выхода этого исторического эссе королева не привлекала специального внимания специалистов по эпохе Меровингов.

Книга «Брунгильда. Первая королева Франции» Р.-К. Лантери оказала большое влияние на возрастание общественного интереса к данной героине. Интересно, что вскоре после выхода книги Р.-К. Лантери, комиссары полиции во Франции стали отмечать свой профессиональный праздник, привязав дату к появлению в 596 г. «Указа Хильдеберта», сына Брунгильды. Указ затрагивал проблемы правосудия, запрещал кровную месть. Также в этом документе упоминаются такие должностные лица как *тунгины*, которых современные французские комиссары полиции считают своими далекими предшественниками. Но, настоящим автором этого указа историки считают не Хильдеберта, а саму Брунгильду. Не случайно во время празднования даты 1400-летия профессии комиссара полиции, Союз комиссаров и старших должностных лиц полиции (SCHFPN) почтил память королевы Брунгильды [20].

В 2007 г. известный французский писатель, автор произведений в жанре фэнтези Жан-Луи Фетжен издал два исторических романа из серии «Пурпурные королевы» – «Вуали Фредегонды» [6; 12] и «Слёзы Брунгильды» [7; 13]. Писатель является историком по образованию, он изучал средневековую философию и историю, имеет степень магистра по средневековой истории [1]. В двух романах, посвященных Фредегонде и Брунгильде, автор рассказывает историю их жизни и конфликта с точки зрения каждой героини. Ж.-Л. Фетжен старается придерживаться научных фактов, исторических деталей и событий, добавляя собственную психологическую интерпретацию персонажей и, тем самым, заполняя лакуны в средневековых хрониках придуманными историями. В двух книгах серии «Пурпурные королевы» автор рассказывает о событиях, хорошо известных из сочинения Григория Турского. В одном из интервью писатель рассказал, что планировал написать продолжение о дальнейшей жизни своих героинь, о чем из раннесредневековых источников нам практически не известно. Но исторический роман, по мнению Ж.-Л. Фетжена, ограничивает воображение, потому что «вы не можете изобрести историю, иначе это уже не исторический роман, и вы постоянно ищите факты... То есть нельзя придумать, как были одеты люди, нельзя придумать, что они ели». Будучи профессиональным историком, французский писатель не

смог чувствовать себя комфортно в жанре исторического романа. Этим он объясняет своё нежелание продолжать писать третий из задуманных романов о Фредегонде и Брунгильде. Поэтому он предпочел снова работать в жанре фэнтези, где чувствует себя свободнее [2].

Хотя в сочинении Григория Турского Брунгильда в целом описана положительно, другая королева – Фредегонда – представлена им в качестве отрицательного персонажа, коварной соблазнительницы и жестокой отравительницы. Современные же писатели относятся к ней с гораздо большей симпатией. В последнее время появилось несколько художественных произведений, посвященных именно этой женщине. В 2012 г. выходит роман «Фредегонда, варварская королева» [26]. Его автор Клод Валле – учитель, а впоследствии дипломат, интересовался вопросом, как осуществлялась власть на территориях, завоеванных так называемыми варварскими народами. Фредегонда на страницах романа К. Валле изображена как выдающаяся женщина, которая сумела из самых низких слоев общества подняться на вершину и остаться там.

В следующем 2013 г. выходит новый роман «Прекрасная Фредегонда. Железная королева» Клода Фарну [11]. Жанр романа – историческая биография. Автор, юрист по образованию, специалист по истории и повседневной жизни в эпоху Меровингов. Он публиковал статьи в исторических и археологических журналах и участвовал в научных конференциях. По мнению К. Фарну, королева Фредегонда остается одной из зловещих фигур прошлого Франции для традиционной истории. Писатель старается исправить эту ситуацию. Он реабилитирует королеву, которая была супругой правителя франков Нейстрии. Ей приходилось постоянно бороться с опасностями и угрозами своей жизни. Роман представляет своего рода психологическое исследование характера женщины, которая родилась служанкой, но пленила сердце короля, и благодаря своим качествам, оставшись вдовой и регентом при маленьком сыне, сумела выжить и способствовала тому, что её ребёнок в дальнейшем стал правителем.

Важным свидетельством роста интереса французов к своей истории и влиянию гендерной повестки в обществе, стало издание серии исторических биографий, посвященных французским королевам «Histoire des Reines de France» [18]. По мнению издателей, в истории Франции женщины, и прежде всего королевы, часто руководствовались сердцем и умом ради своего народа, хотя они не всегда обладали реальными возможностями осуществлять власть: «Если короли создали Францию, мы можем сказать, что королевы, несомненно, любили ее больше». С 1998 г. по настоящее время

вышло 27 книг, принадлежащих перу известных французских писателей, публицистов, историков. Не обошли вниманием и таких королей, как Фредегонда и Брунгильда. Автором биографий ранне-средневековых героинь является Анн Берне, французский биограф, журналист, писательница и публицист. Она написала множество романов и исторических очерков, изучала право и историю, занималась журналистикой и общественной деятельностью. По своим взглядам она близка к консервативным кругам французского общества, произведения писательницы проникнуты традиционным католицизмом и роялизмом. В 2013 г. она была одним из инициаторов беатификации отца Мишеля Герена, в 2015 г. участвовала в программе «Секреты истории» на телеканале France 210 [8]. Кроме того, А. Берне – специалист по истории церкви и эпохе Меровингов. В серии «История королей Франции», она опубликовала книги, посвященные ранне-средневековым королевам – «Радегунда» (2007 г.), «Фредегонда» (2012 г.) [10], «Клотильда» (2013 г.) и «Брунгильда» (2014 г.) [9]. А. Берне в своей книге о Фредегонде, используя все доступные источники, рисует портрет необычайно сильной женщины, которая использовала все возможные средства для защиты своей семьи с умением и решимостью, вызывающими восхищение.

Что касается Брунгильды, то эта королева, с одной стороны, более известна по историческим источникам, но, с другой стороны, во многих традиционных исследованиях она была представлена тенденциозно и предвзято. Но в книге А. Берне показывает королеву Брунгильду сильным и мудрым правителем в эту жестокую эпоху Меровингов, дипломатом, покровителем и опорой папства. Её правление внесло большой вклад в формирование новой Франции (Франкии) в процессе отхода от римской имперской модели на рубеже VI-VII вв. Созданный А. Берне портрет франкской королевы интересно сопоставить с её образом в монографии «Королева Брунгильда» (2008 г.) Брюно Дюмезиля, современного французского историка, известного специалиста по раннему средневековью [14]. Исследование Б. Дюмезиля – первая научная монография, посвященная Брунгильде. Автор, опираясь на источники, историографию и современные методы исследования создает новый, более объемный образ своей героини. Интересно, что читатели, знакомые с этими двумя книгами о Брунгильде – научной монографии Б. Дюмезиля и историко-популярной биографии А. Берне – считают их лучшими исследованиями по данной теме.

Книга о Брунгильде А. Берне не случайно была издана в 2014 г., когда отмечалось 1600-летие со смерти королевы. Эта дата не могла не привлечь внимание к Брунгильде, а также к другим персонажам

эпохи Меровингов. В этом же году появляется новый роман о Фредегонде Лауры-Шарлотты Феффер [15]. Автор по образованию юрист и историк средневекового искусства, медиевист, сотрудник Центра исследований раннего средневековья в Парижском университете X-Нантер, секретарь Французской археологической ассоциации по исследованию эпохи Меровингов, главный хранитель её наследия. Л.-Ш. Феффер неоднократно руководила музеями и выставками, посвященными поздней античности и раннему средневековью. Сейчас она работает в Министерстве культуры и коммуникаций. Действие её романа происходит спустя два десятилетия после смерти Фредегонды и вскоре после казни Брунгильды. О событиях, связанных с борьбой двух королей, вспоминают два человека. Л.-Ш. Феффер пишет свой роман в русле «истории женщин». Она акцентирует внимание на том, что многие раннесредневековые авторы, как и историки XIX в. создавали негативные образы женщин во власти. Автор отходит от таких негативных трактовок и создает портрет Фредегонды через её различные социальные и гендерные роли – любовницы, жены, матери, королевы, регентши. Главной заслугой Фредегонды, как следует из романа, является то, что героиня смогла не только сохранить свою власть в неблагоприятных условиях, но и передать её своему сыну. В художественном произведении автор, опираясь на своё историческое образование и профессиональные навыки, создает достаточно сложную, но не противоречащую современным историческим исследованиям картину уходящего римского мира под воздействием германского. Несмотря на жанр исторического романа, данная книга основана на исторических фактах, что позволяет сделать историческое знание об эпохе более доступным широкому кругу читателей.

Еще один роман, посвященный событиям, связанным с Фредегондой и Брунгильдой, был написан в жанре исторического детектива в 2019 г. Автор романа «Дважды ты умрешь» [17] – французский писатель Эрик Фуассье, доктор права и фармацевтики, профессор университета и член Национальной фармацевтической академии. Критики сравнивают книгу Э. Фуассье с знаменитым романом «Имя розы» Умберто Эко. Роман «Дважды ты умрешь» по замыслу автора представляет первую часть трилогии о Фредегонде и Брунгильде, двух самых известных королевах эпохи Меровингов. Читатели романа отмечают эрудицию автора и интересный стиль. Правда автор не столько рассказывает о жизни Брунгильды и Фредегонды, сколько использует известный исторический сюжет, чтобы создать собственную историю с вымышленными персонажами. Однако эти придуманные герои распутывают реальные ис-

торические загадки. Они связаны с разгадкой убийства сестры Брунгильды – Галсвинты, браком Брунгильды с пасынком Фредегонды Меровеем. Ответы на эти вопросы специалисты не всегда могут дать ввиду отсутствия достаточной информации в источниках. Но автор художественного произведения более свободен в своих выводах и суждениях. Обращает на себя внимание, что главный герой романа «Дважды ты умрешь» не франк, а галло-римлянин по происхождению. Именно галлов историческая память современных французов считает своими предками (вспомним популярность во Франции галлов Астерикса и Обеликса). Также стоит отметить, что автор приводит в книге небольшой список трудов современных историков, в их числе работы Б. Дюмезиля. В целом книга Э. Фуассье оценивается как хороший исторический роман, который показывает сложность эпохи, переплетение различных культур и обществ. Автор заставляет задуматься над тем, что мы понимаем под «варварскими вторжениями». В 2021 г. вышел второй роман трилогии «Ярость Фредегонды» [16].

Наконец, стоит упомянуть роман Кристин Мачуро «Брунгильда. Первая королева Франции» [23], изданный в 2021 г. К. Мачуро увлечена историей средневековья, изучением исторических документов и археологических данных. Критики отмечают ее внимание к деталям, атмосфере описываемой эпохи и человеческой психологии. Роман о Брунгильде – своеобразный портрет династии Меровингов, гибнущей в преддверии рождения нового (средневекового) мира.

Таким образом, можно видеть, что не самая известная историческая эпоха Меровингов благодаря ярким королевам Брунгильде и Фредегонде стала популярным сюжетом в современной французской исторической беллетристике. Романы об этих королевах написаны в различных жанрах – романах, биографиях, детективах и комиксах. При этом каждый автор, как бы глубоко ни уходил в прошлое, пишет, прежде всего, о современности, обращая внимание на проблемы и вопросы своего времени, истоки которых он видит в далёком прошлом. Интересно, что многие из указанных авторов имеют историческое образование или по-настоящему увлечены историей. Этим объясняется их уважительное отношение к историческому прошлому, факты которого они стараются не искажать, несмотря на то что автор художественного произведения не ставит своей целью историческое просвещение и создание объективной картины прошлого.

Среди причин популярности Брунгильды и Фредегонды в качестве героинь современных романов, необходимо также отметить важность современной гендерной повестки, влияние фе-

минизма, интерес к малоизученным событиям прошлого, появление новых интересно и увлекательно написанных исторических исследований, основанных на недавних археологических находках и современных междисциплинарных методах исторических источников. Благодаря последним научным достижениям и современной исторической беллетристике мы открываем людей и события прошлого по-новому, более многопланово, чем во времена Огюстена Тьерри.

Библиография

1. Биография Ж.-Л. Фетжена. – URL: <https://www.babelio.com/auteur/Jean-Louis-Fetjaine/6461> (дата обращения: 17.03.2022).
2. Интервью с Ж.-Л. Фетженом. URL: <http://www.fantasy.fr/interviews/view/168> (дата обращения: 17.03.2022).
3. История Франции в раннее Средневековье / Э. Лависс [и др.]; под редакцией И.М. Гревса; переводчик О.А. Добиаш-Рожественская. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 634 с.
4. Сашина Е., Лыско Н.М. Дрюон и Т. Готье: игра в историю // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 86-91. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-dryuon-i-t-gotie-igra-v-istoriyu> (дата обращения: 17.03.2022).
5. Тьерри О. Рассказы из времен Меровингов / пер. с фр. Н.А. Трескина; под ред. И.И. Фролова. СПб: Иванов и Лещинский, 1994. 334 с.
6. Фетжен Ж.-Л. Вуали Фредегонды / Пер. Т. Источникова. Рипол классик, 2009. 368 с.
7. Фетжен Ж.-Л. Слезы Брунгильды / Пер. Т. Источникова. Рипол классик, 2009. 352 с.
8. Bernet Anne (Информация об А. Берне). – URL: <https://www.babelio.com/auteur/Anne-Bernet/28448> (дата обращения: 17.03.2022).
9. Bernet A. Brunehaut, épouse de Sigebert I / Histoire des reines de France. Paris: Pygmalion, 2014. 477 p.
10. Bernet A. Frédégonde, épouse de Chilpéric I / Histoire des reines de France. Paris: Pygmalion, 2012. 367 p.
11. Farnoux C. Les Mérovingiens. Ravissante Frédégonde. Reine de fer. Paris, Amalthee, 2013. 112 p.
12. Fetjaine J.-L. Les voiles de Fredegonde. 2007. 343 p.
13. Fetjaine J.-L. Les Larmes de Brunehilde Broché. 2007
14. Dumézil B. La reine Brunehaut. Paris, Fayard, 2008, 559 p. На русс. яз.: Дюмезиль Б. Королева Брунгильда. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 560 с.
15. Feffer L.-C. Frédégonde reine. Arles, 2014. 720 p.
16. Fouassier E. La Fureur de Frédégonde (Les Francs Royaumes, #2). 2021. 504 p.
17. Fouassier E. Par deux fois tu mourras (Les Francs Royaumes, #1). 2019. 485 p.
18. Histoire-des-reines-de-france (информация о серии книг Histoire-des-reines-de-france)/ – URL: <https://www.mollat.com/Recherche/Collection/o-29890/histoire-des-reines-de-france#> (дата обращения: 17.03.2022).
19. Histoire générale du IVe siècle à nos jours, V. 1 // Ed. Ernest Lavisse, Alfred Rambaud. Paris, 1893. 816 p.
20. Johannes F. Commissaire, le plus vieux métier de France. Le syndicat majoritaire fête la création de la profession, en 596, par la reine Brunehilde // Liberation. 1 mars 1996. – URL: https://www.liberation.fr/france-archiv/1996/03/01/commissaire-le-plus-vieux-metier-de-france-le-syndicat-majoritaire-fete-la-creation-de-la-professi-on_167110/ (дата обращения: 17.03.2022).

21. Katuszewski J., Théron A. La Trahison de Frédégonde. Paris: Grasset, 1987. 261 p.
22. Lantéri R.-X. Brunehilde. La première reine de France. Paris: Perrin, 1995. 419 p.
23. Machureau C. Brunehilda première reine de France: La Gloire et le Sang. Histoire générale du IVe siècle à nos jours, V. 1 // Ed. Ernest Lavissee, Alfred Rambaud. Paris, 1893. 816 p.
24. Serandour M. La première reine de France // L'Express. 16.11.1995. – URL: https://www.lexpress.fr/informations/la-premiere-reine-de-france_610825.html (дата обращения: 17.03.2022).
25. Thierry Augustin. Récits des temps mérovingiens. Paris, 1842. 911 p. – URL: <https://books.google.fr/books?id=h2UOAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=fr#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 17.03.2022).
26. Valleix C. Frédégonde, la reine barbare (Roman historique). Gardners Books, 2012. 248 p.

***Бикеева Наталья Юрьевна**, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; binata@rambler.ru*

Images of the frankish queens Brunhilda and Fredegund in modern french historical fiction

The article deals with the features of the representation of the images of the Merovingian queens of the second half of the 6th century in modern French historical fiction. It reveals the reasons for the interest to Brunnhilda and Fredegund and the events associated with them. The conclusion is made about the influence of the current political and social situation in France on the popularity of appealing to the images of women of the past.

Keywords: Franks, Merovingians, Brunhilda, Fredegund, early Middle Ages, historical Fiction

***Bikeyeva Natalya Yurevna**, Candidate of History, Associate Professor, Kazan federal university, Kazan, Russia; binata@rambler.ru*

СОДЕРЖАНИЕ

Мягков Г.П., Репина Л.П. Вместо предисловия	3
---	---

Раздел 1. In memoriam

Шофман А.С. Проблемы смены поколений в отечественном антиковедении XX века	5
Жигунин В.Д. Шофман Аркадий Семенович (1913–1993)	9
Чиглинецв Е.А. Антиковедение в Казанском университете: традиции и перспективы	13
Чиглинецв Е.А. А.С. Шофман и история кафедры: векторы научного поиска	22
Биобиблиографический указатель работ , посвященных научному семинару «Античный понедельник», жизни и творчеству его руководителей и участников (<i>составители Мягков Г.П., Кащеев В.И., Сыченкова Л.А.</i>)	26

Раздел 2. Личность историка: ответы на вызовы времени

Чеканцева З.А. Вызовы XXI века, историки и будущее истории	37
Крих С.Б. А.В. Свешников: путь историографа	43
Таньшина Н.П. Больше, чем Учитель. Памяти Ирины Аркадьевны Никитиной и Роберта Григорьевича Ланды	47
Зипунникова Н.Н. Учителя в историко-правовой науке: посвящение памяти профессора Тимура Петровича Евсеенко (1957–2020)	53
Герш К.В. По ту сторону воспоминаний о Другом	60
Шарова А.В. Итальянский ирредентизм в записках А.Н. Савина ...	66
Чикалова И.Р. Под сенью μοῖρα θεῶν: Рахиль Абрамовна Никольская (1904–2004) и книга ее воспоминаний	74
Кцова С.Г. Всеобщность как критерий исторической истины в "Десяти лекций по методологии истории" Н.А. Ерофеева (1907–1997)	79
Пиков Г.Г. Анатолий Гаврилович Малявкин – востоковед-«харбинец»	86
Шепелева В.Б. К.Н. Тарновский (1921–1987) – методолог, теоретик, историк советской исторической науки	93
Мельников С.Л. Память об историке: научная и педагогическая деятельность профессора УдГУ М.М. Мартыновой (к 100-летию со дня рождения)	101

Раздел 3. Исследовательская культура российских историков: опыт и уроки

Леонтьева О.Б. Диссертации по отечественной истории как зеркало историографической революции	107
Иванова Т.Н. Научный некролог как вид исторической литературы и его место в современной историографии	112
Казаков Р.Б. Античность и Средневековье в системе «феодалного правления» М.Н. Муравьева (1757–1807)	118
Матвеев И.С. А.П. Зернин как предтеча «русской исторической школы»	122
Бычков С.П. Д.Н. Беликов как первый доктор церковной истории Западной Сибири. Штрихи научной и общественной биографии	127
Попова А.А. «Союз» с древсаами»: критика зарубежной библеистики в советской историографии	134
Михальченко С.И. Религиозные мотивы в историко-публицистическом наследии Е.В. Спекторского	139
Золотарев В.П., Кутузова А.А. Концилиационный метод в исследовательской практике «русской исторической школы»	145
Шимукович С.Ф. Научные интересы профессор-историков, уроженцев Западного края в XIX – начале XX века	151
Румянцева М.Ф. Интерпретация vs критика исторического источника в пропедевтиках рубежа XIX – XX вв. как маркер перехода от классической к неклассической модели науки	159
Алеврас Н.Н. А.И. Андреев как ученый: особенности источниковедческой модели исследования истории Сибири в докторской диссертации	165
Сальникова А.А. История советского детства в современной российской историографии: результаты и перспективы исследований	170

Раздел 4. Меж-и внутр поколенческие коммуникации в свете генерализационного подхода к изучению исторической науки

Валеев Р.М., Валеева Р.З. Ориенталистика в Казанском университете: институционализация и историко-культурное наследие ученых (1769 – 1920-е гг.)	176
Никитин А.А., Сыченкова Л.А. Византист Д.Ф. Беляев: ближний круг коллег и родных	182
Хамматов Ш.С. Образ идеального Учителя в воспоминаниях о казанских историках 2-й половины XIX века	190
Пфаненштиль Н.Г. Рукописные пометки в российских школьных учебниках XIX века как коммуникативные практики	199
Кутузова А.А., Русанова В.С. Образы учителей в памяти учеников (на примере воспоминаний Я.М. Захера и П.А. Сорокина о М.М. Ковалевском и Н.И. Карееве)	206

Корзун В.П., Волошина В.Ю. Преемственность vs борьба за место под солнцем: поколенческий ракурс научного сообщества эмигрантских историков в Праге (1920–1930-е гг.)	212
Кузнецов А.А. С.И. Архангельский о своих учителях в автобиографических документах	219
Руденко К.А. Проблема смены поколений в казанской археологии 1960-х гг.	226
Леонова Т.А. Научный диалог в письмах историков доинформационной эпохи	232
Мартынов Д.Е. Джозеф Левенсон – историк: презентизм и самоидентификация	238
Тоштендаль-Салычева Т.А. Братья Вейбулли и их ученики в шведской исторической науке XX века	243
Ерохин В.Н. Изучение истории Реформации в Англии в современной британской историографии	255

Раздел 5. Проблемы исторического образования: судьбы традиций и перспективы новаций в цифровую эпоху

Недашковская Н.И., Сиразетдинова Т.И., Фахриева Н.М. Дореволюционное музыкально-методическое наследие и образовательные практики в контексте интеллектуальной истории образования в России	261
Метель О.В. Омский государственный педагогический институт им. А.М. Горького в 1930–1950-е гг.: некоторые проблемы институционального строительства	265
Гронский А.Д. Медиевализм по-белорусски: представление о средневековье в белорусском учебнике истории	272
Грошева И.А., Грошев И.Л. Образы прошлого в исторической памяти молодежи	278
Зернов Д.В., Николаи Ф.В. Лекции, родители и Википедия: представления о прошлом студентов исторических и неисторических специальностей	284
Сивкина Н.Ю. Преподавание дисциплин по античной истории для поколения Z	291
Грошева Л.И. Конструирование новой исторической действительности в средствах массовой информации	297
Мельникова О.М. Университетская кафедра истории в цифровую эпоху (субъективные размышления заведующего кафедрой)	303

Раздел 6. Историография античности и средневековья

Дементьева В.В. Истоки антиковедения в Ярославле (первая треть XIX в.)	309
Жуковская Т.Н., Стуколов Ф.И. Профессор-классик Христиан Фридрих Грефе и его школа в Санкт-Петербургском университете: по мемуарным и архивным источникам	315

Гончаров В.А. Антиковедение в Воронеже: основные этапы истории	321
Ротермель Л.Р. Йохен Бляйкен как историк античности	326
Гицевич Е.С. Заграничные командировки антиковедов: специфика, содержание и модели построения маршрутов в конце XIX – начала XX вв.	333
Пустовойт И.С. Представления С.С. Уварова о месте классической древности в университетском образовании: проекты 1810-х гг. и их реализация	340
Черкасов А.И. Самнитские войны в дореволюционной российской историографии	346
Левченко В.В. Несломленность духа: жизнь и смерть одесского ученого-антиковеда И.И. Дусинского	355
Каранаев М.Н. Государство Хасмонеев в дореволюционных работах Н.М. Никольского	360
Бикеева Н.Ю. Образы франкских королей Брунгильды и Фредегонды в современной французской исторической беллетристике	369

*Электронное научное издание
сетевого распространения*

Могущество памяти
всемирная история и ее исследователи
Сборник статей и сообщений

Оригинал-макет *Г.П. Мягкова*

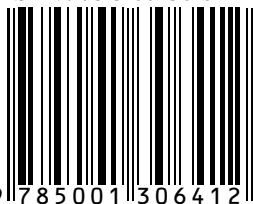
Дизайн обложки *Р.М. Абдрахмановой*

Подписано к использованию 26.10.2022
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 22,3
Заказ 162/9

Издательство Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
Тел. 206-52-14 (доп. 1705), 206-52-14 (доп. 1704)

ISBN 978-5-00130-641-2

9 785001 306412 >